
Как была крещена
Русь
Политиздат

Как была крещена Русь

Как была крещена

Георгий Прошин

Б. В. Раушенбах

Андрей Поппэ

Йоахим Херрман

Г. Г. Литаврин

З. В. Удальцова

Б. А. Рыбаков

Ю. В. Крянев Т. П. Павлова

Издание второе

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 86.372
К16

Как была крещена Русь.—2-е изд.— М.: Политиздат,
К16 1989.— 320 с.: ил.
ISBN 5—250—00973—5

Читателю предлагается яркий, увлекательный рассказ о трудном и во многом еще загадочном периоде, когда христианство стало официальной религией Русского государства. На широком фоне эпохи очерчены выдающиеся деятели Киевской Руси: князья Святослав, Ольга, Владимир, воеводы Добрыня, Свенельд и др. Читатель может также обратиться непосредственно к первоисточнику — «Повести временных лет», фрагмент которой включен в сборник. Здесь же помещены специальные работы ученых СССР, ГДР, ПНР. Эти исследования помогут, хотя бы в общих чертах, увидеть международные связи Древней Руси.

К $\frac{0401000000—126}{079(02)—89}$ Заказ Союзкниги **ББК 86.372 + 63.3(2)41**

Заведующий редакцией О. А. Белов
Редактор Л. И. Волкова
Младший редактор М. В. Архипенко
Художник А. А. Пчелкин
Художественный редактор В. И. Шедько
Технический редактор Т. А. Новикова

ИБ № 8404

Сдано в набор 30.11.88. Подписано в печать 04.04.89. Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,60. Усл. кр.-отт. 19,30. Уч.-изд. л. 21,92. Тираж 200 000 экз. Заказ № 4300. Цена 2 р. 50 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—250—00973—5

К читателю

Древняя Русь... Эти два простых слова вызывают в памяти белокаменные соборы, тяжелые, мерцающие темным золотом доски икон, суровые и просветленные лики фресок на стенах храмов, киноварные инициалы старого пергамена церковных книг. Тысячелетний фольклор сохранил нам былинные сказы о подвигах Ильи Муромца, Микулы Селяниновича, о многих богатырях, легендарных и реальных защитниках земли Русской.

Леса, пашни, бескрайние протяженности равнины, где простор мерили не метрами и верстами, а днями и неделями, проведенными в пути. Еще нечастые поселения пахарей-смердов, небольшие рубленые города. Все бытие и самая жизнь — от колосящейся нивы, щедрых рек, изобилия дремучих лесов-раменей... Случалось, и коней не запрягали в соху или деревянную борону. Коней седлали, шли воинством, щитами прикрывали Русь от звонких, изящно оперенных стрел, разом ударяли на хазар ли, печенегов ли, половцев. Бывало, скрывались в леса от лихого набега степных конников.

Князья ставили города, хаживали на соседей: мечом покоряли новые земли, тиуны вершили суд, дружина собирала дани. Русь исподволь расширялась, укреплялась и устраивалась. Так, или почти так, большинству из нас, тем, кто специально не занимается историей средних веков или искусством, литературой той эпохи, представляется Киевская Русь. Прошлое — как бы идиллия, картины простой и понятной жизни, родниково чистых рек и густых дубрав, а если рисуется оно и не такой мирной картинкой, то, во всяком случае, как нечто, основанное на твердых устоях крестьянского — хрестьянского — христианского мира, на четком круге вечных представлений о Вселенной, Человеке, Боге, Добре и Зле.

Специалисты знают о прошлом намного больше и знают иначе. Жизнь и в Древней Руси была трудной и жесткой, часто жестокой и немилостивой. Она была столь же коротка, как и наша, и казалась нашим предкам столь же стремительно переменчивой и быстротекущей. Конечно, это были не молниеносные виражи нашего века, но и тогда, на памяти поколения-другого, жизнь менялась до, казалось бы, неузнаваемости. Не было простого и неспешного бытия-существования, не было навечно незыблемого, а порою и древним славянам, нашим праотцам, казалось, что вообще нет в мире ничего устойчивого и близится, близится Страшный Суд Божий.

Было так, было, не одна вода текла в руслах светлых рек, вскипали в ней кровавые струи, черными озерами разливалась

кровь в полях, на которых давно уже стоят или еще встанут памятники героям и жертвам...

Мы непростительно мало знаем о Руси IX—X веков, почти так же мало о веках XI и XII, важнейшем периоде, в который складывалось и в котором сложилось древнерусское государство, эпохе переломной, много определившей в его дальнейшей судьбе, судьбах его народов. Христианство победно шествует по Европе. В X веке и Русь принимает новую религию, которая на долгие века станет мировоззрением общества, охватит все сферы его жизни.

988 год — год крещения киевлян Владимиром I Святославичем — считается датой крещения Руси. В таком понимании точная дата, как всякая подобная дата, конечно же условна: она лишь открывает длительный и всеобъемлющий процесс христианизации. Тысячелетие этого события торжественно отмечается не только церковными кругами и не только в нашей стране: по решению ЮНЕСКО тысячелетие крещения Руси отмечено в 1988 году как юбилейная дата мировой культуры.

С введением христианства укрепляются международные связи Киевской Руси, она равноправным партнером входит в число государств христианской Европы, начинает широко черпать из общего для всей Европы источника культуры: византийского христианизированного наследия Древней Эллады и цивилизаций Востока. На Русь приходит общеславянская кириллическая письменность — из летописного зерна Византии в круге книжников киевской митрополии вырастает могучее многовековое древо русского летописания. Здесь истоки русской литературы, профессиональной архитектуры, живописи, музыкального искусства. Воспринятое, «трансплантированное», сливалось христианство с народной культурой славянства, его традициями, мифологией, исторической памятью, создавая ту почву, на которой взойдут первые ростки не только русской, но, в той же мере и степени, украинской, белорусской культур.

В исторической перспективе мы видим, и нам следует это видеть, что христианская нива давала не только зерно. Она, если прибегнуть к евангельским образам, выращивала и плевелы: человек должен был осознавать себя греховным и ничтожным, обреченным на «коловращение», в котором земные заботы признавались тщетными в своем существе. Церковь, слитая с государством, авторитетом Евангелия однозначно оправдывала социальное неравенство, порядки феодального общества. Так и в наши дни религиозное миропонимание ставит осуществление высших идеалов и надежд человечества в зависимость от воли сверхъестественных сил, Провидения, а высшие истины ставит вне сферы человеческого разума. И вместе с тем и несмотря на это, христиане — реальная и большая сила современного мира, своим, евангель-

ским путем идущая по пути социального прогресса, выступающая ныне против войн, против расовых и национальных предрассудков.

В последние годы появились монографические исследования, многочисленные статьи, тематические сборники, посвященные разработке различных аспектов истории крещения Руси, оценке значения принятия православия, роли русской церкви. Эти работы, как и следовало ожидать, далеко не равноценны, конкретные оценки христианизации Руси в них неоднозначны, а иногда и противоречивы. Наряду с глубокими научными исследованиями появились и такие, в которых сказывается традиционный схематизм в понимании прошлого и вульгаризаторский подход к нему, упрощенно толкующий роль религии и церкви в обществе. Иногда это профессиональная некомпетентность, чаще то, что еще в 30-е годы насмешливо и точно окрестили «попоедством». Выдавая себя за научный атеизм, оно нанесло серьезный вред изучению и пониманию прошлого, его памятникам, в конечном счете способствовало сохранению религиозности, деформировало атеистическое воспитание.

Следует сказать, эта в известной мере калейдоскопичность оценок и мнений в вопросе крещения Руси имеет и объективные причины. Член-корреспондент АН СССР Я. Н. Щапов в одной из своих работ перечислил ряд вопросов истории церкви в Древней Руси, на которые наука может дать пока только предположительные ответы. Неясно, когда именно возникла русская православная церковь, каким было ее первоначальное организационное устройство, в каких реальных отношениях она находилась с язычеством, как строились ее отношения с Константинопольским патриархатом, что унаследовала церковь от христианства, существовавшего на Руси до крещения киевлян? Нет определенного ответа и на вопросы о средствах существования церкви в начальный период ее истории, неясно, кто стоял во главе церкви, как назначали этого главу, какие, наконец, кроме культовых, функции выполняла русская церковь.

Сборник, предлагаемый читателю, не ставит цели ответить на вопросы, которые, вероятно, еще надолго останутся дискуссионными в науке. Его задача — расширить представление о событиях прошлого, о проблемах, связанных с крещением Руси, показать это важнейшее событие начальных веков истории Отечества на широком историческом фоне, ввести читателя в ту духовную и общественную среду, в которой проходил процесс христианизации, в его историко-культурный контекст.

Сборник состоит из двух частей. Его открывает большая работа Г. Г. Прошина, названная им «Второе крещение». Автор, не примыкая к сторонникам той или иной версии принятия христианства, отмечая существующие здесь точки зрения, более занят

показом того, как и почему пришла Русь к решительной смене мировоззренческих основ бытия, идейных ориентиров, определивших ее последующую историю.

Во второй части сборника помещено несколько работ советских ученых и ученых социалистических стран. Все они в разное время уже были опубликованы. Это исследования таких специалистов по русской истории, как академик Б. Рыбаков, ведущих наших византиеведов, членов-корреспондентов АН СССР Г. Г. Литаврина и З. В. Удальцовой. Неоднократно публиковался в советской исторической периодике польский русист А. Поппэ, хорошо известен советскому читателю исследователь средневековой Европы доктор И. Херрман (ГДР). Несколько особняком стоит в нашем сборнике популярная статья академика Б. А. Раушенбаха, видного специалиста в области механики, управления космическими системами, известного также и глубокими исследованиями древнерусского искусства.

Эти работы показательны для современного уровня научной разработки истории Древней Руси, научного понимания сложной проблематики, связанной с введением христианства. Эти работы, несомненно, интересны и для широкого читателя, они способны значительно обогатить его представления о начальных этапах истории Отечества.

Часть первая

Георгий Прошин

Второе крещение

«Поминающе святое крещенье»

«Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте» — так увидел Летописец то «крещение Руси», тысячелетие которого торжественно отмечает Русская православная церковь. День этот, по тексту «Повести временных лет», самому раннему дошедшему до нас летописному своду, можно восстановить достаточно полно. Киевляне начали собираться на Днепр еще на заре. Накануне глашатаи объехали город: объявили — на утро назначено крещение. Явиться должны были все — княжеские слуги громко и внятно передавали слова князя Владимира: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб,— да будет мне враг!» Владимир вроде бы не обязывал идти на Днепр, но мало кто в открытую рискнул бы принять княжий вызов... Так что Летописец записал точно: «И сошлось там людей без числа». Итак, массовое действо, государственный акт, первый церковно-государственный акт в Древней Руси. Священники, дьяконы, дружина князя готовились с вечера. Одни должны были поститься, чтобы поутру отслужить литургию, пока еще без особого стечения христиан, потом торжественно, крестным ходом с хоругвями и образами идти на Днепр. Другие отвечали за сбор народа. Княжеское войско, скорее всего отроки (младшая дружина), постарались согнать киевлян и раньше назначенного. Пусть лучше постоят, подождут — час не ровен, вдруг князю покажется, что приказ его исполнялся без усердия? Стало быть, распределили районы, пошли спозаранку будить киевлян-язычников, колотить дубьем в двери и заборы: «Вставайте: князь на реку велит!..»

Согнали на Подол, под гору. На горке, ее потом назовут Владимирской, не пройдет и девяти веков, встанет на высоком постаменте бронзовый Владимир с большим крестом. Но это потом, потом, а сейчас — толпы на низком берегу под кручей, цепочка охранения — мера необходимая; не то чтобы разбегутся, но так порядка больше. Прибывают все новые и новые язычники, согнали сколько могли. По реке тянет ладаном: идет служба, смуглые чужеземные попы в сияющих на солнце — ох и дорогих — ризах с пением

погружают в воду крест... Никто в толпе толком не понимает ни что с ним будут делать, ни что делать ему самому. Знают только, что загонят в воду. Наконец наверху показалась группа всадников: «Владимир, Владимир!..» Он, наверное, в парадном плаще, по-воински опоясан, при бедре — меч. Не то чтобы нужен был меч на крещении, наряд князя подчеркивает торжественность события. С коня не слез — сверху виднее. Может быть, даже не столько ему виднее, сколько виднее его самого — это важно. За князем, вплотную, небольшой отряд. Тоже на всякий случай. На этот день отбирали, вероятно, особо: только христиан. И, желательно, из варягов: не свои, в случае чего — проще будет. Дружина особого любопытства не проявляет — эти всякого навидались и только опытным глазом иногда окидывают толпу: может, надо кого конем потеснить, плетью огладить. Но пока порядок. Рядом с князем — могучий Добрыня, умница, военачальник, друг и к тому же родня — брат матери, дядя. На Добрыню во всем можно положиться как на каменную стену. Впрочем, каменной стены еще нет. Стену вокруг города сложат позднее, а пока, пока следует признать — ландшафт вовсе не отвечает ни торжественности момента, ни парадности дружины и духовенства на реке. Подол — еще не город. Бревенчатая крепость, рубленые терема, среди них даже один каменный, княжий; жилые дома, караульни, мастерские, конюшни, амбары-склады, казармы, рынки — все это наверху, на горе. С Подола виднеется даже верх старой Ильинской церкви — в Киеве издавна немало христиан. Здесь же, на низком берегу Днепра, несколько хибарок вразброс, щепье валяется, лыко. Наверно, что-то тесали, короба плели под всякий торг купеческий. Дегтем тянет, где-то ладью смолят, и ладаном — раздули кадила попы греческие. Словом, пора начинать.

Наверное, ходом церемонии распоряжался Добрыня. Дело ответственное, да и нужно ему войти в курс: по весне следующего года Добрыня княжьим посадником отправится крестить Новгород, свою вторую родину... Князь кивнул, и Добрыня поскакал вниз, к попам, распорядился.

Вот тут вернемся к «Повести временных лет». Все, о чем в ней рассказано, происходило в Киеве впервые. Никто не представлял себе, что и как нужно делать. Да и трудно понять, как массу самого разного народа можно было окрестить. Загнать в реку разом? Многие потонут. Загонять группами? А сколько нужно пробыть в воде? В какой это момент язычник станет христианином? Попы-то знают, но они где-то там поют, далеко и непонятно... Несомненно — сумятица. Летописец, конечно, о ней не пишет, но из-за строк текста проглядывает растерянность собравшихся. Кто залез по грудь, кто — по шею, младенцев держат на руках — не держать же их в воде, кто-то там и на месте не стоит, ходит. Нарушает таинство

или нет? Неясно. Крестят по греческому обряду в три погружения... Как это все сделалось? Приседали они там, что ли? с головой ли окунались? — понять невозможно. Ясно: происходило что-то путаное, какая-то не очень сообразная история вышла, что Летописец и отметил. Как мог сдержаннее: за строкой можно прочесть.

Нам еще не раз придется ощутить и то, что осталось за летописной строкой, и то, что Летописец дает увидеть нам между строк и даже, отложив древний свод в сторону, искать ответа в других источниках русских, византийских, арабских, обращаться к данным археологии, этнографии, наблюдениям литературоведов...

Наконец разрешили вылезать. Все в мокрой одежде. «Разошлись по домам»,— подытожил день Летописец. Но теперь-то князь знал, что в каждой киевской хижине — его «брат во Христе». И в каждой, самой бедной хижине тоже знали, что в палатах крепкого города тоже есть «брат во Христе» — великий князь. Вот только не знаем мы, в каком это было году. Тысячелетие 1988 года — дата условная. Историки всерьез и аргументированно спорят о ней уже более ста лет, но с полной уверенностью и сегодня никто не может сказать, произошло это в 988 или в 989 году, может быть, в 990-м, а может, и позже. Безусловного ответа нет. Летописца дата не заинтересовала. Далее мы увидим почему. Так или иначе, церковь тоже не настаивает особенно на 988 году и не утверждает, что «крещение Руси» произошло именно в этот год. В гимназиях, когда учебники контролировались церковью, учебник истории указывал две даты: 988 и 989 годы. Впрочем, не только это условно в крещении Руси [1]. Значит ли оно, что окрестили всех жителей Киева? Наверняка нет. Летопись знает, что были люди, которые продолжали веровать по-прежнему. Это они буквально в канун крещения бежали за уплывавшим Перуном, оплакивали низвергнутую святыню... Но и не в этом дело. Как отличить крещеного от некрещеного? По ритуалу должны были надеть нательный крест. Летопись об этом не сообщает, хотя момент важный. Мы не имеем права дописывать за Летописца его труд и домысливать его, сочиняя «факты». Но сделать вывод на основании дошедших до нас, часто разрозненных и противоречивых свидетельств, чтобы увидеть то, что осталось за строкою летописи, мы можем. Так вот, похоже, что в Киеве то ли вовсе не давали крестов новым христианам, то ли на всех не хватило. Чего-то там не предусмотрели. Когда же на следующее лето Добрыня отправился в Новгород, в частности чтобы окрестить новгородцев, то летопись (Иоакимовская) подмечает в очень сходной картине крещения на Волхове отличие. Разночтение в тексте. Отличие вроде бы и несущественное. Оно касалось именно нательных крестов. В Новгороде некоторые язычники, чтобы как-то переждать кампанию крещения, начатую с приездом Добрыни и епископа Иоакима, заявляли, что уже

крещены. Иоаким распорядился, чтобы носили кресты, хоть медные, хоть деревянные, хоть какие, а у кого креста на шее не будет, тому не верить и крестить, пусть повторно...

Любопытное должно было быть зрелище: пришлось носить кресты поверх рубах, что ли? И видимо, велик был накал страстей: где-нибудь в центре на вечевой площади, на торгу не покажешься без креста, а отойди в сторону, так по переулкам как раз за крест могли накостылять по шее...

Казалось бы, и все. Окрестили Киев, Новгород, далее — это общеизвестно — христианство распространяли сперва в городах, затем и по всей Руси, растянулось это на десятилетия. Может быть, только к середине XII века была окрещена основная масса ее населения...

Казалось бы, интерес этот к вопросу далекого прошлого может быть велик только в кругах церковных — для них и, конечно, для верующих тысячелетие (юбилейная дата не частая) — это действительно и важнейший исторический акт, и великий праздник.

Но дело не в церковном характере юбилея. История нашей Родины, история восточных славян на протяжении долгих веков оказалась накрепко связанной с православием, восточной ветвью христианства, и сейчас, когда мы вглядываемся в прошлое, мы повсюду видим в нем знаки деятельности православной церкви. Долгие века идеология православия была господствующей, а церковь православная была именно с этой условной даты — 988 год — церковью государственной до Октябрьской революции.

Срок немалый. И за этот срок в избытке накоплено церковных и околоцерковных и даже вовсе не церковных концепций, которые и государственность нашу, и культуру, формирование национального характера, нравственные ценности нашего общества связывают с деятельностью церкви. И начинают свой отсчет все с той же даты, с 988 года...

Прямо скажем, что в некоторых атеистических изданиях вопрос этот и ставится и решается не вполне корректно. Советскими историками до сих пор не создано монографического исследования по истории русского православия. Переиздание книги Н. М. Никольского «История русской церкви» [2], впервые вышедшей в свет в 1930 году, только подтверждает сказанное. Не говоря уже о том, что такая монография очень нужна именно в наши дни (в прошлом веке на эту тему издавались многотомные исследования), труд Н. М. Никольского некоторые вопросы излагает слишком упрощенно, кое-что просто вызывает возражения. Вступительная статья и комментарии Н. С. Гордиенко, подготовившего переиздание, не могут снять всех замечаний, которые возникают при чтении. Трудно согласиться с тем, что Н. М. Никольским «воссоздана исторически достоверная картина» христианизации древнерусского общества.

Верно ли его утверждение о «давлении греческих царей», которое «заставило Владимира принять христианство»? [3] Верно ли, что русская церковь «была колонией» Константинопольского патриархата? [4]

Конечно, исправить вольные или невольные ошибки отдельных изданий — дело нужное, хотя бы потому, что, претендуя на атеистическое осмысление, эти книги, по существу, наносят вред именно тому делу, которое должны пропагандировать, но есть задача, пожалуй, более важная. Мы хотим знать историю нашей Родины, подлинную, без восторгов, огульного любования стариной, возникающих в противовес нашему немыслимо стремительному и грозному веку, но и без нарочитого, столь же опасного нравственного очернения прошлого. Иногда получается, что народ, создавший, не раз отстоявший свое государство, народ, который в течение долгих веков пахал, рубил избы, строил города, рыл и плавил руду, создал прекрасные, сказочные храмы, великую литературу,— иногда, повторим, получается, что во всей огромности своего бытия народ наш то ли руководствовался в своих действиях и замыслах, в своем нравственном и духовном становлении «реакционной идеологией православия», то ли, наоборот, насквозь вольнодумный и передовой, жил и трудился вопреки ей, «мешавшей» и «сковывающей». И тогда спрашивается, коль скоро мы знаем, что в эпоху средневековья, по словам Ф. Энгельса, «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей» [5], каковы же были идейные и духовные опоры народа, тех самых масс?.. Вскормлены. Исключительно. Вот именно.

Это уже не вопрос, это проблема понимания и прошлого, и настоящего в срезе современного сосуществования двух идеологий — религиозной и научно-материалистической, и ответ здесь не может быть ни прост, ни однозначен. Дать его можно, только добросовестно и всесторонне исследуя прошлое, исследуя его *исторически*.

Автор пытается, опираясь на документы и другие научные источники прошлого, рассмотреть такое очень далекое от нас и такое очень близкое нам время, когда на Русь пришло — или было введено насильственно? или вторглось? — христианство; пытается выяснить, почему именно христианство, а не иная религия. Автор хочет рассказать об этом так, чтобы читатель мог самостоятельно судить о событиях прошлого, не навязывать ему ни свою, ни чью-нибудь еще «заведомо правильную» точку зрения. И вот, чтобы по-настоящему верно понять «крещение Руси», нам нужно проследить хотя бы главные нити связей этого события со многими другими фактами прошлого, увидеть его в исторической перспективе, и не в «актуальном», а в историческом положении. Тогда же, «поминающе (вспоминая) святое крещенье», как сказано в летописи, прежде всего обратимся к ней самой — к «Повести временных лет».

«Се повести временных лет»

Привычно представлять древнерусского книжника по известной скульптуре М. Антокольского «Нестор-летописец». Но будем точны. На Руси в XII веке на столе не писали. Писали так, как мы часто читаем — держа книгу на коленях. И очень редко брали для этого уже переплетенную, как у Антокольского, книгу. Книгу «обряжали» потом. А начинали с тетрадей, сложенных вчетверо (напомним, тетра — четыре по-гречески), а для книги очень большого формата — только вдвое прямоугольных листов — пергамена, хорошо выделанной и выскобленной в тонкий лист телячьей кожи — харатьи. Низенький столик стоял рядом: чернильница, перья, ножичек, который так и назвали: перочинный, им еще выскабливали с харатьи пергамена — не уберег господь — вкравшуюся ошибку или — бес толкнул под локоть — помарку... То, что будет написано, обдумано заранее, сверено с имеющимися текстами — они могут быть под рукою,— обсуждено и уточнено. Чистый лист разграфлен, и, склонясь над ним, Летописец еще и еще раз обдумывает фразу, выверяет на слух и наконец начинает. Неспешно, крупными буквами уставного письма, слитной строкой и не разделяя слов. Пергамен — материал вечный. Сотни лет спустя в наших древлехранилищах листы его светлы, гибки и прочны. Ярки цветные миниатюры, а коричневатые чернила не выцвели.

Читатель также неспешен. Книгу он возьмет, омыв руки, с почтением, растворит ее бережно и станет читать, вдумываясь в слово, стремясь понять мысль автора во всей ее полноте.

Так прочтем «Повесть» и мы.

«Се повести временных лет» — вот повести минувших лет, озаглавил свой исторический труд монах Киево-Печерского монастыря Нестор [6]. В этой главе мы очень кратко проследим текст «Повести», останавливаясь лишь на тех событиях, которые нужны для понимания «крещения Руси», смысла и значения этого события. Летописные факты и свидетельства скупы, часто разрозненны. Иногда нужные нам факты оказываются и во времени, и по теме очень далеко отстоящими от рассказа о самом крещении. Но весь этот материал важен в каждой детали, ибо отобран очень обдуманно, весьма скуп, и нужно тщательно вдумываться в любое слово летописи, сопоставлять, анализировать, буквально выжимать из минимума текста всю возможную информацию.

Рассказ начала «Повести» не датирован. Ни Нестор, ни те, кто трудился над летописями до него, не смогли привязать уже для них очень давние известия к каким-то датам, и повествователь в этой

части стремится лишь к передаче последовательности событий, датировка которых невозможна еще и потому, что многие события полулегендарны.

Так, по летописной записи, о христианстве на Днепре услышали впервые из уст ученика самого Христа, апостола Андрея.

Перед рассказом о проповеди Андрея на Руси Летописец подробно описывает речной путь «из Варяг в Греки и из Грек по Днепру». Описание это переходит в легенду о путешествии апостола на Русь. «А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским,— по берегам его учил, как говорят, святой Андрей брат Петра».

С Андреем церковная традиция связывает распространение христианства в Римской империи, на тех ее землях, которые при разделении империи составили ее восточную часть. Она называлась по-прежнему Римской империей, или империей ромеев (римлян), со столицей в Константинополе, древнем Византии, переименованном императором Константином в свою честь. Этого Константина церковь называет Великим, поскольку именно он провозгласил христианство государственной религией империи. На Руси Константинополь называли Царьградом, а гордые византийцы — чаще всего просто полисом — городом, поскольку остальные города ими в расчет как бы не принимались. Легенда об Андрее важна в идейном обосновании восточной ветви христианства. Западная (тоже Римская) империя связывает христианство на своих землях с именем другого ученика Христа — апостола Петра. Была создана и легенда о том, что Петр вручил ключи — символ власти на земле и на небе первому римскому папе. Отсюда религиозное обоснование претензий папства на мировое господство. Андрей же, по евангельской легенде,— родной брат Петра, кроме того, Андрей — апостол «первозванный», первый, кого Христос избрал себе в ученики. Так что обе христианские церкви идейно оперлись на легенды, которые позволяли им настаивать на своем первенстве в христианском мире. Для исторического религиозного сознания все это было весьма важным.

Истинная церковь — это утверждал, в частности, такой высокочтимый теолог, как Тертуллиан,— это та церковь, которая восходит прямо к Христу, то есть основана его апостолами. Это и есть «мать» христиан. Другие христианские церкви — «дочери», должны канонически ориентироваться на апостольскую церковь, то есть быть зависимыми. Так религия становилась политикой. Но мы отвлеклись. Нам еще придется вспомнить об Андрее Первозванном, а сейчас вернемся к пергаменным листам «Повести».

Летописец обращается к далекому уже и до него полулегендарному прошлому Киевской земли. Он, опираясь главным образом на древние предания родов, на то, что донесла до него память народа,

рассказывает о трех братьях: Кии, Щеке и Хориве и их сестре Лыбеди. И три рода трех братьев он поселяет на Днепре. «Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев». Здесь братья построили городок, который назвали Киев.

Щек и Хорив «сели» на ближние горы, которые «ныне» — это во времена Летописца — называют Щековицей и Хоривицей. И «был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве».

Далее Летописец рассказывает о расселении славян, о народах, подвластных Руси и платящих ей дань, о быте и обычаях языческих племен. Кругозор Летописца становится вселенски широким. Д. С. Лихачев пишет обо всей русской литературе домонгольского периода, что ее «стиль может быть определен как стиль монументального историзма», который характеризуется и тем, что автор «стремится рассматривать изображаемое как бы с больших расстояний — расстояний пространственных, временны́х (исторических), иерархических». Это как бы некое «панорамное зрение», когда и Русская земля, и другие земли и страны видны как бы с большой высоты, когда исчезают мелкие детали, а видится значительное, определяющее [7].

И так, как бы с птичьего полета, как говорили в старину, как с космического корабля, скажем мы, оглядывает Летописец современный ему мир: восток и запад. Он видит сирийцев, «живущих на краю света», одобряя их обычаи «не красть, не клеветать или убивать, и особенно не делать зло». Он же видит индийских браминов, которые «имеют великий страх божьей веры». Укоряет, не знаю, справедливо ли, британцев, где «несколько мужей с одной женою спят», и тут же сопоставляет британцев с совсем уже легендарными амазонками, которые вообще «не имеют мужей». Все это у Летописца служит тому, чтобы выделить полян, предков тех, что «доныне в Киеве». Поляне летописи хотя еще и язычники, но «имеют обычай отцов своих кроткий и тихий».

Еще больше подчеркивает автор «Повести» правильность жизни тех, кто принял крещение: «Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, во единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа...»

Затем следует рассказ о том, что север Руси был вынужден платить дань варягам, которые взимали ее «с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей», и что хазары (это Хазарский каганат в низовьях Волги) «брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и белке от дыма».

Далее следует рассказ о княжении в Киеве Аскольда и Дира, которых летопись называет варягами, что, вероятно, истине не соответствует, являясь одним из фрагментов вставной «варяжской легенды».

Летопись излагает поход Аскольда и Дира «на греков», осаду Царьграда их войском, под стенами которого оказалась наводящая на город ужас флотилия из двухсот челнов. В летописи это 866 год. Далее идет рассказ о захвате Киева варягами, притворившимися мирными купцами, убийстве Аскольда и Дира и начале княжения Олега. Того самого, которого и не читая летописи мы с детства знаем по пушкинской «Песни о вещем Олеге».

По преданию, пересказанному летописью, князь Олег умер, ужаленный змеей, выползшей из конского черепа. Народная память не любит варяжского конунга, обманом и насилием захватившего Киев. Вещему Олегу летописной легенды и пушкинских стихов противопоставлен славянский кудесник, жрец, волхв. Смерть настигла князя, не поверившего в мудрость волхва-провидца... Дружина Олега пришла на юг из Новгорода, где он правил,— «много воинов: варягов, чуди, славян, мери, веси, кривичей» — захватывают Смоленск, Любеч. «Всюду он принял власть и посадил своих мужей». Аскольда и Дира хоронили, вероятно, по христианскому обряду. Позднее некий Ольма поставит на могиле Аскольда церковь святого Николая. Отсюда в исторической науке утвердилась мысль, что Николай — христианское имя Аскольда, данное ему при крещении. Какое имя получил при крещении Дир, да и был ли он окрещен, неизвестно.

Так, по древним легендам, произошло объединение двух крупнейших центров восточного славянства — Киева и Новгорода и земель, на которые распространялась власть этих центров. Все это «Повесть» излагает между 866 и 882 годами.

Олег совершил успешный поход на Константинополь. В мирных договорах с греками 907 и 912 годов содержатся сведения, которые интересны нам для понимания процесса христианизации Руси. Знаменитый поход, когда с высоких стен Царьграда византийские воины увидели ладьи русов, приближавшихся к городу не по морю, а по суше. Летописная легенда рассказывает, что Олег поставил ладьи на колеса [8]. «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь» — с этого обещания греков начались мирные переговоры. Так сообщает нам «Повесть». Мы не знаем точно, прибил или не прибил Олег «свой щит на вратах Цареграда»; обычай отметить победу вещественным знаком, остававшимся в назидание побежденным, существовал. Мирный договор определил условия взаимной торговли, обеспечения прав торговых людей из Руси и Византии, морского права, порядка мореплавания и взаимной помощи в пути, берегового права, выкупа пленных и т. д. Для Руси условия договора были весьма выгодными.

Нам это важно потому, что выявляет значение только еще складывающегося Русского государства. В нашей же теме отметим существенную частность: в верности договору киевская дружина

клянется «своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота». Греки — целуют крест. «Их богом» — потому, что Летописец здесь использует в своем труде греческую хронику.

Текст договора очень определенно разделяет договаривающиеся стороны: греков-христиан и русских. Например, в статье о взаимных претензиях: «если украдет что русский у христианина или, с другой стороны, христианин у русского» — такие формулы в тексте постоянны. Русский в договоре — это не христианин. Христианин — грек. Но вот деталь: Олег — варяг, и дружина его — варяги, и договор (907 г.) этот в Царьграде подписывают (точнее, не подписывают — неграмотны, а клянутся на оружии) его дружинники. Летопись называет их: Карл, Фарлаф, Вельмуд, Рулав и Стемид. Судя по именам, все варяги, кроме, может быть, одного. Договор 912 года аналогичен; кроме этих же пяти еще десять человек: «от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его,— светлых и великих князей и его великих бояр». Имена — варяжские. В тексте же речь идет о русских, которые имеют в Константинополе имущество, о русских, которые находятся на службе «у христианского царя», то есть служат в Византии или вообще находятся «в греках». Мы узнаем, что было немало (иначе не попали бы в текст договора) русских, которые остаются в греческой земле, подолгу живут там, служат, наживают имущество. Имуществом, как гласит договор, распоряжаются по своей воле: например, завещают его в самой Греции. При отсутствии завещания наследство возвращается на Русь к младшим остающимся там родственникам. Подробная регламентация — свидетельство не только тесных и давних многообразных связей двух стран, но и связей повседневных, житейски-обыденных.

Послы Киева были приняты императором Львом. В описании приема Летописец, подчеркивая почести, оказанные посольству византийским двором, рассказывает, что император «приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти господни — венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру» (912 г.). Заметим, что императорский двор стремился поразить победителей прежде всего богатством церкви. Оно, конечно, сильно подействовало на варяжских послов. Но нам более важна вторая линия византийской пропаганды: подбор святынь, который был показан «руси» в «золотых палатах». Подбор очень точный в пропагандистском, так сказать, смысле. Именно — «уча их вере своей». Перечисленные летописью святыни, «наглядные пособия», иллюстрируют самые важные моменты христианской легенды. Варягам, учитывая особенности языческого сознания, «истинную веру» именно *показывают*. Все это — частности, но они — свидетельства

серьезной заинтересованности Византии в том, чтобы ставшая сильной и становящаяся опасной Русь приняла христианство, вошла в византийский круг влияния...

«Повесть» свидетельствует и о неудачном походе на Византию: в 941 году идет на империю Игорь. Войска его отбиты, ладьи пожжены таинственным и секретным «греческим огнем» — горючей смесью, которую не гасила вода. Константинополь взять не смогли, зато «русь» бесчинствовала по окрестностям. Здесь разгромили и сожгли все. Летописец, заимствуя факты из греческой хроники, излагает: «Кого захватили — одних распинали, в других же, расстанавливая их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли...» (941 г.)

Словом, бандиты, насильники, беспричинно зверствовавшие над мирными жителями. И эта бессмысленная жестокость вызывает недоумение. У нас нет причин не верить Летописцу, надо полагать, он имел основания для того, чтобы перенести в «Повесть» сведения греческих хроник. Нам нужно понять свидетельства древних документов. Напомним: мы не знаем ничего подобного на Руси. Убивали, случалось, жестоко (и это было в порядке вещей): в битвах, в усобицах, резали ножом столовым, как князя Глеба, пронзали копьями, как князя Бориса, или мечами, как Ярополка. Но вот особого издевательства над жертвами не водилось. Откуда же эта жестокость в войске, осадившем Царьград? И сами способы казней столь изощренные — они же ведь точная параллель казням христианских мучеников... Римляне распинали разбойников, а потом и первохристиан на крестах. Так был казнен известный нам апостол Андрей... римляне превращали людей в мишени — так расчетливо, чтобы мучить, но не убить, всаживали из лука стрелу за стрелой в святого Себастьяна, наконец, «гвоздь железный в макушку...» — едва ли не напоминание тернового венца Христа. Тот, правда, прибит не был. Венец из терновой колючки, по евангельскому преданию, надели на голову Христа римские солдаты-мучители.

Традиция хорошо сохранилась в делах святой инквизиции. Поборники Христа «для укрепления веры» заставляли свои жертвы испытывать муки, «которые понес за них Иисус...». Инквизитор не издевался, упаси бог! Пройдя такую пытку, жертва, изнемогшая телом, должна была искренне раскаяться, воскреснуть духом... Что думали завоеватели в царьградских предместьях, мы не знаем. Но, видно, не зря варяжским послам Олега показывали в храмах Царьграда и терновый венец, и гвозди распятия. Вряд ли, стороной наслышанные о Христе и мучениях святых, язычники издевались у Константинополя над мирными жителями. На этот раз в войске Игоря было уже немало христиан. Скорее всего это христиане-варяги и подвергали христиан-греков страданиям святых подвижников.

Впрочем, мы не настаиваем на сказанном. Только одно: Русь такого не знала. Никогда.

Потом был еще поход, но уже обошлось без военных действий. Византия согласилась на «дань», и был заключен новый мирный договор с греками. В составе большого полномочного посольства, представлявшего не только Игоря, но и Ольгу и племянников Игоря, боярство княжеств и крупное купечество Руси, вероятно уже в сложных отношениях вассалитета, встречаются имена славянские, «посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья, и от всех людей русской земли» (945 г.).

Ратификация договора в Киеве прошла в два приема: «сложили оружие свое и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его — сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем, в конце Пасынчей беседы, и хазар,— это была соборная церковь, так как много было христиан-варягов» (945 г.).

Текст заставляет задуматься. Церковь Ильи — соборная, значит, уже не единственная в Киеве. И христиане в приведенной цитате разделены Летописцем по этническому признаку: христиане-русы, христиане-хазары и христиане-варяги. Последних к тому же «много было». И присягают все в соборе. То ли взаимно не хотели принимать присягу не в «своей» церкви, варяги у хазар и наоборот, то ли «своя» церковь была мала размерами для всех участников церемонии, то ли важность государственного акта требовала именно собора. Гадать трудно, тем более что здесь греческий термин «соборность» — kaθόλikoη — мог быть употреблен в смысле церкви общей для всех христиан, а значит, и единственной публичной церкви Киева. Так, в частности, думал известный церковный историк митрополит Макарий.

Отметим и как Летописец выстраивает «Повесть», отбирает факты: именно строит повествование, как зодчий выкладывает храм ввысь. Постепенно, но неотвратимо растет влияние христианства, усиливается и христианская линия писателя-зодчего. Год от года и страница за страницей нарастает вес христианства в «Повести». Как в архитектуре напрягаются своды несущих конструкций, так и Летописец обостряет напряжение конфликта христианства и язычества, готовит читателя к тому, что под его пером предстанет неизбежным,— торжеству христианства на Руси.

Собственно, исторически так и происходило, христианство проникало на Русь постепенно, постепенно росло его значение и влияние, были в этом длительном и многостороннем процессе свои взлеты и спады, напряженные конфликты. Летописец ничего не сочиняет, он лишь строит из наличного материала фактов то христианское будущее, которое, с его позиций, есть провиденциальная судьба Руси. Для Летописца это чудесное проявление божественной воли,

но, собственно, таков обычно процесс становления любой новой идеологии — от первых ростков, встречаемых с интересом и опасением, любопытством и неприязнью, до того переломного момента, когда, суммируясь, вдруг и разом, в полном соответствии с законами диалектики, создается новое качество.

Игорь вскоре гибнет в Древлянской земле, где попытался собрать излишнюю дань. С этого момента (945 г.) киевским князем становится его сын Святослав. Пока номинально: Святослав еще мал и правит его мать, вдова Игоря, Ольга. Она жестоко мстит древлянам, сжигая Искоростень, столицу древлянского княжества.

И сразу же вокруг имени молодой вдовы сплетаются легенды. Сказы грозные и поэтические. В них княгиня облагает осажденную столицу древлян «небольшой данью». Попросила «от каждого двора по три голубя да по три воробья». Дружинники ее, привязав к птицам тлеющие труты, выпустили их. Те полетели в свои гнезда и так сожгли город. Невероятно? Разумеется.

А перед этим древлянских послов в Киеве с честью ведут в баню и, затворив накрепко в ней, сжигают живьем... Других послов будто бы внесли на княжий двор в ладье (такой был уговор, чтобы послы «повеличались»), а там сбросили с ладьею в яму и закопали живыми...

События невероятные, сказочные. Летописец как бы верит им, но пересказывает он народную легенду, одну из многого множества, что слагали в те времена. Это одна из многих, попавших из уст княжьих ли скоморохов-поэтов и актеров, с речитативного ли напева киевских, а может, древлянских сказителей прямо под перо печерского монаха.

Летописец отправляет княгиню в Царьград (955 г.). Из рассказа «Повести» об этом посольстве в Византию следует, что император Константин Багрянородный был очарован умом и красотой Ольги и дал ей понять, что хочет взять ее в жены. Ольга уклонилась от этого остроумно и кокетливо.

О других дипломатических переговорах летопись не говорит ничего. Немного проясняет и последующий рассказ. Здесь летопись о многом умалчивает. Мало добавляют и византийские источники. Истинный ход дел придется реконструировать из весьма малой и завуалированной информации.

Летопись выглядит простой записью разговоров полусерьезных, полушутливых, и только кое-где чувствуется, что та или другая фраза может приоткрыть что-то более важное, чем то, что сообщено в прямом тексте повествования о посольстве княгини. Мы еще вернемся к этой поездке.

Еще один сюжет 955 года относится к Святославу. Христианка Ольга настаивает на том, что Святослав должен принять крещение, а сын «и не думал прислушиваться к этому».

Далее рассказ о походах Святослава, о разгроме им Хазарского каганата и его владений по Волге и Северному Кавказу. Затем в 967 году Святослав отправился в большой поход на Дунай, а печенеги, дотоль относительно мирно кочевавшие в южных степях, осадили Киев. Это был первый набег «степи» на Русь, врагов, с которыми много придется воевать в будущем.

Город изнемогал, за помощью послали гонца к Святославу, а тем временем, воспользовавшись моментом замешательства у осаждавших, воевода Претич сумел ночью организовать десант под стены крепости на ладьях. Из Киева выручили Ольгу с тремя внуками — детьми Святослава. Послание киевлян к Святославу летопись приводит. В нем упрек: «Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?»

Князь появился у Киева со своей обычной стремительностью, «сокрушался о том, что случилось», тут же «прогнал печенегов в поле, и наступил мир» (968 г.).

Святослав не услышал упрека киевлян, не хотел задерживаться в своей «отчине», но мать, разболевшаяся, чувствуя близкую смерть, просила остаться: «Когда похоронишь меня,— отправляйся куда хочешь». Ольга умерла вскоре. Похоронил ее Святослав так, как она завещала, по-христиански. Княгиню отпели со священником и погребли; традиционной славянской тризны на ее похоронах не было.

А надо бы развести огромный костер, и в пламени этой древней кремации душа Ольги отлетела бы в верхний мир, где боги. Множество их, славянских, чудских, варяжских...

Трудно сказать, что думал суровый князь на чуждой ему церемонии христианских похорон. Традиционного религиозного утешения, надежды на встречу в ином, «лучшем мире» Святослав получить не мог. Для христианина его боги — бесы, и лучший небесный мир не для него. Впрочем, в утешении таком Святослав не нуждался и лучшим миром для него был не тот, а этот мир. Кто-нибудь, конечно, советовал ему: «Крестись, княже, и ты!..» И в этом Святослав тоже не нуждался. Плакал по Ольге «плачем великим сын ее», но крещения не принял. У Святослава были свои планы и свои представления о христианстве. Планы хорошо продуманные.

Князь был вынужден задержаться в Киеве. Ольга умерла рано, внуки ее — дети Святослава — были еще слишком малы, чтобы княжить, по крайней мере чтобы княжить самостоятельно. Вот они: Ярополк, Владимир, Олег. Из них один — будущий святой Владимир княжеского рода лишь по отцу. Летописец рассказывает, что был некий Малк, уроженец Любеча, а у Малка дети: Малуша и Добрыня. Они оказались при дворе Ольги. С чего начинал Добрыня, мы не знаем, а Малушу летопись застает княгининой ключницей. Она и родила Святославу Владимира.

Святослав разделил княжение: старшему, Ярополку,— Киев и, следовательно, после отца он — великий князь, Олегу, младшему,— второй по значению в Киевской Руси — Чернигов, Владимира же попросили себе у князя новгородцы.

Святослав спустя несколько лет гибнет в бою. Между его сыновьями развязалась кровавая борьба за киевское княжение. Гибнет Олег, Владимир, собрав все военные силы севера, идет из Новгорода на Киев, Ярополк вынужден сдаться. Владимир предательски заманивает его в Киев и приказывает убить: «И стал Владимир княжить в Киеве один». Среди первых дел князя было то, что называют «религиозной реформой». Вернемся к летописи: «И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносил им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась земля русская и холм тот». В оставшийся без князя Новгород Владимир отправил Добрыню. Своим посадником. «Придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу» (980 г.).

Минет несколько лет, и тот же Добрыня выйдет с дружиной на Волхов и велит сбросить в реку и своего кумира, и всех прочих, какие испокон века стояли в Новгороде. А пока он следит, чтобы новгородцы исправно приносили традиционные жертвы, жгли ритуальные костры в святилищах, хранили древние обряды предков.

Так же обстоят дела и в столице. В летописи яркий и динамичный рассказ о варягах-мучениках. Владимир возвращается в Киев после похода на север, на ятвагов. И, как обычно, приносит благодарственные жертвы богам за успешный поход. Вот тут-то «сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий».

Рассказ о жертвоприношении подробен. Решили — и пошли за жертвой. «И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам». «Старцы...» Так уж повелось, что старцам и боярам всегда хочется принести в жертву чью-то юность. И всегда — для блага общества. Варяг в смертельной опасности тверд: «Не боги это, а простое дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Не дам сына своего!..» Тогда кинулись фанатичной толпой, разнесли его двор.

Варяг с сыном своим стоял на сенях. Толпа требует: «Дай сына своего, да принесем его богам». Варяг готов ко всему: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули. И подсекли под ним сени, и так их убили».

Летописец опускает детали, но ведь ясно, что если подрубают столбы, на которых сени, то хозяева не просто стоят и ждут, когда столбы обрушатся. Они пытаются защищаться, может быть, отчаянно рубятся... Впрочем, вряд ли. Разъяренная толпа, все больше распаляющая себя ревом (в летописи: «и кликнули»), все же труслива. Размахивают дрекольем, наскакивают, но под меч или тяжелый боевой топор не лезут, страшно, берут числом... Летописцу эти подробности самоочевидны и не нужны. Он лишь заключает: «Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому...» (983 г.). Дьявол, может быть, но заметна слабость богословской защиты христианства варягом. То, что боги сделаны из дерева и что они не едят и не пьют, киевляне могли сказать и по поводу византийских икон. Теологический же спор о том, что бог не икона, а икона лишь образ, однако ей следует поклоняться, в свою очередь, мог бы вызвать град возражений, но спор, как это часто бывает, в делах веры решился мечом. Не редкость, Летописец мог бы добавить, что двор варягов раскатали по бревнышку, разгромили, разграбили... Мы с его же слов знаем, что здесь оказалось пустое место, которое использовали для строительства церкви. Ее — это уже вскоре — поставит князь Владимир.

Кстати, можно быть уверенным, что усадьбу не сожгли, хотя это как-то само напрашивается. Фанатики фанатиками, но поджечь дома в центре Киева — наверняка весь город спалишь, так что просто разнесли, разметали...

Наступил 986 год. В этот год пришли к Владимиру «болгары магометанской веры», стало быть — из Камской Болгарии, говоря: «Ты князь, мудр [...] уверуй в закон наш и поклонись Мухаммеду». Владимир начал расспрашивать, каков этот «закон». Так начинается легендарный «выбор веры». Болгары отвечают, что по их закону нужно конечно же веровать богу, «совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина». На этом религиозные ограничения кончаются и начинаются радости. Вроде бы мирские, но и загробные. «По смерти,— продолжают проповедники ислама,— можно творить блуд с женами. Даст Мухаммед каждому по семидесяти красивых жен...» и т. д. Затем Владимир принимает посланцев западной церкви. Их аргументы дословно те же, что Летописец вложил в уста варягов, отбивавшихся мечами: «Ваши боги — просто дерево...»

Князь задал единственный вопрос, все тот же: «В чем заповедь ваша». Ответ христиан-католиков был столь же краток: «Пост по силе». И тут же пояснили, что и пить и есть можно «во славу

божию». Несколько туманная заповедь. То ли пост есть, то ли нет. И ответ Владимира кажется тоже несколько странным: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Ответ резкий, прямо свидетельствует, во-первых, что Владимир разбирался в тонкостях культа, различиях между восточной и западной церковью, во-вторых, Владимир упоминает какое-то время, когда западное христианство было отклонено. «Отцы наши» — это множественное число показывает, что Владимир говорит не только от себя, а от всего государства, от всего народа. С другой стороны, «отцы наши» звучит несколько расплывчато. «Отцы» — это кто? Святослав? Игорь? Но «отцы» могут быть и дальше.

В отказе Владимира послам Запада странно другое: князь отрицает самую мягкую формулировку христианских постов: «по силе». То есть кто сколько сможет или захочет. Но какова альтернатива в христианстве — восточный аскетизм? Строгое постничество византийских подвижников? Это явно не для князя.

Вслед католикам пришли к Владимиру миссионерствовать хазарские евреи, с порога отвергнув христианство: как можно веровать в того, кого мы распяли?

Владимир и этих послов спрашивает: «Что у вас за закон?» Ему отвечают, что необходимо обрезание, отказ от свинины и зайчатины и празднование субботы. Владимир задал еще только один вопрос: «А где земля ваша?» Иудеи ответили, что она в Иерусалиме, Владимир вопрос повторил: «Точно ли она там?» Тут пришлось отвечать, что бог разгневался на иудеев и рассеял их по разным странам за грехи, «а земля наша отдана христианам...». Тогда Владимир, изменив лаконизму речи, прочел евреям нотацию, пояснив, что тем, кого за грехи покарал бог, нельзя учить других своей вере, «если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям». Заключил же Владимир беседу еще одним вопросом. Он прозвучал риторически, но достаточно серьезно: «Или и нам того же хотите?» Конечно, раввины из разгромленного незадолго перед тем Хазарского каганата предпочли бы эту участь Руси, но так вопрос не стоял. Странны реплики Владимира о вере. Он спрашивает не как глава государства, имеющего отношения с народами Востока, исповедующими ислам, с католической Европой, с тем же каганатом. Он спрашивает, как за полтораста лет до этого 18 мая 839 года, в далеком от Киева Ингельгейме расспрашивал славян Людовик I Благочестивый, король франков. Славяне были у него в составе византийского посольства митрополита Феодосия. Сыну Карла Великого, начинавшему насильственную христианизацию западных славян, были очень нужны сведения о «народе рос», о котором он имел весьма смутное понятие. Представления Владимира о народах, граничащих с Русью, религиозных верованиях этих народов смутными никоим образом быть не могли. Но это вряд ли

нужно утверждать: Летописец не скрывает, что Владимир проявил тут большую осведомленность. Оставим пока эти неясности текста, и, как советует Летописец, «обратимся на прежнее...».

Последним пришел к Владимиру греческий богослов. Он начинает похвалу греческой церкви с резкого отвержения мусульманского, иудейского и западного христианского учения. И, знакомое дело, поскольку по существу верований возразить нечего — ну чем в «сверхъестественном плане» отличается вера мусульман от веры католиков? — «истинная жизнь» одинаково переносится на небеса. Имена и данные, так сказать, представительские: «пророк бога» Мухаммед или «сын божий» Христос — дела не меняют.

Защитник «своей» веры всегда вынужден прибегать к аргументам, разжигающим или национальные чувства, или низкие страсти, стремится нравственно опорочить иноверца, словом, здесь проявляется одна из самых неприглядных сторон религиозного фанатизма. Так это обстоит в наши дни, так это было и тысячу лет назад. Богослов без обиняков заявил, что ислам «оскверняет небо и землю». Ритуальные омовения, непременные у мусульман, грек, византиец (летопись называет его философом), описал с такими омерзительными подробностями, а о женщинах-мусульманках отозвался так, что во всех переводах летописи это место традиционно опускают. Владимир сплюнул и сказал: «Нечисто это дело».

Труднее было греку с «римским законом». Здесь говорить гнусности было невозможно, формального раскола христианства на католическую и православную ветви еще не произошло, формально (но только формально) церковь едина, а римский папа, в глазах греков «заблуждающийся» канонически,— один из многих епископов, очень значимый, но и только...

Философ и признает: «Вера же их немного отличается от нашей». Однако богослужебные отличия вырастают в его трактовке в нечто чрезвычайное: «...служат на опресноках, то есть на облатках, о которых бог не заповедал, повелев служить на хлебе...» [9] Князь щедро одарил философа и отпустил его, не сказав ничего определенного. Затем Владимир созвал на совет «бояр своих и старцев градских» и рассказал обо всех посольствах. В его словах к собравшимся явно видно предпочтение проповеди греков: «Мудро говорят они». Князю резонно отвечали, что «своего никто не бранит, но хвалит», и предложили отправить по разным странам посольства, чтобы те на месте увидели каждую веру в ее, так сказать, практике, и потом уже решить, что делать.

Посольства были направлены и в Камскую Болгарию, и «к немцам», и в «Греческую землю». Во всех поездках участвовали одни и те же десять избранных на княжьем совете мужей. Отзывы, понятно, и о мусульманах, и о западном христианстве были отрицательными. Мусульмане — «нет в них веселия», и закон оттого «не добр».

Важная частность. Речь, вероятно, о той жесткой предопределенности бытия, которую проповедовал ислам. Такое миропонимание не оставляло места свободе воли человека, места «веселию». Ислам, таким образом, отвергается за отсутствие в нем оптимизма, гуманистического идеала. Католики — их охулить было труднее, и неожиданно и непонятно появилось соображение эстетическое — «красоты не видели никакой». Наконец: «Пришли мы в Греческую землю». В Царьграде, как очень подробно рассказали посланные, их встретили по самому высокому разряду. По приказу греческого царя специально приготовили к приему послов церковь, клир и хоры певчих. В храме русских поставили «на лучшем месте», богослужение провели торжественное, патриаршье. Отметим: о поездках вернувшиеся мужи отчитываются не только Владимиру, но и княжьей дружине, боярам. Идет совет большого собрания, собственно, всего военного и гражданского аппарата государственной власти.

И послы очень ярко рассказывают о приеме в Царьграде, о церковной службе в соборе Святой Софии, патриархе в золотых ризах. «И не знали — на небе мы или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом», словом, лучше, чем во всех других странах. Увидели, стало быть, и веселие, и красоту в греческой церкви.

Понятна позиция Летописца в его предпочтении греческой веры всем другим. Своеобразная «объективность» выбора (предварительные дискуссии, посольства, изучение «законов» других народов) только подчеркивает неизбежность принятия «греческой веры».

А ведь советы эти проводились, вероятно, у Владимира, в княжьем теремном дворце, и приглашенные шли мимо святилища. Идолы, кумиры, перуны эти — как не называй — все боги, перепачканные кровью, потемневшие от непогоды, опаленные пламенем жертвенных костров, они рядом. Языческий пантеон в Киеве буквально несколько лет назад нашел археологическое подтверждение. На нечетной стороне нынешней Владимирской улицы, той, что переходит в Боричев взвоз, по которому и тащили низвергнутого Перуна, обнаружено языческое капище. Археологи Я. Е. Боровский, П. П. Толочко и В. А. Харламов, раскрывшие под домом № 3 это сооружение, уверенно датируют его 980 годом, то есть временем проведения князем Владимиром «языческой реформы» [10]. Как раз напротив в каких-нибудь 30—40 шагах через современную улицу находились строения княжьих теремов. Тогда же — это теремной двор князя.

И пока княжий терем решает в своих ближних и насущных целях дальние вековые судьбы Руси — России, кто-то на дворе — в окошко видать — рубит голову жертвенному петуху, брызжет в огонь горячей кровью.

А может быть, и не так. Может быть, здесь, на княжьем дворе,

уже не очень-то позволят расположиться всякому желающему. Может быть, площадка, где стоят фигуры, тщательно выметена и раз-два в год жрецы и официальные представители власти совершают формальный обряд уже не живым богам своим, а именно «мертвому дереву», скучную дань отжившей традиции дедов. А тогдашний старовер-киевлянин, сохранивший все верования предков, режет своего петуха подальше от терема, где на пустырях и перекрестках стоят еще перуны, вырезанные дедами из вековых стволов...

Этого мы не знаем. Мы вправе представить себе ту или иную бытовую картину прошлого. Они будут правдивы, если мы заметим, что ни у собиравшихся на советы к Владимиру, ни у Летописца не возникает, казалось бы, такого естественного вопроса о *сохранении прежней веры*. Вопрос, будут или не будут прежние верования заменяться новыми, смысла уже не имеет. Размышляют только о том, что́ именно следует предпочесть вере дедов и прадедов.

И еще — совершенно очевидно, что для, так сказать, социологического исследования на местах командировали из Киева христиан. Не язычников вроде тех, что разгромили варяжский двор года за три до этого, а именно христиан. Кому еще могло прийти в голову такое каноническое уподобление церковной красоты небу? Кто еще мог утверждать, что в храме «пребывает бог»? Конечно, вывод посланных, сделанный в этом их отчете: «Не можем уже здесь пребывать в язычестве»,— не только христианский итог наблюдений в чужих краях, но постановление если не всех, то решающего большинства собравшихся на совет у Владимира. По летописи, все это — 987 год. Прошел еще год, и Владимир осадил Корсунь в Крыму. Город, принадлежавший Византии. Ни причин, ни поводов летопись не сообщает. Просто «стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города», и заявил, что если корсунцы не сдадутся, то он и три года здесь простоит. И тогда со стены осажденного города муж-корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Так и сделали. Город, оставшийся без воды, был вынужден сдаться.

Владимир посылает послов в Царьград к тем совместно правящим императорам — братьям Василию и Константину, которые недавно торжественно принимали его делегацию. Владимир требует выдать за него замуж сестру императоров. В противном случае он угрожает походом на Византию.

Из Царьграда следует контрпредложение — креститься, ибо «не пристало христианам выдавать жен за язычников».

Владимир соглашается, «и рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Владимир же отвечает: «Придете с сестрою вашею и тогда крестите меня».

Ни в Константинополе, ни в Киеве иллюзий на этот счет нет. Трезвая и обдуманная раскладка взаимных интересов. Вопросы, которые в церковной форме прорабатываются политиками и дипломатами обеих сторон. Анну принуждают ехать, и она со слезами — не на варварскую Скифию рассчитывала царевна — отправляется в Корсунь.

Так начинается Корсунская легенда, довольно противоречиво встроенный провизантийски настроенными авторами в текст летописи фрагмент о крещении Владимира в Херсонесе.

Если довериться тексту летописи, то получается, что посольства со взаимными требованиями и уступками обернулись не менее чем тремя поездками туда и обратно, считая и приезд невесты. Вероятно ли? Не говоря о том, что подготовка к отъезду Анны заняла, конечно, большое время: нужно подготовить ее двор — едет, и на всю жизнь, порфирородная византийка, подготовить немалый штат и своих представителей при дворе Владимира, и штат духовенства. Даже если не учитывать всего этого, предположив, что царственный свадебный поезд готовился заранее, исподволь, то все равно, такие переговоры и такие переезды — дело длительное. По прямой Крым — Босфор в те времена не плавали. Если и пересекали море какие-то отчаянные головы, то только в меридиональном направлении от Корчева (Керчи) или Херсонеса на Синоп, а дальше — вдоль берега. Плавание X века — каботажное — всегда в виду берегов. Путь это удлиняло сильно.

И византийский сложный церемониал ни в коем случае не допускал поспешности. Следовало всячески «коснеть» — медлить. Всякая поспешность — это позорное умаление величия империи, достоинства власти. Многое здесь непонятно в летописи. Владимир, готовясь принять религию из Византии, идет походом на византийский город? Почему он настойчиво требует в жены Анну? По тексту получается, что и крещение как-то не отходит ли на второй план перед требованием женитьбы? Не говорю уж, что Владимир Анны в глаза не видел и ни о какой романтической истории помина нет.

Почему, наконец, так настойчиво империя связывает этот брак с крещением русского князя?

Ни о чем этом летопись не сообщает. По ее рассказу, «царь-девица» прибыла в Корсунь, где подданные империи, тоже впервые увидевшие царевну, устроили ей торжественную встречу. Были, кстати, для нее отдельно и для Владимира отдельно построены каменные палаты. Тоже — когда успели? Владимира крестят. Делает это в церкви святого Василия епископ Корсуни. В летописи столь, казалось бы, важное событие отмечено буквально несколькими словами: «И повелел крестить себя. Епископ же с корсунскими и царицыными попами, огласив, крестил Владимира». Вставлено и чудо: перед крещением Владимир «разболелся глазами»,

даже ослеп. Владимир в купели прозрел — «внезапное исцеление», отмечает летопись... И здесь прозвучала реплика Владимира, выходящего из купели: «Теперь узнал я истинного Бога». Мы еще вернемся к этим его словам.

После сцены крещения в летописи буквально пять слов о тут же последовавшем бракосочетании и совершенно непонятный, по крайней мере странный, полемический пассаж Летописца. Вот он: «Не знающие истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут...» Получается, что ко времени составления «Повести» в Киеве толком не знали, где, а следовательно, и когда крестился великий князь? Мы попробуем разобраться в этом дальше. В летописи же нам названы по крайней мере четыре места: Корсунь с подробным рассказом о крещении и точным указанием его места: «стоит та церковь в Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг». За церковью, за алтарем, то есть к востоку от нее, палата царицы Анны, палата Владимира «с края» церкви, и все цело «и до наших дней», то есть до дней Летописца. Им же названы «ложные» места: Васильев, Киев и не обозначенное «по-иному скажут», которое может быть и четвертым местом или даже несколькими местами. Фактов в нашем распоряжении не так уж мало, целый и последовательный рассказ, но если хорошо видна идеологическая сторона этого повествования, то сами факты нуждаются в проверке. И ясно, что Летописец сказал гораздо меньше того, что знал и что мог сказать.

Итак, крещение состоялось. По утверждению «Повести» — в Корсуни. «После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы. Захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы, и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено * за царицу, а сам вернулся в Киев».

Последуем за князем и мы. В Киеве начинается нечто доселе невиданное. Конечно, возвращение князя с дружиной и войском в столицу для киевлян событие и привычное и радостное. Не раз были такие встречи, но это парадное вступление войск в город выглядело необычно. Во-первых, во главе дружины не князь на коне с ближними воеводами, мужами дружинными боярами, нет,— несут тот странный знак, который у христиан всегда там, где они молятся своему непонятному богу. Такой укреплен у них на самом верху большого дома, где они собираются, что-то поют и расходятся, не разводя костров, не совершив кровавой жертвы, которая одна только и угодна богам... Просто поют и слушают, а потом

* Вено — выкуп за невесту по брачным обычаям славян.

расходятся. Неужели князь решил стать как они? Неужели правду несли смутные слухи, которые давно ходят по Киеву, то затихая, то возникая с новыми подробностями? Или действительно забыл Владимир веру отцов?.. За крестом большой короб, дорогой, не нашей работы, убранный шитыми тканями. Христиане в толпе встречающих — их тут же можно узнать — приосанились. Сразу видно — их торжество это, и не народное, не киевское, а именно их, христианское. Христиане-варяги и христиане-славяне вдруг враз стали на колени. Кто-то, наскоро помолясь, объясняет, гордясь своим знанием, что в коробе — мощи самого святого Климента, ученика Христа, того Климента, который после апостола Петра стал его преемником в Риме, был оклеветан и безвинный сослан в далекую окраину, в Тавриду, где и умер. Отдал душу богу, оставив на земле христианам свое чудотворное тело.

За первым торжественным зрелищем — парадным маршем победителей, демонстрацией христианства последовало второе — ниспровержение язычества: «Повелел опрокинуть идолы — одних изрубить, а других сжечь». Трудно сказать, насколько публично проходила эта акция. Возможно, киевляне просто поутру не обнаружили на привычных местах священных фигур, возможно, что опрокидывали средь бела дня, с насмешкой опрокидывали. ерничали, демонстрировали бессилие идолов. Аргумент «преодоления» религии, который от древности, а для некоторых и теперь сохраняет силу убедительности.

Перуна ниспровергали торжественно. Это тот самый, идол «с серебряной головой и золотыми усами», которого (тоже, вероятно, торжественно) за несколько лет до этого воздвиг в центре города князь Владимир. Низвержение превратили в зрелище, публичное действо. Идола привязали к хвосту коня и волочили с горы — символ древней казни. Так арканом брали в полон кочевники, так, пуская коня вскачь, казнили — не своими руками...

Перуна сопровождали «двенадцать мужей колотить его жезлами». Двенадцать — не символ ли двенадцати апостолов, изгонявших язычество? Христианам в Киеве символика была ясна. Язычники видели, что их бога, захваченного ременной петлей, в пыли, тащат по колдобинам пологого Боричева взвоза, что над святыней кощунственно потешаются княжьи удальцы. «Оплакивали его неверные»,— пишет Летописец. Оплакивали. Но о каком-либо сопротивлении начавшейся реформе «Повесть» не сообщает. Нет этого и в других источниках. Между тем в Новгороде народ против крещения протестовал всерьез, и летописи это помнят. Скорее всего в Киеве, метрополии, или христиане преобладали, или прежние верования язычников уже сильно расшатались. Дело не только в давлении одного христианства, в столице должно было ощущаться и влияние ислама, какая то часть жителей представляла Хазарский

каганат, иудаизм. Главное же — язычество рушилось в силу менявшихся порядков, рушилось в силу несоответствия своего резко, за какие-нибудь десятилетия, даже годы, изменившимся жизненным условиям. Жизнь ставила вопросы, на которые не могли дать ответ ни крылатый пес Симаргл, ни Мокошь, ни Хорс, ни Сварог и Сварожичи, ни сам могучий Перун... Стоило ли их оплакивать? Да и дружина княжеская: «детские», «пасынки», «отроки» — вот они — не могла же киевская власть пустить такое действо на самотек — порядок обеспечивала и, как обычно, делала это рукой твердой и вооруженной. Тем не менее уходящую Русь оплакивали...

«И, притащив, кинули его в Днепр». Ободрали, конечно, хозяйственно и позорно: голову серебряную, усы — не пропадать же добру... Тут видно, что власти опасались «возвращения» Перуна. Владимир лично распорядился: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Значит, дружинники в челнах сопровождали изваяние за пределы Киевской земли, за пороги, где уже начиналась степь, где всегда можно было ждать печенежского набега, где поселений славянских не было...

В рассказе летописи многое примечательно. Вероятно, именно этот идол пользовался какими-то особыми знаками религиозного внимания, был чтим. Об этом, конечно, можно судить только условно, но почему-то именно над ним одним была проведена такая разоблачительная церемония. Прочих же, как мы знаем, просто изрубили и пожгли. Заметим, что по упомянутым нами раскопкам святилища место идола — круглая площадка в центре диаметром 180 сантиметров. Если считать этот размер диаметром фигуры Перуна, то, конечно, ни о каком «конском хвосте» нет и речи. Но возможны и другие предположения. И, наконец, видно, что новые христиане Киева полны прежних суеверий: Перуна просто не решились уничтожить, отдали его, так сказать, на волю тех же богов... Обычай древний. Он сохранился и в православии. Старую, негодную, стершуюся или обгорелую икону не жгли. Считалось, что ее можно отнести на реку и, помолясь, пустить по воде. Жив обычай и в наши дни.

Место же, где течение выбросило фигуру на берег, киевляне приметили. И в XII веке Летописцу была известна Перунья отмель на Днепре... Летописец назидательно добавляет нам, что колотили Перуна «не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса». Бес же — летопись и это знает — очень огорчился, вопил: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда!»

Вот тут и послал Владимир по городу биричей — глашатаев, которые объявили его волю: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб,— да будет мне враг».

2 Заказ № 4300

«Честный Нестор»

Летописный текст, насыщенный информацией, полный фактов и убедительных подробностей, пожалуй, все же не проясняет нам картину принятия христианства. Встают вопросы, на которые летопись не отвечает. Если на Руси проповедовал апостол Андрей, то почему же славяне продолжают сохранять «законы своих отцов»? Если Аскольд и Дир — христиане и на могиле Аскольда-Николая ставят церковь, то откуда за сто с лишним лет до крещения Руси появились христиане в Киеве? Почему тогда Ольга крестится не дома, а в Царьграде и почему она крестилась, если тут же заявляет, что боится вернуться в языческий Киев, став христианкой? Почему сын ее, Святослав, ею, христианкой, вскормленный, так активно не приемлет любое христианство? Что за странная политика Владимира: создает в столице языческий пантеон и всего через несколько лет, то есть буквально назавтра, уничтожает идолов и крестит Русь? Как может быть, что на протяжении весьма и весьма длительного времени существуют связи с Камской Болгарией, где лет за семьдесят до крещения Руси утвердился ислам, и с Болгарией на Дунае, где более ста лет господствует христианство, и с Хазарским каганатом, где в религиозном отношении кого только не было: всевозможных язычников, мусульман, христиан и, наконец, иудеев? А сношения с Византией? Там христианство много веков, с IV столетия,— религия государственная. С теми византийскими землями, на которых христианство зародилось? С Западной Европой? А еще и восточные торговые пути,— значит, связи с Арменией, Грузией, торговые гости из-за дальних, опаленных горячим солнцем, каменистых гор. Армянская церковь тоже христианская, но иная по вероучению, обособившаяся от Константинополя с его имперской религиозной нетерпимостью. С точки зрения византийцев, здесь, в неприступных горах, даже и не христиане — закоснелые еретики-монофизиты. Но государственной религией христианство стало в Армянском царстве раньше, чем в самой империи. Пусть всего на несколько лет, но в IV век нашей эры, в 301 год Армения вступает как христианская страна.

В частностях ли дело? В том ли, что армянская церковь не разбавляет на евхаристии вина — крови Христовой, подогретой водою — «теплотой»? В том ли, что не признает семи вселенских соборов, на которых покоится догматика и вероучение византийского христианства? Нам не понять и тех споров о сочетании в Христе «божеского» и «человеческого», что разделяли церкви. Да и в древнем Киеве все это пока — звук пустой. Но вот о

том, что есть еще одно особое христианство, и, главное, независимое от Византии,— это в Киеве знали. Наконец, варяги-дружинники: значительная христианская прослойка среди них существует издавна... В Киеве церкви стоят... И если может показаться, что наш Летописец проводит в «Повести» византийскую линию, то ведь он писал не историю отечественного христианства, а отечественную историю — *летопись.* И писал ее в уже крещенном православном городе, в монастыре, в лоне церкви, признающей религиозную власть царьградского патриархата. Нам же следует за летописными строками, между строк увидеть и эту его тенденцию и, что не менее важно, увидеть всю сложность внутренней идейной жизни Руси, различные идейные и политические веяния и тенденции, которые так или иначе окрашивали общественную жизнь и самый быт нашего древнего государства на исходе X века. Так как же могло статься, что на Руси происходит такой «выбор», при котором ни Владимир-князь, ни все его многомудрое дружинное и боярское окружение, от мала до велика, как будто бы не представляют себе ни одной из религий? Почему Владимир допустил принести в жертву именно христиан? И что значит внезапное крещение Владимира в чужой ему Корсуни с немедленной женитьбой? И на ком — шутка сказать — на византийской царевне! И насколько эти последние события укладываются в реальные сроки? Что за странная история с Анастасом, пустившим стрелу с крепостной стены? В городе измена? Почему в канун такого события, как принятие христианства — это же смена идеологии, Владимир идет войной на страну, с которой, очевидно, намерен установить тесные и вполне мирные, если не сказать дружественные, отношения, походом на будущего тестя? Летописи можно задать и другие вопросы, на которые в ее тексте ответа нет.

«Повесть» изучали и анализировали многие исследователи, дореволюционные и советские, светские и церковные, историки и филологи. В атеистической литературе конца 20-х годов с особым удовольствием цитируются слова почтенного церковного историка Е. Е. Голубинского, который в «Истории русской церкви» дает ей резко отрицательную оценку: «Повесть эта не заключает в себе ничего истинного». Далее Е. Е. Голубинский энергично называет ее «вымыслом» и утверждает, что «серьезной науке пора, наконец, расстаться» с этой «выдумкой». Н. М. Никольский в своей «Истории русской церкви» с удовольствием вспоминает: «Еще церковный историк Голубинский нашел в себе мужество признать, что все рассказы как летописи, так и «Жития Владимира» об обстоятельствах принятия Владимиром христианства являются благочестивыми вымыслами, составленными на разные византийские сюжетные мотивы, и не содержат в себе ни одной крупицы исторической истины, кроме одного голого факта, что

в 988 или 989 г. Владимир и его дружина приняли из Византии христианство...»[11]

Для полноты картины можно обратиться к другим церковным трудам. Во «Владимирском сборнике», изданном в Киеве к девятисотлетию крещения Руси в 1888 году (в основном из статей, опубликованных в «Трудах Киевской духовной академии»), летописная повесть о крещении Руси тоже характеризуется как «полная легендарного вымысла». Итак — вымысел. Эти высказывания были бы вполне хороши, если бы их можно было не только процитировать, но и применить в дальнейшем рассмотрении вопроса. Однако расстаться с этой выдумкой не удается. Использовав яркую цитату историка русской церкви, авторы иных монографий, статей, методических разработок и т. д., посвященных, что и говорить, актуальной теме критического анализа церковных концепций о принятии христианства, продолжают черпать из только что отвергнутого труда Летописца. Применение же «зачеркивающей» цитаты — своего рода óберег: можно то принимать, то отрицать текст, приспосабливать его к заранее заданной концепции.

К науке, тем более марксистской, такой подход имеет отношение самое отдаленное. Исследователь должен оценивать и анализировать всю аргументацию предшественников. Подкупающая «критичность» Е. Е. Голубинского не должна вводить в заблуждение. Общеизвестно, что авторитет русского летописания, достоверность «Повести временных лет» со времен В. Н. Татищева и А. Шлецера стоит очень высоко. Еще более странно продолжать именно в этой части ссылаться на Е. Е. Голубинского в наши дни, «не замечая» огромной работы по изучению летописей рядом советских ученых, их выводов.

Е. Е. Голубинский — историк крупный, но работал он в иной методологии, в иную эпоху. Это был период спада историографической мысли. В частности, он выразился в резко критическом отношении к письменным источникам, которыми пользовались исследователи.

Е. Е. Голубинский — последователь «скептического направления» в русской историографии. «Скептики» тенденциозно отрицали древние русские источники. В церковной историографии кризис, в силу специфики предмета — обилия чудес, легенд, проявился особенно резко. Источниковедческая критика была плодотворна, но ее гиперкритицизм вылился — этого следовало ожидать — в нигилистическое отношение к «слишком наивным» памятникам древней письменности. С водою, как случается, выплеснули и ребенка. Критиковать следовало не только источники, но и прежде всего методы их исследования. Прогрессивность же научных взглядов церковнолиберального Е. Е. Голубинского достаточно относительна. Вероучение, культ, последний в особенности, к середине

XIX века оказались настолько закостенелыми и полными дремучих, чуть не первобытных представлений, что все традиционно церковное на фоне общего развития естественных наук, общественной и политической мысли XIX века выглядит вопиющим анахронизмом. Какие-то чудотворные камешки и волоски, тряпочки и косточки, иконки от гробов святых и кусочки ваты, пропитанные то ли чудотворной святостью, то ли просто постным маслом; массовые полуистерические молебны в годы тягчайших и губительных эпидемий, когда суеверы гнали нехристей-врачей и выносили в народ спасительные иконы мучеников... Святые чудотворные мощи и церковь, которая половину этих мощей откровенно фальсифицирует, а о другой — каких-то совершенно мифических святых — ровно ничего не может сказать... Религиозная панорама русского православия была и убогой и страшной в этом убожестве и, что еще страшнее, привычной...

В этих условиях труды В. О. Ключевского и Е. Е. Голубинского (мы имеем в виду их критические работы, посвященные истории канонизации русских святых) действительно были объективно прогрессивным явлением. Но частная задача, которая ставилась Е. Е. Голубинским и подобными ему историками церкви,— это прежде всего теоретическое очищение православия от наиболее грубых средневековых религиозных представлений, стремление создать базу для того, чтобы церковная практика привела вероучение и культ в соответствие с представлениями века. Если бы дело касалось только церковного благочестия, святынь и прочих собственно религиозных ценностей, об этом можно бы и не вспоминать, но нет, попутно с благочестивыми вымыслами зачеркивали, страница за страницей, собственную историю, память собственной культуры, национальное наследие. Что это, беда или вина скептической школы? Беда от увлеченности методом? Да, конечно, но это и ее вина. Пренебрежение к исторической памяти сказалось в том, что скептики не захотели вдуматься в то понимание летописного материала, которое уже было выработано их предшественниками от Ломоносова до Карамзина. Прав был А. С. Пушкин, когда написал о его «Истории государства Российского»: «Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слова «Истории» Карамзина». И ниже: «В журналах его не критиковали, Каченовский бросился на одно предисловие» [12]. Тот самый М. Т. Каченовский, историк, с именем которого связано начало скептической школы. Об «ученых» же, готовых выбирать отдельные цитаты, в те же годы, когда крепла скептическая школа, В. Г. Белинский заметил, что они «обращаются с наукой как с лошадью, которую заставляют насильно везти себя куда им нужно или куда им угóдно» [13].

Следовать ли за ними?

Но оставим это историографическое отступление в дела прошлого, и не только прошлого, века.

Советской наукой совершен переворот во всех наших представлениях об истории Древней Руси. В научный оборот введены новые письменные и фольклорные источники, по-новому осмыслен весь их корпус, археологами раскрыто множество памятников материальной культуры. Труды крупнейших русских и советских историков, филологов, начиная с А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Б. Д. Грекова, Б. А. Романова, В. В. Мавродина, М. К. Каргера, И. Н. Еремина, В. Н. Лазарева, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, Я. Н. Щапова, кончая трудами Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, О. В. Творогова, Л. А. Дмитриева и всего сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, Б. А. Рыбакова и десятков других исследователей, может быть менее известных, но внесших немалый вклад в изучение истории и культуры Отечества, воссоздают картину прошлого, значительно отличающуюся от наших прежних, сравнительно недавних еще представлений. В частности, мы знаем, что можем во многом доверять Летописцу, подходя к его труду так, как того требует научная методология — *исторически*. То есть прежде всего понять и оценить его политическую позицию, его отношение к фактам и передачу этих фактов читателю. Понять, что и почему считает правдой истории первый русский историк. Что это означает применительно к нашей теме? И что такое русское летописание начального периода? Попытаемся ответить сразу на оба вопроса. «Несторова летопись», как называли долгое время «Повесть», была образцом и примером для всего многовекового и обширного летописания — вплоть до XVI века [14]. Полных четыреста лет. Это много для любого текста. Современная наука считает Нестора крупнейшим русским историком XII века и одним из крупнейших историков всего средневековья в целом.

Мы немногое знаем о нем. Имя «черноризца Нестора» обозначено на так называемом Хлебниковском списке «Повести временных лет», в составе позднего сборника, находившегося в библиотеке купца Хлебникова. Этот сборник приобрел Н. М. Карамзин. В. Н. Татищев видел имя Нестора еще на трех списках «Повести», но эти списки не сохранились.

Было бы проще называть автора летописи Нестором, но оставим общее: Летописец. В «Повести» есть сюжеты, которые сложились и включены в свод еще до Нестора. Среди них важнее для нас соединение нескольких рассказов, которое академик Д. С. Лихачев считает возможным выделить в отдельное повествование. Его, условно конечно, называют «Сказанием о распространении христианства на Руси». Нестором же все тексты были отредактированы в духе основной идеи «Повести», литературно обработаны. И далеко не везде исследователи отличают его руку в тексте. И не везде

это возможно. Авторское понимание литературного труда в средние века попросту отсутствовало. Важность повествования, описываемых событий древний книжник не соотносил с собою, человеком, как он твердо полагал, лишь фиксирующим на пергамене происшедшее и происходящее. Поэтому он обычно и не ставил своего имени, как несущественное и посему ненужное. Нам это осложняет все задачи изучения текстов.

В науке трудами не одного поколения специалистов установлено, что начало русскому летописанию положено задолго до Нестора и другие имена стоят у его истока. Знать историю создания летописи нужно, чтобы правильно понять ее текст, ее содержание. В этом далеком прошлом выявляется такая последовательность: первый летописный свод * был составлен в 1037—1039 годах книжниками только что созданной Киевской митрополии и основа свода — это именно «Сказание о распространении христианства...». В 1060—1070-х годах появляется новый свод, составленный в Киево-Печерском монастыре. Автором его называют инока Никона.

Наконец, в 1093—1095 годах создается еще один свод. А. А. Шахматов предложил назвать его Начальным, потому что он стал началом I Новгородской летописи, Тверского свода 1305 года, Радзивилловской летописи XV века. Начальный свод в 1112—1113 годах оказался в руках знаменитого Нестора и стал «Повестью временных лет». Но и текст Нестора до нас в первоначальном виде не дошел. В 1116 году его корректирует, правда очень незначительно, инок Выдубицкого монастыря Сильвестр. (Переработка сохранилась в составе Лаврентьевской летописи 1377 года.) Наконец, в 1118 году создается третья редакция «Повести». Мы опустим выяснение причин такой усиленной работы над летописью именно в 1112—1118 годах — та ее часть, «Сказание о распространении христианства...», которая более всего важна для нас, определилась до этих переработок. Но если исследователи достаточно едины в определении последовательности работы над сводами, их генеалогии, то в самом летописном материале содержатся такие сведения, которые оставляют вопрос о времени создания самого первого свода по-прежнему нерешенным.

Существуют аргументы в пользу того, что древнейший свод был составлен в 996—997 годах. Работу над ним связывают с именем того Анастаса-корсунянина, который и стрелу пускал из крепости, а после крещения Владимира вместе с «корсунскими попами» отправился в Киев. Мнение важное для нас тем, что составление

* Летопись — это чаще всего свод, соединение предшествующей летописи или летописей, документов с текстом, который принадлежит самому Летописцу. Прежние тексты при этом нередко им редактировались.

«Сказания о распространении христианства...» приближается ко времени самого крещения, следовательно, записано очевидцами и участниками событий. «Сказание» обретает особую ценность как свидетельство современника. Стать на точку зрения этой гипотезы было бы и соблазнительно, и выгодно, тем более что она существует в науке, и автор, который вовсе не является специалистом по истории Древней Руси, вполне может воспользоваться этой концепцией.

Существует и противоположная концепция. По ней русское летописание началось вовсе не со «Сказания о распространении христианства...», которое было введено в состав значительно более ранней русской летописи. И начало летописания относится уже не ко времени крещения Руси, не к концу X века, а ко временам более ранним. Академик Б. А. Рыбаков утверждает существование языческой летописи, сведения которой использованы в последующих сводах [15].

Автор, как и обещал, намерен дать возможность читателю самому оценить исторический материал. Поэтому он не может просто принять ту, пусть правомерную, мысль, которая спрямит его путь изложения. Откуда взять уверенность, что именно эта соблазнительная, признаемся, прямота ведет к истине? Даже теологи предостерегают, что гладкие пути — это чаще всего штучки дьявола для более успешного соблазна грешников, а к истине ведет «путь тернистый». Поверим им, поверим не на слово, а потому, что жизнь часто подтверждает эту печальную мысль.

В науке аргументированно утвердилась гипотеза, что «Корсунская легенда» и, следовательно, вся красочная история крещения князя Владимира в цветущую весну 988 года на южном берегу Крыма появилась только в своде Никона, то есть в 1070-е годы. Повторимся, важно это: время появления того или другого рассказа, его редактирование, возможный автор или авторы — круг Летописца — все это помогает понять и уровень его личной осведомленности, и его позицию в освещении событий.

История летописания убеждает нас — об этом предупреждал еще А. А. Шахматов,— что мы не можем ограничиваться рассмотрением только какой-то части летописи. Можно выделять в ее составе отдельные сказания, документы, погодные записи, события, но анализировать летопись по частям — несостоятельно. Летописные своды превращались в единые повествования [16].

И каждый свод — целостное историческое и литературное произведение, написанное и отредактированное с определенных идейных и политических позиций. Для нас летопись — прошлое. Для Летописца она — настоящее, она, кроме прочего, произведение публицистическое, воспитательное, а потому — остро ориентированное в своем времени.

Материал в летопись отбирался с учетом тенденций внешней и внутренней политики государства, на него оказывала воздействие и обстановка в обществе — социальный климат, злоба дня. В составлении и редактировании летописей были заинтересованы церковные, боярские и дружинные верхи. Текст отражал господствующие мнения, тенденции общественного развития, давал то освещение событий, которое казалось правильным его редактору, то есть истинным, с его точки зрения. Мы знаем, что в редактировании сводов и позднее принимали участие разные авторы — Владимир Мономах, сам незаурядный писатель, его сын князь Мстислав.

Понятно, что создание сводов поручалось не только высокообразованным, но и литературно, беллетристически талантливым людям. Летописец умел изложить события интересно, емко, владел — мы видим это — литературными приемами, стилем.

Все это мысли довольно простые, расхожие. И при всей правильности их беда в том, что за этими мыслями проглядывает некий монах-черноризец, умеющий складно изложить факты, Летописец в роли литературного обработчика чьих-то косноязычных воспоминаний... Нет, не таков он, Летописец, не таковы Никон, Нестор, Сильвестр...

События из-под пера Летописца выходят преображенными, он выстраивает их в ему одному ведомую и близкую, отвечающую его истине связь. Летопись не протокол событий, но и не повесть на основе этого протокола. Это повествование, объединенное единством замысла, единством видения событий, их художническим осмыслением, поэтическим, следовало бы сказать. И все это — в средневековых категориях Бога, Добра, Правды.

Поняв это, нам можно вернуться к фактической стороне летописи, к фабуле повествования.

Споры относительно хронологии, порядка летописного рассказа, источников, которые использовал Летописец, многое уточнили в составе и характере «Повести». Теперь, когда нам ясны позиции авторов, виден круг их интересов, их отношение к событиям, мы с большим доверием относимся к летописным известиям. Средневековый взгляд на мир отличался от нашего, и, прежде чем мы не научимся видеть эту разность, а увидеть ее можно только при взаимном понимании Летописца и его читателя, контакт с Нестором будет затруднен. Нужно понимание круга представлений древнего автора о мире и человеке, истории и современности, о природе и боге-провидении и дьяволе, властно вмешивающихся в живую жизнь.

Последнее — непременно. Наш автор был человеком верующим,— это оставило глубокий след в летописи. Читатель, конечно, не должен становиться христианином, чтобы понимать Нестора.

Читатель может быть, например, мусульманином или атеистом, читатель — всегда — может не соглашаться с позицией Летописца, но знать ее он должен, иначе он не услышит, что говорит ему История...

Итак, установлено, что в «Повести» содержится свод нескольких особых текстов и они имеют отношение к крещению Руси. Академик Д. С. Лихачев предложил назвать их «Сказанием о распространении христианства на Руси». В него входят: предание «О крещении и кончине Ольги», «Сказание о первых русских мучениках — варягах», «Сказание о крещении Руси» (оно включает в себя вставную «Речь философа»), «Сказание о князьях Борисе и Глебе», «Похвала князю Ярославу Мудрому». Установлено, что все шесть повестей принадлежат одному автору, тесно связаны идейно и композиционно и относятся к 40-м годам XI века. Сказание — самостоятельное литературное произведение на основе событий, связанных с введением христианства, многоцветный узор, вышитый по летописной канве.

Летописец весь свой материал скомпоновал и расположил так, что у читателя создается зримое ощущение непрерывного и неостановимого приближения кульминационного момента: крещения Руси князем Владимиром. Это мастерство художественное...

Задача «Сказания» — выявить независимость русской церкви от греческой. Церковная независимость в те времена понималась как независимость политическая, и наоборот. Сказание проводит идею: Русь — великая держава, ее исторический путь подобен пути другой великой державы — Рима, и «первого», и «второго» — Константинополя (тезис «Москва — «третий Рим» имеет глубокие корни!). Христос на Руси не проповедовал, но не проповедовал он и в Риме. Основателем римской церкви называют святого Петра? Но апостол Андрей, «благословивший горы Киевские»,— брат Петра. У Владимира, как у Христа, была на Руси и своя «предтеча» — княгиня Ольга, всю жизнь прожившая среди язычников, христианка и проповедница; были, как в Риме, свои мученики за идеи христианства — варяги, принесенные в жертву и до смертного конца славившие «истинного бога». Подобно Константину Великому, с которого христианство стало государственной религией Римской империи, Владимир на Руси также сделал христианство религией государства.

Эта историческая и патриотическая концепция четко проводится в «Сказании» и проходит через всю «Повесть». Летопись создана с активных христианских позиций, естественных для автора. Идеи провиденциализма, христианской благодати и нравственные ценности христианства многое определяют в его отношении к событиям. Факты в изложении Летописца несут отпечаток средневекового

мышления, окрашены религиозным пониманием картины мира и истории человечества — «деяний».

Суть событий для средневекового автора была проявлением божественной воли, реализацией неведомого человеку плана мироустройства. Средневековый историзм в прошлом ищет оправдания настоящего, предполагая «прообразность» исторического процесса. Отсюда, конечно, далеко до того понимания развития истории «по спирали», которое характеризует современную нашу историческую науку. Но отсюда бережное внимание летописи к фактам прошлого, как к прологу будущего в деятельности людей. Оставим за скобками религиозные чудеса. В средневековом сознании они вписывались в реальную картину мира, где сверхъестественное равноправно сосуществовало с естественным.

Попробуем подвести итог этой главе. Мы видим сложную историю летописания, видим ряд несообразностей в тексте, умолчание таких событий, о которых должен был знать Летописец. Факты перемежаются легендами и чудесами, принятие сведений Летописца требует, оказывается, проверки и перепроверки другими источниками, и при всем этом — «честный Нестор»? Но подытожим: мы увидели, что «Повесть временных лет» сложна, как все средневековые памятники. Рукописные, созданные в единственном экземпляре, они переписывались неисчислимое множество раз, сокращались или пополнялись новыми материалами, свидетельствами, рассказами. В них включали отрывки документов или других летописей, их комбинировали между собой, сводили в своды, перерабатывали стиль и производили идейную редактуру. Первоначальный авторский текст полностью невосстановим. Произведение продолжали писать и после того, как автор поставил в нем последнюю точку. Летопись оказывалась творчеством коллективным.

Мы говорим здесь о труде Летописца прежде всего как о труде Нестора, поскольку редакционная работа последнего автора, Сильвестра, ограничилась очень малым.

В середине XVIII века в императорской Академии наук несколько лет работал немецкий историк и филолог Август Людвиг Шлецер. Воспитанник двух университетов Германии: Виттенбергского и Геттингенского, вслед за В. Н. Татищевым занялся он изучением истории древнерусских летописей. В первую очередь конечно же «Повести». Главный труд Шлецера в трех томах посвящен Нестору. И это первая большая источниковедческая работа о «Повести временных лет». Итог изучения труда печерского инока подведен ученым-немцем в двух словах: «честный Нестор». Два с лишним века прошло с тех пор, труд немецкого историка давным-давно устарел и забыт наукой, оценка же А. Шлецера в науке осталась. «Честный Нестор» — можем повторить за ним и мы.

«И взошел на горы эти»

Замечательный русский историк Н. М. Карамзин в предисловии к «Истории государства Российского» писал 7 декабря 1815 года, что «не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками, хотел, не изменяя веку своему, без гордости и насмешек... представить и характер времени, и характер летописцев, ибо одно казалось мне нужным для другого». Последуем же программе Карамзина. Будем «с важностию», то есть серьезно, говорить о прошлом, о том, что было существенным в то далекое время, и, «не изменяя веку своему», нашему XX веку, и нашему мировоззрению, посмотрим на дела давно минувших дней.

Есть в «Повести» небольшой, как единодушно полагают специалисты, вставной текст. Его условно называют Легендой о путешествии апостола Андрея. Это самые первые, еще недатированные страницы «Повести», и первое в ней упоминание — о христианстве. Легенда начинается со слов:

«Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни — устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и приплыл устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И наутро встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет город великий и воздвигнет бог многие церкви». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы этой, где после возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва слезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись. Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп».

Итак, весьма колоритное описание новгородской бани, своего рода банный анекдот в изложении самого Андрея, выглядит значительно большим событием, чем благословение им Киевских гор и миссионерский отчет о поездке в Рим.

Но было ли само это путешествие Андрея из Крыма на Днепр, а оттуда в Рим через Новгород и Балтику? Вопросы важные. Они породили целую литературу. Андрей кончил жизнь мученически, его распяли. Апостол, чтобы не было сопоставления с Христом, попросил казнить его иначе, чем учителя. Его распяли вниз головой и на косом кресте, который стали называть андреевским.

Так вот, в «Житии» Андрея есть какая-то глухая строчка о том, что апостол проповедовал у скифов. Отсюда и тянется ниточка рассказа о путешествии Андрея вверх по Днепру... На основании чего он мог сложиться, трудно понять. Церковные историки ссылаются на какие-то очень неясные фрагменты раннехристианских текстов и продолжают твердо держаться этой легенды. В светской науке путешествие не признается. Оно отвергалось еще Н. М. Карамзиным, выразившим осторожное «сомнение в истине» этого события. Изложим его здесь по тексту летописи. Итак, «когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни — устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и приплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру».

Во время одного из ночлегов на реке Андрей и бывшие с ним его ученики остановились под какими-то горами. Поутру апостол сказал спутникам, что придет время, когда «на этих горах воссияет благодать божия, будет город великий и воздвигнет бог много церквей». После пророчества Андрей поднялся на горы, благословил их, поставил крест и помолился богу. Чтобы у читателя не осталось сомнения в том, что это за горы, Летописец поясняет, что здесь «впоследствии возник Киев».

Апостол двинулся вверх по Днепру, по хорошо известному Летописцу «пути из Варяг в Греки», который, кстати, подробно описан в «Повести» как раз перед легендой о путешествии Андрея. Пришел к славянам, «где нынче стоит Новгород». Немногое увидел апостол, наблюдая «живущих там людей — каков их обычай».

Вдоль берегов Днепра, на берега Волхова, затем «в страну варягов» и наконец апостол «пришел в Рим». И всю дорогу держал в памяти одно, о чем с изумлением рассказывал в Риме,— это новгородские бани. Из текста ясно, что о поездке он в целом отчитался кратко: «поведал о том, как учил и что видел». Вот это «что видел» в Новгороде и составляет едва ли не главное содержание легенды.

Из Рима Андрей вернулся в Синоп. Так заканчивает летопись рассказ о странном круговом путешествии ученика Христа. Событие, стало быть, следует отнести к середине I века.

В этой легенде сплетено такое кружево из вымысла и реалий Древней Руси, что в ней нелегко разобраться, ухватить нить, создающую этот причудливый узор.

Попробуем, действительно, как кружево, с конца.

Составитель маршрута вернул апостола в Синоп. Случайно ли маршрут Андрея сделан таким неопределенным после посещения апостолом Киева и земли ильменских славян? Можно только гадать, как апостол попадает в Рим. Полагают, что это было морское путешествие вокруг Европы и через Гибралтар в Средиземное море. Оснований для этого в тексте нет: автор легенды уберегался от возможной критики, он просто вернул апостола в Синоп, откуда тот и начал свое путешествие. И сразу стало неясно — недоказуемо,— ездил ли Андрей, то ли оставался в Синопе.

Горы Киева апостол благословил [17]. Попав на север Руси и впервые за весь путь, судя по тексту, повстречав тут каких-то людей, Андрей Первозванный не проповедует. Миссионер как бы не видит перед собой язычников, которым несет — это его долг — слово божие, а наблюдает, так сказать, их быт. Подробно описывает баню, с поддачей кваса на каменку, пар с веничком до полного изнеможения: «До того себя добьют, что едва слезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут». Сомнений не остается: Христов ученик попарился-таки в баньке. Возможно, рассказ — насмешка летописи над новгородцами. Здесь она снижает гордых северян в духе народного скоморошества. Летописный «анекдот» о новгородской бане похож на изложение, почти сценарий какой-то насмешливой сценки из тех, что разыгрывались скоморохами на дружинных пирах. Обыгран и сюжет воды. Андрей должен бы крестить новгородцев водою. Вода участвует и в этой сценке: подчеркнуто обливание водой, а во время мытья — еще и квасом, что окончательно снижает всю сцену.

Подчеркнем, что, по «Повести», Андрей нигде на Руси никого не крестил. Автор попросту не мог вставить этой темы в свой рассказ. Был бы закономерен вопрос: есть ли хоть какие-нибудь следы прежнего христианства в Новгороде? Объяснять дело давностью, тем, что со временем христианство забылось, с церковных позиций невозможно. Ведь Андрей послан на проповедь самим Христом, и если такое крещение оказалось недейственным во времени, то в религиозном понимании — под удар попадает проповедь ученика самого Христа, апостола — это было бы серьезной идеологической ошибкой автора легенды. Он ее не совершил.

Новгородцы в долгу не остались — со временем, в Новгородской уже летописи, радактируя «Повесть» по-своему, вписали, что Андрей не только проповедовал на Волхове (насчет крещения и тут не решились), но даже оставил на благословение свой жезл. Жезл, конечно, могли предъявить. Можно встретить и такой контраргумент легенде: киевляне-де вписали насмешливый рассказ о бане потому, что сами дивились такому мытью. Возражение не очень обоснованное. Положим, что на Днепре не знали парных, но бани были. Та же летопись: Ольга сжигает древлянских послов в истопленной для них бане.

Такой же «банный сюжет» зафиксирован в «Истории Ливонии», написанной иезуитом Дионисием Фабрициусом. Сюжет будто бы относился к XIII веку. Папский посол увидел в одном из ливонских католических монастырей «умерщвление плоти», подобное тому, что видел и Андрей в Новгороде. Монахи в страшной жаре хлестались прутьями, а потом окатывались холодной водой. Итальянец, как и Андрей, не понял происходившего, доложил в Рим о подвиге благочестия, и папа прибавил монастырю содержание...[18]

Вызывает возражения маршрут Андрея из Херсонеса в Рим по Днепру и Волхову. Маршрут не только странный, по тексту летописи, он бесцельный. Почему апостол попал в дремучие новгородские леса, даже при весьма нетвердых географических представлениях I века остается загадкой. Все же того, что с Волхова он мог отправиться в Рим водою, полностью нельзя исключить. Известен реальный путь возвращения одного папского посольства из Константинополя в Рим, подобный пути Андрея. Следует признать, что легенда составлена настолько тонко и точно, что категорически отвергнуть ее не удается.

Отвергают ее не условия путешествия, а условия, в которых возник текст. Повторим, о путешествии Андрея на Днепр и Волхов сообщает единственный источник — «Повесть». Других свидетельств мы не имеем. Для русской же церкви легенда об Андрее была очень нужна. Смутные упоминания христианских апокрифов о поездке Андрея к скифам разрослись до этой легенды вовсе не ради полемики с Новгородом. Легенда направлена против греческой церкви. Точнее, она идейно укрепляет русскую церковь. Византия приняла крещение от Андрея Первозванного? Русь тоже благословлена им, следовательно, равная благодать и на греческой, и на русской церквах. В иерархии многочисленных христианских церквей определено, что только церковь, созданная Христом (а это значит — его учениками-проповедниками), апостольская церковь, вполне истинна. Эта церковь — мать христиан. Церкви же, не имевшие апостольского благословения, а принявшие религию через другие апостольские церкви, считались рангом ниже. Это дочерние церкви, канонически подвластные церкви-матери, зависимые от нее. Мысль вполне евангельская, ее хорошо и полно развил такой церковный авторитет, как Тертуллиан.

Итак, получалось, что римская церковь — апостольская, византийская — апостольская, армянская — апостольская, болгарская же, скажем, и русская должны подчиниться Константинопольскому патриарху... При этих условиях благословение «гор Киевских» становится не просто жестом из легенды, а едва ли не актом признания самим Первозванным равенства новой, только еще предвиденной апостолом церкви древним патриархатам Востока...

Легенда сконструирована очень направленно, а это позволяет определить время ее создания и цели, ради которых она была вписана в летопись. В ней заявлено величие Киева в нескольких словах, как моментальная зарисовка будущего города на холмах, и зарисовка эта соответствует облику Киева конца XI — начала XII века — времени, когда легенда была включена в «Повесть».

Легенда об Андрее не имеет никаких связей с последующими летописными свидетельствами о крещении Руси. К тому же в летописи рассказ подстрахован. В предшествующем путешествию отрывке Летописец говорит о Черном море: «Это море слывет Русским» — и упоминает Андрея. «По берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра». Здесь ключ для нас: «как говорят». Это значит, что последующий редактор, скорее всего Нестор, не был склонен доверять рассказу и сослался на молву, на предание, на «как говорят», то есть признает отсутствие надежных источников.

Легенда долгие века служила государственным интересам России. В XVI веке ее использовал в переговорах с папским послом Иван Грозный. Беседуя о греческой и римской церквах, царь заметил, что вера на Руси не от греков, а от апостола Андрея, что русская церковь — апостольская. Аргумент снимал политические претензии Ватикана, так же как ранее Константинополя.

В XVII веке, при реформах Никона, келарь Троицкий Арсений Суханов, посланный на Афон, в Палестину и т. д. для приобретения «истинных» книг, вел богословский спор. Речь шла о преимуществе «веры греческой». Келарь парирует тем же образом: и греки, и русские веру приняли одинаково, от Андрея.

В XVIII веке, уже в Российской империи, вновь встает вопрос об Андрее-апостоле. Петр I учреждает орден Андрея Первозванного. Легенда обретает новый, государственный смысл. Андрей, по евангельской легенде, рыбак, следовательно, патрон тех, кто плавает. В России XVIII века, где одной из важнейших забот был возврат Балтики, древняя легенда обретала особый смысл. В новой столице — Петербурге один из первых соборов — Андреевский (Андрей из легенды не мог миновать Неву), голубой — цвета моря — андреевский крест помещается на русский военно-морской флаг, и андреевский косой крест на два столетия становится символом русской морской славы. На знаке же ордена Андрея Первозванного на концах андреевского креста стояли буквы: SAPR (Sanctus Andreas patronas Russiae — Святой Андрей — покровитель России).

Может быть, в этой разнокачественной истории бытования легенды следует искать исток церковного интереса к Андрею Первозванному на страницах сегодняшних православных изданий?

Легенда о посещении Руси апостолом создана в период, когда русская церковь сопротивляется стремлению Византии идейно и политически подчинить русскую «дочернюю» церковь и, главное, государство русское.

«Нам руси учитель Павел»

Снова в заголовке цитата из «Повести», и в ней имя еще одного апостола-миссионера. Обратимся еще к одному, тоже весьма неясному, рассказу летописи. Его иногда условно называют «Сказание о грамоте». На этом тексте основывается гипотеза о том, что христианство пришло на Русь не из Византии и было принято не от греческой церкви.

Начинает этот сюжет «Повесть» как бы издалека, с рассказа о нашествии угров (это предки современных венгров) с востока, о том, как угры шли через Днепр и, перевалив Карпаты, покорили живших здесь волохов (так летопись называет романские народы) и славян. Чтобы быть понятым, Летописец вынужден заглянуть в еще более далекую глубь веков. «Сидели ведь тут прежде славяне,— поясняет он,— а затем славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе». Исторически картина вполне достоверна. В конце I — начале II века «волохи» — это Римская империя, Рим — подчинили племена, населявшие эти территории, образовали новую римскую провинцию — Паннонию (приблизительно земли современной Венгрии). В конце VI века здесь появились славяне, а в конце IX — надвинулись с востока кочевники-угры. Это нашествие. Угры завоевывают дунайские земли — земли славян. Летописец подчеркивает, что в то время «был един народ славянский», перечисляет: «и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которых теперь называют русь». Сразу же за словами, обрисовавшими славянское единство, неожиданный текст: «Для них ведь, моравов, первоначально созданы буквы, названные славянской грамотой, эта же грамота и у русских, и у болгар Дунайских».

Странно вклинившийся в панораму переселения народов рассказ о славянской грамоте продолжается. И ведет его летопись со времени, «когда славяне жили уже крещеными». В славян же Летописец включил и полян — русь — население Поднепровья. Речь идет о славянских князьях, просивших в Византии, у императора Михаила, дать им учителей и письменность. Славяне сообщают и подчеркивают, что они не знают (собственно, и знать не хотят) ни латинского, ни греческого языков — это языки, на которых «учителя» Рима и Константинополя распространяли христианство. И славяне утверждают необходимость собственной славянской грамоты, ибо «одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения».

Мысль резонная, в византийском имперском понимании она прозвучала как важная для противостояния западной церкви на землях славян.

И здесь, не оставляя нашей темы, обратимся к эссе известного современного болгарского писателя и публициста Стефана Продева «О буквах». Оно написано ко Дню славянской письменности, национальному и государственному празднику болгарского народа и Болгарии. (Жаль, что у нас нет такого праздника!) Итак:

Стефан Продев

О БУКВАХ

1. Их создали для того, чтобы помочь Византии бороться с Римом. Император и церковь Византии считали их своими воинами. Их распространяли среди славянства, дабы одолеть влияние папы римского. Никто и не думал о всевышнем. Просто империя думала о себе, о своем выживании. Так буквы использовали в политических целях.

Но, как обычно и бывает, великие открытия конъюнктуре не подчиняются. Буквы тоже — они «перевыполнили поставленную им задачу». Созданные как «солдаты» империи, они стали воинами прогресса. Случилось нечто, заставшее Византию врасплох. Их сила одолела не только папских нунциев, она переломила меч византийских колонизаторов, посланных для того, чтобы поработить дух славянства, буквы освободили их дух. Не усыпили сознания, нет, они совершили в нем революцию. Буквы вошли в историю и навеки остались в ней.

2. До их прихода Болгария была только сильной, но не великой. У нее были дворцы, но не было школ. Все боялись ее меча, но не боялись ее слова. Болгария была как слепой Полифем — игрушка в руках хитрого византийского Одиссея. Но вот пришли буквы, и гигант прозрел. Рука, поднимавшая меч, потянулась к перу. И рядом с крепостями, оружейными мастерскими появились школы. Отныне Болгария уже не ставила крестик на месте подписи. Она научилась читать, писать. И думать.

Поэтому в начале всего большого и великого в нашей истории были они, письмена. Они родили болгарскую книгу. Они создали болгарскую культуру. Они заставили Константинополь и Рим уважать болгарский язык и вслушиваться в него. Так они сотворили и наше бессмертие. Дух болгарский вошел в мир, и не мечом уже, а словом прославилась Болгария в Европе.

3. Буквам уже свыше 1100 лет. Вот уже целых 11 веков, как ими славится отечество наше. На них обрушивались стихии

одна другой страшнее. Они выстояли. Никто не смог погубить их. Ни византийские хроники. Ни латинские рыцари. Ни ятаган турецкий. Они были нужны народу. В этом их мощь. Народ носил их в сердце. Даже будучи рабом, он думал об их спасении. Ведь спасая их, народ спасал себя. Свою историю, свой гений.

Так буквы прочно вошли в народную жизнь. В судьбу народную. Народ создал ими красоту, не пряча их за семью печатями, как прячут золото. Он сохранил их в делах своих. В песнях и легендах. В летописях и фресках. Язык у него вырывали, но он слагал слова. Руку заковывали в кандалы, но она писала. Словом и кистью народ творил шедевры — на вечность. Вряд ли найдется другое богатство, которое бы так ревниво и самозабвенно хранили, которое имело бы такую историю, славу, блеск.

4. Без букв нация наша исчезла бы с лица земли, как в свое время гунны. Без букв не было бы у нас ни одного великого имени, ни одной великой даты. Ни одной мысли, пронесшейся в веках. Не было бы Симеона и победы Калояна над императором Балдуином. Не было бы ни драгоценнейших хроник, ни истории отца Паисия. Ни учения попа Богомила. Не было бы вершины по имени Христо Ботев и правды Дм. Благоева. Без всего этого мы были бы безымянным куском земли. Воспоминанием давно минувших дней. Просто пылью на земной груди. Не больше.

Поэтому поныне славим мы буквы. У них свой праздник. И мы чтим их так, как древние греки чтили богов своих олимпийских. Цветами и музыкой, народными шествиями, поэзией. Быть может, это не самый великий праздник человечества. Зато один из благороднейших, бескорыстнейших. Ибо не во славу ратных подвигов родился он — для дела государственного, личности одной. Славит он самое великое, что знает материя. Работу духа. Прогресс. Бесконечный труд мысли.

И жизнь, вдохновленную ею [19].

Прекрасные слова, прекрасные мысли. Болгарские имена легко заменить на русские: «един народ славянский», мы родня не только по крови — по истории.

К славянам были направлены братья Кирилл (в монашестве Константин) и Мефодий, знаменитые создатели славянской письменности, проповедники христианства, переводчики богослужебных книг, борцы против латинской экспансии на земли славян.

Вернемся к летописному рассказу: «Для них ведь, моравов...» — свидетельство об азбуке, буквах как бы выпадает из его общего строя. Летописец подробно и с огромным уважением рассказывает о деятельности братьев-просветителей, он бережен и внимателен к каждой детали, пишет, как Мефодий, ставший епископом в Паннонии, «перевел все книги полностью с греческого языка

на славянский в шесть месяцев», считает важным даже назвать дату: «начав в марте, а закончив 26 октября». Речь, конечно, не о «всех книгах» — задача невозможная и ненужная, а о «всех» тех, которые необходимы для богослужения.

И тут же Летописец развертывает похвалу святому Мефодию в тему крещения славян, а точнее (это и важно для него), в тему крещения Руси. Он утверждает, что христианство проповедовал «славянскому народу» апостол Андроник, «до моравов же доходил и апостол Павел и учил там, там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян — апостол Павел, из тех же славян и мы, русь, поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ...» Летописец строит цепь умозаключений и делает вывод: христианство на Руси от апостола Павла. В «Повести» этот сюжет помещен под 898 годом, позже легенды о путешествии Андрея. Но появился он в ней раньше, чем андреевская легенда, и был исключен из «Повести» теми, кто вписал в нее легенду о путешествии Андрея. Для полного же исключения текста, рассказывающего о западных и южных славянах, Кирилле и Мефодии, оснований не было. Б. А. Рыбаков убедительно доказывает [20], что от «Сказания о грамоте» был именно «отсечен и изъят из текста» рассказ о крещении западных славян, болгар и русов, происходившем в 860-е годы. Кем и когда было так процензуровано «Сказание», можно только предполагать. Во всяком случае, Нестор имел дело с уже дефектным текстом.

Рассмотрев «Сказание о грамоте», Б. А. Рыбаков предпринял попытку восстановления его текста и предложил назвать этот, исключенный из летописи, рассказ «Сказанием о крещении и словен и о грамоте словенской». Реконструкция Б. А. Рыбакова убедительна.

И все же... все же здесь какая-то неясность. Как, каким образом Летописец, кто бы он ни был, мог устранить из «Повести» такое важное, с христианской точки зрения архиважное событие — вычеркнуть крещение своего народа?

Обрывки, почти случайные, намек на какое-то апостольское деяние: «нам руси учитель Павел...». Андроник — тоже апостол, но уже не из числа двенадцати, а из тех «малых», которых церковь насчитывает семьдесят.

Не было на Руси ни Павла, ни Андроника, как не было и Андрея. В них ли дело?

Остался только след этого рассказа, след-свидетельство о каком-то очень давнем, задолго до князя Владимира происшедшем, крещении Руси. И если дальше под 988 годом крещение будет самым подробным образом изложено летописью, то все же получается, что это *второе крещение Руси*.

Свидетельств «Повести» нам явно недостаточно. Ее листы знакомы не только с пером, но и с ножом. Тем самым, перочинным, которым можно просто выскоблить текст с пергамена и — чего проще — вырезать ставшую «не той» страницу...

Кроме «Повести» в нашем распоряжении еще несколько источников. Они важны, интересны, но и противоречивы. Известия о крещении Руси находятся в огромном летописном своде XVI века, так называемой Никоновской или Патриаршей летописи. При ее составлении книжниками Московской Руси была проделана грандиозная работа не только по составлению и сведению множества письменных памятников. Шел поиск и выявление новых документов. В тогдашних архивах, ризницах, государственных и церковных хранилищах древних актов были обнаружены листы, которых не знали древние летописцы.

Нужные нам сведения содержатся и в некоторых памятниках Древней Руси: в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, «Похвале князю Владимиру» Иакова Мниха и др. Сохранилась, к сожалению только в изложении В. Н. Татищева, так называемая Иоакимовская летопись, на основе которой мы позднее рассмотрим живописный рассказ о крещении Новгорода.

Важны свидетельства западноевропейских, византийских, арабских хроник, древние жития, русские былины и скандинавские саги,— каждый из этих источников по-особому высвечивает факты. В целом их дробная мозаика создает картину событий, столкновений мнений, борьбы страстей, политических, социальных, личностных отношений эпохи, ее нравов и ярких характеров.

Вернемся во времена полулегендарные уже для Летописца, в эпоху, когда еще шел процесс расселения славян, расширения их земель, когда почти мифическим — или реальным? — князем Кием был над днепровской кручей срублен небольшой городок.

Это VI—VII века, это период, когда еще движущееся славянство впервые сталкивается с Византийской империей. Та стремится подчинить многочисленные племена, превратить их в данников. Славяне (анты), объединяющиеся в непрочные и кратковременные союзы, короткими и в общем беспорядочными набегами начинают тревожить империю. Набеги за добычей, за «данью», как называли в те времена результаты более или менее успешного военного грабежа. Война, набег — это не чрезвычайное событие, а одна из сторон общественной жизни строя «военной демократии», демократии вооруженного народа.

Византия быстро оценила противника, сильной стороной которого являлась стремительность нападения, воинская доблесть, умение владеть оружием. Короткие набеги сменялись периодами мира, начали устанавливаться торговые отношения. Собственно,

и войны эти идут ради торговли, когда нарушаются прежние соглашения или идет поиск больших выгод. С этого времени история Древней Руси освещена слабым и неверным, колеблющимся светом греческих текстов. Два военных похода на Византию состоялись в 860 году и в 867 году. Торговые и государственные отношения Киева с Константинополем были установлены задолго до похода, и какие-то условия торговли были нарушены греками. Нарушены грубо и жестоко. Результат — появление у Царьграда русской флотилии.

Мы знаем об этом по яркому, хотя и тенденциозному, тексту константинопольского патриарха Фотия. Он, очевидец событий, оценивая случившееся, обращается к своей пастве с нравственной проповедью. Фотий напуган, как, впрочем, напуган был весь Константинополь, укоряет соотечественников и призывает к мирным отношениям с грозными и воинственными славянами. Именно в нарушении условий договора с русами видит Фотий причину их нападения на столицу. Он пишет: «Тех, кто должен был нам нечто малое и незначительное, мы жестоко истязали... не обращали внимания на маловажность и незначительность в сравнении с нашими долгами... Получая прощение многого... других за малое ввергли в рабство». Не очень конкретно, но греки Фотия понимали и без указаний на те или иные факты, ясен характер притеснений и нам. Вполне понятен и военный ответ Киева. 18 июня 860 года 200 или 360 (источники расходятся в числе) русских челнов — моноксилов, как их называли греки, оказались в Босфоре. «Помните ли час невыносимо горестный,— спрашивает Фотий,— когда приплыли к нам варварские корабли?» И дальше рисует картину проплывающих под стенами города судов, наполненных воинами с грозно поднятыми мечами...

Знала о морском набеге и Венецианская хроника Иоанна Диакона. Что славяне не могли взять Константинополя, для венецианца очевидно — «непобедимый город», но, пишет Иоанн, «разорили предместья насколько смогли» и перебили, опять же, «сколько смогли» народа.

Фотий подтверждает: нахлынули, «как морская волна, и истребили живущих на этой земле, как полевой зверь траву...».

Разгром пригородов занял меньше недели. Император Михаил вынужден был заключить с «варварским», но могучим народом «ϱωϛ» договор «мира и любви». 25 июня, ровно через неделю, легкие моноксилы народа «ϱωϛ» покинули царьградскую бухту — уже тогда известный морякам едва ли не всего мира рейд константинопольского Золотого Рога — Суда, покинули так же стремительно, как и появились.

«Повесть временных лет» тоже сообщает о морском походе на Царьград флотилии киевского князя Аскольда. Летопись датирует его 866 годом.

Рассказ о походе обозначают как «чудо с ризой».

Из «Повести» следует, что русские потерпели серьезнейшее поражение, причем не от войск империи и не от ее флота, а от бури, которая разметала корабли «безбожной руси». Патриарх Фотий, по словам «Повести», всю ночь молился, затем вынес на берег Суда ризу богоматери и омочил край ризы в водах залива. Тотчас же на безмятежно тихом заливе началась страшная буря, переломавшая русские челны. Так что лишь немногие смогли спастись... Наш Летописец не фантазировал, он использовал византийские материалы того же Фотия, которому просто необходимо было как-то объяснять грекам ошеломивший их набег «скифов», вынужденный договор «мира и любви».

Стремительность появления русской флотилии и разгром окрестностей города Фотий объяснил вполне убедительно, стремительность ухода «скифов» помогла патриарху связать его с ризой богоматери. Ведь именно Фотий организовал торжественный крестный ход по стенам города «с пением» подходящих случаю псалмов, он вместе с императором Михаилом вынул из ковчега священную и, уж разумеется, чудотворную ризу на берегу Суда. Фотию просто необходимо было утверждать — это обычный метод церкви,— что именно благодаря молебну, заступничеству богоматери, ее «девственной ризе» русы так стремительно исчезли из-под стен полиса. На следующем этапе — с религиозными чудесами всегда так — отплытие «скифов» превратилось в бегство, затем последовала буря и — дело сделано.

Подобные «чудеса» часто вписывались в хроники империи почти механически. Придворные писатели Царьграда — это хорошо знают исследователи византийских хроник — обычно определяли противников империи как варваров, нечестивцев и крайне редко сообщали о действительном ходе военных действий против них, особенно когда дело касалось обстоятельств чрезвычайных и невыгодных для авторитета империи. Оставим в стороне «чудо с ризой» и бурю. По сути, греческий писатель хочет сказать, что для столицы дело обошлось благополучно только благодаря чуду. Тут он, пожалуй, прав...

Ряд исследователей считают, что князья Аскольд и Дир совершили не один морской поход на империю, а два, и датируют их 860 и 866/67 годами. Возможно, был и третий поход на черноморское побережье империи, который в столичные хроники Византии не попал.

Новгородская летопись отнесла поход на Царьград к 854 году. Хронологические разночтения не должны нас смущать. Ряд

ранних событий Летописец, не имея точной датировки, заведомо помещал в достаточно и для него самого условную хронологическую сетку, отсчитывая годы по правлению византийских цесарей, а иногда производил расчеты, сопоставляя последовательность событий. Кроме того, в ходу были две системы счета лет «от сотворения мира». По александрийской системе от сотворения до рождества Христова прошло 5500 лет, по византийской — 5508. Это сбивало расчеты, поскольку не всегда понятно, какой системой пользуется тот или иной автор.

В начале XVIII века, когда Петр I проводит реформу календаря, это дало повод старообрядцам упрекать «царя-антихриста» в том, что он «восемь лет у бога украл...».

Мало того. Начало года тоже считалось по-разному: с 1 сентября и с 1 марта (сентябрьский и мартовский годы). Понятно, что в этом случае события начала и конца года могли сместиться на целый год. Наконец, у разных авторов и в разное время существовала разная традиция подсчета лет от события до события. Одни включали в число лет год самого события, другие не включали. Так могла появиться разница еще в год. Все это для нашей темы второстепенно. Датировка, часто поневоле гипотетическая, нам менее важна, чем последовательность событий.

Тот же Фотий сообщает в «Окружном послании» 866—867 годов о крещении народа русь. Характеризуются новые христиане как народ, хорошо известный своей самостоятельностью и воинственностью. Заменив языческую веру христианской, Русь приняла епископа, из врага стала союзником, обещала Византии военную помощь. В «послании» сказано не только о факте крещения, но и об условиях, которые позднее становятся постоянными в договорах Киева с Константинополем. То есть в тексте «послания», вообще не вызывающего сомнения, есть важная для нас часть, подтверждаемая другими независимыми свидетельствами. В таких случаях исследователь склонен доверять всему документу в целом. Если, конечно, не обнаруживается каких-либо противоречий. Здесь их нет. Сведения Фотия подтверждаются «Жизнеописанием императора Михаила», окунавшего вместе с Фотием ризу: «установил дружбу и соглашение, уговорил принять крещение». Добросовестный историк-компилятор XV века Георгий Кедрин пишет, что «народ скифский — так продолжает называть русов византийская традиция,— прислав в Царьград посольство, просил сподобить его святого крещения, которое и получил».

Константин Багрянородный мимоходом упоминает «русскую епархию» среди епархий Константинопольского патриархата. Для него это один из фактов, находящихся где-то на периферии внимания империи. Церковный устав князя Владимира тоже содержит краткое упоминание о крещении Руси при патриархе Фотии.

Свидетельство о крещении Руси при Аскольде и Дире содержится в упомянутой нами выше Никоновской летописи. В ее тексте рассказ о походе Аскольда и Дира на Царьград сходен с текстом «Повести». Он лишь короче и глуше. Подробно о буре не говорится, о «чуде с ризой» тоже. Просто: «Взбраним им вышний промысел, паче же и приключися им гнев божий, и тогда возвратишася тщии (то есть тщетно пытались взять Константинополь) — князи их Аскольд и Дир».

Дальше сказано о заключении мира с русами и о том, что император Василий «преложи сих на христианство, и просиша архиерея, и посла к ним царь».

И хотя русы в результате переговоров «попросили архиерея», дальше дело их крещения пошло не столь гладко. Русы в Киеве потребовали от миссионера чуда. Византийский архиерей, разумеется, чудо совершил. Он бросил в огонь Евангелие, и огонь «не прикоснулся его». Русь удивилась, и «вси крестишася»[21].

Итак, первое крещение состоялось при князе Аскольде. Но важно выяснить, откуда в поздней Никоновской летописи появилось это свидетельство, насколько оно достоверно.

В летопись статья перенесена из Русского хронографа 1512 года, в котором, в свою очередь, были слиты тексты из разных переводов греческого Паралипомена хрониста Зонары. Князья Аскольд и Дир упомянуты не во всех, а только в одном из нескольких известных списков Паралипомена. Текст в Русском хронографе получил бо́льшую определенность, чем у Зонары. В оригинале сказано, что русы начали «нудиться на крещение», в хронографе — «вси крестишася». Разницу трудно не заметить. В хронографе западнорусской редакции текст вообще иной. В нем русы по поводу чуда с Евангелием дивятся силе Христовой, но относительно их крещения сказано вполне определенно: «Но аще не у время бе прославитися в них имени Господню». Разночтение, надо признать, немалое. Коррективы, понятно, не отменяют вероятности крещения Аскольда и какой-то части дружины. Мы привели и другие свидетельства крещения. Речь о том, насколько сложна в прочтении летопись и насколько требует осторожности использования летописного материала[22].

Следы первого крещения найдутся в древнем Киеве. Это первое христианство на Руси спустя лет двадцать или около того будет подавлено захватившей Киев варяжской дружиной Олега. Аскольд и Дир будут убиты, язычники — «варяги и славяне и прочие прозвавшиеся русью» установят дани, оттеснят хазар за Дон, начнут ставить города. Варяжский конунг Олег — он прослывет вещим — назовет Киев «матерью городов русских». Отсюда пойдет могучая «империя Рюриковичей». Но об этом — впереди.

Что же касается истории первого крещения, точнее, исчезновения рассказа о нем со страниц «Повести», то оно, по справедливому мнению Б. А. Рыбакова, «вполне объяснимо жестко проводимой в XI — XII вв. тенденцией связывать крещение Руси только с именем одного Владимира Святого, решительно отвергая миссионерскую деятельность греков в IX в. (Фотий, Игнатий)» [23].

Теперь понятны умолчания летописи, ее жесткая редактура, и мы можем рассмотреть кульминационный момент «Повести» — крещение Руси князем Владимиром Святославичем.

Но чтобы сквозь легенды летописи понять это важнейшее событие нашей истории, а не только то, что хотел и мог сообщить о нем Летописец, и то, что хотела сказать о них русская церковь, следует увидеть крещение на широком фоне истории Руси, более того — на фоне международных событий X века.

«Иду на вы!»

Святослав — фигура, казалось бы, рожденная былинным эпосом. Летописец, говоря о Святославе, как-то сразу забывает, что его позиция — христианская, что ему, смиренному чернецу, как-то негоже восхищаться и воинскими подвигами, и личностью упорного язычника. Из-под пера вырывается восторженная характеристика: «...легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел, не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах; такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». «Как пардус» — пардусы (гепарды) в то время водились в южной Руси. Ловкие бесстрашные звери хорошо приручались для охот, «пардусиные ловы» были любимыми княжьими забавами. Святослав не приручался.

В отрывке этом, даже в переводе, чувствуется какой-то сказовый ритм, это не обычная, а ритмическая проза. Возможно, Летописец включил в свой текст отрывок какой-то дружинной былины о Святославе. И кроме восхищения Летописца своим героем, для него уже древним князем, в описании есть внутренняя жизненная точность. Она позволяет увидеть за строкой этого сказа современника, участника княжьих походов, прекрасно знавшего быт конных маршей, коротких дневок и ночлегов посреди степи. Войско не обременено обозом, полководец бережет время марша, обходясь даже без походного котла. И как обозначена последовательность рациона дружины: на первом месте — конина, то, что всегда с собою, затем «зверина» — дичь, добытая стрелою или копьем на марше. Говядина — мясо, которое могли только реквизировать у населения во время похода,— на последнем месте. Это уже не перечень — это характеристика. Сразу вспоминается суворовская заповедь: «Обывателя не обижай!»

Впервые летопись показывает нам князя на коне. Ольга идет под Искоростень мстить за смерть Игоря. Дружина княгини сходится с войском древлян. Из города вышли, наверное, все, кто мог держать оружие. Знают, что правда на их стороне, знают и что пощады не будет. Против них превосходно обученные и вооруженные отборные воины, наемники-варяги. Два войска медленно сходятся. В челе Ольгиной дружины три всадника: князь Святослав, рядом по сторонам — Свенельд, воевода Игоря, теперь командующий дружиной Святослава, и Асмуд, «кормилец» Святослава, его воспитатель.

Оба тесных строя сошлись на бросок копья,— последние шаги перед рукопашной. Древляне медлят, может быть, еще надеются на милость. Опытный Свенельд точно улавливает решающее мгновение: пора. Воевода подал Святославу копье. Тот бросил его во врага. «Князь уже начал!» «Дружина, за князем!» — воскликнули Свенельд и Асмуд. «И победили древлян»,— заключает Летописец.

Дядька-воспитатель не зря стоял конь о конь со Святославом. Когда тот бросил копье, оно не полетело в ряды древлян, а, проскользнув меж ушей Святославова коня, ударило коня в ногу... Святослав был еще ребенком, и перед боем соблюдался древний дружинный обряд: «Князь уже начал!» Мы не знаем, сколько лет было в тот день 946 года Святославу. Вероятно, три-четыре. Летопись объясняет его неудачный бросок: «Бѣ бо дѣтескъ» (есть известие, что Святослав родился в 942 году).

О юности Святослава мы знаем только то, что сообщает Летописец. Князь воспитывался двумя разными мирами. Ольга овдовела еще очень молодой женщиной. Святослав — ее первенец и единственный ребенок. Воспитывается он под Киевом в Вышгороде, где была резиденция — «город»-замок княгини, и в дружине Свенельда, отцовской гвардии, состоявшей из варягов, убежденных язычников, веривших в оружие и клявшихся им. Мать приняла христианство, крестилась, пыталась обратить Святослава в свою веру, учила его христианству. Юный же воин «не брежаще того ни во уши принимати», то есть и слышать об этом не хотел, предпочитал старые дружинные обычаи. Случалось, и ссорился с матерью. Ольга же ему часто говорила: «Я познала бога, сын мой, и радуюсь, если и ты познаешь,— тоже станешь радоваться». Святослав отговаривался: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Краткий диалог, приведенный Летописцем, завершился разумным аргументом Ольги: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Это Святослав и сам знал прекрасно, но радости у него были другими. И летопись заключает: «Он же не послушался матери».

В Киеве, в Вышгородской крепости, в суровом солдатском быте дружины, вырос настоящий богатырь, воин, который был крайне неприхотлив, стремителен, более всего ценил воинские доблести и ту честь битвы, которая требовала, чтобы война была объявлена, чтобы — «Иду на вы!» — противник знал о предстоящих битвах. Он мог собрать силы, укрыть мирное население. Именно этого и хотел Святослав — избегались излишние жертвы, и в ту эпоху подчинения племен, достигавшегося мечом и копьем, в таких войнах и коротких схватках врукопашную, достоверно определялось, кто есть кто, кто кому вынужден быть подчинен и платить дань.

Когда Святослав вырос, он проводит жизнь — она оказалась короткой — в непрерывных далеких и быстрых походах. И походы эти показывают, что в Киеве вырос не только беззаветно смелый воин, богатырь из тех, что в бою всегда в первых рядах своей дружины, но и крупнейший стратег и политический деятель, твердо проводивший свою линию и в государстве, и в международной политике.

Ольга управляет Русью не только пока Святослав еще мал. Во время его постоянных походов гражданская, так сказать, власть сосредоточена в ее руках. Функции великого киевского князя разделены. Но разделены уже Святославом. И контролируются им. Все, что касается устройства внутри государства, административных и хозяйственных дел, сосредоточивается при дворе Ольги. Все, что относится к военным вопросам, внешней политике, взиманию даней с покоренных племен,— у Святослава. Святослав полновластен, и при нем нет соперничества во власти. Такова внешняя картина. На деле, мы увидим, все обстояло много сложнее. Летопись выделяет единственный пункт внутренних противоречий. Это — отношение к христианству. Казалось бы, тоже особых поводов нет. Святослав не запрещал креститься даже своим дружинникам, единственно, замечает Летописец, Святослав насмехался «над тем». Но, видимо, и здесь его более интересовали качества воинские, а не вероисповедные. Летопись не отмечает, что он насмехался над христианами, нет, только над тем, что они, его воины, крестились, русские ли, варяги ли.

Варяги. Нам уже не раз встречалось имя этого народа. В «Повести» есть летописная статья о призвании варягов, ее называют «варяжской легендой». Легенда эта имела свой смысл. Нам нет необходимости останавливаться ни на содержании, ни на идейной значимости этого рассказа. Однако варяги, играющие определенную роль на Руси, в том числе и связанную с ее христианизацией, должны попасть в поле нашего зрения.

С IX века вся Западная Европа трепетала перед молниеносными набегами норманнов. Норманны — «северные люди», они же викинги, так их называли на Западе, они же варяги, так называли их на Руси,— были действительно грозной силой, мало кто мог противостоять их боевой выучке, помноженной на крайнюю жестокость.

В Скандинавии раннего средневековья установились такие нормы наследования, когда имущество и земля переходили только по старшинству. Младшие отпрыски не получали ничего. Младших, сохраняя целостность скудных угодий севера, буквально пускали по миру, но не с сумой, а с мечом или боевым топором. Они с детства готовились к тому, что будут добывать себе пропитание оружием. На побережьях собирались отряды воинов, отчаянной

и уже хорошо тренированной молодежи, готовой, снарядив легкую ладью, отправиться к любым берегам. В этом им помогали и вздыхали с облегчением, когда очередная шайка поднимала паруса.

Великолепные мореходы, норманны создали тип легкого парусника, который одинаково хорошо вел себя и в открытом море, и на речных путях. Крепко сшитые, с небольшой осадкой одномачтовые ладьи викингов совершили, по словам Энгельса, переворот в мореходстве.

Норманны открывают и колонизируют Исландию, затем Эрик Рыжий, объявленный в Норвегии вне закона за убийство, отправляется еще дальше и открывает Гренландию, а его сын Лейф первый из европейцев обосновался в Америке.

Флотилии викингов опустошают берега Балтики, от славянской Лабы до юга Франции, прорываются в Средиземное море и громят его берега.

Пользуясь морскими приливами, норманны под парусами входили в устья равнинных рек Европы, и грабительские отряды оказывались внутри континента. В 886 году норманны долго держали в осаде Париж и сняли ее, только получив громадный выкуп. Ватикан составил специальную молитву: «От ярости норманнов избави нас, господи...» Добыча — единственное, что интересовало грабительские шайки,— это определяло тактику крайней жестокости. Норманны разоряли и выжигали города, убивали всех, кого могли. Нужно было, чтобы одно только имя норманнов, один слух об их приближении уже приводил в трепет и парализовал саму волю к сопротивлению.

Боевая выучка отрядов была великолепной. Победы давались им легко.

Проникали варяги и в Восточную Европу. По рекам, через Неву и Ладожское озеро, тем самым путем по Волхову и Днепру, который так и назовут «путем из Варяг в Греки», они не только опускались в Черное море. Пройдя Босфор и охватив кольцом Европу, встречались в Средиземном море с соплеменниками, проплывшими сюда через Гибралтар.

Варяги громили слабых, если же это не удавалось, то случалось, раскидывали лагерь и начинали торг. К тем, кого викинги не сумели одолеть, они охотно нанимались на службу. Так появляется (а затем изгоняется за море) варяжская дружина в древнем Новгороде, так оседают варяжские отряды в Старой Ладоге, спускаются к Киеву. Повторять или разоблачать известную легенду о призвании варягов мы здесь не считаем нужным. Достаточно сказать, что в науке она отвергнута давно, и отвергнута весьма аргументированно, причины, по которым «варяжская легенда» попала в русское летописание, выяснены. Причины эти — политические, и желающие могут обратиться к специальной литературе.

Варяги охотно служили и киевским князьям, и византийским императорам. И то, что Византия сильно страдала от норманнских набегов сама (норманны, в частности, отвоевывают у нее Сицилию), не мешало ей нанимать на службу норманнские отряды. Викинги — императорская гвардия — служили, надо сказать, неплохо.

При всякой возможности, захватом ли, верной ли службой, варяги стремились осесть на земле. Основывали свои «герцогства». Таковы Нормандия, сохранившая свое название с тех далеких времен, и Сицилия. На Руси норманны государства не создали. Здесь до них уже существовало объединение племен, из которого позднее вырастает древнерусское государство. Повсюду варяги, осев на земле, легко ассимилируются, быстро шел этот процесс и на Руси. Поселившись на славянской земле, отряды воинов входили в местную культурную и языковую среду, и полуславянские дети их получали русские имена, а внуки уже недоверчиво слушали дедушку-варяга, его россказни о том, как страшно рубились они борт о борт с греческим караваном, как раскачивала черноморская волна полную добычи ладью с головой дракона на носу...

Варягов ценили за умелость в бою, но боевые качества их наемных дружин сильно обесценивались именно профессионализмом. Варяг «работал» за жалованье, за долю дохода, подставлять голову за чьи-то интересы он не собирался, воевал расчетливо.

Таков и Свенельд, не раз упомянутый в «Повести». Свенельд служил Игорю, он обучает военному делу Святослава-ребенка, он вместе с ним в походах, воевода, правая рука...

Именно Свенельд со страшной жестокостью руководит подавлением восстания в земле древлян, разгромом древлян. Здесь «свой интерес». «Устюжский летописец» сохранил древнее свидетельство о том, что земля древлян была отдана Игорем для сбора дани Свенельду и тот брал «по черной куне с дыма». Бояре Игоря считали, что чрезмерно: «Дал ты одному человеку много».

Такие, как Свенельд, головы не подставляли. Своей головы. Много лет спустя на Дунае против Святослава оказались превосходящие силы византийской армии. Князь обратился к своим воинам со словами, ставшими хрестоматийными: «Не посрамим земли Русской, ляжем здесь костьми, ибо мертвые срама не имут!» Дружина ответила: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим», и можно быть уверенным — Свенельд промолчал. Складывать за Русь голову он не нанимался. Когда на Днепре в печенежской засаде Святослав гибнет, совесть Свенельда спокойна — он же предупреждал: «Обойди, князь, пороги на конях...» Святослав пошел на ладьях. Свенельд, бросив князя,— сушей и в Киев пришел,

и свою дружину привел в целости. Привел и стал служить юному Ярославу-князю, уже четвертому хозяину на его памяти.

Вроде бы упрекнуть не за что, предупреждал... Но вот, вернулся же, вернулся Свенельд, а не Святослав. Знал он, опытный и осторожный воин, о печенежской засаде. Не мог не знать.

Чем дальше, тем больше в Киеве варягов только терпели. Причин, понятно, хватало. Византия тоже достаточно трезво оценивала наемников.

Византийский феодал той эпохи, приближенный императора, оставил несколько записей, где для очень узкого придворного круга рассуждает, что империи выгодны иноплеменники, которые «будут служить верно и от всей души, смотря тебе в руки, чтобы получить кое-какие деньги и хлеб», что наемникам платить можно мало, что варяги всегда «служили за хлеб и одежду». Такие Руси были не нужны.

Скандинавские саги помнят Русь. Русские сюжеты поэзии скальдов связаны со временем княжения князя Владимира и Ярослава Мудрого. Исследователи северного эпоса установили, что варяги скандинавских сказаний на Руси оказываются в двух ситуациях: профессионального войска, тогда они окружены почетом и вниманием, и сборщиков дани. Последнее в сагах нечасто и относится только к окраинам государства. Князья действительно отправляли такие отряды за сбором дани. Треть собранного шла наемникам. Среди варягов были христиане — обычно те, кто с византийской службы переходил на русскую, и язычники. Язычество варягов отличалось от славянского не по общему — вполне сходному — характеру верований, а по конкретным религиозным представлениям, по скандинавскому пантеону богов. Мы знаем символику варяжских захоронений, боевые топоры бога Тора и т. д., сказания северного эпоса, в котором боги и герои встречают погибших в бою викингов в таинственной Валгалле, и там продолжается в пирах, состязаниях и битвах жизнь, во всем подобная земной...

Вероятно, варяжские верования накладывались на верования славянских племен, по-своему окрашивая их, принимая в свой черед какие-то представления от словен, чуди, веси... Надо думать, что славянский языческий пантеон становился от этого не только более многоликим, но и более противоречивым.

Даже если мы признаем сильное варяжско-языческое влияние на Святослава, противостоящее влиянию Ольги, которой, учитывая необходимость военно-дружинного воспитания князя, не удалось обратить его в христианство, то из одного этого резко отрицательное отношение Святослава к христианам понятным не становится.

Корни неприятия христианства следует искать в чем-то другом. Нам кажется, что оно объясняется прежде всего целями и задачами его внешней политики, а именно тем, что в этой политике

расходилось с политикой Ольги и ее киевского боярского и торгового окружения. Есть, правда поздние, известия о том, что во время последнего военного похода на Византию Святослав велел разгромить в Киеве христианские церкви и даже казнил князя Глеба, своего двоюродного брата. События эти относят к 971 году.

Раскопки языческого пантеона в Киеве подтверждают летописное известие. Фундамент пантеона — неглубокие рвы — сплошь заполнен битой плинфой (большемерный кирпич), осколками шифера, кусками штукатурки с фрагментами фресок. Один из руководителей раскопок, Я. Е. Боровский, уверенно интерпретирует находки как остатки христианского храма, разрушенного по приказу Святослава. Простой приверженностью к язычеству эти факты уже не объяснить. Попробуем рассмотреть события на более широком фоне.

Напомним, Святослав — воин, его жизнь в завоевательных походах. Он расширяет и укрепляет еще очень молодое государство. Может быть, поэтому князя-воина меньше заботит (пока по крайней мере) его внутреннее устройство.

Рассмотрим походы Святослава. Первый — «когда Святослав вырос и возмужал» — 964 год — поход на хазар. Каганат — конечная цель. Но сперва — на Оку и Волгу, через землю вятичей. Здесь Святослав лишь поинтересовался, кому они платят дань. «Они же ответили: «Хазарам, по шелягу с сохи даем» *. Перезимовав, видимо, в землях Камской Болгарии и обеспечив ее нейтралитет вооруженной рукой, весной следующего года он спускается вниз по Волге и наносит страшный удар по Хазарскому каганату. Берет Итиль и второй крупный город Хазарии — Белую вежу (Саркел), крепость, построенную хазарами для защиты от печенегов. Строил ее, кстати, крупный фортификатор, присланный из Византии.

Поход на хазар — это большая война, которая развернулась на огромном пространстве, захватив территорию от Камы до низовьев Волги, Северный Кавказ и Крым. Святослав проявил себя как талантливый полководец, может быть, крупнейший стратег всей этой напряженной эпохи военных походов, завоеваний, борьбы с кочевниками, арабами, норманнами и т. д. Разгром каганата великолепно продуман и столь же блистательно осуществлен. Первый поход — на север, в землю вятичей и камских болгар — отрезает от каганата возможных союзников и обеспечивает надежный тыл. В кампании следующего года удар Святослава вниз по Волге не дал возможность противнику опереться на тылы, собирая силы обороны.

Знаменитый путешественник — Ибн-Хаукаль в своей «Книге путей и государств» сообщает: «В наше время (это написано

* Этот шеляг (видимо, от латинского «солид») постоянно идет мерой дани «с сохи» или «с дыма» в «Повести». Своей монеты Русь еще не чеканила. Византийский же солид — около 4,5 грамма золота.

в 977—978 годах) ничего не осталось ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Дело в том, что на них произвели нашествие русы и отняли у них все эти области». И продолжает, что те, кто спасся от нашествия, рассеялись по соседним областям и теперь надеются заключить с русами договор и вернуться обратно, но уже «под их владычество».

От удара каганат уже не оправился. Хазарское объединение сохранилось, восстановилась и торговля, шедшая по Волге, но серьезную политическую роль каганат утратил. Святослав же, пройдя по Северному Кавказу, подчиняет прежних хазарских данников — ясов и касогов (предки современных осетин и черкесов), укрепляет Тмутараканское княжество — то есть торговый путь по Дону через Азовское море — и русское влияние в Крыму. Поход на хазар закономерен в политике Святослава.

Хазария была барьером торговли с Востоком. Хазария — естественный противник разраставшегося и крепшего Киевского государства. Полукочевые хазары держали в руках устье Волги, замыкая торговый путь в Среднюю Азию, на легендарные базары Багдада и дальше — до Индии. Путь, заметим это, находился вне контроля Византии. Таков важный *политический итог* похода Святослава.

Хазария и Византия были едины в том, чтобы отрезать Русь от торговли по Волге, Дону и Днепру... Столкновение с ними было неизбежно для Русского государства.

В Крыму был особый узел противоречий. Здесь впрямую сталкивались интересы Руси, Византии и Хазарии. Крым важен и в торговле, и стратегически — для всего Причерноморья. По просьбе жителей крымского города Климаты Святослав берет их и их земли под свое покровительство. Крым, контролируемый Византией, начинает тяготеть к Руси. Немедленно за разгромом каганата последовал неожиданный и стремительный бросок Святослава за тысячи километров от низовьев Волги — на Дунай. Летопись датирует его 967 годом, византийский хронист Скилица — августом 968 года... Шестидесятитысячная русская армия (или, точнее, флот) на ладьях вошла в устье Дуная.

Болгарское войско не выдержало первого же удара Святослава, и в короткий срок вся Восточная Болгария оказалась завоеванной. «Повесть» говорит о восьмидесяти городах, взятых на Дунае Святославом. Обосновался он в новом, заложенном им в дельте Дуная городе, которому дал символическое имя Переяславец.

В Киев его вынудила вернуться только осада города печенегами, но вскоре Святослав возвращается сюда, на Дунай.

Военные подвиги Святослава заслоняют нам князя — дипломата и политика. Святослав же стратегически и политически продуманно обеспечивает Руси выход в Каспий, к торговым путям на Восток

и тут же перехватывает низовья Дуная. Главная торговая магистраль материковой Европы — Дунай оказывается под контролем Руси. Трудно понять, как мог у еще, в сущности, молодого человека сложиться такой отчетливо точный план, сосредоточивающий в руках Киева важнейшие пути торгового транзита Европы. План грандиозный, выполнен он был талантливо, решительно и удивительно быстро, практически молниеносно. В Киеве упрекали его, он отвечал: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии — серебро и кони, из Руси же — меха и воск, мед и рабы».

Его «середина земли моей» объясняют по-разному. Тем, что Киевская земля роздана им сыновьям и что князь считает своей только ту землю, которую сам завоевал. Гипотеза подспудно строится на том, что Святослав — воин, воин прежде всего и, может быть, только воин. И наша летопись, «Повесть», рассказывая о Святославе в коротких ярких сценах, как бы дает все основания для этой характеристики. Чего стоит короткий рассказ о том, как во время последнего похода князя греки «испытывали его». Хотели узнать, что любит Святослав, и послали в дар золото. Кому-то из отправленных с подарком велели: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Когда внесли золото, Святослав даже не повернулся, не посмотрел на него и только коротко распорядился: «Спрячьте». На следующий раз подарком стали меч и какое-то еще оружие. Святослав обрадовался, меч взял, велел благодарить императора. Вывод греков был хотя и неутешителен для них, но правилен: «Лют будет муж сей». Вроде бы образ ясен. Но попытаемся увидеть ту внешнюю политику князя, которую он осуществлял военными средствами.

Итак, Киевская Русь объединена и соперник ее Хазарский каганат сломлен. Будущность восточного славянства обеспечена территориально и политически. Последовавший немедленный захват низовьев Дуная — это удар по интересам Византии, ее торговле, в которой европейский транзит Дуная играл роль первостепенную. Русь, взявшая под контроль торговлю сразу по всем ключевым ее путям, оказывается серьезнейшим соперником Византии. Столкновение неизбежно, и Святослав укрепляется на Дунае. В ответе Святослава на упреки с родины его «не любо мне» — не прихоть. Святослав излагает политическую программу. «Середина земли» кажется непонятной, если смотреть на Дунай из Киева. По взгляду с Днепра, земля Святослава — это и Чернигов, и Новгород, Псков и Тмутаракань, Смоленск... но Святослав определяет ее, глядя с Дуная, и его «середина» — Переяславец. Святослав обозначает три направления, откуда стекаются на Дунай «все блага»: из Чехии

и Венгрии, из Руси и из Византии. Направление князь указывает к Переяславцу. За словами ответа стоит: здесь середина, но земля моя — это Чехия и Венгрия, Русь и Византия. Переяславец не столица Руси, конечно же он и не столица гипотетической державы Святослава, но Переяславец на Дунае — столица активной политики Святослава.

Всякое сравнение, как известно, хромает, но все же напомним отдаленную параллель. Петр I переносит столицу из естественного для нее центра России, из Москвы, на край империи, на Балтику, в непосредственную близость к земле шведов, к противнику. Петербург петровского времени — это тоже не столько столица России, а более столица ее внешней политики: морской, торговой, промышленной.

Святослав — государственный деятель эпохи складывания феодальных империй. Только что, в 962 году, папа короновал в Риме Оттона I имперской короной. Буквально вчера, за несколько десятилетий до появления на Дунае Святослава, распалась Великоморавская славянская держава. На территории Чехии и Моравии, Болгарии и той придунайской Паннонии, на которой осели венгры, хорошо помнят князей Ростислава и Святополка, горячую проповедь святых Мефодия и Кирилла, священника Славомира.

Славяне в X веке занимают еще значительную часть Европы. Чехи и лужичане, лужицкие сорбы в самом ее центре. По Эльбе к северу до Балтики племена ободритов, лютичей...

И на их земли идет натиск германских племен. Империя Оттона походами в Южную Италию теснит также Византию. Византия ведет такой же натиск на земли южных славян, прежде всего на болгар.

Германский ли «Drang nach Osten», византийское ли покорение славянских народов — давление сопровождается самоуверенной и упорной насильственной христианизацией. Интересы «двух Римов» — католического и православного — сталкиваются прежде всего на южных славянских землях. И оба «Рима», захватывая земли, крестят, крестят, облагая данью, насильно крестят славян — одни на западный, другие на восточный манер.

Языческое славянство той эпохи вполне осознает свое племенное единство в культуре, языке, образе жизни, общности территориальной. Наконец, общности верований. Большинство славян все еще язычники. И там, где их насильственно крестят, христианство у славян пока еще держится только силою германского или византийского меча. Ни славяне по Эльбе, ни поляки, которых окатывают святой водой римские пресвитеры германских императоров, ни болгары, которых окунают в воду греческие попы, не упускают возможности порвать с навязанной им церковью, вернуться к прежним «греховным и бесовским» обрядам древних культов природы. Итак, христианизация славянства Европы встречает упорное сопро-

тивление «просвещаемых христовым светом» народов. На воинском знамени Святослава просто не могло быть ни креста, ни знаменитого христианского «сим победши».

И, высказав предположение о стремлении Святослава создать славянскую империю, отнюдь не невероятное, автор все же готов отказаться от него: может быть, Святослав и не вынашивал таких планов. Для нашей темы важнее то, что язычник Святослав вступает в решительное противоборство с христианской Византией. И что бы лично Святослав ни думал о христианстве, для него, князя, полководца, вопрос мог быть решен только однозначно.

Язычество Святослава — осознанная идейная позиция. Христианская Византия в этом смысле — враг. Западное христианство Рима — тоже. Убежденные язычники... Не то чтобы они очень держались преданий старины, нет, но дружина, живущая в постоянном походе, бойцы, витязи не видели в христианстве ничего, кроме смешных и практически, может быть, вредных мыслей.

Против Святослава собираются все силы империи ромеев и лучшие ее полководцы. Командует византийским войском сам император, Иоанн Цимисхий, военачальник умелый, решительный и опытный. Святослава обложили в небольшой крепости Доростоле. И здесь 21 июля после предложения Цимисхия решить дело поединком — греки явно колебались, опасаясь сражения,— состоялся дружинный совет, на котором Святослав решил дать бой.

Он начался на следующий день. Огромное численное превосходство ромеев вынудило Святослава, у которого оставалась только треть прежнего войска, вернуться в крепость. Ночью было решено начать мирные переговоры, Святослав заключает почетный мир. Получает большую дань, причем не только на живых, но и на убитых воинов: «возьмет за убитого род его», и возвращается на Русь. Летопись сообщает, что возвращался Святослав за новой дружиной: «Если перестанут платить нам дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». Скорее всего, постоянная дань с Царьграда была лишь мечтой княжьей дружины. Но это был мир, весьма обрадовавший греков. Договор же, заключенный Святославом и Цимисхием в Доростоле в июле 971 года, оговаривал мир, военную помощь и соблюдение условий прежних договоров.

Перед решающим сражением Иоанн Цимисхий обратился к Святославу с предложением о поединке. Обещал, что условия мира будет диктовать тот из них, кто одержит верх в единоборстве, и это будет полезнее ненужного кровопролития. Цимисхий был, как и Святослав, прекрасным бойцом, искусным, смелым, уверенным в себе. Великолепно владел мечом, обучен был «копьем потрясати, и лук тяглити, и стрелы верзать...». В битве — всегда впереди. Святослав совершенно неожиданно от поединка отказался.

Он, как сообщает византийский хронист, «с презрением отвечал императору так: «Я сам лучше знаю, что мне полезно, чем мой враг. Если ему жизнь наскучила — есть неисчислимое множество других путей, ведущих к смерти, пусть выбирает один из них, какой ему угодно». Ни на секунду нельзя заподозрить князя в том, что он струсил.

Все, что мы знаем о Святославе Игоревиче, исключает любую возможность его отказа от поединка по каким-либо личным соображениям, как их ни назови. И предложение Цимисхия хорошо обосновано. Первый боец византийской армии (а дело было так) предлагает единоборство — и это тоже было нередким в ту эпоху — первому бойцу войска противника. Что Святослав действительно первый богатырь своего войска, мы знаем со слов той же греческой хроники. Свидетельству со стороны противника здесь нужно верить вполне.

Ответ же князя странен. Святослав намекает на что-то хорошо известное императору, и сам его отказ выглядит даже оскорбительно. Дальше мы узнаем, что основания для отказа у Святослава были. Очень серьезные.

Сцена мирных переговоров с императором ромеев описана византийским очевидцем. Это — греческий автор Лев Диакон, сопровождавший Иоанна Цимисхия в походе специально, чтобы подвиги императора как-нибудь не пропали для истории. Описана очень сдержанно, а выглядело, вероятно, все и смешно, и нелестно для императора.

Место встречи — берег Дуная. Тонкая дипломатическая деталь: не император Византии отправился на тот берег, к «скифу» и варвару, а «скиф» к императору. Однако дальше все пошло не по византийскому церемониалу. Цимисхий явился в сверкающих драгоценных доспехах, в парадном императорском плаще, во всем царственном великолепии. Огромная, тоже пышно разряженная свита. Все верхом. Парадный выезд. Блеск золота, переливы шелков, звон оружия и конский топот. Святослав же прибыл с того берега в простом походном челне. Никакой свиты — несколько гребцов. Никакого парада. Гребцы-воины в простых холщовых рубахах. Святослав тоже. Князь ничем не отличался от своих гребцов, лишь белая рубаха его была почище. Мало того, сам греб вместе с ними. Как рядовой, а для византийца хуже — как раб...

Придворный хронист рассматривал его во все глаза. Среднего роста, необычайно широкий в плечах, силач с могучей шеей. Голубоглаз, длинные усы, борода сбрита, волосы на голове — тоже, только свешивается одна длинная прядь: знаменитый оселедец, который и века позднее будет отличать запорожскую казачью вольницу — Сечь. В ухе серьга. Лев, ученый Калойский дьякон,

очутился буквально в двух шагах от князя. Он хорошо разглядел эту серьгу: золотая с двумя жемчужинами, между которыми вставлен рубин...

Дальше хуже. Святослав во все время переговоров оставался в челне. Сидел, даже не привстал. Это было уже потрясением основ и совершенным оскорблением императора Рима, земного солнца вселенной. Сидеть должен был он. Перед ним следовало стоять. Сесть, но на что? Хронист этого не сообщил. На землю? Невозможно. Или кто-то кинулся за походным стулом? раскладным курульным креслом? Скорее всего, Цимисхий остался на коне. Торжественные переговоры окончательно приобрели характер обыденного разговора, с каким-то даже унизительным оттенком. Впрочем, переговоры были краткими. Гребцы оттолкнулись от берега и вместе с князем налегли на весла. Шокированные византийцы сделали вид, что все в порядке, конфуз списали на варварство «скифов»...

Воины хоронили павших в битве, сжигая их на громадных кострах. Резали и бросали в огонь петухов — жертвы богам, убивали пленниц — жéны погибшим: жизнь ведь продолжится и «там». Так пусть здесь все станет пламенем. Тяжелый столб черного дыма стоял над рекой. Византийское войско с ужасом наблюдало кровавый и жуткий обряд.

И пока Святослав готовил ладьи к морскому переходу, Иоанн Цимисхий срочно отправил к печенегам какого-то архиерея Феофила.

Тот сообщил, что Святослав с малой дружиной и большой добычей возвращается на родину морем, а основное его войско идет сушей. И печенеги напали на малочисленные ладьи. Святослава задержали на Днепровских порогах, там он и погиб в бою. Печенежский князек, какой-то Куря, велит сделать из черепа Святослава чашу, будет пить из нее на пирах, похваляться, какого великого воина одолел он, Куря...

Киев же постепенно становился христианским. Исподволь, но заметно менялись привычки, взгляды на мир. Происходивший на глазах князя переворот в сознании был ему чужд, как чужд, пожалуй, и феодальный образ жизни, становлению которого Святослав, не сознавая того, способствовал всеми силами. Сам он оставался каким-то славным и героическим осколком прежней военной демократии, демократии вооруженного народа.

Важная для нашего рассказа деталь: заключая договор, Святослав и его дружина клянутся, как клялись встарь: «Если же не соблюдем... будем прокляты от бога, в которого веруем,— в Перуна и в Волоса, бога скота...»

Никаких клятв христиан, присягающих в церкви, как это было в договоре Игоря, нет и в помине. Святослав — убежденный язычник, как бы случайно попавший в конец X века.

«Империя ромеев»

Империя римлян — так называет себя Византия. Не наследницей Древнего Рима — его прямым продолжением. Оснований у византийских василевсов-повелителей, как именуют они себя, достаточно. Византия IX—XI веков господствует на Средиземном море. В Константинополе — на «золотом мосту» мировой торговли — сходятся Европа и Азия, Север и Юг, Восток и Запад. Сюда долгими морскими и неспешными караванными путями приходят товары из земель немыслимо дальних, почти мифических — из вечно сказочной Индии, огромной и неведомой Китайской империи. Византия связана со всей «варварской» Европой. Отсюда по Средиземному морю, по Дунаю, Днепру, Дону и Русскому морю щедро текут на рынки Византии дорогие меха, серебро, воск, мед, зерно, оружие. Все это дарит обилие земли и производит нехитрое еще европейское ремесло. Наконец, рабы — самый ценный товар на многолюдных рынках Константинополя. Нужно сказать и об этом. До принятия на Руси христианства пленных, а часто и своих русских смердов княжья дружина и боярство Руси продавали в рабство. В Константинополе, почти рядом с причалами была площадка — русский рынок — рынок рабов. Святослав не случайно помянул: «Из Руси же... рабы». Русская церковь (это уже после крещения) воспротивилась работорговле, она была прекращена, и церковь даже выделяла средства на выкуп рабов (разумеется, только христиан) из плена.

Понятно, встает вопрос: а как же христианская Византия позволяла себе такой, совершенно нехристианский торг? Ответ по-византийски казуистический: христиане не рабовладельцы, а если какие-то варвары привозят рабов на продажу, то, во-первых, и варвары не христиане и привозят они таких же нехристей. Во-вторых же, и это главное, мы, ромеи, сами рабов не держим. Здесь их только перепродают другим варварам. В Евангелии же сказано: «Рабы, повинуйтесь господам своим». Совесть христиан-греков была, таким образом, ангельски чиста.

Впрочем, что там греков, и на Руси, вернее, в России еще в прошлом веке спокойно продавали «своих» мужиков и баб, даже оторвав от семьи. «Крещеная собственность»,— с гневом и болью говорил А. И. Герцен. Но вернемся в Константинополь.

В Византии высочайшее мастерство множества ремесел. Цеховые организации еще только начинают появляться в европейских городах, здесь же давно отлажен порядок, объединяющий ювелиров с ювелирами, отдельно ткачей, оружейников, мастеров, вырабатывающих всевозможные предметы роскоши, нежные невесомые шелка

и тяжелую золотую парчу. Введен государственный контроль за товарами, их качеством, количеством, регламент цен.

Царьград — крупнейший мировой порт. Здесь можно увидеть суда всего мира: местные галеры, и скедии, триеры, и дромоны, бороздящие Средиземное и Черное моря, кумбарии арабов, ладьи викингов, русские челны и насады, хорошо знающие моря севера Европы и плавное течение широких рек европейской равнины.

Золотой Рог — тихий залив Босфора, Суд русской летописи,— по обе стороны которого раскинулся Константинополь, своим плавным изгибом действительно напоминает коровий рог. Залив вдается в европейский берег на несколько километров. Спокойное течение (уровень Черного моря немного выше уровня Средиземного) обходит берега залива. Помните, как напуганный Фотий писал о русах, что, подняв мечи, проплывали мимо стен города? В Суде можно было не грести, течение тихо несло челны вдоль берегов. Золотой Рог и сейчас — одна из лучших и крупнейших гаваней мира.

Древний, уже в X веке древний, Константинополь опускался к морю, к пристаням, как всякий портовый город, густой сетью улиц, торговых дворов, харчевен, лавок менял, мастерских, портовых притонов.

Городишко Византий, основанный в какие-то совсем легендарные времена мифов Древней Эллады, стал столицей не только империи — всего мира. Так, во всяком случае, считают византийцы, переименовавшие город в честь Константина Великого.

Имя же Византа, если верить сказаниям древних греков, одного из аргонавтов, отправившихся в Колхиду за золотым руном, стало названием империи. Пророческое имя.

Византийцы, весь императорский двор, вся неисчислимо огромная патриаршья церковь, колоссальная и жадная бюрократия, судейские чиновники, менялы, мелкое рыночное жулье, торговцы чудотворными святынями, тюремщики, знахари, завсегдатаи ипподрома, оборотистое купечество, наемная, со всего мира собранная гвардия и всякий портовый сброд — словом, вся Византия здесь, в Царьграде,— в походе за золотом. Ради него снаряжаются в дальние страны караваны судов и воинские отряды, отплывают пышные посольства и авантюристы-одиночки. Конечно, эта «вся Византия» не включала ни ткачей, ни кузнецов, ни пахарей и виноделов — тот люд, который жил трудом своих рук. Эти о золоте и не мечтали. Погоня за золотом, чинами, доходными и престижными должностями, отличиями, пенсиями — это все характеризует прежде всего столицу, ее «свет» и ее «полусвет», бесчисленную и все умножавшуюся рать, стремившуюся к имперскому пирогу — кусок побольше и пожирнее, а там хоть трава не расти. Дело не только в особом столичном слое, порожденном бюрократией огромной империи

и порождающем ее. Причины эти верны, но они поверхностны. Византия уже миновала свой зенит. Империя — в ней пока никто и не подозревает об этом, это знаем мы, знаем, глядя из века XX в век X,— клонится к упадку.

Она живет богатством, силой и властью, скопленными в прошлом. Впереди еще будут победы на суше и на море, еще надолго хватит влияния и могущества этого государства, впереди у Византии еще два с половиной века медленного, в X веке внешне еще неощутимого, угасания. Нет, нет, что за безумство — пророчить гибель Византии времен Константина VII Багрянородного! Сама столица со множеством замечательнейших храмов, святой Софией, монастырями, огромными роскошными дворцами знати, не говоря уже о комплексе царских дворцов или патриарших, соперничающих друг с другом в роскоши и богатстве.

Константинополь, раскинувший дворцы, храмы, великолепные чертоги знати по берегам залива, Константинополь, чьи дворцы и монастыри не умещались в просторе могучих городских стен, уже в X веке раскинулся по обоим берегам Босфора, протянувшись, как и сейчас, зеленью густых садов и светлым камнем построек почти до самого Черного моря.

И с древней ладьи, как и с современного лайнера, полноводный, похожий на широкую реку Босфор издали раскрывал в голубоватой дымке жаркого дня купол святой Софии. Константинополь, Царьград, город цесаря. Нет, на храм еще не легла тень четырех окруживших его высоких минаретов, их пристроят к нему, к будущей мечети Айя — София завоеватели-турки. Над городом рисуется дуга огромного купола, дом святой Софии Премудрости божией — едва ли не восьмое чудо света. Никто в мире, кроме, может быть, быстроглазых египетских купцов да опаленных солнцем пустыни сумрачных александрийских монахов, которые знают древние пирамиды Египта, не может сказать, что видел что-нибудь столь грандиозное.

Собор построили в VI веке. Император Юстиниан поставил перед двумя замечательными архитекторами и математиками — Исидором и Анфимием задачу превзойти знаменитый Иерусалимский храм. Размером, богатством, красотой. Задача, заметим, характерна для религиозного миропонимания. Доказать истинность своей веры в рамках такой логики можно, только превзойдя кого-либо или что-либо размерами и богатством. Собственно, религиозная аргументация в делах веры всегда отсутствует. Она выливается только в масштабы строений и в роскошь или в то и другое вместе. И чем грандиознее — тем лучше. Так, средствами по сути бездуховными пытались утвердить свой духовный идеал.

Конечно, тут можно возразить, что кроме этого была еще и красота. В работу всегда включались лучшие художественные силы, и средства искусства служили религии, прославляя именно духовные

идеалы. Это верно, но искусство — средство *художественного познания* мира, и этим оно обоюдоостро.

Искусство черпает себя в жизни, и только в ней. Отсюда любые религиозные сюжеты так или иначе секуляризуются, возвращаются из религиозного мира «горних» ценностей в мир земной.

Так что оставим во славу божию только поражающие размеры и богатство.

Спустя одиннадцать веков на Руси патриарх Никон поставил зодчим юстинианову задачу: превзойти Иерусалимский храм Воскресения Христова. (В Иерусалиме был в то время уже другой храм.) Так появился Новый Иерусалим под Москвой, замечательный памятник русского национального зодчества. Храм в Палестине, как храм в Константинополе, как и многое множество в истории иных попыток превзойти во славу божию прежние святыни, остался в своем времени, его памятником, его культурой.

Понимать неразрешимость самой задачи — показать превосходство религиозной идеи средствами художественными — Юстиниан не мог и задачу такую поставил. Вместе с тем он как-то подспудно чувствовал, что поразить воображение легче всего размерами и богатством. И средств на Софию не жалел. Никаких. Строили собор очень недолго, всего шесть лет, но за это время казна богатейшей Византии, несмотря на огромный ради того же собора рост налогов и всяких даней, истощалась и пустела. Юстиниан решил было вымостить все полы Софии — это 7570 квадратных метров — золотыми плитками. С трудом отказался от этой идеи. Полы в соборе мраморные. Но золота Юстиниан не жалел. Шесть тысяч золотых светильников в соборе, если серебро, то только золоченое, массивные колонны из различного полудрагоценного поделочного камня. Слоновая кость, янтарь, громадные сияющие мозаики... Что золото, задумался Юстиниан,— это богато, но все же достаточно обычно. И некоторые богослужебные предметы изготовили из сплавов золота с драгоценными камнями.

Пора остановиться. Если бы не гениальное мастерство двух зодчих, София осталась бы в памяти потомства лишь выдающимся образцом расточительной, вошедшей в поговорку византийской роскоши.

Этого не случилось. Великолепна сама архитектура храма. Почти квадратный в плане (79,3×71,7 м) собор на высоте 55,6 метра перекрыт куполом. Диаметр его — около 30 метров — равно потрясал и современников, и далеких потомков. Простор под куполом казался необъятным. А сам купол, барабан которого прорезан сорока окнами, пронизанный светом, казалось, ни на что не опираясь, свободно парит над собором...

Пройдут века, и римские папы, чтобы доказать истинность и всемирность своего христианства, чтобы «превзойти» Софию,

построят в Риме грандиозный собор святого Петра. И превзойдут. Хотя бы размером.

В Царьграде множество других храмов, монастырей. Их великолепные мозаики — рассказы о христианских святых, праздниках, событиях церковной истории — высокие образцы искусства Европы средних веков, например, мозаика церкви Хора, рассказывающая о земной жизни Христа. Церкви Сергия и Вакха, святой Ирины, святого Андрея и многие другие — мы здесь назвали только некоторые из дошедших до нас — они и памятники византийской культуры, и свидетельства активной проповеди христианства, которую вели империя и ее церковь. К X веку сложилась византийская архитектура, создающая, в частности, типы христианских храмов, которые окажут сильное воздействие на архитектуру Руси и Западной Европы. Византия вырабатывает иконописные сюжеты, которые на века войдут в культ. В иконе и мозаике они переходят в Италию, формируя основы европейского искусства (напомним храмы Равенны V — VII вв. и мозаики Сицилии XI—XII вв.), а затем и на Русь. Вырабатывается византийская литургическая поэзия, которая также войдет в православный культ, и т. д.

Византийская же культура в значительной степени стоит на культуре древнего мира, на античной культуре. Традиции античности в христианском искусстве значительно переосмысляются, но они не ломаются и не искореняются в художественной культуре христианского мира. В центре внимания, как и в искусстве античности, остается человек, но теперь это человек христианизированный. Новое религиозное миропонимание чувственный мир язычества Древней Эллады переосмысляет как мир духовный, стремится разделить в нем «духовное» и «телесное», отдавая решительное предпочтение первому.

Процитируем В. Н. Лазарева: «Можно без преувеличения сказать, что византийское искусство сыграло в эпоху средних веков огромную, ни с чем не сравнимую роль. И не только в странах, исповедовавших православную религию. Западная Европа постоянно получала импульсы из Византии. Особенно сильными они были в XII—XIII веках, когда византийские влияния помогли преодолеть романский стиль с его тяжелыми формами и обрести более гибкий художественный язык. С наибольшей наглядностью они проявили себя в Южной Италии (норманнское королевство) и в тяготевшей к Востоку Венеции. Но они распространились также на Германию, Францию, Англию и Испанию. Совсем особое значение Византия имела для славянских стран — Сербии, Болгарии, Руси» [24]. Византия сохранила в списках сочинения Платона, Евклида, Лукиана — эти тексты лучшие из дошедших до нас.

Значительны византийская наука, образование, культура. С IX века существует высшая школа, основатель которой Лев

Математик — крупнейший ученый Византии, философ и механик. Его школа — это семь свободных искусств — по античному подобию и в античной традиции. Успешно развивается медицина, созданы руководства по хирургии, различные лечебники, суммировавшие тогдашний лечебный опыт, ботанические и другие знания в области естественных наук. При Константине Багрянородном развернулась большая работа по составлению энциклопедических справочников по различным отраслям знаний. Сам Константин был известен как писатель, в его произведениях, в частности, содержатся важные сведения о Руси, которыми мы пользуемся.

Громадна, богата и разнообразна художественная культура и литература Византии, переработавшая в христианском духе античную традицию — многовековой эталон культуры.

Патриарх Фотий был составителем Мириобиблиона — интереснейшего сборника аннотаций на 280 избранных книг. Многие из этих сочинений известны нам теперь только в изложении Фотия, в тех выдержках, которые он приводил в сборнике. Кроме собственной литературной (уже преимущественно богословской) традиции в Царьграде много переводят с других языков. Так, и на Русь через греческие переводы приходит индийский сборник «Стефанит и Ихнилат», «Повесть о Варлааме и Иоасафе» — вариант легенды о Будде. Византийские произведения, такие, как «Дигенис Акрит», переводились и в Западной Европе, они вошли, например, во фландрский эпос. На Руси же это одна из любимых книг вплоть до XVIII века... Следы очень раннего знакомства Византии с русами обнаруживаются порой совершенно неожиданно. Например, в «Акафисте богородице». Это едва ли не лучшее произведение греческой гимнографии, написано оно то ли Романом Сладкопевцем, то ли патриархом Сергием, может быть, каким-то другим поэтом VII века. Это поэтичнейшее благодарственное молебствие («Взбранной воеводе...») вошло в русскую церковь. Повод создания «Акафиста» — отражение нашествия на Византию аваров и славян, русов, в 626 году.

Все это — наука и культура, это церковь Византии, но была еще и высокая техника.

Столица замечательно снабжается чистой водой. В городе на берегу Босфора питьевой воды нет. В горах же вдали от Царьграда запружены реки, созданы озера. Вода из них по водоводу, двухъярусному акведуку Валента, проведенному к городу и через весь город на могучих арках, наполняет огромные цистерны. Это большие крытые бассейны. Они выкопаны так, что их покрытие вровень с землей и опирается на колонны, стоящие в воде бассейна. Цистерна Филоксена на 15 метров ниже поверхности. Размер ее 50×60 метров. Другая, Базилики, площадью 112×61 метр. Потолок ее держат 336 колонн высотою 13,5 метра. Цистерна сохранилась. В наши

дни туристы могут проплыть в лодках между выступающих из воды каменных колонн. «Цистерна 1001 колонны» VI века — современный Еребатан-сарай турецкого Стамбула.

Таков он, царьградский «водопровод, сработанный еще рабами Рима»...

Император Византии — «земное солнце», и власть императоров божественна по своему происхождению. В сложнейшем придворном церемониале он тоже станет образцом для европейских дворов, императору следовало отдавать поклоны, как богу: земные. Император «избирается на трон богом», и все связанное с его особой священно, почти божественно.

Константин Багрянородный пишет о торжественном царском облачении, которое Константин Великий получил вместе с императорской короной непосредственно из рук ангела. Эти предметы хранятся в святой Софии и настолько священны, что даже монарх самостоятельно не может их ни вынести из храма, ни в храме надеть самостоятельно, только с благословения патриарха. Иначе и царю — анафема. Санкция весьма решительная, но и противоречивая. Патриарх все же второе лицо империи.

Отношения Византии с Римом сложны. Правители Второго Рима считают себя владыками мира и церкви. Римский папа для них — епископ, первый епископ всего христианства, но все же после византийского императора второе лицо в этом мире. И видимо, в «том мире» — третье.

При Константине VII был разработан Устав Византийского двора — своего рода табель о рангах всевозможных придворных государственных и церковных чинов. В нем 92 ранга *. Вот, например, порядок размещения на парадном императорском обеде: во главе стола, в центре, «царь, самодержец, главный, царствующий». По сторонам цесаря — цари-соправители. Следующий в списке — папа римский, «первозванный друг царя, сидящий слева». Затем патриарх константинопольский, названный «вторым после папы, сидящим справа...». Митрополиты и автокефальные архиепископы размещаются в порядке культовой значимости кафедр. Их ранг по Уставу 54-й... а просто епископов — 56-й. Весьма далекие места даже в этой длинной табели.

Табель любопытно «уравнивает» константинопольского патриарха и римского папу: папа — «первый друг», но сидит он слева, на месте менее почетном. Патриарх назван после папы, но место его, справа от императора, почетнее. Правда, история не знает ни одного обеда у императора, на который бы прибыли и вот так сели константинопольский и римский первосвященники...

* Напомним: Табель о рангах, существовавшая до революции в Российской империи, насчитывала только 14 рангов.

При таком культе власти императора и его соправительствующего семейства в Византии, по существу, не было наследования престола. Легитимность, «законность» монархии утверждается только с конца XI века. В X же веке на троне сменяют друг друга члены нескольких знатных родов. Это Фоки, Мономахи, Комнины. За власть цесаря идет непрерывная борьба нескольких группировок. Борьба жестокая, коварная и кровавая. Но захвативший трон — сразу законный император. Его успех, кто бы он ни был и какой бы ни была цена этого успеха, трактуется как проявленная божественная воля.

И вся политика Византии полна коварства и вероломства. Империя все же дряхлела, сокрушительные набеги арабов сократили ее владения, на западных рубежах империи росли варварские королевства Европы, совсем рядом крепло болгарское царство, на севере — Русь. Византия лавировала в политике, ловко и коварно стравливала народы и государства, извлекая из этого выгоды за выгодами, и, маня посулами, почти всегда рассчитывалась за собственную политику чужой кровью. Византия умела при всем имперском величии быть угодливой и льстивой перед сильными и, крепко поторговавшись, найти союзников за сходную плату.

Константин VII оставил трактат «Об управлении империей». В нем много самых различных сведений, отвечающих заглавию, и много о том, как следует балансировать в государственной политике. Этот взгляд на мир с царьградского трона — сумма византийского опыта. Взгляд не приукрашивающий и точный. Константин Порфирогенет писал трактат для сына, который должен был унаследовать империю и политику империи.

Все хорошее и плохое сосредоточивалось здесь, на перекрестке мировых дорог, в столице империи.

Было истинное величие города на Босфоре, хранящего древности античной культуры и цивилизации Востока, искусство, которое оплодотворит мировую культуру, храмы, мозаики, иконы, шедевры декоративного и прикладного искусства, хранимые ныне крупнейшими музеями мира. Но был, кроме того, и второй город — «город желтого дьявола», чиновничества, ненасытно стягивавшего богатства огромной империи, растленного сбором пошлин и налогов, продажей должностей и грабительскими походами, взятками и многоценными «дарами» подвластных и подначальных. Бюрократия огромная и бесполезная, паразитировавшая на теплых местечках, лукавая и вероломная, угодливая и лживая. Все это чиновничество понаторело на обмане, возвело его в ранг государственной политики.

Византийцы умели коварно обмануть чужеземцев, в особенности чужеземных послов. Сил и средств для этого не жалели. Случалось, что, умно и дальновидно оценив нужду в каком-либо владетеле отдаленной земли, оценив возможности воздействия на даль-

него соседа-варвара, только понаслышке осведомленного о цивилизации «великого Рума», именно посольство этого варвара торжественно и низкопоклонно встречали на границе империи. Послов везли в Царьград через горы и долы, а больше через горы, через крутые перевалы и по дну горных теснин, везли не обычной дорогой, а путем самым кружным, долгим и неудобным. Путникам с хлопотливым радушием облегчали тяготы дороги, заботливо старались сгладить ее неудобства, всячески извинялись... Не слишком в те времена сведущие в географии путники простодушно убеждались в том, что византийцы — прекрасные люди, что они ценят послов и очень уважают их страну, но что путь в столицу ромеев чрезвычайно труден, столица недоступно далека и что по этой причине, скажем, воевать с ромеями — дело безнадежное.

Помогало это держать в руках Царьграда и торговые пути — ромеи брали на себя трудности передвижения.

В столице же умели принять нужного посла с великой честью и, чтобы убедить в могуществе Второго Рима, устроить грандиозный военный парад. Час за часом перед высокими гостями маршировали стрелки и всадники, тяжеловооруженная пехота сменялась легкой конницей, шли лучники и отряды, вооруженные мечами, метатели копий... Глаз уставал от блеска стали, пестроты одежд, ярких значков легионов и сверкающих доспехов. Уши глохли от воинственных кликов, которыми приветствовали послов. Воины шли мускулистые, ладные, один к одному, атлеты как на подбор... Собственно, так и было: на подбор. Чужеземные дипломаты не подозревали, что перед ними, меняя оружие и одежды, непрерывно кружит одна и та же специально для этого выученная воинская часть. Посольство, ошеломленное и утомленное, удостоверялось, что Византия — просто сказочно могущественна. Рассказанное — лишь пример практической дипломатии и политики Царьграда. Многому могла научить варваров Европы империя ромеев...

«Архонтиса русов»

Вернемся в летописный 946 год. Святослав еще «детескъ», его мать, только что овдовевшая Ольга, тоже молода. Правда, мы не можем назвать ее возраста. Свидетельства «Повести» и другие летописные источники расходятся между собой. Относительно возраста Ольги, относительно ее происхождения. Расходятся сильно. Снять противоречия не удается.

«Повесть» считает, что Ольгу в жены Игорю просто «привели из Пскова».

«Степенная книга» дает такой вариант появления Ольги в Киеве. Когда Игорь был в северных краях, ему как-то потребовалось переправиться через реку. Кликнул перевозчика. В лодке выяснилось, что перевозчик — девушка. Молодой князь, попытавшийся тут же поухаживать за красавицей на веслах, получил весьма решительный отпор. Девушка оказалась не только хороша собою, но и весьма рассудительна и сильна физически. Все это, если верить «Степенной книге», произвело на Игоря сильное впечатление, он вызвал Ольгу в Киев и женился на ней. «Степенная книга» — свидетельство позднее. Не все ее сведения поддаются проверке.

В уже упоминавшемся «Устюжском летописце» произведен такой расчет: Игорь взял Ольгу в жены, когда ей было десять лет от роду. Свидетельство вполне вероятное. В Древней Руси и много позже брак в таком возрасте считался нормой. Прожил же Игорь с Ольгой сорок три года. Если сопоставить это сообщение с «Повестью» (древляне убивают Игоря в 945 году, а Ольга умирает в 969-м), то умирает она в весьма преклонном возрасте. Приходится констатировать, что источники снова предоставляют нам весьма широкий выбор разнообразных возможностей. Следует также признать, что при современном состоянии изучения вопроса такой выбор никуда не годится, потому что никакого выбора сделать нельзя. Попробуем остановиться на том единственном, в чем наши источники единодушны,— на том, что Ольга очень хороша собою, а что княгиня овдовела все же молодой — предположительно. В пользу этого соображения говорит, правда, то, что Святослав — единственный ребенок Ольги, других детей у нее не было. При тогдашнем наследовании власти и весьма свободной языческой семье Игорь просто не стал бы долго ждать первенца и Ольга не попала бы на страницы летописей. Следовательно, княгиня овдовела молодой — остановимся на этой формулировке.

Не будем принимать за чистую монету сказочное в рассказе о мести Ольги древлянам. Легенда родилась в фольклорном созна-

нии эпохи, когда вся и всяческая информация шла только из уст в уста. В «Повесть» эти сюжеты могли попасть спустя столетие после описываемых событий. Единственное, что мы можем понять на основании легенды,— то, что подавление древлянского восстания было жестоким, наверное, неслыханным до того разгромом подвластной земли. Отсюда и сложились устрашающие сказы.

Заметим, что ни Ольга, ни Игорь не становятся героями былин, которые складываются как раз в это время. Народная память не любит ни такой жестокости, не любит она и пришлого варяжского конунга — Олега. Сюжеты же о мести древлянам — как отмечают исследователи — поэтическое осмысление похоронного славянского обряда, где покойника и несут в ладье и сжигают, подобно послам древлян... Оставим фольклорную линию «Повести». Нам важно, что факты государственного правления Ольги Летописец указывает точно. Однако и полностью отвергать все в сказаниях, включенных в летопись, не следует. Эпические сюжеты подмечают черты реальной Ольги: ум, рассчитанную точность действий, жестокость и вероломство. Качества эти соединялись с чисто женским обаянием: именно такой увидит Летописец Ольгу при дворе Константина Багрянородного.

Княгиня в первый же год своего правления резко меняет прежний сбор государственного обложения — «полюдье». В ту зиму Ольга проходит Русь от Древлянского княжества до далекой Новгородчины, «уставляюще уставы и уроки». То есть устанавливает твердые налоги и государственные повинности населения. Определяются места сбора даней и решения возникающих административных и хозяйственных вопросов представителями власти — погосты и становища. Проводится размежевание земель, выделяются места княжьих «ловов», охотничьих и лесных угодий. Земельные отношения приводятся в соответствие с теми тенденциями укрепления княжеской и боярской власти, которые соответствовали процессам распада прежней общины, рода.

Конечно же личная роль Ольги, о которой мы говорим вслед за Летописцем, была, вероятно, более скромной. Княгиня опиралась на боярство, дружину, богатых торговых гостей, на весь уже тогда немалый государственный аппарат.

И княгиня, и ее окружение уверены, что это они нашли и установили такой удобный и справедливый порядок: размер дани определен и известный излишек, что останется владельцу, может свободно идти на рынок, хоть в сам Царьград. Повинности исчислены, нет прежнего произвола, и смердам не нужно разбегаться по лесам, укрывая пожитки, а может, избегая еще горшего — веревки, на которой поведут в тот же Царьград на продажу... Ни боярские верхи, ни сельские низы общества не подозревают, что во всех их действиях пробивает себе путь объективная исто-

рическая закономерность, потребности того нарождающегося общественного устройства, которое со временем назовут феодальным.

В Пскове Ольга оставляет свои сани — своего рода дар городу. Летописец замечает, что псковичи хранят сани и в его время. Дар с подтекстом. Княжьи сани не просто память — они свидетельство власти, документ для всеобщего обозрения и всеобщего сведения, особенно важный в ту бесписьменную эпоху *.

Святослав не очень интересовался внутренними делами государства и когда вырос. Его замыслы были, мы знаем, иными. И, укрепляя новый феодальный порядок, Святослав не мог или не хотел видеть феодальной силы христианства, его идей и воззрений как надежнейшей идейной опоры того строя, который князь утверждал силою меча. Здесь киевские правители были дальновиднее. В Киеве, вероятно, среди дружинных и боярских верхов сложилась значительная и влиятельная христианская группа. В ней же должны быть и верхи купечества, те торговые гости, которых весы константинопольского менялы прикрывали надежнее, чем щит дружинника.

Во внешней политике эта группа должна была меньше желать войны, пусть победной, чем союза и прочных торговых связей с Византией.

Во внутренней политике мы видим ее действия в «уставах и уроках», а программа высказана в послании, которым киевляне сообщали князю об осаде города. Если для Святослава «середина земли» на Дунае, то в послании упрек: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул». Святослав, мы знаем, молниеносно появился в Киеве, «прогнал печенегов в поле, и наступил мир». Но в отчаянном вызове князя с Дуная между строк звучит: свою землю нельзя покидать, о своей земле следует заботиться.

Эту программу и осуществляет Киев. Конечно, в таком изложении все это только схема, и притом схема гипотетическая. В ней проглядывает тот Святослав, который «только воин». В жизни все было настолько сложнее, насколько это бывает только в жизни. Святослав много тоньше и точнее видел события. И политика его была продуманной и гибкой. Повторим, он признавал христиан даже в собственной дружине, и в посольстве княгини в Царьград, к императору Константину VII Багрянородному, были и его представители, так что есть все основания думать, что в планы матери он был посвящен. Небольшая, но характерная

---

* В Печорском монастыре под Псковом на всеобщем обозрении стоит дорожная карета, оставленная обители Анной Иоанновной,— попытка продлить церковно-монархическую традицию от княгини Ольги в XVIII век.

деталь. Ярополка, старшего сына своего, князь женит на гречанке, мало того что на христианке, летопись знает, что красавица гречанка была монахиней и взята Святославом прямо из монастыря. Существует предположение и о том, что Ярополк был крещен.

Впрочем, осуществлению военных планов Святослава все это не мешало. Политика, как это почти всегда бывает, делалась и военными и мирными средствами. В критический же момент Святослав начал гонение на христиан, а когда Святослав действовал, он — это мы знаем — полумерами не ограничивался.

Нам же следует учесть, что «византийская партия», сложившаяся вокруг христианки Ольги, была сильна и в делах государства играла в это время немалую роль.

Во всех этих сложных отношениях внутри и вне Руси, в объективном саморазвитии государства как насущнейший встает вопрос идейного обоснования новых форм общественной жизни. Для Европы такой идеологией становилось христианство. Ощущая потребности крепнущего строя, внутренние, сплачивающие его силы, Ольга всерьез задумывается о христианстве как государственной всеобщей религии.

Это, может быть, важнейшая причина ее заморского посольства, бесед с императором Византии и патриархом. Вторая причина, о которой говорят наши источники,— установление для Руси торговых отношений с Византией, более благоприятных, чем существовали по прежним договорам. В Константинополе Ольга, как сообщает «Повесть», приняла крещение. Все это ясно из летописного рассказа. Но была и еще причина посольства, о которой Летописец прямо не говорит, причина, тесно связанная с крещением Руси.

Существенный пробел в источниках Лакуна. В нашем повествовании много темных мест. И это — поездка княгини в Царьград, при всей яркой полноте рассказа о ней в летописи,— одно из самых темных мест. Полнота рассказа — кажущаяся.

Автор конечно же может неслышно, не скрипнув дверью, войти в келью Нестора и заглянуть через плечо Летописца, заглянуть, когда он выводит: «Въ лѣто 6463 иде Ольга въ греки...» Попробовать увидеть, что за материалы, какие рукописи, какие и чьи свидетельства лежали около него, почему он, «честный Нестор», отвергал одни свидетельства, принимал иные. Может быть, и это наиболее вероятно, еще до Нестора сложился рассказ о поездке Ольги и не было уже возможности у Летописца отойти от сложившейся версии, проверить факты.

Но как бы ни хотелось, не дано заглянуть в келью Нестора. Даже в воображении. При недостаточности и противоречивости (особенно противоречивости) сведений наших автору все равно

пришлось бы в этом воображаемом свидании опираться не на то, что знал Нестор, а на то лишь, что знает сам автор. Поэтому следует снова обратиться к тому, чем располагает сегодняшнее знание, историческая наука.

Относительно времени поездки Ольги в Царьград и ее тамошнем личном крещении в науке существуют разные точки зрения. Летописная дата поездки отвергается — не 957 год, а 954—955 годы. Говорится и о двух возможных поездках княгини. Дата первой — 946 год (в это время, по «Повести», Ольга совершает поход на древлян, стоит «все лето» под Искоростенем, осаждая город). Одни известия говорят, что Ольга была крещена в Киеве, в канун своей второй поездки, другие,— что крещение состоялось в Константинополе, как это написано в летописи. Все эти гипотезы аргументированы. Однако византийские источники, подробно рассказывающие о посольстве княгини, прежде всего сам Константин Багрянородный, вовсе не упоминают о ее крещении в Царьграде. Яхья Антиохийский (византийский хронист, современник, далекий от столицы) знает, что Ольга обращалась к императору с просьбой прислать священников на Русь.

Из Царьграда был послан епископ, который в Киеве крестил и саму княгиню, и каких-то еще людей. Яхья дает справку: «Нашел я эти сведения в книгах русов»[25]. В одной из недавних работ Г. Г. Литаврина интересно и остроумно, анализом деталей приема Ольги императором, доказывается факт посещения Ольгой Царьграда именно в 946 году. Исследователь полагает, что крещение самой Ольги состоялось все же в Константинополе, но во время ее второго посольства, то есть в 954—955 годах. Все это весьма любопытно и во всяком случае свидетельствует о том, что наука со времен Нестора на месте отнюдь не стоит[26]. Что же касается нашей темы, то достаточно безразличны и точная дата посещения империи, и даже возможность двух приездов в Царьград. Важно, что поездка (поездки) была связана с крещением Руси и с относящимся к нему таким деликатным сюжетом, как предполагаемый брак Святослава с одной из византийских царевен. Сюжет этот Летописцем окутан в такие легендарные наряды, что лишь с трудом просматривается в пересказе дипломатических переговоров Ольги, которые Летописцу в свою очередь вовсе не хочется раскрывать в их реальных подробностях.

Ранняя дата визита — 946 год (Святослав еще ребенок) — дела не меняет: браки, помолвки, во всяком случае, и в таком возрасте были нормой. Ведь речь шла о браке династическом, следовательно, переговоры могли вестись в любом из названных городов.

Путешествие княгини в «Повести» — это не строгая запись хрониста, а как все связанное с Ольгой под пером Летописца

становится легендой, расцвечивается узорами вымысла, за которым с трудом просматривается ткань событий. Вообще выдающаяся личность Ольги даже в этой, богатой определенными и яркими характерами, эпохе ставит Летописца в тупик. Он уступает перо писателю, даже поэту, создает образ то надменной, то смиренно склоняющей голову красавицы, тонко кокетничающей с императором.

Ольга — первый женский образ русской литературы, и образ этот, при всей легендарности сюжетов, художественности, ближе той правде истории, которая оказывается вернее педантичного следования фактам. Поэт часто видит дальше и глубже историка, и легенда, преображая правду факта, становится правдой истории.

Посольство прибыло в Царьград, вероятно, в конце лета — начале осени. Оно было большим. Византийские документы перечисляют — девять человек особо приближенных к Ольге, среди них ее племянник (по имени он не назван). Далее идут 22 «сла» от русских княжеств, среди них несколько человек представляют Святослава. Затем 42 купца. Их включение в посольство показывает, что торговым интересам Киева княгиня придавала значение важное. Можно было бы предположить — решающее значение, но вероятнее, что княгиня просто воспользовалась торговым караваном из Руси. В посольстве три переводчика — один из них личный, княгинин.

Кроме того, в свите Ольги византийцы насчитали 16 «приближенных» женщин и 18 человек женской прислуги. «Приближенные» — это часть двора, те, кого века спустя называли фрейлинами.

Был в посольстве и священник. Русская флотилия причалила на известном месте, в Суде. Купцов разместили, как обычно, на подворье монастыря святого Мамонта, и они занялись своими торговыми делами, а вот собственно посольству княгини пришлось подождать... По мнению Ольги, слишком долго. Византийцы умели поводить за нос кого угодно. Император всякий раз оказывался занят делами чрезвычайной важности.

Перед княгиней, «архонтисой русов», извинялись, но официальный прием откладывался со дня на день. Такое — выдержать приезжих, отчасти для большей сговорчивости, а более из спеси,— существовало в посольской практике с очень давних времен. Ольга понимала это. Важно, чтобы ромеи не перешли границ, когда проволочки переходят в дипломатическое оскорбление. Границ этих Константин VII не перешел. А пока Ольгу занимали, чем приличествовало. Мы знаем, чем и, главное, с какими целями занимало знатных чужестранцев в столице тамошнее министерство иностранных дел...

Град Константина, конечно, поражал всякого приезжего. Вряд ли Ольга осталась равнодушной к этому действительно великому городу. Прежде всего резкость контраста: каменные громады храмов и дворцов, на века сложенные оборонительные стены крепости, неприступность башен и камень, камень — всюду камень. Как это соотносилось с дремучими лесными дебрями и тихими реками русских равнин, с редкими поселениями пахарей и охотников, еще более редкими небольшими городами, обнесенными бревенчатой стеной или просто частоколом? Зеленые просторы Руси и здешние скученные ремесленные кварталы:- литейщики и ткачи, сапожники и сыроделы, чеканщики и мясники, ювелиры и кожевники, кузнецы, живописцы, оружейники, судостроители, нотариусы, менялы. Строгая иерархия занятий и ремесел. Мастера сдержанно хвалят свои действительно отличные и удивительно дешевые товары. Цена вырастет потом, когда вещи пройдут десятки рук, обрастут налогами и пошлинами, а когда чиновники, казалось бы, взыскали все, что положено, и еще сверх того, и взять уже вроде нечего — требовали просто так, «подарок».

На Руси этого пока не было. И пока мало где на Руси дымились горны да слышался перезвон кузниц. Больше стук топоров. Еще дубили шкуры зверей, мочили лен, молотили хлеб... Правда, в Царьграде все продавалось и, стало быть, все покупалось. А Русь везла на его рынки — на мировой рынок — нечто совершенно бесценное — меха, пушнину северных лесов. И в Константинополе, и на базарах сказочного Багдада, и еще дальше — повсюду это предмет самой изысканной и расточительной роскоши. А еще воск, мед... Долгие века еще Русь — Россия будет вывозить на рынки Европы товары, которые называли традиционными в ее экспорте. Холсты, льняные и конопляные ткани, лес, сало, кожи. Назовем только эти виды нехитрого, казалось бы, товара — ценнейшее стратегическое сырье. Лен и конопля — это паруса и канаты, это флот, это господство на море. Сало — веками, вплоть до недавнего времени — практически единственная смазка, без которой нет промышленности. Кожа — это упряжь и седла, обувь и походное снаряжение. Мед — необходимый и ничем не заменимый в ту эпоху продукт. Во многом, очень во многом на русском экспорте росла и стояла промышленность Европы.

И все начиналось с Киевской Руси, и было ясно уже Византийской империи, активно стремившейся к хозяйственным, экономическим, торговым связям с Русью, к русскому рынку, русским товарам. Конечно же Ольга любовалась храмами и памятниками, мозаиками столицы ромеев. Должны были запомниться шестидесятиметровая колонна Константина с фигурой императора— она будет и через века впечатлять русских паломников-христиан, и древний монумент посреди ипподрома — тридцатиметровый

из розоватого египетского гранита — трофей, перевезенный в столицу еще в конце IV века, в 390 году... Это, конечно, не то, что оставить свои сани...

Многое, очень многое и примечательное видела Ольга в Царьграде.

Посмотрим на тогдашний Константинополь глазами великой княгини, правительницы большого государства, оценивающими увиденное. Ольгу-женщину мог увлечь весь сказочный Царьград. Ольга-княгиня трезво видела, что далеко не все, пожалуй лишь немногое, может быть соотнесено с Русью в этой чужой жизни. Да, акведук Валента — канал над городом — чудо строительной техники, но к чему он в Киеве? В Царьграде нет пресной воды, а в Киеве прозрачное течение могучего Днепра, что не уступит и самому Босфору.

Каменные крепостные стены? Но в ту эпоху они не были надежнее деревянных. Половецкая стрела не страшна и за частоколом. Воин же рус — всем известно и Византии тоже — сто́ит любых трех заморских наемников.

Каменные дома? Опять-таки вряд ли особенно привлекали. Русь — на долгие века — страна лесов и полей, крестьянская, пахотная. Зачем и кому в ней каменное строение? Без нужды оно, и не по климату, и не по роду занятий. Памятники? Монументы? Русь еще очень молода, ей пока нечего и некого отмечать такими сооружениями.

Причудливы и поучительны зигзаги истории. В стихотворной эпитафии на гробнице Никифора Фоки снова об угрозе с севера:

> На нас устремилось русское всеоружие,
> Скифские народы яростно порываются к убийствам.

Это о походе Святослава. Среди многих памятников Константинополя на Таврийской площади (Таврия — это Крым) монумент с рельефами на военные темы. Один из них изображал — это написано в путеводителе X века по Константинополю (был и такой) — последние дни города, «когда русы будут разрушать его». Барельеф — предостережение, память грозного похода Аскольда. И барельеф — пророчество. В конце концов неприступный город был взят штурмом. Но не варварская Русь, которой, оказывается, еще в те времена пугали западную цивилизацию, разгромила Константинополь. Он был взят и разграблен христианами-крестоносцами в 1204 году. История учит. Тех, конечно, кто слышит ее уроки...

В «монументальной пропаганде» ромеев звучала основная мысль «русской», если можно так выразиться, политики Византии: опасение, большая заинтересованность, стремление поставить «этих скифов» на службу интересам империи.

Посольство, надо полагать, барельефом поинтересовалось. Что думали русские «слы», сказать трудно, а политику Византии наши «скифы» прекрасно понимали и без этого.

Наконец 9 сентября 957 года, в среду, в Магнавре, тронном зале дворца, состоялся императорский прием. Прием закончился парадным обедом в честь «архонтисы русов» и ее посольства. Прощальный прием 18 октября был столь же торжествен. Мы не знаем, как шли переговоры Константина и Ольги, посольства с правительством империи. По результатам ясно, что они не были удачны. Ольга уехала раздосадованной, и отношения между державами улучшить не удалось.

Византийские источники о характере переговоров не сообщают. Надо полагать, что предложения Киева были признаны не соответствующими интересам и достоинству империи и поэтому — византийские документалисты избегали фиксации не слишком приятных фактов — не были записаны.

Вероятно, предложения Руси представляли собой то, что в современной дипломатии называется «пакетом», то есть должны были рассматриваться все вместе. Очевидна заинтересованность Византии в военной помощи, в этот период действительно остро необходимой империи, а также взаимная заинтересованность в принятии Русью христианства, но здесь-то, видимо, переговоры сорвались.

Мы можем предполагать это с достаточной долей уверенности. Взаимные интересы Киева и Царьграда останутся прежними и много позднее: политическая ситуация, сходная в общих чертах, повторится спустя сорок лет. Вероятно, стороны взаимно сочли требования чрезмерными. Ольга вела речь о династическом браке (так произойдет и при Владимире). Византия выдвигала условия вассальной зависимости Русского государства. Договоренность не могла быть достигнута. Будущее покажет, что империя совершила ошибку. Константин VII оказался недальновидным политиком.

И, надо думать, уже на следующий день после прощального приема русская флотилия подняла паруса. Снова раскроем страницы летописи. Примечательны в ней прощальные слова Ольги патриарху: «Люди мои и сын мой язычники,— да сохранит меня бог от всякого зла». Никакого «зла» от своих людей Ольга не боялась. Ее слова — утверждение: были и останутся язычниками, крещение Руси не состоится.

Относительно личного крещения княгини и части ее свиты в Царьграде мнения исследователей расходятся. Важный аргумент в пользу того, что Ольга была крещена до поездки: византийские хроники и сам Константин не преминули бы отметить факт ее крещения в Царьграде, в описании же приемов императором

в Магнавре, а затем прощального приема императрицей в зале Юстиниана нигде не говорится о крещении «архонтисы русов». Такие факты, важнейшие в политике империи и деятельности ее церкви, византийцы отмечали непременно. В те же годы в Царьграде крещены, например, два венгерских князя, и это византийцы фиксируют протокольно. Совершенно невероятно, чтобы крещение Ольги сочли не заслуживающим упоминания.

Может быть, только дар Ольги — большое золотое блюдо, в отделке — «камень драгий» и жемчуг, блюдо, которое Ольга пожертвовала в святую Софию и которое показывали в Царьграде еще в начале XII века,— мог бы считаться крестильным вкладом княгини.

Так его рассматривает и Русская православная церковь. Традиция давняя, но столь же вероятно, что блюдо — свидетельство принятого обмена подарками. Ольге тоже были вручены «многочисленные дары — золото и серебро, и паволоки, и сосуды различные». К тому же ничто не мешало Ольге сделать вклад в храм в том случае, если бы она была крещена на Руси.

Остается деталь, которая требует объяснения. При крещении Ольга получила имя Елены. Это частность, но частность важнейшая. В крестильном имени пытались предугадать, точнее, мистически ознаменовать судьбу, связывая имя с тем «соименным» святым, по которому оно дано, и с теми, кто это имя достойно — опять же с христианской точки зрения — носил... Еленой звали мать Константина Великого. Это она, христианка при сыне-язычнике (а Константин принял крещение едва ли не на смертном одре), отправилась в Палестину, чудесно обрела там величайшую христианскую святыню — крест, на котором распяли Христа. Та, «древняя Елена», много радела об укреплении христианства в Римской империи.

Вот на такую роль матери-христианки при сыне-язычнике, который под ее влиянием примет истинную веру, и «предназначает» Ольгу-Елену ее новое имя.

Догадка не рушится, если Ольга крещена в Киеве перед отъездом.

И если переговоры княгини о браке сына — поиски ею династической невестки в семействе порфирородного императора — оказались (пока!) тщетными, то Летописец превращает их в галантную историю в духе средневековых романов.

Домогательства Ольги превращаются в домогательства Константина и выглядят даже несколько комично: «И увидел царь, что она очень красива лицом и разумна (какая, однако, перекличка с Никоновской летописью, с рассказом об Ольге-перевозчице.— *Г. П.*), и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице

нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница, если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестили ее царь с патриархом». После этого Константин с завидной прямотой говорит Ольге, точнее, уже Елене: «Хочу взять тебя в жены себе».

Вот тут и последовал хитроумный ответ княгини, после чего императору осталось только признать: «Переклюкала мя еси...» (то есть перехитрила).

Константин уже давно был женат, и императрица Елена — еще одна знаменательная соименность для династических устремлений Ольги — торжественно принимала русское посольство во дворце. Игривая беседа с Константином — обозначение Летописцем действительно имевших место переговоров матримониального характера, но о браке Святослава. Они были неудачны, и летопись превращает их в неудачное сватовство Константина. Сохраняются оба существенных момента переговоров: сватовство и отказ. Реалии же, как мы видим, преобразованы в насмешку над цесарем благоприятным для чести княгини образом.

Отношения не с империей, а с Константином были испорчены. Император рассчитывал свою политику, полагая, что византийское влияние сможет быть распространено без учета интересов Киева. Это было ошибкой византийской дипломатии, не оценившей роста силы и влияния Руси; впрочем, это обычная ошибка прегордой Византии, всегда низко оценивавшей «варваров».

Империи уже вскоре потребовалась помощь, и Константин отправил послов в Киев. Ответ Ольги показывал, насколько она раздражена недавними переговорами и проволочками в приеме посольства.

Ольга пообещала прислать войско, «если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду...» Почайна — приток Днепра, где была торговая пристань Киева. Ольга хорошо помнила, как ее корабли стояли в константинопольской бухте.

Дипломатического разрыва не было. Торговля шла прежним порядком, а когда воцарившийся Роман II тоже просит военной помощи, Ольга в 961 году посылает киевскую рать, «воев» в помощь империи, обороняющейся то от арабов, то от набегов норманнов, то от сильнейшего болгарского войска. О крещении Руси речь пока не идет. «Похвала Ольге», помещенная Летописцем в год ее смерти (969 г.),— агиографическое прославление княгини — как бы предваряет грядущие события. Ольга сравнивается с луною в ночи, с зарею перед светом, с денницей перед солнцем. Солнцем Летописец назовет Владимира. Пока же он исподволь готовит читателя к своему главному сюжету — крещению Руси.

«Робичич»

Князь Владимир — одна из самых ярких фигур истории Отечества и, может быть, крупнейшая в Древней Руси. Непростая личность. Это только кажется, что сквозь даль десяти веков в скупых строках дошедших до нас известий трудно увидеть этого многогранного, страстного и талантливого человека, взявшегося решительно расчистить путь новому социальному развитию государства, сломать старые идеологические основы, дать ему «новую веру», новые идеалы, новый смысл жизненных ценностей.

Когда в 969 году печенеги неожиданно осадили Киев и гонец мчался к Святославу на Дунай за помощью, воевода Претич сумел коротким ночным броском на ладьях к стене города выручить Ольгу. С княгиней были и ее внуки. В челне сидели Ярополк, Владимир, Олег. Пройдет несколько лет, и совсем еще юный Олег поднимет меч на Люта, сына варяжского воеводы,— после гибели Святослава варяги стали забирать силу в Киеве. Старый Свенельд отомстит, заставит Ярополка повести войско на Олега. Олег погибнет трагически и нелепо.

Его воины, разбитые варяжской дружиной Ярополка, панически спешили укрыться за стенами Овруча. И снова на Древлянской земле развернулась дружина Свенельда. Усобицы на Руси кровопролитными обычно не бывали. Смердам не очень-то хотелось истреблять других, таких же подневольных, ради княжьих распрей. Да и князья не стремились ни к большим потерям, ни к большому урону противнику — равно невыгодно. Иное дело здесь: рубили варяги, чужеземцы, рубили страшно и безжалостно. Только этим можно объяснить панику Олеговой рати, спешившей укрыться за стенами Овруча. На крепостном мосту у ворот города так теснили друг друга кони и люди, что многие попадали в ров и были раздавлены там. По другой записи, мост не выдержал тяжести беглецов, обрушился, погребая всех. Среди задавленных был Олег.

Смерти брата Ярополк, видимо, не хотел. Тело Олега нашли во рву, принесли, положили на ковер. Ярополк плакал, потребовал Свенельда, бросил ему в горечи: «Этого ты и хотел». Жестокий Свенельд молчал. Обошлось без меча, но боги помогли, Лют отомщен, и все сделалось как нельзя лучше.

Впрочем, так считал и Ярополк. Он наследовал землю и власть младшего.

Владимир был в это время в Новгороде и, когда пришла весть о смерти Олега, долго не раздумывал. Идея единовластия казалась само собою разумеющейся. Владимир думал о себе. И ле-

топись сообщает, что новгородский князь «испугался и бежал за море». Но это не страх или не только страх. Наш «политический эмигрант» бежал с тугой мошной. И вскоре он возвращается. Из Скандинавии? Из Дании? — не знаем, но возвращается он в Новгород «с варягами».

Настала очередь Ярополка. Владимир поведет на Киев свое войско, Ярополка обманом зазовут в отцовский терем, и там, в сенях, два варяга бандитским ударом под ребра буквально поднимут его на мечи. Владимир станет великим князем киевским, единовластным правителем Руси. Так будет.

А сейчас гребцы налегают на весла, и Ольга прижимает дрожащих от утреннего холода внучат к днищу челна,— не ровен час, печенеги опомнятся и ударят вдогон звенящими стрелами.

Все обошлось.

Святослав, отбросив печенегов от города, занялся делами государства: Ольга при смерти, и для того, чтобы вернуться на Дунай, князю многое следует уладить в Киеве, в Чернигове, в беспокойной Древлянской земле, на севере — во всем огромном государстве. Святослав распоряжается быстро и точно: Ярополку — Киев, Олега — к древлянам. Когда же новгородские бояре и торговые гости стали просить князя, Святослав даже призадумался. «А кто бы пошел к вам?» — спросил он и предложил Новгород Ярополку. Тот не захотел. Отказался и Олег. Новгородцы даже пригрозили: «Сами найдем себе князя». О Владимире, судя по «Повести», речи не шло. Летопись как бы не видит этого сына Святослава. И сам он не принимает его в расчет. Владимир — сын ключницы Ольгиной, Малуши, сын рабы — «робичич». Сын, конечно, законный — понятия восточных славян о браке были прежними, многоженство еще в обычае. Законы о детях, рожденных в браке, и детях внебрачных, «незаконных» — это понятие из будущего, тогда уже недалекого. Различия, постыдные и несправедливые, принесет христианство, христианская мораль. И все же в обществе, где так много определяли права наследования, эта разница уже существовала. Сын Святослава, безусловно, княжич, но вот мать княжича могла быть и другого рода...

Ключник, ключница по тем же феодальным нормам, конечно, должны быть рабами. Кто распоряжается припасами княжьего дома? княжьего двора? княжьей собственностью? Ключник. Так как же он сам может не быть такой же собственностью? «Русская Правда» зафиксирует эту норму: «А се третье холопство, привяжет ключ к себе без ряду». Это холопство — обельное, полное, то есть рабство. Конечно, если «с рядом», с договором, то дело в договоре. «На том же стоит»,— заключает свою статью 110 устав Владимира Всеволодовича, прямого потомка той самой Малуши, которая «привязала ключ» — знак ответственной, но рабьей должности.

Тут много значил Добрыня, родной дядя Владимира, брат Малуши. Мы застаем его при Владимире воспитателем. После гибели Святослава он — ближайший родственник и, по обычаю, стал мальчику «отца в место». Место отца — это и обязанности и права отца. По тем, весьма патриархальным, временам — немалые. И здесь Добрыня стал выдвигаться при киевском дворе. Судя по дальнейшей его деятельности при Владимире, он и за море едет, и в Новгороде идолов ставит, и свергает этих идолов. Многие очень ответственные поручения княжьи выполняет Добрыня, человек и талантливый, и расторопный, и обходительный. Это он, «славный Добрынюшка Никитич», вошел в цикл киевских былин богатырем и добрым молодцем, щедрым и тароватым. Он и гусляр-сказитель, и богатырь, свой и в пирах и в былинных (тоже исторических) богатырских заставах князя Владимира. Летопись отмечает: «Бе Добрыня храбр и наряден муж». В одном из походов в поиске новых данников он показал Владимиру на пленных: «Посмотри, князь, они все в сапогах. Эти нам дани не дадут. Пойдем поищем себе лапотников...» Наблюдение острое, и Владимир согласился.

Впервые мы встречаем Добрыню на страницах летописи, когда Святослав распределяет княжения. Это он посоветовал новгородцам: «Просите Владимира». Почему новгородцы согласились? Чем обошел их Добрыня? Думали, что «робичич» будет покладистее, чем «прямые» князья, терпимее к их торговым и боярским вольностям. Хорошо, что Владимир еще мальчик, новгородцы и потом любили, чтобы князь подрастал у них, вживался в землю. Добрыня и вовсе казался человеком подходящим: из простых, не богат, двора своего нет. Словом, рассчитали, решились и пошли к Святославу: «Дай нам Владимира». Тот был краток: «Вот он вам».

Владимир княжит в Новгороде, ладит с боярством и купцами быстро растущего и богатеющего города, приносит кровавые жертвы на Перыни, жжет вокруг фигуры резного идола костры священного и всеочищающего огня.

И тут потянулась цепочка как бы случайностей. Пал в засаде на порогах Святослав — случайность. Олег встретил Люта на охоте в своем лесу и убил его — случайность. Сам погиб во рву — случайность.

И поднялись, двинулись, нарастая, какие-то глубинные силы: поскакали гонцы в Новгород, изготовились к бою дружины, воины оглаживают коней, пробуют крепость подпруг, вьючат походное снаряжение.

Стража зорче смотрит с городских башен вдаль. Пока еще все смутно, все неясно.

Но, полно, действительно ли игра случая приведет в Киев Владимира? А если бы Свенельдич, когда погнался за ним по лес-

ным полянам Олег, остановил коня и коротким ударом меча сразил Олега?

Да, мозаика фактов, случаев, частных деталей могла быть иной. Но угроза варяжского засилья в Киеве при Ярополке вполне реальна, и, так или иначе, столкновение с варягами было неминуемым.

После Святослава неизбежно и сосредоточение власти в одних руках — руках великого князя. Олег мог жить, но борьба за власть — насущная задача. Через случайность, через игру случая пробивает себе путь историческая закономерность. И здесь, в частных фактах далекого прошлого, для нас свидетельство того, что Киевская Русь — относительно недавно еще объединенные союзы племен — пока еще объединение непрочное.

Закономерностей развития истории наши предки не знали, но необходимость государственного единства понималась ими,— эта мысль возникает и укрепляется в общественном сознании эпохи.

И X век осуществляет это объединение феодальными методами. Сводные братья начали готовиться к войне. Владимир «за морем» нанимает дружину. Деньги ему на это мог дать только Новгород. Верхи Новгорода расценивали ситуацию как трудную, но многообещающую и в целом благоприятную.

Владимир возвращается во главе большого варяжского отряда. Но дело не в наемниках, для похода на Киев Владимир собрал все силы северной Руси. Ни боярство, ни купечество новгородское не пожалели средств на то, чтобы взять Киев. Рассчитывали, что первенство в государстве может перейти к Новгороду вместе с властью над землями, вместе с данями, правыми и неправыми поборами и многими другими преимуществами столицы. Может быть, рассчитывали скромнее: на бо́льшую автономию, на привилегии городу. Варяжская дружина, сверх платы, собиралась пограбить богатый Киев. Силу собрали нешуточную и с нешуточными намерениями. В борьбу было втянуто все государство. Оба противника стремятся перетянуть каждый на свою сторону Полоцк. Княжение важное, здесь разветвляется «путь из Варяг в Греки», и Западная Двина выводила ладьи с юга прямо в Балтику. В Полоцке же сохранилась власть каких-то потомков Рюрика, князя Рогволода, о котором летопись знает, что «пришел из-за моря». Традиционным методом объединения княжеств был брак между правящими родами. Владимир посылает в Полоцк сватов. Здесь-то и прозвучал оскорбительный, повторявшийся противниками Владимира ответ гордой дочери Рогволода Рогнеды: «Не хощу розути робичича...» Разувание жениха невестой — часть свадебного языческого обряда, знак покорности жены. Обряд не противоречил и христианским поучениям на темы семьи, поэтому в дальнейшем удерживался наравне с христианской обрядностью.

Для Владимира «робичич» прозвучало оскорблением. К тому же оказалось, что Ярополк его опередил, тоже засылал сватов и что Рогнеда дала ему обещание...

Первый удар Владимир обрушил на Полоцк. Рогволод и вся его семья были схвачены и убиты, но прежде этого, по приказу Добрыни, Владимир на глазах отца и братьев публично насилует Рогнеду. Это и месть за оскорбление, и одновременно осуществление княжьего права. Рогнеда по нормам языческой этики отнюдь не была обесчещена. Она стала женой Владимира, и сын ее Изяслав со временем наследовал княжение в Полоцке. Этика и право старого и нового обществ в это время и противоборствуют, и налагаются друг на друга. Старые родовые нормы все увереннее вытесняются феодальным правом.

Судьба города на Днепре была решена. Под стяг Владимира встали новгородские словене, чудь, кривичи, варяги. Что мог противопоставить Ярополк армии всего севера Руси? Из Святославовой дружины с Дуная вернулись в Киев немногие, реальных сил для сопротивления не хватало. К тому же Ярополка в Киеве не любили.

Боевых действий почти не было. Воевода Ярополка, некий Блуд, изменил ему, запугал чем-то и в конце концов обманом привел в терем к Владимиру. Еще кто-то из дружины крикнул вслед: «Не ходи, князь, убьют тебя!» Но Блуд уже захлопнул двери сеней, за которыми стояли два наемника... 11 июня 978 года Владимир стал княжить единовластно. Летописец, оправдывая Владимира, цитирует его слова: «Не я ведь начал убивать братьев, но он». Казалось бы, на престоле, только что залитом кровью брата, Владимир должен чувствовать себя неловко. Его оправдание даже с точки зрения родового права стоило немного, а то, что он «робичич», еще усложняло дело. Летописец ищет, кто же «виновен в крови той», и совсем без оснований обвиняет в убийстве Блуда.

Логично предположить, что опорой Владимира на первых порах должны были стать наемники-варяги, как у Святослава, как у Ольги и Ярополка.

Владимир начинает с меры крутой и неожиданной. Он изгоняет варягов не только из Киева, а вообще из Руси: киевляне вздохнули свободно.

Распоясавшиеся наемники бесчинствовали, князю заявляли: «Это наш город, мы его захватили». Требовали выкуп по две гривны с человека — Владимир попросил месяц на сбор огромной дани. Но не дань собирал Владимир в этот месяц, а войско.

Варяги поняли, что их могут просто перебить в Киеве, и, быстро смирясь, попросили, чтобы князь выпустил их «в Греки», внаем Византии. Владимир охотно «путь показал». И пока банда

снаряжала ладьи, послал императору — это уже Василию II — письмо: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но расселн их по разным местам...» Больше же всего просил не отправлять их обратно в Киев. Отчаянное, видно, отребье набрал князь «за морем» для своего похода.

С этого времени Русь вообще перестает опираться на наемную варяжскую силу. Конечно, и много позднее варяжские отряды были на службе у Руси, нанимали и других иноплеменных воинов, русские тоже служили в Византии, но, начиная с Владимира, решающее значение имело свое постоянное войско. Отныне оно формируется на национальной основе.

Изгнание варягов не только обеспечило князю широкую популярность. Общине был нанесен удар: отныне смерд, бросив землю, мог найти службу в дружине князя и вернуться в родные пенаты уже не княжим данником, а сборщиком дани.

Вторым государственным делом (в летописи все это под 980 годом) Владимир «поставил кумиры на холме за теремным двором».

Существует предположение, что это уступки Владимира старой киевской знати, тем «старцам градским», кто помог ему войти в Киев. Считают также, что существовала традиция, когда новый князь должен был «обновить» обветшавшие фигуры. Последнее маловероятно, во всяком случае, мы не видим в наших источниках нужных аналогов. Наконец, считают — и это наиболее распространенная и хорошо аргументированная точка зрения,— что Владимир пытается создать в Киеве нечто вроде пантеона главных славянских богов, то есть предполагается попытка князя противостоять христианскому проникновению традиционной идеологической системой.

Исторически такие попытки не новы. Подобные пантеоны знал Рим, где божества покоренных народов прямо включались в систему государственных культов, аналогично действует Константин Великий в канун признания христианства государственной религией. Что должны были возвестить городу и миру — Киеву и Руси — эти идолы? Соединение прежних богов в единый религиозный ансамбль? Символ государственного единства? Маловероятно.

Киевская Русь изначально — объединение полутора десятков племенных союзов, более сотни племен. И в каждом — свои племенные боги, мало пригодные к условиям большого государства, устраивающегося на совершенно иных основах, чем прежние родоплеменные союзы, чем прежние общины.

В древнем славянстве мы имеем дело не с пантеоном, а с пантеонами племенных богов, не с едиными языческими «представлениями славян о природе», а со сходными анимистическими, тотемистическими и т. д. представлениями, едиными по существу, но разнящимися в местных культах отдельных племен. Слияние

такого рода пантеонов в единый, так сказать, «пантеон» — вполне безнадежно практически и совершенно непригодно для целей феодального государства. Классового неравенства, уже реально сложившегося, ни один из прежних языческих богов не мог ни утверждать, ни оправдывать. Ни Перун, чье дело — война, гроза и буря, ни Хорс — солнце, совершающее огненный путь по небу, ни Велес — хранитель мирных стад...

В науке попытки установить иерархию языческого пантеона славянства исходили из молчаливого ante factum — признания ее существования. Между тем обожествление сил природы, скорее всего, такой иерархии просто не устанавливало, а если она и возникала, то это была, если можно так выразиться, «зыбкая иерархия», иерархия сиюминутной религиозной потребности. Существовала «специализация» богов, но и она четких границ, как правило, не знала.

Чаще всего верховным богом называют Перуна, но, например, свидетельство арабского путешественника сохранило еще одного «верховного» славянского бога. Ахмет Ибн Фадлан наблюдал русское святилище и разговаривал с русским купцом, приносившим при нем жертву. Вот что увидел любознательный путешественник, подчеркивающий, что подобное делает каждый из прибывших на торг купцов-русов. Святилище — высокий столб, вкопанный в землю, в верхней части с резным лицом, которое Фадлан называет «похожим на человеческое». Вокруг этого изображения стоят такие же, поменьше. За каждым из малых вкопан столб несколько более высокий, чем фигуры. К идолу приходят и приносят хлеб, мясо, молоко, лук и какой-нибудь алкогольный напиток.

Обряд состоит в том, что купец, простершись перед изображением, подробно перечисляет все, что привез на продажу, затем оставляет принесенные им продукты перед столбом и просит, чтобы божество послало ему выгодного покупателя. Если торговля не ладится, купец терпеливо дважды и трижды возвращается к идолу, а если и это не помогает, то приносит подарок одному из малых изображений, говоря, что это «жена господина». Если дела идут успешно, то приносится крупная жертва: убивают нескольких животных, например овец. Мясо раздается бедным, а часть его раскладывается перед всеми идолами. Головы жертвенного скота насаживаются на высокие столбы. Фадлан подчеркнуто объективен, но в его пересказе проглядывает мусульманин, с презрением относящийся к таким примитивным верованиям. Фадлан выдает себя, замечая, что ночью все поедают собаки, а тот, кто принес жертву, уверен, что это «господин соблаговолил ко мне и съел мой подарок». Думаю, что и купец не хуже Фадлана знал о местных псах. Важно другое — это главное божество не Перун: мы не знаем жен этого «господина».

Еще пример. О трупосожжении, принятом среди племен юга Руси, хорошо известно. Тот же Фадлан оставил подробное описание обряда. Фадлану пересказали спор «одного из русов» с членом посольства Фадлана. Спор шел о том, по какому обряду следует хоронить покойников. Рус аргументировал: «Вы, арабы,— глупый народ, ибо в земле человека съедают черви, а мы сжигаем его, и он тут же уходит в рай». Но то, что было сказано неведомым русом мусульманину, вполне могло быть повторено северным славянам. Словене, кривичи предавали покойников земле...

На территории Киева археологами обнаружены погребения и по другим обрядам, даже иудейским.

Вряд ли языческий пантеон Владимира мог иметь успех. Трудно предположить и веру князя в то, что этот составной культ может хоть как-то привиться, тем более что на него может опереться государственная политика. Уже достаточно долгий срок христианство существует в Киеве вполне легально, какая-то часть боярства и дружины крещены, преимущества христианства в обществе, которое складывается и развивается на Руси, очевидны. Киев постоянно и тесно общается с христианским Западом и Югом. Распадается община, прежние идеалы, прежняя вера рушатся под давлением нового мировоззрения. Мировоззрения, при всей общей религиозной ошибочности отправных посылок, значительно более прогрессивного в сравнении с теми первоначальными формами религиозных представлений, которые продолжают бытовать среди славян. Владимир это понимал.

Ясно одно: в годы, предшествующие крещению, острота идейной борьбы нарастает. Позиции Владимира летописи не проясняют.

Понять Владимира в многообразии его дел, мыслей, личных проявлениях натуры нам мешает не лаконичность сохранившихся свидетельств, а та, почти тысячу лет складывавшаяся в церковной историографии, агиографии, в церковной традиции в целом, фигура святого «крестителя Руси», которая только и занимала интересы этой группы авторов. Долгие века святой Владимир находился в исключительном и монопольном ведении православной церкви. Реальный исторический Владимир церкви был не нужен, мешал ей. Новое время немногое добавило к этой традиционной оценке. Во-первых, уже сложился идейно значимый для пропаганды православия канонический образ князя, «просветившегося светом истинной веры». В условиях государственного православия этот образ было весьма нежелательно и даже опасно пересматривать. Всякая переоценка ценностей веры религиозным сознанием воспринимается покушением на ее устои. Во-вторых, что мы часто забываем, дореволюционная историография вся, и дворянская от В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, и буржуазно-либеральная,

включая предреволюционного В. О. Ключевского, продолжала оставаться, и не могла не оставаться, в русле все той же православной традиции, которая определяла позиции авторов «от младых ногтей». Либерально-критическая мысль России XIX века, обращаясь к русской церкви, способствовала лишь устранению самых грубых средневековых суеверий. Революционные демократы к теме крещения Руси не обращались.

Владимир в освещении тенденциозных источников прошлого предстает как некая плоская фигура, имеющая всего два измерения. Традиция идет, повторим, от церковного, точнее, агиографического историка, который эти два измерения выделил. Они оставались основой для последующих религиозных, православно-монархических и церковно-апологетических сочинений о князе.

Эти два измерения создают и как бы двух Владимиров. Две фигуры — черную и белую. Обе — без оттенков. Владимир до крещения, Владимир — язычник — черен, он — грешник, правда грешник «по неведению истинного закона», но все же грешник. В частности, у него кроме нескольких законных жен (язычнику это можно) собран гарем. Что гарем — три гарема: в Вышгороде, в прежней резиденции Ольги, триста наложниц, в Белгороде еще триста и еще двести в безымянном сельце, которое — Летописец точен — «сейчас называют Берестовое». И этого мало, Владимир приводил к себе еще и замужних женщин, девиц, вообще был «ненасытен в блуде». Таков первый образ князя. Второй — Владимир крещеный. Строит храмы, раздает милостыню нищим, он усердствует в покаянии, вообще он — «новый Константин Великого Рима», то есть Киева. Куда делись восемьсот наложниц, наши авторы не знают и знать не хотят. Таков второй Владимир летописи, «Жития», похвальных «Слов» — князь, полностью готовый к канонизации.

Опять же, оговорим, это не вполне точно. Летопись и другие источники дают значительно более выпуклый портрет князя, чем тот, который очерчен нами, но сейчас важно увидеть именно *схему, которая стала основой для последующей историографии.* Эта же схема, слившись в противоборстве с агиографическим образом русского апостола, стала основой еще одного — «исторического» Владимира, который действует исключительно в интересах закабаления крестьянства и феодального угнетения, всячески обнаруживая «реакционную сущность» своих церковных мер. Последнее не принято оспаривать, впрочем, несомненно и то, что народная память сохранила еще один образ — образ, который не укладывается ни в агиографическую, ни в иную, вульгаризирующую историю, схему,— Владимира Красного Солнышка. Немногие в отечественной истории удостоились тысячелетней народной памяти. Первый цикл былин, русского эпоса связан с именем Владимира,

«славного Владимира Сеславича», могучего и любимого народом великого князя киевского. В былинах возникает иная фигура князя: защитника Руси от ворогов, справедливого князя, окруженного богатырями мудрого правителя.

Былинная характеристика — это серьезно. Былина, как и весь фольклор, подвергается самой жесткой из возможных цензур: пусть и появится былина, сложенная придворным сказителем, но если она не будет отвечать народному пониманию, то ее не станут запоминать, исполнять и уже в следующем поколении никто не будет знать ее текста. Владимиров цикл былин дожил до наших дней. Кроме летописи, нескольких былин того времени, кроме трех редакций «Жития святого Владимира» и некоторых других церковных источников о Владимире рассказывают византийские и западные материалы, саги скандинавских скальдов. Богатыри Владимира встречаются и в западноевропейском эпосе. Илья Муромец — в эпосе далекой Англии; знает Русь Владимира «Песнь о Роланде» — свидетельство и международной известности, и большого интереса Европы к Киевской Руси этой эпохи, ко двору князя Владимира.

И чтобы понять церковную политику князя, кульминация которой — крещение Руси, нам стоит внимательно всмотреться в реального Владимира, князя, полководца, политика, дипломата, идеолога.

«Робичич» воспитывался без матери. Есть летописное свидетельство, что разгневанная на Малушу Ольга отослала ее в какое-то село и сама занялась воспитанием внука. Очень может быть, что и не разгневалась, в конце концов появление Малуши было волей Святослава, а вообще воспитывала всех внуков сама. Святослав, как известно, в Киеве почти не бывал, так что Владимир с детства больше слышал о подвигах отца, чем видел его самого, а у христианки Ольги были свои виды на внуков. Дальновидная и упорная княгиня видела необходимость христианства и желательность, важность бракосочетания если уж не Святослава, то кого-либо из подраставших при ней Святославичей на порфирородной византийской царевне. В этом смысле и Ярополк, и Владимир, и Олег если и не были равны (Ярополк все же старший и его княжение — Киев), то воспитывались все дети Святослава одинаково. Княгиня-христианка если и не крестила внуков втихомолку, то с христианством знакомила их усердно, и в этом ей помогал не один иерей и книжник из ее христианского окружения. Так или иначе, но с основами христианства Владимир был знаком с детства.

Владимир прошел все ступени княжеско-дружинного обучения, был, по обычаю, года в три-четыре «всажен на конь», а последующие походы князя показывают, что воинское обучение его было успешным. Правда, ни военными талантами, ни рыцарской доблестью князь не блистал, на отца, на Святослава, он не походил совершенно и был достаточно осторожен в личном участии в сражениях.

В одной из схваток с печенегами под Васильевом, в которой победили печенеги, бежавший Владимир спрятался под мост и там отсиделся. Меру его испуга показывает не это — всякое может случиться в бою,— а то, что еще под мостом Владимир дает обещание, в случае спасения, построить церковь в Васильеве. И церковь там Владимир построил. Еще больше характеризует его испуг то, что, избавившись от опасности, князь устраивает восьмидневный праздничный пир. Для этого пира наварили триста мер меду. Каков был объем меры в Киеве в X веке, мы не знаем, в XVII веке мера была равна примерно 775 литрам. Праздник продолжился в Киеве, и везде Владимир созывал народу «бесчисленное множество».

Пиры Владимира, упомянутые летописью и хорошо известные по былинам,— это одновременно и форма совещаний князя с дружиной и боярами, и форма общения с народом, ибо к столам Владимира имели доступ не только знатные, но и простые мужи. Конечно, не смерды с пашни и не рядовые ремесленники, но все же такая форма феодальных советов — учреждение весьма демократическое по сути.

Многое в успехе деятельности Владимира зависело от его личных качеств, но никакая государственная деятельность не может быть сведена к чьим-то личным, неважно, плохим или хорошим, качествам. Владимир опирался на широкую общественную, в ряде случаев на всенародную, поддержку в своих реформах. Он собрал круг единомышленников, соратников, осуществлявших государственную политику. Среди них для нас важен Добрыня. Мудрый и решительный, он постоянно возле князя в самые ответственные моменты. Добрыня — второе «я» Владимира. Очень вероятно, что многое в религиозной «реформации» конца X века подготовлено именно им.

Владимир грамотен. Он «любил книжное чтение», эта характеристика — свидетельство высокой интеллигентности в средние века — с течением времени будет дана летописью многим образованным князьям на Руси. Владимир — первый князь, которого Летописец отмечает как человека книжной культуры.

Конечно, Владимир хорошо разбирался, опять-таки как всякий человек его эпохи, в противоречивых языческих верованиях, сам приносил жертвы разноликому множеству богов славянства. За время княжения в Новгороде он должен был хорошо узнать и славянских северных, и, от варягов, скандинавских, и финно-угорских, «чудских», богов и духов; в Киеве — скрещении многих торговых путей — жили хазары с Волги, исповедовавшие иудаизм, мусульмане с Востока и из Камской Болгарии, знали здесь и огнепоклонников тогдашнего Азербайджана, и множество других верований разноплеменного, пестрого и разноязыкого тогдашнего мира. Все это Владимир, как политик и государственный деятель, должен был знать и оценивать задолго до того дня, о котором рассказывает легенда «Выбор веры».

Так это и было. И Владимир во всех своих действиях видел цель, ради которой они предприняты, и шел к ней. К вопросу крещения Руси сказанное относится полностью. Но когда речь встает о вере самого Владимира, то ответ при таком смешении разнообразных верований, которое наблюдал и знал Владимир, непрост. Вряд ли у князя могли быть твердые конфессиональные убеждения. Речь не о религиозных убеждениях, они были, человек средних веков всегда религиозен. Дело в характере этих убеждений, в таком множественном воздействии различных «законов», каждый из которых претендовал на исключительную «истинность» по совершенно туманным для здравого смысла соображениям, вроде канонического запрета есть свинину и т. д. Такого рода воздействия должны были выработать у Владимира известный скептицизм по отношению к любым вероисповедным формам. Так и было, но об этом позже. Пока же вернемся к летописному образу князя. Образ этот в «Повести» как-то стирается, бледнеет год от года.

После крещения Владимир «жил в христианском законе». Летопись отмечает несколько походов Владимира, строительство церквей, князь строит Десятинную церковь и т. д. Под 997 годом излагается легенда об осаде печенегами Белгорода, а дальше, с 998-го, идет ряд пустых или почти пустых лет. В тексте так и означено: «Вѣ лѣто 6506» — и ни слова более. «Въ лѣто 6507» — и ни слова более. Летописец сохраняет сетку годов, обозначает движение времени. И так до года смерти Владимира, до 1015 года, на семнадцать лет, то есть ровно на половину княжения, приходится лишь несколько второстепенных записей. О смертях, переносе мощей святых, наконец, под 1015 годом — надгробное слово, панегирик князю, а за ним — известная повесть об убийстве Святополком Окаянным Бориса и Глеба.

«Повесть» не отмечает даже такой важнейший факт, как начало чеканки при Владимире собственной русской монеты. В нумизматике известны золотые и серебряные монеты двух типов: «Владимир, а се его злато» и «Владимир, а се его сребро». На втором типе монет надпись: «Владимир на столе». Их появление приходится на вторую половину его княжения. Как могло не заинтересовать это Летописца?

Летопись совершенно перестает интересоваться тем самым Владимиром, который «просветил» Русь, «вывел из тьмы язычества».

Предполагают, что эта часть летописи каким-то образом до нас не дошла и, возможно, позднее Летописец был вынужден воспользоваться какими-то отрывочными записями, если не прямо списывал даты смерти князей из Синодика. Возможно. Но столь же возможно и то, что эта часть летописи подверглась особой цензуре, после которой только и осталось несколько строк, не относящихся к князю. Но во времена Нестора так несложно было восстановить

события... Ведь приняв постриг, он еще застал в монастыре древнего старца Еремию, который помнил само крещение Руси. Тех же, кто помнил события начала XI века, в Киеве, наверное, можно было легко найти.

Вероятно, вторая половина Владимирова княжения не случайно выпала из текста «Повести». Мы знаем, что церковь отказывается канонизировать Владимира. Факт примечательнейший. Ольга — «предвозвестница христианской земли» — «прославлена чудесами» уже вскоре после принятия Русью христианства. Прах ее был перенесен в Десятинную церковь, княжескую усыпальницу Киева, вероятно, в 1007 году. Гробница — «камень мал» с каким-то окошком. Оно чудесным образом открывалось перед «достойными», и те могли лицезреть нетленное тело княгини. Недостойным окошко не открывалось, они видели только «гроб». Чудо, на котором, думаю, следует остановиться. Дело не в том, что это первое в истории русской церкви чудотворение при гробнице. Церковные чудеса никогда не бывают случайными. И гробница Ольги была использована проповедниками Киева для важнейшей в их контрпропаганде против языческих воззрений мысли не столько о христианской святости, сколько догмата о посмертном воскресении — воскресении телесном, как его утверждало историческое христианство. «Достойные» могли убедиться в этом воочию, посрамляя язычников, отправлявших своих покойных на костер. Да, у христиан было чему поучиться. Церковь пришла в Киев во всеоружии своего уже тысячелетнего опыта...

Но вернемся к будущему святому и равноапостольному Владимиру. Борис и Глеб, сыновья Владимира, погибшие в усобной борьбе, канонизированы. Их официальное причисление к лику святых состоялось уже при Ярославе Мудром. Их сводный брат, сын Владимира от Рогнеды, Ярослав упорно добивался от Константинопольского патриархата канонизации Владимира и Ольги. Отказ был категорический. Признали святыми только Бориса и Глеба. Был установлен единый день памяти первых русских святых — 24 июля. Сам Владимир, «новый Константин», остался вне церковного почитания. Летописный некролог содержит указания на то, почему греческое священство киевской митрополии отказывалось канонизировать князя. Его «не прославил бог», то есть от гробницы Владимира не происходит чудотворений, которые в те времена считались непременным знаком святости. И получилось так, пишет Летописец, что мы, «став христианами, не воздаем ему почестей, равных его делу».

«Память и похвала князю русскому Владимиру», составленная чернецом Иаковом, прославляя Владимира, настаивает на его канонизации. Иаков Мних не без язвительности отвергает царьградское требование «чудес». «Бесы тоже чудеса творят, а многие

святые их не творили...» Богословски тут возразить было нечего. К тому же Иаков вполне справедливо дополняет, что важны не чудеса, а «дела, по которым познают человека».

Понятно, что чудеса непременно произошли бы у гроба Владимира, будь в этом заинтересована церковь. Чудес же нет... Византия и греческая церковь весьма недовольны Владимиром. Недовольны так, что даже во времена Нестора отказываются от канонизации крестителя Руси...[27] Владимира провозгласила святым новгородская церковь по прямому указанию Александра Невского в 1240 году. День смерти Владимира, 15 июня, совпал с днем победы Александра на Неве. Религиозное сознание увидело тут покровительство святого, который и сам хоть недолго, но княжил в Новгороде. Для Александра Невского, дипломата и патриота, политика, больше значила возможность канонизацией Владимира показать киевлянам, что Русская земля жива, что величие Киева помнят и хранят на севере, что Русь помнит и хранит славу своих великих предков. В 1240 году осенью разгромлен залитый кровью Киев, горят и рушатся храмы, гибнут все его жители... В страшные годы татаро-монгольского нашествия имя Владимира — святого Владимира — князь Александр в раздробленной и разгромленной Руси вспоминает как символ ее единства и могущества, как залог будущего.

Общерусская канонизация князя состоялась только при Иване IV.

«Приведе царицю на браченье»

Владимир настойчиво добивался брака с сестрой императора Византии: династические браки значили очень много, и не только в средние века. Кровное родство династий чаще всего бесконечно далеко от «союза сердец», но это всегда союз, обусловленный различными и многосторонними государственными интересами. Владимир, продолжая активную внешнюю политику Киевской Руси, намерен не только принять христианство, устранить такое существенное препятствие общественного развития, как язычество, он намерен добиться и серьезного внешнеполитического успеха: породниться с царями второго Рима.

Эта цель, как и многое в традиционной русской политике, впервые ставится в Древней Руси, традиционно проходит через века ее истории. Неудача Ольги в Царьграде лишь отложила на время проблему династического брака, оставила ее в наследство политике и дипломатии Киева. После гибели Святослава, в правление Ярополка, а за ним Владимира, актуальность задачи растет, ее решение становится насущно необходимым. В эти десятилетия, даже годы, германский король Оттон I, присоединив к своим владениям значительную часть Италии, провозгласил создание новой империи — Священной Римской империи, как истинной наследницы великого Рима цезарей. Судьбы новорожденного государства пока неясны. Возможно, это раннефеодальное объединение окажется, подобно не одному такому объединению, непрочным, как это было и с империей Карла Великого. Пока же, во второй половине X века, при Оттоне II, это крупнейшее и сильнейшее государство Запада. Государство христианское и активно миссионерствующее, распространяющее власть и веру в Европе.

На востоке — Киевская Русь, на западе — империя Оттона. В Европе фактически одновременно возникают два больших государственных объединения.

Юго-восток Европы, Малая Азия — это Византийская империя, восточная половина «наследства» великого Рима, дряхлеющая, но могущественная, средоточие древней и новой культуры, торговли и ремесла тогдашнего мира. Мы, понятно, имеем в виду тот, достаточно условный мир европейской цивилизации, который никогда не был европейским в географическом понятии, включал и Переднюю Азию, Закавказье, Северную Африку. Множественные связи соединяли его с Востоком: Индией, Китаем, сказочно далекими архипелагами тропических морей... Главные пути в Азию шли через Византию.

Установление династических связей было важной и необходимой частью внешней политики государств и дворов Европы. И, оговорим, христианских государств.

На пышном приеме в императорском дворце княгиня Ольга, «архонтиса русов», видела двух детей: шестилетнего Романа — это будущий Роман II, дочь которого Анна станет супругой Владимира Святославича, и ровесницу Романа, обрученную с ним Берту-Евдокию. Шестилетняя Берта — дочь графа Гуго Арльского. (Сразу скажем, что этого предполагавшегося брака не получилось. Берта-Евдокия внезапно умерла в 949 году.)

В 968 году Лютпранд, латинский писатель и дипломат, епископ, отправляется послом в Константинополь, чтобы договориться о браке порфирородной византийской принцессы с наследником Священной Римской империи, сыном Оттона I, будущим Оттоном II. Из этого торжественного сватовства тоже ничего не вышло. Император Византии, тогда это был Никифор Фока, ответил решительным отказом. Он прочел Лютпранду нотацию, категорически заявив, что о таком браке «не может быть и речи», потому что Оттон — король варваров, и «рожденная в пурпуре» не может быть женою варвара. Изумленный и разгневанный епископ пытался возражать, напомнил о давнем браке болгарского царя Петра и внучки Романа-старого. Возражение отвергли с порога. И вообще, мало ли что было. Отметим, что восточное, константинопольское христианство, порывая церковные связи с Западом, дает понять, что западный христианин Оттон ничуть не лучше варвара-язычника. Это, конечно, далеко не так, и причины отказа иные — военные, политические. К нашей теме они отношения не имеют, важно, что отказ был полным, и Лютпранд вынужден был уехать без каких-либо обнадеживающих результатов. Но Оттон I был настойчив. Не прошло и года после возвращения Лютпранда кремонского из Царьграда, в Рим пришло известие о смерти Никифора Фоки. И Оттон I возвращается к мысли о породнении империй. Начинаются переговоры с Иоанном Цимисхием. Правда, Риму теперь ясно, что о порфирородной принцессе речи действительно быть не может, ибо это больше выгодно Риму, укрепляющему свои и без того сильные, с точки зрения Византии, политические позиции, получающему династическое оправдание своему «праву» на объединение власти. Константинополь видел эти возможности. Поэтому, когда Цимисхий предлагает брак со своей племянницей Феофано, Оттон соглашается.

Брак наследника, Оттона II, был торжественно заключен в Риме 14 апреля 972 года. Прямая династическая связь Рима и Царьграда была установлена.

Можно только предполагать, какие политические планы вынашивала дипломатия Киевской Руси, князь Владимир, но мы знаем, что он сумел породниться с византийскими императорами. Царевна

Анна, которую безуспешно сватал Оттон, стала супругой князя Владимира. Это был серьезный успех русской внешней политики. Но — родство опасное!

Свидетельства хронистов о том, что Анна построила на Руси много церквей, возможно, и справедливы, но мы очень мало знаем об Анне. Только то, что незадолго до Владимира на ее руку претендовал еще и болгарский царь Борис, которому также было отказано, и что братья Василий и Константин уговаривали сестру ехать на Русь: «Может быть обратит тобою бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны». Таковы две действительные причины этого политического брака. Возникает Анна и в «Корсунской легенде», мимоходом, так же как мимоходом отметил Летописец под 1011 годом ее смерть: «Преставилась Владимирова царица Анна». Однако, пожалуй, именно это отсутствие сведений дает нам возможность утверждать, что расчеты Константинополя на Анну не оправдались, а с ее смертью сошли в могилу и многие надежды Византии на «игемонию» на Руси. Утверждаем это именно потому, что о деятельности Анны на Руси нам ничего не известно. Это не парадокс.

Вернемся к системе политического брака, кровного породнения правящих династий, владетельных феодалов, высокопоставленных вельмож средневековья. Грекам, наследникам античности, хорошо было известно, что такое троянский конь. Такими «троянскими конями» и становились невесты из дворцов Царьграда. «Дары данайцев» соответственно воспитывались, получали нужное образование, у них вырабатывался круг представлений, соответствующих целям и интересам империи. Все это, конечно, очень упрощенная схема, но, не опираясь на нее, а только имея в виду, попытаемся представить себе, что представляла собою Анна, что могла вынести и принести на Русь греческая царевна из Константинополя.

У Константина VII Багрянородного был сын Роман, наследник и, по обычаю, соправитель. Отец, как было принято, женил его рано, и, разумеется, по своему выбору. Здесь ограничений не было: для багрянородного наследника все решала его «кровь». И Константин женил сына на дочери обыкновенного царьградского лавочника, трактирщика. Взял ее из-за совершенно исключительной красоты. Звали будущую императрицу Анастасо. При дворе ей дали другое имя: Феофано (явленная богом) — такой, значит, выбор, не земной. Это вторая, а точнее, первая, старшая Феофано в нашем рассказе. Феофано родила Роману Василия и Константина. Василий II и Константин VIII станут со временем императорами-соправителями. Василий жуткими казнями болгар заслужит страшное прозвище Болгаробойцы и с этим именем войдет в историю. Константин в историю не войдет. Хронисты Византии вспомнят об

этом царе-соправителе, когда он умрет, и вспомнят как о развратнике, пьянице, человеке, ничем всерьез не интересовавшемся, кроме ипподрома, лошадей и конских бегов, «ристалищ». Нам Константин вовсе не интересен.

Когда Роману исполнился двадцать один год, он и его красавица жена — хронисты говорят, что прежде всего она,— стали думать о престоле. Отцу, императору Константину, шел пятьдесят пятый год, здоровье у него было отменное, и корона вполне могла миновать Романа, соправителя отца: у него подрастали наследники. Константин был отравлен. Яд ему дали в питье, а готовила это питье Феофано. Видимо, умело приготовила. Смерть свекра была быстрой и легкой. Роман стал императором. Но ему не пришлось долго править. Славный полководец Никифор Фока, одержавший несколько побед над арабами, отвоевавший у них Крит, триумфально возвращается в столицу. И у Никифора сразу устанавливаются довольно тесные отношения с Феофано. Впрочем, злые языки в столице поговаривали, что Никифор покорил ее сердце еще до своих побед над арабами... И царица приготовила мужу такой же напиток, которым не так давно напоила его отца. Императором становится Никифор Фока. Патриарх Полиевкт коронует его 16 августа 963 года в соборе святой Софии. Через месяц он же венчает Никифора и Феофано.

Все вершилось очень по-византийски. Никифор давно рвался к трону, но и в зените славы, опираясь на большое войско, он далеко не был уверен, что овладеет также и престолом. Никифор уверял своих противников и друзей, что ему тягостна его суетная слава, что единственная его мечта — уйти в монастырь. Совсем не ел мяса, постился, распахнув одежды, показывал друзьям грубую власяницу на теле, которой-де он, исполняя монашеский обет, истязает плоть...

Продолжим. Феофано оказалась более любвеобильна, чем это мог предположить ее второй супруг. В столице появился блистательный воин, умелый и удачливый военачальник, жестокий и, как мы увидим, по-византийски коварный, магистр Иоанн Цимисхий. Он только что успешно подавил мятеж феодалов, стремившихся сбросить Никифора с трона. Заметим, что это были вельможи из того же рода, что и Никифор,— Фоки. Но разгромил мятежников Иоанн отнюдь не ради царствующего императора. Отравить Никифора, скорее всего, и не пытались. Память о смерти Константина и Романа была свежа, Никифор мнителен и конечно же не доверял ни своим поварам, ни тем более своей супруге. Быт свой он обставил массой предосторожностей. На ночь оставался в укрепленном дворце, где спал в одиночестве на втором этаже. В первом этаже размещалась личная охрана, и в спальню наверх вел единственный ход через помещение караула.

И случилось так, что в глухую зимнюю ночь из окна второго этажа кто-то на крепкой веревке спустил корзину. В полной тишине нескольких вооруженных людей втянули наверх. Это был Цимисхий и его ближайшие друзья. Когда заговорщики пробрались в темную спальню, их охватил ужас: теплился очаг, но императора на постели не было. Решив, что заговор открыт, что они попали в ловушку, заговорщики растерялись. То ли попытаться пробиться мечами через охрану, то ли выбрасываться в окна... Но тут кто-то в неверном свете очага увидел Никифора. Фока спал на медвежьей шкуре близ огня. Императора разбудили пинком. Последнее, что он увидел в своей жизни,— это свое императорское кресло, на котором сидел Цимисхий. Один из мятежников прижал Никифора к полу, другой с маху отрубил ему голову. За окнами уже слышался шум, и тогда заговорщики выставили отрубленную голову в оконном проеме. Сбегавшиеся ко дворцу, увидев ее и лихорадочно сообразив что-то, разбегались еще быстрее, понимая, что поправить уже ничего не удастся, а следует поскорее подумать о себе...

Наутро 11 декабря 969 года Иоанн, Феофано и те, кто только что убивал Фоку, торжественно, с большой свитой прибыли в храм святой Софии. Цимисхий потребовал, чтобы патриарх немедленно венчал его короной Византийской империи. Феофано стояла рядом. Легко представить себе, чего ждала эта женщина, цинично и тонко рассчитавшая свои действия, но того, что произошло здесь, в храме, она не ожидала и не предвидела.

Услышав требование Цимисхия, патриарх Полиевкт — как-никак глава церкви — возмутился: «Венчать на царство? У тебя кровь на руках еще не обсохла, а ты, убийца, входишь в божий храм!..»

Иоанн пожал плечами: «Убивал не я» — и тут же указал на друзей, стоявших рядом с ним. «И вообще,— добавил Иоанн,— все было сделано по приказу императрицы». Такого предательства тем, кто только что рисковал жизнью ради Цимисхия, не могло привидеться и в самых страшных снах. Мы не знаем, как они вели себя в этот момент. Скорее всего, просто стояли молча, растерянные, негодующие, потерявшие дар и слова и мысли.

Патриарх понял: перед ним император и следует делать так, как угодно ему. Полиевкт прошел сугубую школу монашеского послушания и придворных интриг, он нашел выход немедленно. Весь свой гнев патриарх обрушил на только что преданных Цимисхием друзей. Потребовал изгнания обоих. Цимисхий промолчал: грешниками распоряжается церковь. Потребовал изгнания Феофано. Цимисхий не возражал — тоже дело патриарха. Полиевкт потребовал, чтобы Феофано сослали как можно дальше, на какой-нибудь пустынный остров. И тут промолчал Цимисхий: пусть будет по его святой воле.

Феофано действительно сослали, правда не на пустынный остров, а в дальний монастырь, куда-то в Армению. Она еще вернется в столицу, но в нашей теме Феофано-старшая больше не нужна. Перед отъездом она повидалась с сыном Василием, который, по обычаю, стал соправителем Иоанна, столь молниеносно надевшего венец римских царей. Сын — будущий Василий II, при котором Русь примет крещение. Мать на прощание отлупила его по щекам.

Полиевкт надел на голову Цимисхия корону, которой недавно венчал Никифора, прочел положенные молитвы, узаконил обрядом новую власть.

Итак, царствует Иоанн, совсем по-евангельски — не успел пропеть петух,— отрекшийся от друзей, от женщины, с которой, казалось бы, накрепко связан не только кровавым убийством. В Константинополе такое вряд ли кого удивило.

Вот теперь нам станет до конца понятен отказ бесстрашного Святослава от поединка с Цимисхием: ни на йоту не верил князь в честность этого поединка, ясна и отповедь его римскому кесарю. Князь-воин разбирался в придворных «тайнах» Византии, хорошо знал своего врага, не случайно так презрительно напомнил ему про те «многие способы смерти», которые Цимисхий умел избирать для других.

Для самого Иоанна способ был избран традиционный, «семейный». Не зря мать лупила по щекам четырнадцатилетнего Василия. Как только он достиг совершеннолетия, Цимисхий получил яд в чаше вина. Яд, видимо (Феофано в ссылке), был другой, похуже. Дед и отец Василия умирали без мучений, Цимисхий же покрылся страшными и болезненными язвами, умирал тяжело.

Вот очень краткое и упрощенное изложение только одной линии придворной жизни империи. Дворцовая хроника Византии страшна и корыстна, ее политика себялюбива и коварна, ее церковь цинична и полна интриг.

Для нашего рассказа — это введение в ту придворную и семейную обстановку, в которой воспитывались будущие невесты византийского двора, будущая княгиня киевская Анна.

Она родилась 13 марта 963 года. За два дня до убийства ее отца.

Мы знаем, что Анну с детства должны были готовить к политическому браку, и знаем, как осуществлялись такие браки. На какую роль предназначал Константинополь Анну, мы можем представить не по ее судьбе, о которой, повторим, почти ничего не знаем, а по судьбе той племянницы Цимисхия, которая стала женой Оттона II. Самое интересное здесь — воспитание сына, Оттона III, который осиротел и стал «императором» в четыре года. Регентом при нем была мать, Феофано, племянница Иоанна Цимисхия, императрица Священной Римской империи. Византийка воспитала его

религиозным фанатиком. Временами юный Оттон, уже ставший императором без кавычек (Феофано умерла в 991 году), предается мрачному, в духе византийской аскезы, истязанию тела, «плоти», совершает покаянные паломничества в аббатства. Он всемерно укрепляет церковь и, проводя традиционную германскую политику подчинения славянства, вооруженной рукой добивается от польского короля Болеслава учреждения в Польше римских епископий, особое внимание обращает на религиозные вопросы. Из польских земель Оттон III направился в Ахен, чтобы поклониться там праху Карла Великого. В древнем соборе Ахена царственный паломник залез прямо в склеп и, порывшись, извлек из праха реликвию — зуб Карла...

Конечно же он мечтал о создании мировой империи, «реновации» великого Рима в христианском облике. В этой политике Оттон III опирался прежде всего на западную церковь, на папу Сильвестра II, старшего друга и опору надежную, но видел и «византийское наследство». При дворе Оттона во всем примером был Константинополь. Церемониал двора — совершенно византийский. Оттон III, как и императоры второго Рима, всерьез именовал себя царем царей. При дворе зазвучали византийские титулы, появились византийские чины и византийская иерархия. Какого-то доверенного епископа, немца Бернварда, титуловали уже по-гречески: примискринием.

Наконец, Оттон отправил в Константинополь посольство: просил Василия II дать ему в жены какую-нибудь царевну.

Рассказ наш, конечно, поверхностен. В политике, а главное, в сложной жизни Европы все это можно счесть мелочами, может быть и не заслуживающими внимания. В общем историческом процессе, в становлении феодализма и жестком внедрении христианства — идейной основы нарождающегося феодального строя — это, разумеется, несущественно. Но история — это деятельность людей, и в каждом человеке, в каждой судьбе видна та эпоха, в которой живет и действует каждый — князь и смерд, воин и торговец, ремесленник и священник, дочь трактирщика.

Конечно же «троянские кони» Царьграда — не те юные и не очень юные девы, которых отправляли за море. Но и дар данайцев, троянский конь, был опасен теми, кто сидел внутри него,— воинами. Ни Феофано, которая в конце концов умерла, когда Оттону только пошел двенадцатый год, ни Анна в своем киевском тереме никак практически не могли влиять на государственную политику. Дело было не в них. И наш летописный рассказ-жалоба Анны: «Заживо хоронят» — близок к истине. В Киев, мы знаем, в эти первые дни крещения, в первые годы христианизации прибыли корсунские священники, вывезенные Владимиром из взятого им города, и «царевнины». Последние — в штате свадебного поезда Анны, вместе

с ее двором — это и был византийский штаб на Руси, опорный пост империи в Киеве. И подобрано было окружение княгини обдуманно, оно и должно было обеспечить религиозное и политическое господство ромеев на Руси.

Владимир, его двор, дружина и бояре и старцы градские прекрасно понимали это. И как бы ни относился этот, правящий, Киев к христианству, какими бы ни были оттенки этого отношения, политическим целям Византии Русь противостояла достаточно сплоченно.

Позднее, с учреждением греческой митрополии, при митрополитах, греках почти без исключения, при нормах византийского канонического права, когда церковь принимала и перерабатывала канонический круг византийского права, ее культовую практику,— и тогда в вопросах влияния на русскую политику Византия не смогла добиться ничего, что шло бы вразрез с интересами Руси.

Пришло и то время, когда греческая церковь смогла сохраниться только благодаря поддержке восточнохристианских церквей: болгарской, сербской и в первую очередь русской церкви. Русское государство и русская церковь щедро оказывали эту помощь греческой церкви в пору турецкого господства.

Крещение Руси, брак Владимира с Анной — акты, продуманные всесторонне и в деталях. Частные, непервостепенно важные моменты событий тех лет попадают на страницы русских летописей, выявляя события огромного, мирового значения. Само имя, которое получает в крещении князь Владимир — Василий (оно употреблялось только в государственных актах и только в них имело значение),— имя правящего императора Византии. И переводится оно — Василий — василевс — повелитель.

Каждая деталь, сохраненная для нас Летописцем, попала на листы «Повести», чтобы показать, что и частные события декларируют факт мирового значения: в Восточной Европе сложилось могучее славянское государство, прочное не только силой князя, не только единством власти и веры, а глубокими внутренними связями, общностью языка, культуры, общностью судеб, единством народным.

«Империя Рюриковичей» (слова принадлежат К. Марксу). Маркс выделяет империю Оттона и Киевскую Русь в Европе, эпоху Владимира Святославича он называет «кульминационным пунктом» державы Рюриковичей.

«Империя Рюриковичей»

В конце X века Киевская Русь — государство, объединившее прежние племенные союзы восточных славян. Оно занимает огромную территорию — от Ладоги и Онеги на севере до устья Дуная и Таманского полуострова на юге. Достаточно рассмотреть карту Восточной Европы, чтобы увидеть органичную естественность слияния племен, населяющих земли русской равнины в единый государственный организм. Походы Игоря, от Константинополя и до берегов Каспия, походы Святослава от Волги до Дуная создали ко времени княжения Владимира державу, которую К. Маркс сопоставит в истории средневековой Европы с империей Карла Великого [28].

По мысли Маркса, империя Карла Великого предшествует образованию Франции, Германии и Италии, «империя Рюриковичей» — Польши, Литвы, Московского государства и Турции.

Киевская Русь объединила восточное славянство так, что даже в последующей феодальной раздробленности пусть в малой степени, но сохранялись и экономические и культурные связи и — в полном объеме — историческая память, предания прошлого, язык, общность духовной жизни и сознание общности территориальной, которое позволило еще в период татаро-монгольского ига начать медленное, но неуклонное собирание русских земель.

По небыстрым равнинным рекам Древней Руси шли важные пути торгового транзита Европы и Азии: знаменитый «путь из Варяг в Греки» и Волжский путь. На реках возникали города. Реки надолго останутся основными путями всяких передвижений на Руси. Зимой на санях, обозами, летом на ладьях, расшивах, стругах, шитиках, белянах, вверх и вниз, на веслах и под парусами, и тяжелой бурлацкой бечевой... По рекам пойдет крестьянский мир осваивать бескрайние леса севера, по рекам двинутся отряды землепроходцев, перевалят «Камень» — Уральский хребет, дойдут до Тихого океана.

За век до княжения Владимира, в 60—70-е годы IX века, Аб уль Касим Убайдаллах ибн Абдаллах, более известный под именем Ибн Хордадбех, в «Книге путей и государств» писал о торговых караванах, о купцах русских «от царя славян, называемого князем», которых и тогда знали по всему Каспию. Он отмечает их дорогие товары, очень ценимые на Востоке меха бобра и черных лис. «Иногда же,— пишет Хордадбех,— привозят они свои товары на верблюдах в Багдад...» Арабский же автор Ибн-Масуди утверждает, что по Черному морю, тогда его звали Русским, «никто, кроме Руси, не плавает». Если это и преувеличение, то в целом торговля здесь

практически монополизирована. Русских купцов-воинов или воинов-купцов (в те времена эти понятия были трудно различимы,— караваны нуждались в охране, на чашах купеческих весов постоянно лежал меч) знали и на суровом холодном Готланде, и в знойной Армении, и в оазисах Согдианы, и на берегу Влтавы, под стенами пражского Вышеграда...

На Волге, в Итиле, русская купеческая колония занимала едва не полгорода, подворье монастыря святого Мамонта в Царьграде — «русское подворье». С Востока шли шелка и парчи, золото и медь, красители, пряности, благовония, таинственные лекарства Азии, множество предметов тогдашней тяжелой и яркой роскоши. Это товары богачей, товары знати. На Восток и Юг везли серебро и меха, воск и мед, соль и оружие (уже в те давние времена оно было предметом торговли). Караванами вели скованную «челядь» — рабов, захваченных стремительными налетами то ли боярских дружин, то ли варягов, то ли купеческих отрядов.

Ибн-Даст пишет о славянах, что они богаты, что у них множество городов, что золотые браслеты у них постоянно носят не только женщины, но и мужчины, а на женах надеты, добавляет Ибн-Даст, еще и золотые цепи, бусы из драгоценных камней. В их домашней утвари дорогие ковры, византийские шелка и бархаты, парча и сафьян.

Речь, конечно, шла не о смердах-пахарях, а о тех, кого эти смерды кормили, о тех, кому в дань ли, за купу ли — в кабальный счет займа несли те самые меха, от которых приходили в восторг на рынках Царьграда и Хивы. Но здесь зоркая купеческая оценка Ибн-Даста верна. Не ошибался он и относительно множества городов.

В конце X века городов, административных, ремесленных, торговых и оборонительных центров насчитывается 25. Через сто лет их уже 90 — рост огромный, и рост этот — показатель очень быстрого социально-экономического развития.

В основном же Русь — и тогда, и на века вперед — страна земледельческая. Пашня и луга, хлебные нивы, отвоеванные у леса, и скотоводство — основа жизни славянства. Охота, рыболовство, бортничество, как ни много значили они и в жизни и в торговле, все же вторичны. Зерно же с Днепра идет на вывоз в I веке через греческие города-государства на Черном море, в Крыму. Поселения смердов-общинников достаточно автономны. Система натурального хозяйствования обеспечивает, по сути, все потребности крестьянского мира. И нужное миру ремесло постепенно развивается не только в городе, но и в деревне. Оно простое — кузнечное, кожевенное, гончарное и т. д. Сперва обеспечивает потребности недальней округи, а затем, с развитием рынка, вступает в конкуренцию с профессиональным ремеслом городов. И города на Руси

развиваются быстро, потому что они прежде всего центры ремесла и торговли. «Гардарики» — страна городов, называют Русь варяги. Со становлением христианства города превращаются в центры профессиональной культуры, ранее существовавшей в фольклорных формах в той земледельческой среде, которая создала образы былинных богатырей Ильи Муромца и пахаря Микулы Селяниновича и скоморошьи игрища, вытесывала идолов, рубила амбары и бани, терема и городские башни. Умелые мастера ковали шлемы и кольчуги, отливали и чеканили изящные украшения. Струя культуры Византии, родственных культур западного славянства, северное влияние попадают на плодородную почву. Отсюда стремительный, в первые же десятилетия после крещения, взлет письменной литературы — «книжности», каменного зодчества, искусства фрески, иконописи, миниатюры, развитие искусств прикладных: литья, ковки, чеканки, финифти.

Это период быстрого темпа развития экономики, всего народного хозяйства, всей культуры. Его не объяснить только влиянием христианства, с которым на Русь пришли многие мировоззренческие и культурные ценности, его не объяснить и только той культурной почвой, на которую были перенесены, «трансплантированы», по выражению Д. С. Лихачева, эти ценности. Дело в особенностях именно этого короткого, но чрезвычайно плодотворного периода развития государства. Интересы верхов общества и его низов в это время не знали тех резких противоречий, которые феодальное развитие вскоре обнажит. Еще не так много смердов попало в кабалу, стало холопами. Еще не так много должников-закупов, которым грозит эта кабала. Резко слабеет авторитет общинного устройства. Смерд-земледелец, порвавший с общиной, пока без труда находит место в городе, в его большом и растущем хозяйстве, строительстве, в рядах княжьих дружин. Именно в этот период решается огромной важности задача защиты Руси от набегов степных кочевников. За ордами печенегов следуют торки, за торками половцы, надолго ставшие опасным и воинственным соседом Руси.

По южной окраине государства создается в конце X века полоса защитных городов-крепостей. Это требует немалых средств и людей, тех, которые заселят эту приграничную полосу. Кабальному холопу не оборонить Русь. Города и земли по Роси, Сейму заселяются свободными людьми, они и пахари, они и воины — княжеское ополчение, прикрывающее Русь от конных набегов «степи». «Богатырские заставы» не эпическая гипербола народных сказов, а реальность древней жизни Руси, ее быт.

В это время государственная власть ведет массовое переселение, переводит на южные пахотные земли новоселов с севера Руси. Миграция населения имела множественные последствия и в социальной и в культурной сфере.

Общенациональными являются в это время задачи обороны и задачи расширения земель, обеспечения устройства торговых путей и связанные с ними задачи развития ремесел. Дани и натуральные повинности, установленные Ольгой и Владимиром, осознаются как всеобщая государственная потребность и необходимость.

Мир, община еще продолжает играть важную роль в принятии решений, касающихся его судеб: административных вопросов, практики сбора и распределения даней и налогов, взыскания «продаж»-штрафов в пользу князя за различные преступления. В городах князь и его бояре, земельные собственники и «старцы градские» вынуждены прислушиваться к голосу веча. А на вечевых площадях звучат требования городских трудовых низов, и слушает их боярство, князь со вниманием.

Основную массу населения составляют на Руси земледельцы, и многое в их жизни, в их труде определило особенности развития русского феодализма. Его становление проходило менее интенсивно, чем на Западе. Медленнее рос и не в таких резких формах проявлялся феодальный гнет. Жесткое прикрепление крестьян к земле заняло на Руси, как мы знаем, несколько веков. Огромные свободные просторы долго сдерживали крайности крепостничества. Земли было достаточно, и холоп мог заставить барина столкнуться с такой первой, начальной, но действенной формой социального протеста, как бегство. И на Руси, бывало, селениями снимались с мест, уходили на вольные «черные» земли... Так начиналась колонизация русского севера и Сибири, где крестьянство вовсе не узнало крепостного права. Крестьянский мир, случалось, умел уходить от боярской и помещичьей и прочей кабалы быстрее, чем она этот мир нагоняла.

Процесс сложен и далеко не однозначен. Ему нельзя «поставить оценку», положительную ли, отрицательную ли. Он и замедлил темп социально-экономического развития, но он же во многом объяснит нам высоту духовной и нравственной жизни Руси, патриархального мира, связанного с простыми ценностями бытия, суть глубинного понимания человека и человечества, которое выразилось в русской народной и затем в русской национальной культуре, искусстве, литературе.

Киевский период — не начало Русского государства, не начало русской культуры. Ему предшествуют несколько веков распада первобытнообщинных связей, демократии «вооруженного народа». Но киевский период — один из важнейших, он определил место Руси — России в мировой истории.

В этот период происходит и принятие христианства, религии, долгие века определявшей мировоззрение, культурные и нравственные нормы наших предков. России выпал трудный и медленный

путь развития. Страшный удар татаро-монголов надолго приостановил его, подорвал многие корни того, что было посеяно в Древней Руси. В XIII веке Русь прикрывала Европу, и развитие западной культуры, цивилизации, промышленное ее развитие оплачены кровью, лившейся на русских полях, долгим-долгим ханским игом. Русь осталась страной крестьянской по преимуществу, медленного развития ремесла, промышленности, страной земледельцев, прочно привязанных к земле не столько крепостным правом, сколько самим образом жизни, самой землей.

Историческая роль Руси — в подвиге освоения громадных пространств Севера, Сибири, Дальнего Востока, задача, которая решалась русским народом на протяжении десяти последующих веков.

«Узнал я истинного бога»

Владимир Святославич Великий, князь киевский, «робичич» — фигура сложная, и, прежде чем понять некоторые действия этого «христианского государя», недавно окрещенного язычника, следует попытаться представить, насколько христианским был этот государь в действительности («Повесть», мы помним, создает весьма благочестивый образ просветившегося крещением князя).

Мы уже писали о том, как разнообразны были религиозные представления язычества на Руси. Приведем еще два примера из тех, что оказались в поле зрения Летописца. Для него, христианина, это та теневая сторона жизни, интерес к которой просто не соответствует задаче его труда, но тем не менее, рассказывая о событиях, которые для него являются достойными памяти потомства, он не раз сталкивается с верованиями славянства и волей-неволей дает им оценку. Уже рассказывая о расселении славян, летопись отметила, что их племена «имели свои обычаи и законы своих отцов».

Обычаи разнились, разнились и «законы».

Рассказ о гибели вещего Олега конечно же легендарен, но основа легенды — столкновение двух различных языческих систем верований — реальна. Олег, летопись подчеркивает это,— «вещий». То есть он — провидец, предсказатель будущего, и если он князь, а не жрец, то легенда наделяет его важнейшей жреческой функцией: предсказанием будущего. И вот варяжский конунг, правящий на Руси, Олег, сталкивается со славянским кудесником. Олегу предсказана смерть от любимого коня. Князь поверил предсказанию, оставил коня, сказав: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». Спустя несколько лет он поинтересовался судьбой коня. Конюх ответил, что конь умер. И Олег посмеялся над предсказанием: «Все то ложь, конь умер, а я жив». Поехал глянуть на его кости. Увидел их, еще раз посмеялся над ошибкой кудесника, наступил на череп коня: «От этого ли черепа смерть мне принять?» Тут из черепа выползла змея, ужалила князя. «От того разболелся и умер он» (912 г.).

Вещий варяг не может предугадать собственной смерти. Он насмехается над кудесником, который действительно провидит грядущее, и — наказан. Сбывается пророчество славянского волхва: его вера, «закон его отцов» истин, варяжские верования — ложны. Насмешка над «законом отцов»,— а летописный Олег дважды посмеялся над предсказанием кудесника — карается смертью.

И если прав Б. А. Рыбаков и на Руси существовало летописание до введения христианства, то этот рассказ явно из языческой

летописи киевских волхвов. Дальше идет уже текст Летописца, который с христианских позиций объясняет возможность такого волшебства.

Противостоя языческой легенде, он демонстрирует книжную эрудицию, вспоминает Аполлония Тианского, Навуходоносора, Менандра, библейских героев. Вывод очевиден: чудеса волхвов происходят «творением бесовским». Но не христианская проповедь нам здесь нужна — суть легенды об Олеге — острое, смертельное даже противостояние не христианства и язычества, а двух систем языческих верований. Летописец, вслед за древним сказанием о вещем Олеге, которое он передает нам, предпочитает, при всех своих христианских позициях и ссылках на бесовские чудеса, все же славянского кудесника варяжскому волхву. Если попытаться суммировать всю калейдоскопичность «законов», с которыми так или иначе на протяжении своей жизни сталкивался Владимир, то все впечатления, сведения, факты, наслаиваясь год от года, должны были выработать у него достаточный скептицизм по отношению к любым вероисповедным формам.

Единственное сомнение: коль скоро князь вырос при бабке-христианке, то с детства хотя бы наслышан об истинности именно христианского «закона», и, может быть, его скептицизм распространялся только на нехристианские верования? Мысль хорошо координируется с любыми религиозными убеждениями, воспитывающими, в частности, иммунитет к иного рода верованиям.

Но на этой мысли выросла христианская апология князя. В ее русле лежит и общая традиция восприятия Владимира если и не полностью в агиографических тонах как «святого, равного апостолам», то, во всяком случае, как глубоко верующего христианина. Мысль расхожая, но вряд ли таков мог быть исторический Владимир. Можно возразить: атеистическое освещение деятельности князя, наоборот, подчеркивает в нем «язычество», нехристианскую любовь к земным утехам «живого», «реального» и т. п. человека. Противоречие здесь надуманное, таким он и был, так считает и церковь, именно такой он и нужен для последующей святости. Подобное «атеистическое» понимание — никакой не атеизм, а заушательство. Не атеизм потому, что (классиками сказано) «голое отрицание» религии само по себе — религия. Заушательство потому, что сводит Владимира на какой-то опошленный уровень, лишь бы не отдать его в «церковную паутину». Владимира, одного из крупнейших деятелей Отечества!

Христианство было представлено различными церквами и полно взаимных обвинений в нечестии, искажениях веры, уклонениях от истины, ересях и т. д., и все это справедливо. Сильно разнились церкви восточных патриархатов, не было единым и христианство Запада. Это общеизвестно, но исторически долгой церковной агиографиче-

ской традицией выработан образ Византии, образ восточного христианства, Константинопольского патриархата как некоего монолита незыблемой православной веры. Монолит этот, на который опиралась русская церковь, восполнял авторитетом твердой греческой веры благочестие, которого частенько недоставало то в Киеве, то в Москве, то в Господине Великом Новгороде... И как-то само собой разумелось, что из Византии черпали христианскую благодать чистейшую, ортодоксальнейшую и кафолическую. Иного как бы и быть не могло. А что черпали-то?

В религиозной жизни империи, в делах повседневной, обыденной веры было достаточно и скептицизма, и пренебрежения к ней, и прямого кощунства. Один частный, но характерный факт. О цесаре Михаиле, при котором было первое крещение киевлян, крещение Аскольда, византийский хронист Георгий Кедрин рассказывает, что при его дворе было «сонмище человеков мерзких», готовых ко всякому бесстыдству. «Сонмище» забавлялось кощунством. То, надев священнические облачения, приближенные царя пародируют церковную службу, то вместо церковного пения устраивают какой-то дикий концерт «посредством гуслей». В следующий раз церковные сосуды наполняют уксусом и горчицей и, затащив в свою компанию кого-либо из достаточно известных и уважаемых людей, подают вместо причастия горчицу как «тело Христово», а уксус — как «кровь Христа», «посмеиваяся тако пречистым тайнам Христовым». Все это — в порядке вещей. Старший в этой компании, некий Грилл, носит титул патриарха, двенадцать других — митрополиты и т. д.

«Патриарх» с императором Михаилом однажды подшутили над императрицей Феодорой, матерью Михаила. Грилл облачился в одеяние патриарха Игнатия и то ли прикрыл лицо, то ли отворотился, чтобы не быть узнанным в первый момент. Император пригласил мать для принятия благословения. Та, придя, распростерлась ниц, прося молитвы, «патриарх» же, выбрав момент и повернувшись к царице задом, «рыкнул своим афедроном»... Оба негодяя от души веселились.

В византийских хрониках подобных сюжетов с избытком. Книгу можно написать. Только кому и зачем будет нужна такая книга, описывающая пакости?

Мог ли не знать всего этого Владимир, то есть, конечно, не всего, нет, но вот общий характер такой вполне средневековой религиозности, где фанатический аскетизм и крайняя распущенность, благочестие и насмешка над ним уживаются, сосуществуют, более того, существуют в единстве и одного нет без другого? Должен был знать. Как ни трактуй мы источники той эпохи, повышенный, даже обостренный интерес наших предков к религиозной жизни Византии очевиден. Знаем мы и то, что христианство на Руси уже не ново и в Киеве, и в Новгороде. Только обычно не задумываемся, а кто

представлял на Руси царьградскую церковь? Не в верхах, не в княжьем тереме, а в обычной повседневной службе. Что это были за священники? Что за дьяконы? Имен мы не знаем, не в них и дело. Крайне маловероятно, что из Византии сюда, в «Скифию», направляли лучшие богословские силы патриархата, тех, кто нес бы идеалы христианской морали, мог подать примеры высокой нравственности. Скорее всего, в большей своей части это были далеко не лучшие кадры греческого духовенства. Так что представление о заморской церкви было в Киеве — не могло не быть — достаточно трезвым. Что у Владимира должен был выработаться скептицизм по отношению к всяческим религиозным формам, достаточно понятно. Важно, как и с какими целями проявил Владимир свой скептицизм, каких добился результатов. А проявил он его весьма активно и результатов добился тоже серьезных.

Вернемся в языческий пантеон Владимира. Он, как полагают некоторые исследователи, означал уступку старой языческой знати Киева, сознававшей наступление христианства и активно противившейся ему. Можно увидеть в языческом пантеоне Владимира и тенденции противостояния христианству, и стремление укрепить язычество, учесть интересы «старой чади». Но даже и при таком понимании изоляции пантеона от общего хода событий в конце X века вероятнее полагать, что новое святилище не обязательно отвечало какой-то одной цели, его роль более многозначна, а политика Владимира в делах веры — политика точная и гибкая. Пройдет всего десяток лет, князь начнет крестить Русь, и что-то не увидим мы на улицах Киева противников крещения, особенно среди боярства. Но даже если так, то подобное собрание идолов, функции которых противоречиво перекрещивались и которые в этих своих множественных значениях и ролях могли выступать как племенные местные боги, как боги общин, сведенные вместе, они представляли зрелище, дискредитирующее и каждого из этих идолов, и всю языческую религию в целом.

Ну что там Велес — Волос? Скотий бог? Но и бог-целитель? и бог болезней? и богатства? Конечно, все это очень даже связано одно с другим, но не слишком ли много для одного Волоса? И символы странные, и медведь — Волос, и камни какие-то, целительные камни, помогающие...

Перун? Все, что связано с войной, грозой, огнем, молниями, плодородием, ростом нив... А сколько символов у Перуна! «Молния» — это молот и топор, меч и нож, искры из камня и боевая палица, туча и медведь, сухая ветка и, простите, фаллос... и многое, многое другое. Во все это порознь еще можно было верить, но во все сразу и во всех сразу — уже нельзя. Жертвоприношения уже не могли поддержать старых верований. Даже кровавая жертва двух варягов-христиан большинству уже представлялась делом вполне бессмыслен-

ным и ненужной жестокостью. Общество в целом переросло первобытные религиозные представления. И Владимир вряд ли разделял их. Иначе стал ли бы так решительно и так быстро отменять веру предков? Скорее иронизировал над противоречивыми и совсем уже неубедительными идеями обветшавшего язычества, и пантеон этот, выставка идолов, реально и зримо служил не уходящей старине, а чуждой ей идее необходимости введения христианства, то есть соответствовал замыслам князя. Попутно идея прошла проверку практикой.

Мы выделяем вполне реальный скептицизм Владимира, его иронию, насмешку над прежними святынями, то есть видим в князе черты, в которых до сих пор никто его не заподозрил. Они были хорошо закрыты иконным ликом. Мы здесь опираемся на интереснейшее исследование «Смех в древней Руси», раскрывшее целый почти неизвестный пласт той народной культуры, которую авторы называют «смеховой культурой» Древней Руси [29]. Исследование помогает понять природу своеобразного средневекового смеха, той насмешки, которая часто обращается на самого смеющегося, которая пародирует действительность, не желая примириться с нею, и отвергает ее то улыбкой, а то и сарказмом.

К сожалению, авторы не рассматривают в своей теме Древнюю Русь того периода, который интересует нас, а между тем афоризм, насмешка, балагурство народной смеховой культуры, столь характерные для миропонимания русского человека, звучат уже в самых истоках русского фольклора, слышатся даже со страниц «Повести». Летописец посмеивается над новгородцами, которые, парясь в бане, оказывается, не мученье себе делают, а моются... Летописец усмехается над соотечественниками, которых на реке Пищане разбил воевода по имени Волчий Хвост: «Пищанцы, волчьего хвоста бегают...» Летописец вспоминает, что некий варяг Шимон, все красовавшийся в невиданном, расшитом золотом плаще, потерял этот роскошный плащ во время бегства с поля боя...

Досталось, мы знаем, и Константину Багрянородному, над которым посмеялась, которого обвела вокруг пальца синеокая красавица Ольга. Насмешлив Нестор, но насмешлив как-то легко, необидно, скорее, это улыбка спокойного мудреца над слабостью человеческой, простительной.

На пирах Владимира исполнялись, народными ли сказителями, придворными ли поэтами, былины старые и только что сложенные, новые, в которых грубоватая насмешка над их персонажами, то есть над самими собой и даже, может быть, над князем Владимиром,— не диво. Было за столом место и балагурам-скоморохам, сатирикам и юмористам Киевской Руси. Русь от века ценила и понимала юмор. Насмешка над действительностью, шутейное отношение к ней особенно характерны для переломных моментов истории. Таким было

время Владимира, время смены ведущих идейных ориентиров. Человечество действительно, «смеясь, расстается со своим прошлым»...

Владимир умел ценить острое слово и сам умел быть острым и насмешливым.

Посмотрим с этой стороны на рассказ о «выборе веры». Это место «Повести» — литературная обработка, а точнее, литературная разработка материалов того широкого общественного движения, которое вызывалось слухами о перемене веры, пропагандой миссионеров, являвшихся в столицу для утверждения в ней своего вероисповедания, склонявших Киев к политическим и государственным действиям, диктовавшимся принятием того или иного «закона». Борьба идейных и политических группировок, тенденций и течений была напряженной, но скрытой — власть не проявляла своих намерений. Историческая обусловленность принятия Русью христианства тогдашней общественной мыслью, тогдашним миропониманием не осознавалась. Самые общие законы социального развития будут открыты много веков спустя, пока же все объяснялось через Иегову или Аллаха, Христа или Перуна... Христов в Киеве тоже, впрочем, оказалось несколько. Византийский отличался от римского, оба они — от Христа, которого исповедовали в Сербии и Болгарии, тем более от Христа, которого славили в армянском Эчмиадзине. Проповедники же, как мы знаем, поносили веру своих идейных противников. Поводов для иронии у слушателей предостаточно. Дружина, боярство, князь — все окружение его — в центре полемических интересов проповедников, с какими бы «истинными законами» они ни являлись в Киев. Летопись передала нам мнения и сомнения Владимира, наотрез отвергающего все «законы», кроме греческого.

Пришли, повествует Летописец, «болгары магометанской веры». Мусульманские вероисповедные нормы, прошедшие редактуру христианского Летописца, выглядят, понятно, весьма непривлекательно, но нам главное — аргументы Владимира. Услышав, что по исламу исключается употребление спиртного, князь ответил: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть». Хлестко ответил, афоризмом, в рифму. Это весь ответ. Надо полагать, что в Киев был отправлен проповедник не из последних, надо полагать, что он свою миссию проводил серьезно. Владимир же попросту отшучивается от его «закона». Он с удовольствием слушал исламского пропагандиста, когда тот рассказывал о многоженстве и других подобных вещах, ибо, сокрушенно замечает Летописец, Владимир «сам любил жен и всяческий блуд», а ведь выбрал, как известно, христианское единобрачие. Так, может быть, Владимир был горьким пьяницей? Ах, сколько их, русских пропойцев, оправдывалось потом этой фразой, ставшей крылатой! Нет, пьяницей князь не был. Так, может быть, заниженность, шуточность аргумента лишь подчеркивает

почти оскорбительный отказ Владимира от дальнейшего обсуждения проблемы исламизации?

Выбор был сделан. Для Владимира, как ни заставляет его Летописец активно заниматься «выбором веры», вопрос решен, и ко всей аргументации ислама князь относится с большой долей иронии и не скрывает этого.

Владимир позволяет скептическую усмешку и во время так называемой «речи философа». Это был проповедник греческой веры, византийского христианства, и Летописец-христианин, подойдя к кульминационному моменту «Сказания», подробно приводит речь философа. Собственно, аргументации в пользу христианства в речи нет. В тексте большое, на много страниц, изложение библейской истории от сотворения мира. Из «Повести» видно, что Владимир внимательно слушает грека и время от времени задает ему довольно каверзные вопросы. Например, зачем было Христу принимать страдание распятия? Действительно ли сбылись библейские пророчества? Вопросы интересны нам не как свидетельства недоверия Владимира к проповеди, но как вопросы, волновавшие в связи с «новой верой» все общество. Так могли спрашивать христиан-проповедников и на улицах Киева. Греческий философ ответов, однако, не дает, и беседы не получается. Он просто продолжает изложение Библии как заученное с того места, где его прервал Владимир. Слушатель тоже не настаивает на ответах. Но, судя по вопросам, он прекрасно разбирается в проблематике христианства, и речь проповедника приведена Летописцем более в целях пропаганды вероучения, а не как свидетельство обращения князя.

Самое интересное — конец этой длинной лекции. Философ «от Грек» развернул икону Страшный суд, шитую на ткани. В Константинополе умели изумительно, в мельчайших деталях, расшивать шелками иконы. Они выглядели как живопись, только были еще ярче, еще красочнее. На иконе изображен тот грозный божий суд, который будет устроен в конце мира всему человечеству. Там воскресают и выбираются из земли мертвецы, море выбрасывает утонувших и проглоченных огромными китами, в центре иконы престол, над ним парит спускающийся с небес Христос. Он второй раз приходит на землю, чтобы судить живых и мертвых. Под престолом чаши весов — символ суда. На этих весах божественное правосудие взвешивает добрые (по-христиански, разумеется) дела человека и его грехи. Если перевесит чаша добрых дел, человек отправляется в рай, на вечное блаженство, если же перевесит чаша греха — то в вечные же муки ада.

Два потока — грешников и праведников на иконе соответственно направляются вверх — это праведники, апостол Петр отворяет им златые двери рая, вниз — это грешники. Нераскаянных пожирает огненная пасть ада, их, скованных «цепью греха», тащат

по огненной реке в преисподнюю, а со всех сторон отвратительные бесы бьют и толкают, торопят грешников. На иконе — занятный теологический казус — изображено поразительное единодушие небесных ангелов, светлых и крылатых, с темными хвостатыми чертями: те и другие совместными усилиями гонят грешников в пламень «геенны огненной». Словом, впечатляющая, а для религиозного сознания — просто страшная картина...

Что же Владимир? Он отговорился совершенно банальнейшей фразой. Он сказал, что хорошо тем, кто идет в рай, и горе тем, кто идет в ад. Подвел, так сказать, итог пламенной речи философа. Ответ человека, достаточно хорошо знающего, в чем дело — не внешние его формы — видимость, а его существо. Ответ человека, не очень заинтересовавшегося предметом беседы и довольно скептически настроенного в отношении этого предмета.

Церковная литературная традиция, житийные каноны требовали, чтобы Владимир «ужаснулся» и произнес что-нибудь выражающее его изумление величием бога, прослезился, наконец. Ничего этого Летописец не видит.

Грек настаивал: «Если хочешь с праведниками стать, то крестись». Ответ Владимира, вовсе не напуганного зрелищем кромешного ада, с той же долей легкой иронии: «Подожду еще немного».

И последний раз по поводу христианства Владимир иронизирует уже над собой. Последний раз на словах. Далее он станет откровенно насмешлив, и уже не на словах — на деле. Но это потом, когда Владимиру потребуется пресечь византийские церковные претензии. Над собой же Владимир усмехнулся в самый момент крещения. Вылезая из купели, князь произнес: «Теперь я узнал истинного бога». Ни окружающим, ни тем, кто донес эти слова до Летописца, и в голову не могло прийти, что Владимир усмехнулся над самим собой. С детства знал он «истинного бога», с детства знал множество других богов, столь же «истинных». Умудренный жизнью мужчина, воин, великий князь иронизировал над собой. Вот, дескать, как, окрещен, «теперь познал...». Впереди — государственные акты христианства: Киев и Новгород, новые учреждения и новые повинности, организация новой и сложной системы культа. Все это так, все это необходимо нужное и уже решенное, но начинается оно странным положением мокрого мужчины, выбирающегося из купели на глазах множества народа. Среди них и чужие попы, и свои бояре, и дружина, и просто близкие люди, наверное тот же Добрыня. Этот хоть и родной дядя, но он же душа княжьих пиров, обходительный собеседник и остроумный весельчак. Кто-кто, а Добрыня не упустит ничего комичного из этого примечательного действа. В своем кругу Владимир позволял пошутить и над собою. Вспомним рассказ летописи о воскресных пирах в княжьей гриднице: бояре, дружина, «лучшие мужи». Столы ломятся от изобилия

мяса, дичи и «всякого яства». И как-то, подпив, начали «роптать» на князя, оглядывая это изобилие, довольные, добродушно пошучивали: горе нам, дескать, «дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Дружина, соратники, опора, друзья. Их шлет он строить города, рубить церкви, мостить мосты, дани брать и смердов крестить. Что ложки! «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото»,— отвечал князь и велел выковать на пиры серебряные ложки.

Что оставалось Владимиру, сидя в купели, кроме как обратить иронию на себя самого? Может быть, детство вспомнилось, бабка Ольга, именно эти слова: «Узнала истинную веру», которые твердила княгиня Святославу, наверное, и внукам...

То, что Корсунская легенда — именно легенда, в наши дни сомнений почти ни у кого не вызывает. Гораздо более вероятно, что этот византийский город в Крыму осадил и взял уже принявший крещение Владимир. Но сейчас нам неважно знать, какие материалы были в руках Нестора, почему он принял именно этот вариант крещения князя. Важно то, что сцена крещения, где бы она ни происходила, описана почти протокольно. Это значит, что, при всей легендарности версии, в руках Нестора был достаточно скупой материал, к которому он не прибавил ничего, что могло бы не соответствовать реальной картине крещения Владимира. В легенде Владимир воссоздан из реальных черт и поступков. Они придают рассказу «Повести» зримую достоверность, ту «реальность» вымысла, которую долгие века не отличали от правды фактов.

Только доверчивая христианская настроенность и общая религиозная установка на торжественную сакральность крещения могли не заметить в словах Владимира изящной усмешки над собою, автоиронии, в тот момент понятной только близким ему людям.

Пропустим несколько страниц «Повести». Лето от сотворения мира 6504-е, а от рождества Христова 996-е. И Киев, и Новгород, и другие города и поселения Руси уже прошли через новое таинство. Повсюду строятся церкви: продолжается распространение и укрепление православия. Множество церковников — а это множество пока еще чужеземцы, прежде всего византийские кадры,— сила, которая пытается вмешиваться в государственные дела, постоянно сносится с Константинополем, стремится направлять Русь в фарватер византийской политики. Тоже один из результатов крещения. Для того и присланы на Русь, для того и приехали. Владимир понимал все задолго до крещения — еще во времена Ольги была в Киеве провизантийская группа — и был готов снять этот побочный эффект введения христианства. Среди мер противодействия князь избрал, как рассказывает «Повесть», и весьма неожиданные. Какие-то уроки Святослава не пропали, Святославич старается, как отец, бить противника на его собственной территории. В эти годы умно-

жились разбои, что, вероятно, также — побочный результат крещения: часть тех, кто не принял новую веру, просто ушли в леса, и дороги стали опасны для проезжих.

Смертной казни на Руси не было. Сохранялись еще нормы обычного права: кровная месть — «брат за брата», существовала и вира — денежный штраф с разными градациями, в целом немалый. Но меры эти в сложившейся ситуации не действовали. Разбой анонимен, да и не пойдешь в лес — «за брата». Не пойдет туда и столичный тиун, не принесет князю виру из лесу.

Византийское же законодательство (церковное и государственное в этих вопросах нераздельны) требовало смертной казни. Так потребовали введения этой христианской нормы на Руси и греческие епископы: «Вот умножились разбойники, почему не наказываешь их?» Ответ князя великолепен: «Боюсь греха». В первом чтении, в особенности в христианском чтении, фраза совершенно в духе религиозной добродетели, прочно усвоенной недавно крещенным князем.

Подоплека же видится иной, не столь благочестиво христианской. Царьградский патриархат стал переносить на Русь такие свои порядки, которые противоречили пониманию справедливости, даже языческой. Теперь же князь умывал руки: его «боюсь греха» направлено в первую голову против вмешательства церкви в княжьи дела, государственные. И здесь епископам пришлось выворачиваться. Казнь, как ни поверни,— убийство, грех. И «не убий» — текст евангельский. В конце концов епископы оправдывали казни, снимая противоречие тем, что наказывать все же следует, но «по проверке», то есть после расследования дела. Как будто до их вмешательства обстояло иначе. Компромиссом это все же стало. Убийство, по Евангелию, есть грех, который искупить можно только раскаянием. Возможность откупиться, возместить жизнь в денежном выражении христианством в принципе отрицается, что действительно справедливо. Владимир отменил виру за убийство, ввел смертную казнь.

Это тут же стало в убыток казне, возможно, и церкви. «Епископы и старцы» возвращаются: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». Князь вернул виру. «Будет так»,— ответил он на просьбу епископов. «И жил Владимир,— сочувственно завершает этот рассказ Летописец,— по заветам отца и деда». Напомним, что ни отец, ни дед его христианами не были...

Под тем же 996 годом «Повесть» сообщает, что на Владимира-христианина огромное впечатление произвели известные новозаветные слова о том, что христианин не должен заботиться о земном: «продавайте имения ваши и раздавайте нищим», «блаженны милостивые», «не собирайте себе сокровищ на земле...» Летопись приво-

дит подборку таких, что и говорить, впечатляющих текстов Нового завета.

Владимир вдруг оказался ревностнейшим из христиан, буквально, как и в предыдущем случае, исполняющим евангельские предписания. Он послал по Киеву объявить: все бедные, все нищие отныне могли идти и в государственную казну, и на княжий двор и брать там себе все, что надобно: и питье, и пищу, и деньги. Мало этого, Владимир задумывается, а что, если в городе найдутся такие больные и немощные, что им и не дойти до дворца? Последовал приказ: «Снарядить телеги» — и по Киеву стали развозить хлеб, мясо, мед в бочках. Возчикам было велено спрашивать, где есть больные и те, кто не может ходить, и что привезено — раздавать им, доставлять на дом...

Шутовское, буквальное понимание ситуации — черта фольклорная. Она проходит через все славянское народное творчество. Таков сказочный Иванушка, который, помните, не знал, что сказать людям, убиравшим с поля горох. Дома Иванушка получил наставление, что нужно было пожелать: «Таскать вам, не перетаскать!» На следующий раз Иванушка встретил похороны и, естественно, за свое добросердечное «таскать не перетаскать» был бит. Бессмертный чешский Йозеф Швейк с его «Осмелюсь доложить...» тоже бывал бит. Владимир бил сам и бил крепко...

Долго ли продолжалось «социальное обеспечение» киевлян — неизвестно. Князь мог себе позволить и не такие расходы. Дело в ином. Затея князя — снова насмешка, ирония в действии и своего рода «социологический опыт», выявляющий жизненную несостоятельность евангельских идеалов. Христианский тезис доведен Владимиром до Иванушкина абсурда, и демонстрация князя опять же направлена против церкви. Благотворительность, «нищелюбие» — это то, чем церковь всегда занималась. Милостыня, нещедро, Христа ради, раздаваемая ею, служила показателем соблюдения евангельских заветов, возвышала религию. Но церковь и не думала раздавать земные сокровища, наоборот, всячески их собирала. И такая публичная акция князя противостояла церкви, хуже — побуждала и ее отказаться от богатств, которые (вовсе не «сокровища на небесах») она только что, и с большим рвением, стала скапливать... Словом, действия князя привели к положению совершенно невозможному. Владимир это прекрасно понимал. Он не собирался дискредитировать церковь, наоборот, но показать, что евангельские поучения для князя и для тех, кто ему подвластен, имеют разное значение, показать, что церковь не должна вмешиваться в дела государства сверх пределов, которые определит княжеская власть, Владимир сумел. Заодно, заметим, должна была сильно возрасти и популярность самого Владимира, «ласкового князя Владимира», как его хранят в памяти своей русские былины.

5 Заказ № 4300

Отметим и то, что христианин Владимир, ограничивая чрезмерные устремления церкви, умно и точно использует старые общинные традиции: помощь больным и престарелым и широкое раздолье пиров для «мужей киевских» идут из глубины веков. В церковном понимании это язычество, подлежащее искоренению. Традиция и вывелась: новое общество предлагало новые, более жесткие, более эгоистичные нормы отношений между людьми. Но и церкви пришлось в «христианском милосердии» искать компромисс с тем народным душевным, нерассуждающим гуманизмом, который — доброта! — с незапамятных времен отличал мир русского села.

Владимир был первым на Руси, кто в борьбе за власть нашел такие средневеково-могучие формы осмеяния основ, на которых, кстати, стоял и сам он, и его княжение. Это тоже одна из особенностей смеха далеких времен.

Спустя века в кровавой жестокости Ивана Грозного, в его шутовском пародировании монашества опричным войском перед потрясенными современниками явится «гнев венчанный» — еще один лик — искаженная страданием личина этого смеха.

Всешутейший и всепьянейший собор Петра I, пародируя и церковные обряды, и христианские таинства, станет формой, в которой Петр грозным, вовсе не шуточным смехом ломал сопротивление церковников великим реформам России. Сподвижники Петра откровенно издевались над религией, перемежали церковные титулы русифицированным голландским обращением друг к другу: «мин хер» — и при всем том оставались людьми искренне верующими. Таковы парадоксы религии... Сарказма Владимира, его насмешки и его иронии не видел и не мог видеть Летописец, он мог видеть только христианскую направленность в действиях крестителя Руси. Эта направленность действительно определяла действия князя, даже его насмешку над христианскими заповедями. Просто реальный Владимир далек от той сусальной фигуры, которую веками освещала церковная лампада.

Владимиру нужна была христианская церковь, и он ее создал, она была нужна в интересах развития всего общества, в интересах становления государства. Но Владимир видел и понимал опасность того, что эта церковь может стать проводником чужой политики. Он ставил церковь на службу своему государству, делал ее орудием политики Руси, орудием укрепления феодализма. Делал властью. силой государства, силой оружия и силой смеха.

«Выбор веры»

Кажется, точнее не скажешь. Действительно, разве не было возможности остановиться, скажем, на исламе? И если сам рассказ о «выборе веры» князем — легенда, то отражает она борьбу мнений вокруг «новой веры», идейных споров, притяжений и отторжений политических, нравственных — напряженную пору общественной жизни и мысли наших предков.

Но нельзя сказать и менее точно. Каким мог быть «выбор веры», если, рассматривая вероисповедания, так сказать, «новые», никто не ставит даже тени вопроса о том, что можно сохранить и прежние верования, те, что веками были неоспоримой истиной? Судьбы веры предков предрешены, с этой стороны выбор уже сделан, в государстве будет введена новая религия. И о каком «выборе» может идти речь, если уже более ста лет на Руси существует именно восточное христианство? Если основной внешнеполитический партнер — христианская Византия, если родственные болгары — тоже уже более ста лет христиане, если, наконец,— это решает все — христианство духом и буквой соответствует развивающимся на Руси общественным отношениям?

Собственно, альтернативы — «выбора» — в реальной жизни не было. Русь следовало именно крестить. И крещение Руси произошло. Но когда в качестве государственной религии было принято христианство на Руси, когда произошло крещение киевлян — этого мы с полной достоверностью не знаем до сих пор. Что же мы знаем? «Повесть», повторим, относит крещение к 988 году. Известные византиеведы В. Г. Васильевский и В. Р. Розен, сопоставляя византийские и арабские хроники (Лев Диакон, Яхья Антиохийский и др.), установили, что записи о взятии Владимиром Корсуни попадают в них между упоминаниями о каких-то «огненных столпах», появившихся на небе, «столпы» предвещали, по мнению Льва Диакона, падение Херсонеса, а комета — большое землетрясение.

При хронологической неопределенности средневековых источников такие сведения весьма важны. Их обычно удается точно датировать. Так было и в этом случае: «столпы» — 7 апреля 989 года, комета — 27 июля, последовавшее землетрясение в Константинополе — 25 октября того же года. Следовательно, в этом промежутке Владимиром взята Корсунь, после чего и были крещены киевляне. Тогда крещение можно датировать не ранее конца лета — начала осени 989 года. (Исходные позиции датировки ясны: Корсунь занята весной — летом, в Киев Владимир мог вернуться не раньше конца лета, а осенью в Днепре не окрестишь — вода холодна.) Заметим, что «перешагнуть» в следующий, 990 год исследователи не решились.

Важный источник, который также позволяет датировать крещение Руси,— это «Память и похвала Владимиру». Она написана монахом Киево-Печерского монастыря Иаковом в конце XII, может быть, в начале XIII века. Иаков Мних, как обозначил себя составитель памятника, отделяет факт крещения самого Владимира от крещения Руси (киевлян). По тексту «Памяти и похвалы», поход на Корсунь состоялся тогда, когда сам Владимир был уже окрещен. После крещения же, пишет Иаков, Владимир прожил 28 лет. Князь умер в 1015 году, что дает нам дату его личного крещения — 987 год. «Крестился же,— уточняет Иаков,— в 10-е лето по убиении Ярополка». То есть спустя девять полных лет. Это опять же 987 год. Там же дана хронологическая канва последующих событий: «На другое лето по крещении к порогам ходил»,— это 988 год, на следующий год — это 989-й — «Корсунь взял».

В «Повести» события датируются теснее: Десятинную, «церковь пресвятой Богородицы», Владимир заложил в 989 году, сразу после возвращения из корсунского похода и крещения киевлян, отнесенных, таким образом, на 988 год. Иаков же упоминает, что под Корсунью Владимир пробыл шесть месяцев. И, наконец, на четвертый после крещения год «церковь каменную заложил». Это и есть Десятинная церковь — главный храм Киева *. Сходно Иакову датирует события и Нестор в составленном им «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба». Этот памятник появился, вероятно, около 1091 года.

Вместе с тем считается, что Варда Фока, против которого просил военной помощи император Византии, был наголову разбит и сам погиб в битве при Абидосе в субботу 13 апреля 989 года (восточные источники: 3 мухаррама 379 года мусульманского летосчисления, или же 13 нисана того же года...).

Из этого следует, что русский воинский корпус, решающая сила битвы при Абидосе, участвует в сражении на стороне императора тогда, когда русский князь осаждает византийский Херсонес.

По тексту Никоновской летописи, Владимир в 988 году оказывается в Царьграде. Возвращается в Киев он вместе с митрополитом Михаилом, посланным для крещения Руси. Летопись подробно характеризует епископа Михаила Сирина: учителен, премудр и т. д. В случае же необходимости (когда «время требовало») «страшен и свиреп». Митрополит, видимо сириец по происхождению, умер в 994 году. Он известен только по этой летописи.

---

* Владимир воздвигает в центре Киева величественный, невиданный на Руси храм. Это церковь Богоматери, знаменитая Десятинная церковь, богато разукрашенная резным мрамором, фресками, мозаиками. Храм этот был разрушен при разгроме Киева татаро-монголами в 1240 г. Археологи, раскрывшие фундамент постройки, вычислили площадь храма: 1542,5 м^2.

Информация Никоновской летописи может быть принята как дополнительная к сообщению «Повести» о месте крещения Владимира. Может быть, отвергнутое и даже не названное Летописцем четвертое место крещения князя — Царьград? И не мог ли Владимир принять личное участие в походе на помощь императору? Но если так, то кто, когда и, главное, зачем взял Корсунь?

Иоакимовская летопись утверждает, что Владимир принял крещение от болгар, крестился сам, крестил сыновей и «всю землю Русскую крестил». Анна оказывается болгаркой. На эту тему существует интересная гипотеза М. Д. Приселкова.

Из Болгарии «от царя Симеона» были присланы на Русь «иереи учены и книги». Тогда только Владимир обращается в Царьград, центр иерархии восточного христианства, «к царю и патриарху, просити митрополита Михаила, мужа весьма ученого и богобоязненного, болгарина суща, с ним четыре епископы и многи иереи и диаконы и демественники от славян. Митрополит же, по совету Владимира, посажа епископы по градом: в Ростове, Новеграде, Владимире, Белеграде». Подчеркнем: здесь митрополит Михаил — болгарин.

Может быть, исходя из этого, становится понятнее, зачем Владимир «на другое лето по крещении к порогам ходил»? Вероятно, он отправился вниз по Днепру, чтобы встретить Анну, которая из Константинополя должна была прибыть в Киев. Однако император, как мы знаем, не торопился выдавать сестру за «скифа», и Владимир, постояв у порогов, вернулся в Киев.

Тогда понятен поход на Корсунь. По всей вероятности, для предстоящего бракосочетания, будь то перед тем, как «к порогам ходил», будь то перед походом на Корсунь, Владимир уже окрестился. И тогда крещение состоялось или в Киеве, или в Васильеве.

Те, кто указывал разные места крещения князя, не были людьми несведущими. Вероятно, этот факт широко не разглашался, ибо являлся прологом к дальнейшим актам: бракосочетанию и родственной связи с империей, крещению Руси. Дипломатическая тайна в этих условиях была оправданна и, видимо, соблюдалась. Может быть, отсюда — разноречивость свидетельств о событии, которое позднее старались попросту забыть.

Требование Константинополя, «чтобы он крестил весь народ свой», сохранялось. Византия, при всех возможных вариантах развития событий, рассчитывала на укрепление своих позиций на Руси, но события, как мы видим, развивались не по византийскому плану. Следует признать, что наши источники не отвечают на те вопросы, которые мы поставили.

Ожидать, что их противоречия удастся снять, по крайней мере при современном состоянии исследований, вряд ли возможно. Специалисты, анализируя источники, вынуждены искать аргументацию, обосновывающую ту или иную дату, а далее опираться на нее.

Сто лет назад трудами ученых-богословов Киевской духовной академии [30] была указана дата крещения Владимира: 1 марта 987 года (то есть на новый год, считавшийся тогда с марта).

Современный польский славист А. Поппэ [31] подтверждает традиционный 988 год. Он даже указывает, что сам Владимир окрещен 6 января, то есть на праздник Крещения (Богоявления), а киевляне — 27 мая 988 года, на Троицу.

Один из последних советских исследователей вопроса о дате крещения, О. М. Рапов [32], считает, что после Абидосской битвы Владимир разрывает соглашение о крещении Руси. Причина разрыва — Царьград не выполнил условия о замужестве Анны. Далее О. М. Рапов производит расчет, по которому уже в июне — июле Владимир осаждает Корсунь и не ранее чем в феврале — марте следующего года (это уже 990 год) берет город. Исследователь, замечая, что первая каменная церковь, построенная в Корсуни после ее взятия, освящается во имя святого Георгия, предполагает, что день памяти этого святого, 24 апреля, и есть точная дата взятия города [33]. Таким образом, крещение киевлян относится к июлю — августу 990 года.

Исследователь проблем крещения Руси А. Г. Кузьмин считает «речь философа» не началом практической постановки Владимиром вопроса о крещении, а заключением торжественного акта крещения. И датирует его 986 годом, склоняясь тем самым к киевской версии крещения Владимира. О том же свидетельствует арабский источник: Ибн аль Атир называет 985—986 годы [34].

Но что же, «огненный столп», комета, казалось бы, надежнейшие, объективно проверяемые свидетельства, разве они не дают точной опоры для датировки событий? Оказывается, нет. Н. М. Богданова в статье «О времени взятия Херсонеса князем Владимиром» доказывает, что хроника Льва Диакона была переведена неточно. Точный перевод дает несколько иную картину событий. «Огненные столпы» наблюдались на небе после взятия Херсонеса и до кометы 989 года... Таким образом, летописная дата взятия Корсуни — Херсонеса верна, и достаточных оснований отвергать ее нет. Остается только порадоваться за Нестора.

Можно привести и другие работы, свидетельствующие в пользу тех или иных дат, но, вероятно, этот историографический очерк надежнее отложить до лучших времен *.

---

* Исторические факты требуют упорного труда. Полтораста лет назад, в 1838 г., академик П. М. Строев так отчитывался о своей работе в архиве старых дел: «...нередко ревматическая боль в суставах рук заставляла меня покинуть сии (зимой) нестерпимо холодные бумаги; вековая пыль их, сильно вредя зрению, истребила пару почти нового платья; наконец, препятствия побеждены постоянным усилием». В наши дни, конечно, легче: документы опубликованы и дают полный простор для концептуального творчества.

Мы же, вынужденно оставаясь в пределах предположительных датировок, по-прежнему имеем в распоряжении лишь *последовательность событий*. Она хороша уже тем, что остается неизменной при любой дате.

Последовательность эта такова: Византия обращается к Руси с просьбой о военной помощи. Владимир обусловливает помощь в подавлении мятежа женитьбою на сестре императоров-соправителей. Василий II принимает это условие, но, получив обещанное, начинает затягивать бракосочетание или даже отменяет его. Владимир осаждает Херсонес (далее следует «Корсунская легенда» с крещением Владимира, его венчанием и последующим крещением Руси).

Конечно, знание точной даты могло бы высветить ряд других событий, но при всем сказанном более важно понять, почему византийские источники молчат о крещении Руси.

Византия крайне заинтересована в крещении. Напомним, что, с точки зрения империи, христианизация означала распространение византийского — идейного и политического — если не прямого господства, то весьма сильного влияния на дела Руси.

Мы, наверное, знали бы дату крещения из византийских источников, но в них о крещении не говорится. Введение христианства в целом государстве Константинопольским патриархатом, акт государственно важный для политики и дипломатии Византии, ее церкви, оказался не зафиксированным в империи. Невероятность этого настолько очевидна, что отсутствие таких сведений — «нулевой вариант» X века — превратилось в аргумент католических теологов в пользу того, что крещение Руси — дело западных миссионеров.

Спорно крещение Ольги. Допустим, что княгиня дважды посещала Царьград — первый раз язычницей, второй — христианкой и была перед второй поездкой окрещена в Киеве. Эта точка зрения продолжает существовать. Допустим и то, что она была окрещена в Константинополе, как сообщает «Повесть», и тогда византийское молчание о крещении Ольги есть дополнительный аргумент в пользу ее киевского крещения, но аргумент, понятно, не решающий.

Возникает догадка, что византийские источники молчат о крещении Владимира и Ольги потому, что ни то, ни другое не осуществлялось Константинополем. Ряд свидетельств позволяет предположить, что христианизация Руси ориентировалась не на греческую, а на болгарскую церковь, на христианство, существовавшее в землях южных славян. Болгарская, сербская христианские церкви существенно отличались от греческой. И если действительно на Руси обошлись без Царьграда, то именно поэтому в византийских документах мы найдем сведения конца X века о крещении в Константинополе непервостепенных венгерских владетелей и т. д., но не найдем сведений о христианизации Руси.

Болгарская версия крещения поддерживалась таким крупным исследователем, как М. Д. Приселков. Она имеет сторонников и в наши дни [35]. «При князе Владимире была принята юрисдикция патриархата Охридского, Болгарского» [36].

Еще один, далекий, но тем не менее отнюдь не невероятный путь христианизации — церковь Ирландии. Так, А. В. Исаченко рассматривает широкую миссионерскую деятельность ирландской церкви у славян Моравии и Паннонии [37]. Эта своеобразная церковь, рано обособившаяся от Рима, убежденно проповедовала в Европе, и ее влияние до завоевания Англии норманнами (1066 г.) было весьма заметным. О том же пишет А. Г. Кузьмин, указывая на отдельные частности христианства на Руси, ведущие к ирландским миссионерам. Вероятно, для Руси ирландское влияние опосредовано западнославянской церковью. Отсюда, с земель юго-западного славянства, на Русь идут кадры священнослужителей, литература, переходит и церковная традиция.

Заметно и влияние гонимого арианства. Оно объявлено ересью, предано анафеме, но продолжало существовать и, сохраняя некоторые демократические черты христианства, пользовалось широким сочувствием масс в уже христианизированной части Европы.

Наконец, следует сказать и о корсунской линии в христианизации Руси. Владимир не только взял Херсонес, он вывез в Киев трофеи — священников и святыни города.

Корсунское, крымское, священство в вероисповедном плане было отлично от византийского, константинопольского, и сам Крым стремился к политической и религиозной самостоятельности. Здесь, в этой части империи, помнили традиции античных городов-государств, полисов, готовых к союзу, но не к подчинению. Здесь жестко сталкивались интересы Византии, Хазарии и Руси, и в целом Крым с русским Тмутараканским княжеством тяготел к Руси, и Корсунь-Херсонес скрепя сердце переносил византийское управление. Случайно ли оказал Владимир предпочтение корсунскому Анастасу? В его руки князь передает Десятинную церковь — усыпальницу князей и общерусский пантеон. «Настаса» летопись помнит много после смерти Владимира. Епископ Иоаким, Аким Корсунянин, крестит Новгород с Добрыней, становится первым новгородским епископом.

Никоновская летопись под 990 годом сообщает о начале миссионерской деятельности русской церкви. Владимир стремится распространить христианство в той самой Камской Болгарии, откуда года за три-четыре до этого приходили в Киев миссионеры-мусульмане. Попытка Владимира, окрестив Русь, окрестить и болгар, успеха не имела. И хотя «того же лета» в Киеве были крещены какие-то «четыре князя болгарские», ислам уже укрепился на Каме. Миссию у камских болгар Владимир поручил «философу» Марку

Македонянину, опять не греческому, а западнославянскому вероучителю.

Мы не рассматриваем этих линий в становлении русской церкви. Лишь отмечаем, чтобы показать, что, при всех наших неясностях в частностях крещения Руси, видно организованное сопротивление византийским устремлениям к церковному господству, к превращению Руси в вассально-зависимое государство. В Киеве окрещена Ольга, в Киеве или Васильеве (отсюда, может быть, и название) окрещен Владимир, ставший Василием в крещении. По замыслам Владимира проводится крещение киевлян и всей Руси. Складывается собственная русская церковь. В исторической науке нет единой точки зрения на то, когда именно она сложилась организационно, может быть, только к середине XI века, но многое указывает на княжение Владимира Святославича.

В Киеве остро ощущали грань, за которой «духовное окормление» Царьграда может превратиться в политический диктат. Политика Владимира, его окружения, киевская дипломатия сумели достичь того, что Константинопольский патриархат остался в стороне от ключевых вопросов крещения Руси.

Может быть, этот итог русской дипломатии задним числом объясняет, почему так противоречивы наши источники, почему в них так много сведений, которые не удается связать в целостную картину.

И, наконец, еще одна легенда о крещении Руси — западная легенда. Она возникла в XI веке и связана с миссионерской деятельностью Священной Римской империи, Оттоновской династии на западных славянских землях.

Кардинал Петр Дамиани написал «Житие святого Ромуальда». Рассказывая об учениках Ромуальда, кардинал упомянул архиепископа Бруно как миссионера, крестившего Владимира. Из текста «Жития» получается, что Бруно прибыл в Киев в 986 году, совершил «чудо прохождения через огонь» и крестил уверовавшего в чудо князя. Однако из письма самого Бруно Генриху III мы узнаем (текст письма не вызывает сомнений и подтверждается и другими западными источниками), что Бруно действительно был в Киеве, но проездом, задача его была другой: он направлялся миссионерствовать у печенегов. К тому же известно, что Бруно безвыездно находился при дворе Оттона III до 997 года. В Киев же прибыл — точная дата неизвестна — то ли в 1002 году, то ли в 1006/7 году, последнее вероятнее. Точная дата нам неважна — Бруно был в Киеве, когда и Владимир, и Русь давно приняли крещение. Владимир встретил Бруно чрезвычайно радушно, миссионер прогостил у него месяц, и князь очень отговаривал его от продолжения пути. Но Бруно все же отправился в степи. Владимир с дружиной проводил его до порубежных оборонительных валов и оград и еще раз попытался отговорить от опасного и бесполезного предприятия.

Владимир был прав. За полгода, проведенные епископом в печенежских кочевьях, его миссия окрестила лишь несколько десятков человек. Титмар, впоследствии епископ Мерзебурга, коллега и друг Бруно, также побывавший в Киеве, поразился множеству церквей в городе, в своей «Хронике» сообщает, что вера на Руси — «от греков».

Существовали и более ранние контакты с Западом. В хронике «Продолжателя Регинона», современной событиям, есть под 959 годом запись о приезде к Оттону I послов княгини Ольги. То, что regina rugorum — королева русов — отправила посольство, подтверждается и другими немецкими хрониками (Анналист Саксонский и др.). Цель посольства остается неясной. Ольга к этому времени окрещена, какую бы дату ее личного крещения мы ни приняли: 955 год летописи или подсчет «Похвалы княгине Ольге» Иакова Мниха,— она после крещения прожила пятнадцать лет, умерла же 11 июля 969 года, то есть тот же 955 год; примем ли, наконец, вычисления, относящие крещение княгини ко времени поездки в Царьград в 946 году [38].

Тем не менее, судя по всему, речь шла именно о христианстве. Личное крещение Ольги роли могло и не играть, как не играло роли в государственном плане личное крещение Владимира. С Византией, как мы знаем, вопрос крещения решен не был, и вполне возможно, что христианский поиск крещеной княгини обратил ее взор на Запад.

Мы (традиция, сложившаяся под православным влиянием) склонны преувеличивать расхождения восточной и западной церквей в этот период. Теологические разногласия между ними сформулировал еще в IX веке ученый патриарх Фотий, и за прошедшее столетие разногласия углубились. Однако решающего значения это пока не имело. Христианство везде и всегда неоднородно, и причины не в теологических тонкостях, а в том множестве социальных, политических и других фундаментальных причин, особенностей общественной жизни и развития различных народов, которые определяли каждый раз особенности «своего», «истинного» христианства. Напомним, религия — отражение земных отношений.

Датой формального разрыва церквей принято считать 1054 год (тоже следствие православной традиции) — в этом году папский легат кардинал Гумберт торжественно возложил на престол святой Софии текст с проклятием Константинопольского патриарха римским папой. Через три дня патриарх в свою очередь анафематствовал папу. Конечно, это весьма сказалось на отношениях обеих церквей, резко ухудшило их. Окончательный же разрыв, «схизма», обвинение в расколе — XIII век. Это произошло после падения Константинополя.

Вскоре после крещения Руси Константинопольский патриархат предостерегает Владимира от «латинской веры» — она «не добра

суть», но ни для Владимира, ни тем более для Ольги вопрос так не стоял.

При дворе Оттона просто не мог не встать вопрос об «истинном» (западном в данном случае) христианстве, какие бы цели ни ставило посольство Ольги. Ответное посольство в Киев прибыло в 961 году. Во главе его стоял бенедиктинец Адальберт. Цель Адальберта определенная — миссионерство. Вероятно, этого в Киеве не ожидали, и Адальберт был вынужден быстро покинуть Киев. «Продолжатель Регинона» пишет, что послы Ольги прибыли к Оттону «притворно». Можно только догадываться, что это значит. Есть предположение, что Оттон имел дело не с послами Ольги, а с кем-то выдававшим себя за киевских послов. Хронике же следует доверять и потому, что она проверяется другими западными источниками, и потому, что Продолжатель Регинона (сам хронист Регинон Прюмский умер в 915 году) и есть, вероятно, монах Вейссенбергского монастыря «русский епископ» Адальберт.

С послами расстались не по-мирному, на обратном пути кто-то из посольства был даже убит. Епископ воротился в свое аббатство, где засел за хронику. Сведения о посольстве к Оттону вполне надежны. Автор немецкого текста, кто бы он ни был,— современник событий. Кроме того, эти сведения есть и в других тогдашних немецких хрониках. Но вот было ли «посольство Ольги» к Оттону, действительно ли послано ею — это оказывается под вопросом. Адальберт (точнее «Продолжатель Регинона»), рассказывая о провале миссии в Киеве, пишет, что никто на Руси не собирался креститься и что касается послов Ольги к Оттону, то тут был какой-то обман...

Для нас поездки Бруно Кверфуртского, Титмара, впоследствии мерзебургского епископа Адальберта представляют интерес как свидетельства ранних дипломатических отношений Руси с германскими государствами.

Отметив это, отметим и еще два момента начальных русско-немецких отношений. Первый: на Русь империя Оттона присылает авторитетных и высокопоставленных представителей. Второй: неудача Адальберта никак не сказалась на дипломатических отношениях между двумя государствами.

Не об Адальберте ли вспомнил Владимир, когда отправил обратно западных миссионеров: «И отцы наши не приняли этого»,— Владимир, который вскоре так радушно принимал миссию Бруно?

На Руси этого периода не было вероисповедной ограниченности, которую будет настойчиво внедрять византийское священство. Русь устанавливает дипломатические связи с христианской Европой. Начало этому было положено крещением Руси.

Очертим только династическую линию, идущую от Владимира. Среди его жен упоминаются «чехиня» и «болгарыня». Есть, правда,

спорные сведения о жене-норманнке — Адлогии-Адельгейде. Есть свидетельство, что после смерти Анны, около 1012 года, Владимир женился на дочери Куно фон Эннигена, внучке Оттона I по отцу и Генриха II по матери. В следующем поколении династические международные браки становятся обычными при княжеском дворе. Политический расчет диктует женитьбы детей Владимира: Ярослава Мудрого на дочери шведского короля Олафа, Ирине-Ингигерде, дочь Марию Владимир выдает за польского короля Казимира. Третье поколение — внуки Владимира продолжают линии династических браков. Изяслав женится на сестре Казимира польского, Святослав — на сестре епископа Трира Бухарта, Всеволод — на греческой царевне, дочери Константина Мономаха, Игорь и Вячеслав женаты на дочерях германских владетельных графов... Дочери Ярослава: Анастасия — за венгерским королем Андреем, Елизавета — за королем Норвегии Гаральдом, Анна — за королем Франции Генрихом I. Она, Anna Regina, после смерти Генриха — правительница Франции при малолетнем сыне Филиппе. Браки многочисленны, и все — политические браки. Только рыцарь Гаральд Сигурдсон, отважный воин и поэт, служивший в Киеве Ярославу, долго и не по расчету добивался руки его дочери. В стихах, посвященных Елизавете, он воспевал «золотоволосую красавицу, которая не хочет смотреть на него...». Тогда Гаральд ушел в Византию. В империи очень гордились тем, что отважный рыцарь, прозванный Гардрадом — грозным,— воюет со своей дружиной на стороне Византии. Гордились, правда, по-византийски — корыстно. Гаральда же тянуло в Киев, и вскоре, вернувшись ко двору Ярослава, он смог увезти на родину гордую внучку Владимира. Славный воин и бард погиб, завоевывая Англию, в кровавой битве с королем Гарольдом II в 1066 году. Елизавета Ярославна вышла замуж вторично, стала королевой Дании.

В потомках Владимира продолжатся эти династические связи с Германскими государствами, Польшей и Венгрией, Швецией, Византией, Английским королевством. Так было до XIII века, до татаро-монгольского нашествия.

Для нас эти родственные связи — свидетельства активной внешней политики Киевской Руси, политики, которую обеспечило то, что Русь, приняв крещение, равноправно вошла в число христианских государств Европы.

«Благоверие его со властью сопряжено»

Это цитата из «Слова о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона, выдающегося писателя, оратора и церковно-политического деятеля Киевской Руси. «Слово» — апология христианской Руси, а в своей заключительной части — прославление Владимира, крестителя, и Ярослава Владимировича, твердо противостоявшего сильному давлению Византии.

Иларион, вспоминая крещение киевлян, пишет, что не было никого, кто противился бы этому, но пишет и о тех, кто крестился из-за страха перед князем.

В литературе о крещении Руси стала общим местом мысль о том, что христианизация встретила упорное сопротивление масс. Количество свидетельств этого сопротивления в источниках невелико, в ходу оказывается ограниченный материал: «Добрыня крестил новгородцев огнем, а Путята мечом», сюда же относят восстания волхвов на севере, выступление-«пророчество» волхва в Киеве (1024 и 1071 гг.).

Сюда же относят и двух варягов, принесенных в жертву,— свидетельство антихристианской настроенности даже в самом Киеве.

Варяги конечно же принесены в жертву Перуну не случайно, но, вероятно, это больше показатель враждебного отношения именно к богатым варягам. Напомним, что в это время Владимир решительно избавляется от варяжской дружины. Напомним, что и отношение к «своим» варягам в эту пору в Киеве и в целом на Руси становится резко отрицательным. Это прослеживается и по летописи, в характеристике Свенельда и действий его дружины. Летопись сочувствует юному Олегу, который убивает в своих владениях Свенельдича. Сохранилась не только летописная оценка: народная былина о Вольге (Олеге) Святославиче — «ясном соколе», который бьется с «черным вороном». Убийство Люта Свенельдича, по мнению Б. А. Рыбакова, было «первым открытым выступлением против самой знатной и сильной части киевских варягов, что и давало основание народу воспеть его в былине». Здесь же исследователь отмечает именно антиваряжский характер «принесения в жертву богам знатного варяга, проживающего в боярской части Киева»[39].

В смысле оценки сопротивления христианству интересен факт проповеди волхвов в Киеве в 1071 году (хотя факт, заметим, слишком поздний для того, чтобы связывать его с крещением).

В «Повести» «волхв, обольщенный бесом», пришел в Киев и «рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой...». Далее Летописец не преминул под-

черкнуть, что волхва слушали невежды, а верующие предупреждали: «Бес тобою играет на погибель тебе». Отметим пока, что «невежды» — люди непросвещенные, а с позиции Летописца, это и не христиане, живут в Киеве спокойно на девятом десятилетии после крещения Руси, по крайней мере в третьем поколении. Это, конечно, работные люди, ремесленники, отнюдь не верхи Киева.

Но и в проповеди волхва сталкиваются не две веры. Волхв не язычество проповедует, пророчествует он об ином. Он говорит и предупреждает о греческом засилье, о том, что на Руси стало не так, как прежде, и настолько все перевернулось в жизни, что не удивительно будет, если даже Днепр потечет вспять. И прямое указание: настолько греки взяли силу, что, того и гляди, сами земли переместятся и уже никто не поймет, не стала ли Русь Грецией...

Таков образный смысл речей волхва. Да и не одного его, объявившегося в Киеве. В конце 60-х годов волхвы, которых давно уже не было ни слышно ни видно, появляются и в Новгороде, и на Белоозере. Предсказывают грядущие перемены, перемены к худшему. И действительно, обстановка на Руси сложная. В 1061 году на русские земли впервые вторгаются половцы. Князья борются друг с другом за власть. С крестными целованиями и изменами русские князья осаждают русские же города, в усобицу втягивается Польское королевство. Половцы в жестокой битве на Альте наголову разбивают соединенные русские войска. События грозные. Незадолго до этого (в 1055 году) патриархат смещает русского митрополита Илариона и вынуждает Киев принять византийского епископа Ефрема. Ликвидируется относительная самостоятельность русской церкви, которая существовала со времени крещения до княжения Ярослава Мудрого, поставившего на кафедру Илариона без участия Константинополя.

В речах киевского волхва нет «сопротивления христианству». В них — тревога за происходящее. И может быть, не прозвучавший, но ощутимый фон речи волхва, ее подтекст — укор христианству. Реальные жизненные невзгоды для волхва-язычника, похоже, приобрели христианскую окраску. Мудрено ли, что пророком оказался не волхв, а тот, кто предупреждал его: «Бес тобою играет». Предупреждение оказалось вполне пророческим. Летописец сообщает, что как-то ночью волхв «исчез». Сообщает без комментариев, но их и не требуется.

После крещения на Руси долго не было того нетерпимого отношения к язычеству, к «бесовским суевериям», которое характеризует церковь более позднего времени. Волхв проповедует в Киеве свободно, не будь его проповедь резким отрицанием греческой экспансии, дело не окончилось бы так трагически.

В те же годы происходят выступления волхвов в Ростовской земле и в Новгороде. (Летописец сюжетно объединил в «Повести» события нескольких смежных лет под одним 1071 годом.) «Однажды,

во время неурожая,— начинает он рассказ о ростовских волхвах,— явились два волхва из Ярославля». Волхвы заявили, что знают всех, кто в этот голодный год припрятал запасы. И действительно, «куда не придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та — жито прячет, а та — мед, а та — рыбу». Смерды приводили к ним этих «жен», волхвы с каким-то колдовским обрядом «прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе». Дошли так до Белоозера, «и было с ними людей триста». Это уже восстание: конфискуется имущество богатых, изымается продовольствие, многих знатных убивают.

На Белоозере оказалась дружина Яна Вышатича, собиравшего дань князю Святославу. Вышатич прежде всего разузнает, чьи смерды эти волхвы, «и узнав, что они смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне волхвов». Их, конечно, никто выдавать не собирался. Осерженный Ян пошел было со своим требованием к лесу, где засели восставшие смерды. Дружинники остановили его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Осрамят — это значит откажутся повиноваться, заставят отступить. Ян понял и пошел с группой воинов, держа в руке боевой топор. Навстречу вышло трое. Остановили Яна, хотели припугнуть: «Идешь на смерть, не ходи». Никаких предупреждений Яну было не нужно: воин, глава княжьей дружины — и какие-то смерды. Порядок следовало навести немедленно и жестоко. Устрашить, а потом не дать опомниться. Смердьих парламентеров убили на ходу и двинулись на оставшихся. Ян шел впереди, на него кто-то кинулся, кто-то швырнул в него топор, но промахнулся. «Ян же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их».

Как все-таки в летописи на месте каждая деталь и как каждая деталь точна! Ян идет впереди — воин и власть,— ему ли бояться, да и кого, смердов? И как убил: обухом топора. Не зарубил, похоже, что он, княжий «лучший муж», просто не хочет марать боевого оружия смердьей кровью. Смердов рубят отроки. Повстанцы бежали, и не Вышатичу было гоняться за ними по лесам, да и как взять их в лесу? Ян вернулся в Белоозерск и заявил горожанам, что если те не схватят и не выдадут ему волхвов, то он «весь год» проведет в городе. Кормить весь год дружину, которая к тому же распояшется — это очевидно,— белоозерцев такая перспектива напугала. Трудно сказать как, но волхвов Вышатичу привели. Из допроса вышел поначалу богословский спор, волхвы сначала убеждали Яна: «...перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Вышатич не поддается на уговоры колдунов и утверждает, что это ложь, что человек состоит «из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только бог знает».

«Теология», как видим, очень несложная. Ян — христианин того начального периода, когда «весь крещеный мир» Руси, по сути,

полнейшие язычники, научившиеся двум-трем молитвам да крестному знамению. Этого хватит с избытком: сам факт крещения в языческом всеобщем сознании вполне достаточен для того, чтобы далее не особенно беспокоиться о религиозных вопросах. И вместе с тем эта «теология» — шаг вперед по сравнению с языческими верованиями. Ян отказывается верить в традиционное ведовство, это для него уже ложь. Но если это и шаг в познании мира, то даже для Вышатича шаг небольшой. Христианство прекрасно позволяет ограничить кругозор и меру жизненной ответственности человека: «никто ничего не знает, один только бог знает». Тезис Вышатича вполне христианский, делает религию средством интеллектуального застоя, которым она по сути и явилась. И опять же обратимся к словам Яна; особенно ярко проявлялась христианская косность тогда, когда стали развиваться естественные науки. «Все знает бог, человеку незачем и греховно мудрствовать» — этот тезис на века станет опорой религиозного невежества. Как скоро он, оказывается, прозвучал в христианской Руси...

Дальше пошел спор о сотворении человека. Волхвы утверждают, что им лучше, чем Яну, известно, как был сотворен человек: из грязной тряпочки, которой бог отерся в бане. Ян только что, по Библии, утверждал, что «сотворил бог человека из земли», и он обвиняет волхвов: «Прельстил вас бес». Опять же первый на Русской земле теологический диспут содержит тот основной аргумент, к которому богословы будут прибегать и столетия спустя. Его можно выразить поразному, но его суть всегда не в доказательстве, а именно в этом — «бес прельстил», и это — ultima ratio теологии. Но Вышатич не богослов и спор прекращает, сведя его с неба, где бог, на землю, где он, Ян Вышатич. Волхвам, подводит он черту, придется «здесь принять муку от меня».

Волхвы, как ни странно, упорствуют: «Не можешь нам сделать ничего». Речи нет о теологических категориях: смерды убеждены в том, что их право — предстать на суд князя, а не княжьего слуги, хотя бы и самого Вышатича. Он же уверен (с этого и начиналось), что раз они смерды его князя, то они и его смерды. Следовательно, он волен вершить суд. Не наша задача вдаваться в правовые отношения Древней Руси. Смерды стоят на своем, Вышатич на своем. Даже после пытки — волхвов били, выдирали им бороды — Ян издевается: «Ну, что вам молвят боги?» Они тверды: «Стать нам перед Святославом».

Волхвам заткнули рот кляпом, привязали их к мачте ладьи. Отправились по реке и остановились в устье Шексны. Ян за свое: «Что же вам теперь боги молвят?» Волхвы уже понимали все и отвечали: «Так нам боги молвят: не быть нам живыми от тебя». Ян усмехнулся: «Вот это-то они вам вправду поведали». Волхвов убили и повесили на дубе. Так было подавлено это одно из первых народных

выступлений против «знатных». Это не выступление против христианства. Выщатич спокоен в богословской части дискуссии. Она идет без каких-либо угроз с его стороны. Волхвы свободно излагают свои взгляды на мир, не отрицая и христианского бога. У Вышатича лишь христианское презрение к «невеждам», но не более того. Казнь волхвов — кара за то, что они возглавили восстание, за то, что отказались признать власть Яна. События на Белоозере не спор язычества с христианством и потому, что само христианство еще не укрепилось настолько, чтобы у него оказались рьяные сторонники, жаждущие кар и казней язычникам, еретикам, богохульникам и т. д.— все это придет позднее. Пока же где было взять таких фанатиков благочестия? Среди вчерашних язычников? Сам Ян — христианин всего во втором поколении.

В этот относительно краткий период новая вера не ощущала особой нужды в борьбе со старой.

Обе религиозные системы отражали разные стороны бытия. Язычество прежде всего соотносило человека с природой, определяло его место в мире природы, христианство — отражало социальную сущность человека и общества и место человека среди людей. Оба отражения были, разумеется, не истинными, превратными отражениями реальных связей человека с природой и обществом. «Круги охвата» этих систем не совпадали, но они пересекались. И это — одна из причин православного двоеверия. Многое совпадало: вера в загробную жизнь, вера в сверхъестественное — чудеса, в возможность умилостивить высшие силы. То, что одни называли «свои» силы богами, а «не свои» — бесами, дела не меняло. В бесов тоже верили.

В стихийном народном двоеверии есть примечательное определение — один православный поинтересовался: «Кто такой шайтан?» «Не нашего бога черт»,— получил он в ответ.

Остается добавить, что спустя примерно лет тридцать старый воин Ян Вышатич в Киеве, хорошо знает Нестора, дружен с ним. Рассказ о восстании волхвов попал на страницы «Повести» прямо со слов Яна Вышатича. Нестор в год смерти девяностолетнего Яна (1106 г.) посвятил ему несколько уважительных строк.

Под тем же 1071 годом летопись рассказывает о появлении волхва в Новгороде. Здесь дело обстоит серьезнее, чем на Белоозере. Волхв не только брался предсказывать грядущее — это тот же мотив, что звучал и в Киеве, и на Ростовской земле,— он делал это, «хуля веру христианскую». Волхв «обманул чуть не весь город»,— сокрушается Летописец. «И был мятеж в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа». Волхв будто бы пообещал: «Перейду Волхов перед всем народом». Собирался, что ли, повторить чудо Иисуса Христа, пройти «яко по суху»? Доказать, что евангельский герой не герой? Но тут вышли князь, дружина, епископ в полном облачении.

Сошелся едва ли не весь город. Епископ обратился к собравшимся: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует богу, пусть по кресту идет». И разделились люди надвое. Князь Глеб и его дружина пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И начался мятеж великий... Глеб, совсем не по-княжески, спрятал под плащ топор и пошел навстречу волхву. Диспут был краток. Речь о том же, о грядущем, и возможности его предсказания. Глеб настойчив: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Волхв ответил: «Знаю все».

Вероятно, волхв, как и в Киеве, пророчествовал о временах достаточно отдаленных, и князь своим вопросом хочет занизить его предсказания, хочет публично развенчать волхва. Он спрашивает не об отдаленном будущем, которое так нетрудно пророчествовать, и не удовлетворен слишком общим ответом. Глеб повторяет вопрос, ставит его более конкретно: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» Волхву деваться некуда, хорошо уже то, что можно попробовать переговорить князя, и он стоит на своем: «Чудеса великие сотворю». Все это — сцена. Площадь, полная народу, напряженная, затихшая. XI век — информация идет только из уст в уста, и здесь не как на Белоозере, здесь не спор, а публичное выступление. Оба, наверное, выкрикивают свои слова, нужно, чтобы их слышали все. Волхв не знает, что этот ответ его — последний. Глеб добился нужной ему реплики. Наверное, была секундная пауза: князь убедился, что слова волхва услышаны и поняты. И тут он выхватил из-под плаща топор, свой решающий аргумент. «Разрубил волхва, и пал он мертв». Мятеж кончился. Не начавшись. «Люди разошлись»,— подводит итог дня Летописец теми же словами, которыми закончил рассказ о крещении киевлян...

Аргумент Глеба убедителен для языческого сознания. Волхвы берутся предсказывать, а не предвидят сиюминутных событий, не знают даже своей судьбы. Во всех трех случаях (вспомним гибель Олега от «конского лба») волхв, колдун не предвидит собственной гибели. Церковь настойчиво монополизирует определение «божьей воли». Но для утверждения христианства топор Глеба и понятная всем собравшимся его решимость устроить побоище — аргумент грозный, но неубедительный. Для укрепления христианства потребуются свои чудеса.

За чудесами дело не станет, вскоре церковь даст их в изобилии, но пока круг замыкается: для веры в христианские чудеса нужны верующие христиане. Так определяется долговременная задача церкви — постепенное внедрение культа святых, которые вытеснят прежних перунов и велесов, сольются с ними, покроют их схимой или нимбом святости. Нужно думать о новой обрядности и о многом другом. Этим церковь в меру разумения и занимается. Не на годы — на века растянулось это «внедрение».

Пока же единственный случай организованного сопротивления именно крещению мы знаем со слов летописи в том же Новгороде. Правда, это не «Повесть». Обратимся к двум другим летописным сводам: Новгородской и Никоновской летописям. В Новгородской летописи (в ней, в частности, отразился Начальный свод 1093—1095 годов) о крещении сообщается под 989 годом. «И прииде к Новугороду архиепископ Яким и требища разори, и Перуна посече, и повеле влещи в Волхов». Перуна, как в Киеве, волокли по грязи, колотили жезлами и сбросили в реку. Здесь, как и на Днепре, было указано следить, чтобы идол не прибился к берегу.

Сюжетное сходство настолько велико, что может показаться прямым заимствованием киевской ситуации. На деле, вероятно, Новгородская летопись верна фактам: в Новгороде действо свержения идолов разворачивалось по тому же продуманному и подготовленному сценарию, по которому оно проходило в Киеве.

Детали отличают новгородское крещение от киевского: Перун, проплывая под мостом через Волхов, швырнул на него свою палицу, которая, по словам Летописца, какими-то «безумными» сохранялась в Новгороде. «Утеху творят бесам»,— сокрушается он о языческом обряде, открыто продолжающем жить в Новгороде.

Вторая деталь — как бы бытовая сценка, подсмотренная Летописцем утром на Волхове. Какой-то гончар грузил в челнок глиняные горшки — собирался везти их на продажу — и тут увидел плывущего по реке Перуна. Течение подносило идола к берегу. Гончар оттолкнул его шестом, сказав: «Ты, Перунище, досыта ел и пил, а теперь плыви прочь!» Такое вот христианское назидание. Трудно не поверить летописи — рассказ вполне вероятен, и читатель в нескольких этих строках сразу видит и низменный, топкий берег широкого Волхова, раннее невысокое солнце, тяжелую темную колоду, которую речная струя выносит на плес, и горшечника-скудельника, как их называли, в белой рубахе, укладывающего свой хрупкий товар.

Летописи сохранили и прямое свидетельство сопротивления введению христианства. Относится оно к крещению Новгорода. Мы имеем в виду рассказ так называемой Иоакимовской летописи. Текст ее до нас не дошел, мы знаем его в изложении В. Н. Татищева, который этот текст имел и привел его в обширных выдержках в своей «Истории Российской».

Крестить новгородцев отправили из Киева Добрыню и митрополита Иоакима (это по догадке В. Н. Татищева) — известного нам Акима Корсунянина, которого Новгородская летопись также упоминает в статье 989 года о крещении Новгорода.

Новгородцы поклялись Добрыню в город не пустить. Разметали середину моста, с Софийской стороны поставили на нем два камнемета. «Со множеством камения поставиша на мосту, яко на сущие враги

своя». Верховный жрец языческий Богомил, которого новгородцы за красноречие прозвали соловьем, собирает толпы, проповедует, запрещает покоряться Добрыне. Тысяцкий Угоняй вопил: «Лучше нам померети, нежели боги наши дати на поругание». Словом, бунт, причем участники — и массы, и верхи Новгорода. «Мы же,— речь в летописи от первого лица, по догадке В. Н. Татищева, это сам автор летописи, первый епископ Новгорода Иоаким,— на Торговой стороне ходили по торжищам и улицам, уча людей, елико можахом». Так шло два дня, «можахом» насильно и с большим трудом. Все же окрестили — заставили — несколько сот человек. Народ же там, на Софийской стороне, за Волховом, не бездействует. Начинают громить богатых. Разорили дом Добрыни, убили его жену и еще кого-то из родственников. Разметали, разнесли по бревнышку церковь Преображения.

И тут рассвирепел Добрыня. Тысяцкий Путята с дружиной в 500 воинов ночью переправился через Волхов и устроил побоище. Поутру переправился на Софийскую сторону и Добрыня. Побоища, видно, не хотел — находчивый, нашел способ покорить новгородцев. Велел дружине посжигать дома. Их, конечно, бросились тушить — трудно ли дотла выжечь деревянный город?

Отметим эту деталь: язычники только «разметали» христианскую церковь. Сжечь, конечно, было проще, но боялись за город. Добрынюшку, добра молодца, этим не остановить... Добрыню здесь знали хорошо и без лишних слов понимали, что «добрый молодец» ни за чем не постоит,— просили мира. Добрыня унял дружину, начавшую разгром города, дальше все пошло по киевскому образцу. Скидывают в воду и жгут идолов.

Какой-то посадник Воробей, красноречивый воспитанник Владимира, увещевает народ на торговой площади. На Волхове идет крещение. Еще одно отличие от Киева — крестят раздельно «мужи выше моста, а жены ниже моста».

И до сего дня — подводит итог новгородскому крещению летопись Акима Корсунянина — дразнят новгородцев: «Путята крестил мечом, а Добрыня — огнем».

Насмешливая цитата из летописи, яркая фольклорная метафора, действительно в ходу и до сего дня. Вот только относительно самой Иоакимовской летописи возникают сомнения.

Сам Иоаким, Аким Корсунянин, как именует его Новгородская первая летопись Младшего извода в статье 989 года,— лицо историческое. Но принадлежность летописи не только перу Иоакима, а — концу X века вызывает серьезные возражения. В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» рассказывает, что он получил эту летопись — «три тетради» — от своего дальнего родственника архимандрита Мелхиседека (Борщова). В тетрадях, как определил Татищев, находился список довольно большого фрагмента древней

истории Руси. Текст его сильно отличался от «Повести» Нестора. В. Н. Татищев уточняет «Повесть» сведениями из полученных им тетрадей [40]. Летопись вызвала обоснованные возражения уже в XVIII веке. М. М. Щербатов первый привел основания, по которым она доверия не заслуживает. Н. М. Карамзин назвал летопись «шуткой, которую многие приняли за истину». Над покойным Татищевым повисла тень обвинения в подделке текста. Вскоре С. М. Соловьев доказал, что историк никак не причастен к составлению текста летописи.

Буквально в последнее время Иоакимовская летопись получила археологическое подтверждение. При раскопках Новгорода членом-корреспондентом АН СССР В. Л. Яниным обнаружено пожарище, которое ученый точно связывает с событиями 898 года.

Вероятно (эта точка зрения преобладает в современной науке), что летопись Иоаки́ма — один из распространенных в XVII—XVIII веках текстов легенд, исторических преданий, в какой-то своей части имевших реальную основу [41].

Яркое и убедительное повествование Акима — Якима — Иоакима действительно может быть результатом литературного труда XVII или даже XVIII века. Возможно, автором его действительно является Иоаким, но не Корсунянин, а Иоаким — архимандрит того же Бизюкова монастыря, откуда В. Н. Татищев получил текст. Такой настоятель был в этом монастыре в 1730-е годы. Суть не в этом. Даже если совершенно не принимать в расчет сведений Иоакимовской летописи, то следы сопротивления крещению можно обнаружить в других наших древнерусских источниках. Следы глухие. Авторы-христиане не распространялись о таких в их понимании негативных явлениях, предпочитали миновать, с их точки зрения, случайные и несущественные моменты. С позиций уже господствующей христианской идеологии их отношение если не оправдано, то понятно. Но коль скоро так, то утверждение об активном сопротивлении масс, как это порой можно встретить в некоторых изданиях, казалось бы, может существовать и без прямых свидетельств сопротивления крещению. Однако не следует опираться на одни гипотетические предположения, утверждая на них другую гипотезу. За такие схоластические построения древние наши книжники обоснованно упрекали в «ложности мудрствования».

Оценив позицию древних авторов, осмысленно замалчивавших факты сопротивления крещению, мы должны искать ответ на эту тему в их же сочинениях. Будем исходить из предположения, что коль скоро сопротивление крещению действительно было, то наши авторы, близкие к событиям, принципиально не могли миновать этой важной проблемы. Не могли миновать уже тем, что старательно ее обходили. Если сопротивление существовало, то именно

при апологетике крещения, утверждая христианство и религиозные заслуги Владимира, древнерусские писатели не могли не коснуться сопротивления христианству. Они, проповедники-идеологи, должны были ответить современникам, почему же столь истинная религия не везде встречается с радостью, чаще просто покорность, а то и неприятие? Ведь эти вопросы существовали, задавались и требовали ответа...

Ответ мы в источниках находим. Уже в «Повести», когда Владимир посылает по Киеву объявить свою волю о крещении, указано на прямую санкцию в случае отказа: «...будет мне враг». В Никоновской летописи жестче: «Не будет пощажен». В Иларионовом «Слове о Законе и Благодати» развернута мысль, аналогичная «Повести»: «Всем быть христианами, малым и великим, рабам и свободным, юным и старым, боярам и простым, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому его повелению, а если кто и не с любовью, но со страхом принужденного крестится, потому что благоверие его с властью сопряжено». Слово Илариона — это официальная трактовка русской церковью событий крещения.

Свидетельства косвенные, они не содержат, подобно Иоакимовской летописи, ярких рассказов, но и задача их другая — дать ответ на возникающие в связи с крещением вопросы, которые в официальной апологетике христианства обходились стороной.

В целом же христианизация шла успешно и быстро. Если Иларион и преувеличивает, говоря, что «не было ни одного противящегося», то преувеличение не слишком велико.

И этот факт быстрых успехов христианизации также требует объяснения: христианство, практически по всей Европе, внедряется насилием, могло ли быть иначе на Руси?

Вторая половина IX — начало XII века,— полтора, два и более долгих столетия, в которые практически завершается христианизация народов Европы. В 860-е годы Кирилл и Мефодий проповедуют христианство в Моравии, где они заложили основы национальной церкви (позднее там утвердился католицизм). В это же время христианство распростроняется в Паннонии, в Болгарии, патриарх Фотий (учитель Кирилла) осуществляет первое крещение Руси. Венгерский король Гейза принимает христианство в 973 году, а завершается христианизация Венгрии в правление святого Стефана (997—1038 гг.). В Польше христианство принято при Болеславе Храбром, и ему, христианину, приходится мечом отстаивать государственную независимость от Священной Римской империи, пока в 1000 году он не добивается самостоятельной кафедры в Гнезно. Западная церковь внедряется действительно «огнем и мечом», и после смерти Болеслава немедленно восстанавливается славянское язычество. Следуют кары и новый этап насильственной христианизации.

В Дании христианство принято почти в то же время, что и на Руси, при Гаральде Синезубом (950—986 гг.). На севере Европы процесс феодализации протекал весьма замедленно и христианизация началась около 1000 года (Норвегия, Швеция), реально же христианство укрепилось в Скандинавии к концу XI — середине XII века. Архиепископство в Упсале основано только в 1164 году.

Византия сумела нанести Болгарскому царству сокрушительный удар. В 1018 году христианская Болгария была разгромлена христианской Византией с жестокостью, вызывающей ужас и сейчас, спустя много веков. Престарелый Василий II успел войти в историю со страшным прозвищем Болгаробойца. В решающем сражении армия императора захватила в плен 28 тысяч воинов (называют и другое число). Василий, это свидетельствуют византийские авторы, распорядился отсчитать половину, эти 14 тысяч ослепили. Им вырвали оба глаза. Остальных тоже ослепили. На один глаз. И тогда император разделил пленных на пары: слепой получил поводыря — и отпустил их по домам. Какие же это жуткие толпы сильных мужчин, вчерашних воинов, потянулись, спотыкаясь на ровной дороге, как вцеплялись в плечо сохранившего глаз, как встречали их дома... Первое болгарское царство пало. Столица Болгарии — Охрид — была разрушена, самостоятельность церкви ликвидирована.

С этого времени активизируется византийская церковная политика на Руси. В 1037 году при Ярославе Мудром русская церковь хотя и сохраняет церковную автономию, но переходит в ведение константинопольского патриарха. Ее митрополиты отныне и надолго (кроме Илариона) — греки. Русская церковь станет автокефальной только в 1448 году, а патриархат, пятый патриархат восточных церквей, будет провозглашен ею в 1589 году.

Становление феодального общества повсеместно сопровождалось принятием христианства — религиозной системы, адекватной новой общественной формации. В этом общеевропейском процессе христианизации «варварской Европы» крещение Руси лишь один из фактов.

В христианизации прослеживается одна особенность. Когда новая вера внедряется не только как более соответствующая развитию феодальных отношений, как идеология, вызываемая внутренними процессами общественного развития, но сливается с территориальной экспансией, процесс христианизации идет с трудом. Он замедлен, он встречает сопротивление, и формой этого сопротивления становятся традиционные верования — «язычество».

Так оружием против оружия противостоят христианизации (по сути, германизации и территориальной экспансии) западные славяне, так сопротивляются агрессивному давлению Византии — восстают против христианства — болгары и сербы.

Здесь же упомянем об упорном стремлении Византийской церкви привить на Руси религиозную нетерпимость и религиозное самодовольство: достаточно посмотреть церковные тексты, требующие отказа от общения с инаковерующими, с западными христианами по религиозным соображениям. Такой проповеди на Руси равно противились и христиане, и язычники: Русь изначально складывалась как государство, объединявшее не только славянские племена, но и северной финно-угорской группы: кривичей и вятичей, чудь... Русь хорошо знала варягов и хазар, болгар дунайских и волжских болгар, ясов и касогов, половцев... Ни племенная, ни вероисповедная рознь здесь не были понятны и народом не принимались.

В многонациональной Руси (в XIII веке уже начинают складываться русская, украинская и белорусская народности) в христианстве стремились увидеть не религиозно-национальную ограниченность и не равенство лишь перед богом, да и то «во грехе». Идея христианского равенства понималась в народном сознании как идея естественного человеческого равенства, и даже равенства социального.

Там, где священники не следуют в обозе чужеземных завоевателей, где их ведет «своя» национальная верхушка общества, христианизация проходит достаточно спокойно.

И если южным славянам христианство несут священники и войско Византийской империи, то крещение Руси осуществляется своими князьями, и, как мы видели, преимущественно славянскими, то есть близкими по языку и культуре священниками. Здесь следует сказать и о том, что восточная церковь разрешала богослужение на родном языке. На Западе он употреблялся лишь для проповеди, исповедей, то есть в непосредственном общении клира с прихожанами. Языком богослужения и языком культуры долгие века была исключительно латынь.

А это значит, что от культуры, которую несло с собою христианство, народные массы Запада были оторваны.

Средневековая ученость — это прежде всего книжная образованность и резкое противостояние уровней книжной и народной, фольклорной, бесписьменной культур.

Намного резче разница выявлялась в латинизированной Европе, где противопоставление litterati — «книжных» и «некнижных» — illitterati — простецов, профанов — idiotae на долгие века проложило глубокую межу, разделившую народную и элитарную культуры. (В богослужении на латыни было и свое преимущество, обеспечивавшее наднациональное единство клира.)

Крещение Руси облегчалось и тем, что богослужебная и церковная, учительная литература идет сюда прежде всего от южного славянства, на языке, понятном на всей Руси.

При христианизации южных славян этого не было, Кирилл и Мефодий в тот период только создают славянскую азбуку. Казалось бы, незначительное, но существенное для хода христианизации различие. На славянские земли из Византии в первую очередь шла необходимая для этого, но чуждая языческому славянству церковная литература. Ко времени крещения Руси на славянских языках сложился фонд той книжности, в которой наличествуют ценности этические и эстетические, научные. Сведения из различных отраслей средневекового знания, исторические и географические, медицинские, прикладные технологии: строительные, химические, агрономические и т. д. Струя культуры, облик которой средневеково-христианизирован, несла большие общекультурные ценности, и ценности эти восприняты на Руси: семена книжности падали на взрыхленную почву.

Новая вера будет принята массами, станет их верой. Но она окажется вовсе не тем христианством, которое несли на Русь византийские епископы. Народное христианство — православие сольется с древними верованиями, пропитается ими, станет тем двоеверием, по поводу которого, века спустя, будут сокрушенно вздыхать православные иерархи.

«Прибыли войска русов»

Как же все-таки сложились обстоятельства, что спустя сорок лет после неудачного посольства Ольги в Царьград империя ромеев была вынуждена принять от Киева, по существу, те же самые предложения, тот дипломатический «пакет», который предлагался в Константинополе русским посольством и был тогда отвергнут Константином Багрянородным? Империя получает от князя Владимира военную помощь, о которой тщетно просил Ольгу Константин VII, осуществляется крещение Руси, которое не состоялось в 940-е годы, наконец, пусть не при детях, как предлагала Ольга, а при внуках осуществлен тот династический союз, который был нужен Киеву. Если дочь Константина не становится женою Святослава, то его внучку, принцессу Анну, империя вынуждена выдать за внука Ольги. Владимир получает и высокое место в придворной иерархии империи, он — родственник императора и его стольник.

В 986 году империя ромеев оказалась в весьма сложном политическом и международном положении. Болгарское войско одержало крупную победу над византийским, которым командовал сам император. Василий II спасся какими-то горными тропами, а над империей нависла серьезная болгарская угроза. (Здесь же заметим, что русские войска и, вероятно, сам Владимир выступили на стороне болгар, против Византии. Однако состояние наших источников таково, что утверждать это определенно мы не можем.) И тут же на юге, в малоазийских владениях империи, поднял восстание Варда Склир. Военачальник высокого ранга, вельможа, сумел поднять против Василия II значительные силы и вдобавок заключил союз с арабами. Момент для мятежа был выбран удачный. Склир провозгласил себя императором, публично возложил на голову венец и, более того, «обул красные сапоги». По законам и традиции империи это было важнее, чем даже корона. На красные сапоги во всей империи имел право только царствующий император, кесарь, и никто более. Красные сапоги на любом другом человеке в пределах империи — величайшее государственное преступление и святотатство.

Василий II послал к Склиру, пытался как-то договориться, потушить мятеж, пока он не разгорелся. Склир поднял ногу из-под плаща, показал сапог, объяснил посланцам, что, надев такие сапоги, их уже не снимают. Это было верно. Снимали в таких случаях голову. Переговоры кончились не начавшись. Новоявленный император готовился в поход на столицу.

Василий вызвал в Константинополь известного полководца и вельможу, родственника императора Никифора Фоки Варду Фоку. Этот Варда находился на острове Хиосе, в монастыре, куда ранее заточил его Василий по сложным соображениям внутренней политики. Фока быстро собрал и возглавил войско. Короткие стычки и марши, осады и передвижения обозов шли на фоне переговоров двух Вард. Кто-то из них предложил разделить империю и власть. Одному — Восток, другому — Запад. Вероятно, предложил Склир. Фока согласился, но тут же в Константинополь к императору Василию поскакал его сын, Роман — повез донос на измену отца... В этом месте, дорогой читатель, можно лишь еще раз подивиться коварству политики византийского двора. Дело в том, что Романа послал к императору сам Фока. Расчет его, по сути, был несложен: если мятеж будет подавлен, то сын при дворе сумеет выручить отца, во всяком случае, спасти от казни, если же мятеж окажется удачен, то спросить будет не с кого. Василий II обласкал сына изменившего ему полководца, но вот поверил ли он ему — сказать трудно. Обстановка для двора Василия складывалась на редкость неблагоприятная, и в Царьграде это понимали.

Нам можно бы, казалось, оставить в стороне эти какие-то слишком детективные истории византийского двора, они не имеют прямого отношения к крещению Руси. Прямого, конечно, нет, но они хорошо показывают ту обстановку измен и предательств, точно предсказуемых смертей, жестокого вероломства, ту крайнюю неустойчивость власти, которая вновь проявилась в империи. Под Василием II и Константином VIII трон зашатался не на шутку. Десять лет относительного покоя каждую минуту могли стать чредой цареубийств и борьбы за престол, в которую, как это было совсем недавно, втягивались силы разные и непредсказуемые. Напомним: Константин VII отравлен, Роман — отравлен, Никифор Фока — обезглавлен, Иоанн Цимисхий — отравлен. За последние три десятилетия ни один император Византии не умирал собственной смертью. Рассказывая о, казалось бы, неожиданном согласии Василия II на брак своей порфирородной сестры с варваром-скифом и на крещение Руси, эту «византийскую» обстановку нельзя оставить без внимания.

Надо полагать, что уже в этот момент, когда войско Фоки еще не вступило в сражения с войском Склира, Василий должен был задуматься о возможном развитии событий. И может быть, в это время начинаются переговоры с единственно возможным союзником — великим киевским князем.

В какой-то момент обстановка, казалось, начинает разряжаться и тучи, собравшиеся над троном Василия II, рассеиваются. Осенью 987 года войска Фоки разбили войска Склира, а сам магистр Варда Склир был захвачен в плен и препровожден в Константинополь.

В дороге Склир как-то внезапно «ослеп». Во дворец его ввели за руки, и торжествующий Василий, показывая всем кровавые глазницы Склира, глумился над ним. Речь Василия выдавала меру его страха перед мятежным полководцем. «Смотрите на него, смотрите, вот тот, перед кем мы трепетали, кого я так боялся, он входит во дворец не императором, как он рассчитывал, поводырь вводит его пред мои ясные очи, слепца жалкого, смотрите же, смотрите!» Так, или почти так, кричал над поверженным Склиром император. Жестокое и трусливое торжество Василия оказалось мимолетным. Тут же в Царьград пришла весть, что удачливый победитель Склира Варда Фока тоже объявил себя императором. Дело, собственно, сделалось еще до поражения Склира. В далекой Армении, в доме магистра Евстафия Малеина, приближенные Варды Фоки венчали его на царство. Тогда же, в глубокой тайне, еще один «император Византии» обул красные сапоги...

В решающем сражении обоих Вард был эпизод, на несколько минут остановивший битву. «Императоры» решились на поединок. Это был не тот обусловленный заранее поединок, которым нередко начинали сражения тех далеких времен. (Склир, кстати, участвовал в решающем сражении Цимисхия со Святославом.) Здесь смертельная схватка двух умелых воинов, схватка двух смертельно ненавидящих друг друга вельмож, претендентов на империю, наконец, двух родственников: брат Склира был женат на сестре Фоки. На сестре Склира к тому же был в свое время женат Иоанн Цимисхий... Дальше родственные и династические связи совершенно перепутываются, так что соперникам предстояло разрубить и этот узелок.

Воины обеих сражающихся сторон опустили оружие, с любопытством смотрели на готовящихся к поединку всадников.

Схватка была мгновенной. Сшиблись кони. Склир рубанул мечом, но противник отпрянул, и меч с маху срезал ухо коню Фоки. Со вздыбившегося коня Фока успел хватить Склира дубиной по голове. Склир упал. Воодушевленное войско Фоки с ревом бросилось на врага.

Шлем спас жизнь Склира. Фока в первый момент, наверное, пожалел, что враг остался жив, но дальше, как мы знаем, все устроилось самым лучшим образом. Пленный Склир с выколотыми глазами стал ценным трофеем. И тут-то Варда Фока объявил то, что таил целый месяц,— свое провозглашение императором. Фока двинулся прямо на Константинополь. Осенью 887 года войска претендента на трон разбили лагерь на азиатском берегу Босфора, у Хризополя (нынешний Скутари), прямо напротив столицы. Несколько сот метров отделяло Фоку от трона в Магнавре. Войск Василия II для сопротивления было явно недостаточно. Конечно, за мощными стенами Царьграда, под охраной его неприступных башен можно

было выдержать любую, самую длительную осаду. Это было вполне реально, но совершенно бессмысленно. За это время власть окончательно перейдет в руки Фоки, и кто во всей империи стал бы считаться с императором Василием, сидящим в блокированной столице? Положение выглядело безнадежным. Таковым оно и было бы на самом деле, если бы Василий заранее не нашел ту единственную возможность, которая могла сохранить ему и трон, и голову. Это помощь Владимира Святославича. И помощь Руси пришла к Царьграду именно тогда, когда в ней оказалась самая большая нужда.

Вот что пишет о мятеже Варды Фоки многознающий Яхья ибн Саид, Яхья Антиохийский: «И стало опасным дело его, был озабочен им царь Василий по причине силы его войск и победы его над собой. И истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю русов,— а они его враги,— чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении; и согласился тот на это. И заключили они меж собой договор о сватовстве и женитьбе царя русов на сестре царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли себя русы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, а те окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране русов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска русов и соединились с войсками греков, какие были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей к Хризополю. И победили они Фоку». Текст этого восточного автора, христианина, писавшего по-арабски, достаточно далеко от столицы, но хорошо информированного о фактической стороне событий, конечно же нуждается в комментариях. С точки зрения Яхьи, христианина, русы не признают вообще никакой веры, язычество — «поганство», для него верой не является. Требование о крещении, вообще какие-то условия, которые будто бы мог ставить Киеву Василий II,— это тоже следует отнести за счет «византийского» освещения событий, тем более в рукописи Яхьи, автора, весьма близкого к церковным кругам. В целом же текст достаточно достоверно передает события и, главное, ту обстановку, в которой Василий II был вынужден просить о помощи князя Владимира. В распоряжении римского кесаря оказался отборный шеститысячный русский отряд. Василий использовал полученную помощь немедленно и умело. Ночной десант на легких челнах и неожиданное нападение с суши разбили отряды мятежников.

Забегая вперед, скажем, что договоренность о военной помощи империи была долгосрочной. Русский отряд еще несколько десяти-

летий входит в состав византийского войска. Его численность — 6 тысяч воинов — остается неизменной. На смену выбывшим из Руси прибывали новые «вои». В 999 году они уже в Сирии, громят город Химс и сжигают в нем соборный храм, в следующем году они в походе где-то возле Эрзерума и здесь в случайной схватке, начавшейся с драки за охапку сена, обращают в бегство еще одних союзников Византии — грузинское войско. В 1019 году отряд в Италии и в страшной битве при Каннах отражает атаки норманнских дружин. Отряд воюет и под Багдадом, и в Грузии, в Сицилии, в конце 30-х годов уже XI века в русском войске сражается отряд славного рыцаря Гаральда Гардрада. Но все это — потом. Пока же боевые действия против Варды Фоки. Они идут успешно. Русь выполняет все условия договора. Владимир принял крещение (в Киеве ли, в Васильеве ли, «а другие и по-иному скажут...»). Для двора Василия II критический момент миновал, и «царь Василий» медлит, пытается «забыть» ту часть договора, где речь идет о замужестве его сестры, порфирородной Анны. Владимир берет Херсонес и угрожает походом на Царьград: «Сделаю столице вашей то же, что и этому городу». Для Константинополя ситуация могла обернуться тем грозным status quo, которого император избежал только что, благодаря русскому отряду, с той лишь разницей, что город был бы осажден многочисленным и сильным русским войском. Болгары, как это было совсем недавно, заключили бы союз с Владимиром, мятеж Варды Фоки разгорелся бы с новой силой... Рисковать при таком повороте событий, вполне реальном, константинопольский двор не мог.

Дальше, мы помним, в нашей «Повести» следует Корсунская легенда, внесенная в «Начальный свод» греческим пером.

Русь была крещена по настоянию князя Владимира, подводившего этим актом итог важной линии политики Киевского государства, политики, ставившей самостоятельные цели и активно осуществлявшейся на протяжении нескольких десятилетий, принесшей ожидаемые плоды.

В очень интересной и глубокой статье академик Б. В. Раушенбах изящно иронизирует над еще сохраняющимися в атеистической пропаганде сторонниками версии о насильственном крещении Руси. Б. В. Раушенбах цитирует по поводу взятия Владимиром Херсонеса «Песню о походе Владимира на Корсунь» А. К. Толстого:

Увидели греки в заливе Суда,
У стен уж дружина толпится.
Пошли толковать и туда и сюда:
«Настала, как есть, христианам беда,
Приехал Владимир креститься!»

«Любители порассуждать о «насильственном крещении» Руси,— пишет Б. В. Раушенбах,— могут на этом примере убедиться, что

насилие действительно имело место. Сохраняя интонацию А. К. Толстого, можно иронически сказать, что древнерусское войско, разбив византийцев, заставило их окрестить себя»[42].

Крещение Руси проводится, действительно, «по киевскому сценарию», и если вспомнить русскую поэзию, а точнее, прогрессивную общественную мысль прошлого, то так оценивал крещение Руси и К. Ф. Рылеев. Свою поэму «Владимир Святой» он кончает такими стихами:

На новый подвиг с новым жаром
Летят дружинами с вождем богатыри,
Зарделись небеса пожаром;
Трепещет Греция и гордые цари!
Так в князе огнь души надменной,
Остаток мрачного язычества горел:
С рукой царевны несравненной
Он веру самую завоевать летел.

Эту тему, сменив интонацию на легкую иронию, продолжает А. К. Толстой (не забудем, один из авторов известного Козьмы Пруткова):

«Цари Константин и Василий!
Смиренно я сватаю вашу сестру,
Не то вас обоих дружиной припру...
Так вступим в родство без насилий!»

Не видела этой активной политики Владимира и успехов политики и дипломатии Киевской Руси только церковная историография, не видела по вполне понятным причинам: церкви был нужен святой Владимир, князь, вдохновленный «божьим промыслом». Историки же обязаны видеть реалии русской политики.

Наше повествование подходит к концу. Осталось упомянуть о том, как развивались события в империи. Варда Фока был разбит наголову 13 апреля 989 года в длительном сражении при Абидосе *. Сам Фока был убит. И кажется, погиб не в бою. Георгий Кедрин, к повествованию которого мы не раз обращались, рассказывает, что Фока лежал где-то в стороне от боя, укрытый плащом. Думали, уснул, и не беспокоили. На его теле не было ни одной раны. Выяснилось, что Фока перед боем попросил холодной воды, в которой ему дали яд... Из упоминавшихся нами участников мятежа уцелел только Евстафий Малеин, остававшийся в Армении. Спустя несколько лет Василий, объезжая империю, посетил дом Евстафия,

---

* Эту дату мы уже приводили. Ее можно встретить в ряде исследований, однако она спорна. Ряд византийских историков (Михаил Пселл, Иоанн Скилица, Иоанн Зонара) считают, что Абидосская битва произошла летом 988 г.

в котором на Фоку надели царские сапоги, но с Евстафием обошелся отменно ласково, вызвал его в столицу, обещал самые ответственные и доходные посты. Как ни странно, Евстафий согласился. Прибыл в Константинополь, где, понятно, не получил никаких постов. Император, пишет тот же Кедрин, «давал ему щедро все потребное и, аки некоего зверя в пещере или норе питая, держал его до самой его смерти». Очень осторожный Василий правил долго. Он умер в 1025 году, оставив наследником престарелого уже брата, Константина VIII. Отношения с Русью долгое время после крещения остаются мирными и, можно было бы сказать, дружественными, если бы не стремление Византии считать себя «игемоном» Руси. Но это уже другая глава истории.

«Люди же, крестившись, разошлись по домам»

Этими словами подытожил Летописец тот далекий день на Днепре, тысячелетие которого отмечают в 1988 году. Много, много воды утекло с тех пор, и не только в Днепре. Сменяли друг друга поколения, обычаи, нравы. Менялись правители и правительства. Возникло, разрослось и кануло в Лету крепостное право, вырос и революцией масс был свергнут капитализм, Россия стремительно вступила в новую, третью по счету в этом тысячелетии общественную формацию. Труден, порою невыносимо труден был каждый шаг истории. Русь вынесла полудикие орды и бронированное нашествие танковых армий, самовластие тиранов, своих и чужеземных. И никакие историки не скажут, никакие компьютеры не подсчитают, чем больше полита трудная земля России — потом мужицким или его кровью. Только память народная невысказанно хранит это знание.

И долгие века миропонимание, духовная и нравственная жизнь широчайших масс были религиозны. Религиозная идеология была той господствующей формой, в которой выражались и в которой возникали политические, эстетические, этические и даже естественнонаучные идеи.

Лишь Новое время принесло освобождение от религиозного миропонимания, постепенное, порою с попятными движениями, с оговорками, но в целом — необратимое. Религиозные одежды спадали с явлений, обнажая их земное содержание. Это — заслуга науки, научного мировоззрения. Религиозное понимание с развитием общества становилось все более чуждым существу вещей и явлений, их смыслу.

Религиозная мысль принципиально не может идти путем научного познания. В познании мира и человека она бесплодна. Не в том дело, как часто пишут, что «церковь фальсифицирует данные науки». Это ей несвойственно, во всяком случае не более чем науке, когда то ли ученый, то ли политик «подправит» результат в нужном ему смысле. Речь не об этом. Религиозная мысль принципиально бесплодна. Посмотрим, что ставит церковь в заслугу князю Владимиру, который в ее понимании — центральная фигура крещения. За истекшую тысячу лет создано, вероятно, немало сочинений, которые всесторонне представляют нам этого действительно крупнейшего государственного деятеля Древней Руси, талантливого, сложного и многогранного человека. Однако нет, это не так.

Вернемся к «Повести» и «Слову» митрополита Илариона. Что выделяют оба эти памятника, их наблюдательные и широко мысля-

щие авторы? Крещение Руси и, пожалуй, единственно это. Небольшая, так сказать, «представительная» часть «Слова» отмечает, что князь славен «единодержавством», что он мечом и без него — миром покорил многие народы, но суть не в этом. Она в крещении, и только в нем. Положим, церковный автор именно это и должен особо выделять. Но каково же его ви́дение даже с чисто религиозной позиции? Иларион сопоставляет Владимира с апостолами, с евангелистами, превозносит князя за религиозную деятельность, за утверждение церкви, покровительство епископам, иереям, монахам. «Повесть» несколько сдержаннее по сравнению с панегириком Илариона, но по сути то же: Владимир — «новый Константин». Князю добавили титулы святого и равноапостольного, и, собственно, все. Ничего иного не содержат и современные церковные восхваления князя. В крещении Руси «величайшая заслуга, мудрость и свидетельство духовной зрелости равноапостольного великого князя Владимира, причисленного церковью к лику святых» [43]. Итак, важно, что Владимир свят. Вернемся к тому же тексту: святые — это «подвижники божьи, одаренные за свою любовь и верность богу обильной благодатью духа святого» [44]. Вот оно, коренное слово христианина: благодать. В нем корень принципиальной беспомощности любых религиозных подходов. Нет смысла разбирать реальную деятельность Владимира, обстоятельства, причины и следствия крещения Руси, ведь дело не в этом, а в божьей благодати, которая снизошла на князя, не в реальном, а в идеальном. Владимир избран богом и получил благодать, все остальное несущественно. Дана благодать — никакие земные и неземные силы не воспрепятствуют тогда Владимиру... Не нужны церкви никакие факты прошлого, никакие исторические обстоятельства, вызвавшие крещение — огромного значения акт: достаточно божьего промысла.

Тогда какое имеют значение события и факты, если сам процесс исторический в конечном счете зависит не от деятельности человека, не складывается ею, а подчинен божьей воле? «Факты — воздух ученого», а не богослова. Теология им дышать не может: через факты устанавливаются земные связи. Религиозному осмыслению факты не важны, а порой и опасны, они невольно уведут на путь научного понимания.

Религиозное осмысление специфически может видеть во Владимире только крестителя и только за это его прославлять. Оценить же социальные, культурные и государственные заслуги своего святого, даже в связи с крещением, религиозная мысль не может. Ее модель человеческого идеала связана с волей «истинного» бога, действовавшей через князя. Реальные исторические заслуги реальной исторической личности не нужны и к тому же опасны. Если церковные историки начнут искать подлинные причины и попытаются увидеть действительные исторические следствия крещения Руси,

то религиозное понимание в этом новом ви́дении исчезнет, религиозное будет вытеснено реальным земным пониманием поступков людей, в том числе их религиозных поступков. Мистический церковный флер событий окажется не нужен. Но религиозное сознание не способно на такое секуляризованное понимание истории, а посему Владимир оценивается только религиозно.

Истинное понимание и оценка тех перемен в экономике, общественном строе, культуре, которые нес феодализм и его религиозная система, находятся в иной плоскости и при искреннем стремлении церковного исследователя к объективности восстановить подлинную картину прошлого он может лишь за счет отрицания его религиозной картины.

Религиозная сфера узка. Когда о заслугах православия в отечественной истории говорит церковь, то именно в силу религиозной установки мировоззрения единственное, что церковь может сказать в защиту даже православия,— это то, что оно дает верующему надежду на спасение в загробном мире, и то, что оно является истинной религией. Путь в царствие небесное. И ничего более.

Все остальное, все положительное, что несет церковь и чем она заслуженно гордится, находится, собственно, вне религиозной сферы.

Мы знаем великолепные образцы искусства религиозного, служившего культу и проникнутого высочайшей духовностью, страстным поиском жизненного идеала. В этом поиске особая нравственная сила русской культуры, русского искусства, литературы — от древнейших памятников до наших дней. Это был напряженный поиск человека, в частности и потому, что религиозная сфера не могла дать ему ответа на вопросы бытия. В религиозной форме выступали ценности этические, ценности эстетические. От этого они не переставали быть человеческими, земными ценностями. Средневековое сознание видело все ценности своего мира религиозно. Образ Спаса Нерукотворного — символ защиты Отечества, грозный лик его — воинская хоругвь. Святой Николай, Никола-заступник, Никола милостивый, становился покровителем всего трудового люда Руси. Богородица русских народных сказаний, духовных стихов обошла Русь пешком, в лапотках, скорбя и печалясь о тяготах народных, обо всем крестьянском мире. Это — выражение народного самосознания, далекого от официального православия, но многое в общественной жизни, в культуре, в понимании цели и смысла человеческой жизни в религиозной форме и даже в рамках церкви служило не только религиозным потребностям.

Специфика положения этого средневекового общественного института — церкви — состояла в том, что он сосредоточил огромные возможности идейного и нравственного воздействия. Церковь имела необходимый для этого досуг, уровень образованности, централизованную — даже в период феодальной раздробленности —

организацию и, наконец, необходимые материальные ресурсы и денежные средства. Церковь богатела, но и щедро расходовала эти средства, использовала их для строительства и украшения храмов и монастырей, на развитие изобразительного и декоративно-прикладного искусства, обслуживавшего культ. Икона и фреска, книжность и шитье, многочисленные художественные ремесла: литейное, кузнечное, ювелирное дело Древней Руси — находили заказы, а мастера — покровительство у церкви.

В течение веков православия церковь была местом, где находил свое приложение труд и талант народа, где складывались национальные и общечеловеческие духовные ценности.

Многие понятия народа выработаны на религиозном уровне понимания судьбы человека и судеб человечества. Терпение и стойкость в страданиях, способность выдержать тягостные испытания — черты народного характера — поддерживались не только религиозной верой в «обетованное воздаяние», но и пониманием неизбежности происходящего. Вера давала силу жить и человеку, и народу в его испытаниях. Страдания, перенесенные со стойкостью и терпением, поддержанные верой в добро и справедливость, учили состраданию, может быть высшей нравственной ценности человеческой.

Человек средних веков видел мир иначе, чем мы. Его ценности, мечты, стремления выступали в форме велений бога независимо от того, выводились они из евангельских стихов или сур Корана. Это не мешало им быть заповедями человеческими, нормами, которые в течение тысячелетий вырабатывало общество.

Веками церковь, храм, монастырь — единственное место, где именно народные массы могли познакомиться с профессиональным искусством, будь то живопись, музыка и т. д.

Храм представал и архитектурой, пропагандирующей христианские идеалы, и земным творением труда и таланта зодчих, живописцев, композиторов. Не только религиозные мотивы порождают духовную музыку Бортнянского и Чайковского. Малое число оперных театров (в столицах) предназначались исключительно для привилегированных кругов, хоры в десятках тысяч церквей звучали для народа.

Общественная жизнь и культура Нового времени уже не нуждались в религиозной санкции, религия стала тормозом не только в культуре, религиозная идеология, государственная церковь оказались преградой на всех путях общественного прогресса.

Мы говорим только о некоторых сторонах духовной преимущественно культуры, культуры средних веков. Здесь, процитируем Д. С. Лихачева, «роль в Древней Руси православной церкви колоссальна. И те, кто отрицает этот очевидный факт, убежден, сами себе не верят и ошибаются, когда думают, что «так нужно», «так велено»[45]. Но то — в Древней Руси.

Христианство способствовало раскрепощению человека от власти природы, от страха перед нею. Мир объявлялся творением божьим, но он был создан богом для человека. Христианство расширило прежние мировоззренческие границы, но, раскрепостив человека в одном, провозгласило его духовную несвободу.

Христианство сеяло семена терпения к страданиям..И эти его семена упали на благодатную почву. Кто еще обладал таким терпением и так нуждался в этом терпении, как не земледелец. Терпение в труде — истинная добродетель, и что, кроме него, мог противопоставить голодной зиме неурожайного года пахарь? Стихии, эпидемии, «мору и трусу»? Что, кроме терпения и смирения, могло утешить в личных страданиях мать, потерявшую сына? Что, кроме награды на небесах, могло утешить на земле человека, страдающего земными болями и бедами? Эксплуататорская система, феодальное общество?

Церковь использовала неизбежную боль жизненных проблем в оправдании социальной несправедливости, но под религиозными лозунгами шла в средние века и борьба с социальным злом.

Минули многодневные торжества тысячелетия крещения Руси — одного из важных событий истории Отечества, поворота, определившего многое в судьбах России. Появление Древней Руси в сообществе христианских государств существенно сказалось на истории Европы, а при той роли, которую она играла в древней цивилизации, крещение народов востока Европы стало событием мирового значения. Мысль эта, пожалуй, уже не требует доказательств, хотя разброс оценок крещения и его исторических последствий отнюдь не уменьшается.

И перед Вами, читатель, и передо мной, автором, снова встает вопрос: почему же наука не дает, не может или не хочет дать нам точных ответов? Или прав мудрый Державин, что «река времен в своем теченьи уносит все дела людей», и тщетны наши попытки разглядеть далекие истоки современности?

Все так, но может статься, что разность подходов и оценок не есть недостаток или слабость научного мышления, а естественное выявление многоликости прошлого, судеб людей и народов; не метафизически линейное понимание исторического процесса, а познание человеческих устремлений, сложного многообразия судеб. Тогда и многообразие и столкновение порой полярных оценок прошлого оказывается ближе к действительному его познанию, чем привычные схоластические схемы «исторического развития».

И снова, обращаясь к древним документам, свидетельствам, к сочинениям историков, к публицистическим произведениям последних лет, задаешься вопросом: почему же этот юбилей, казавшийся

только церковным, принял такие грандиозные, перерастающие конфессиональные границы, размеры? Ведь девятисотлетие отмечалось менее торжественно, хотя проводилось государством, когда православие было господствующей религией империи?

Дело не в круглой дате и даже не в современном возвращении к ленинским нормам отношений государства и церкви, хотя это чрезвычайно существенно: этим можно объяснить атмосферу доброжелательного внимания к юбилею православных христиан всего по разным обрядам «крещенного мира» и верующих иных конфессий. Но в этой же атмосфере сегодня широкие круги тех, кто считает себя атеистами и действительно твердо стоит на позициях марксистской диалектики. Покажется парадоксальным, но именно эти круги культурной общественности и придали, казалось бы, только церковному празднику особое звучание, сделали его всенародным. Парадокс понятен, если вдуматься в то, как сильно вырос — слова привычные, но я не хочу искать иных! — за десятилетия Советской власти (несмотря ни на что) уровень культуры и кругозор нашего общества, как долго и во многом подспудно вызревали в нем раскрывающиеся сейчас духовные и нравственные процессы, как возрастал и не получал должного удовлетворения насущный интерес к истории — стремление общества познать истину о себе, а может быть, найти ее в себе.

Все это — вопросы жизни, они обращают мысли и чувства к истокам Отечества. Отстоящая от нас на тысячелетие эпоха смены важнейших ориентиров бытия оказалась созвучной нашей напряженной и переломной эпохе, ее духовному, нравственному поиску. В нем выявилось социальное и политическое единство устремлений верующих и неверующих, единство их целей в борьбе со злом. Это единство мыслей о торжестве справедливости личностной и всеобщей. Это единство за мир и за существование самого рода человеческого. Это восстановление гуманистических идеалов добра, нравственности и красоты.

Такое единение верующих и неверующих в вопросах земной справедливости, по мысли В. И. Ленина, важнее единства их мнений о справедливости небесной. Всегда важнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Русью» летопись называет и народ, и государство. В каком смысле употреблено слово, определяется каждый раз только из контекста. В древней орфографии заглавные буквы в нашем понимании отсутствовали. Художественно выполненные инициалы, иногда превращавшиеся иллюстратором рукописи в сюжетную картинку, отделяли обычно крупные разделы текста. Поэтому в разных переводах древних текстов можно встретить и разную разбивку текста на предложения, что определялось пониманием переводчика или издателя.

[2] *Никольский Н. М.* История Русской церкви. М., 1983.

[3] См. там же, с. 22.

[4] См. там же, с. 31.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 314.

[6] «Повесть временных лет» издавалась много раз. Читатель сам может обратиться к ее тексту. И это будет правильно. Я пользовался последним изданием «Начало русской литературы. XI — начало XII века». (В серии: Памятники литературы Древней Руси. М., 1978.) Вступительная статья, составление, общая редакция и перевод текста летописи академика Д. С. Лихачева. Для того чтобы читатель мог обратиться к любому изданию текста «Повести», я в цитатах обозначаю не номер страницы, а год, под которым записан текст.

[7] См.: *Лихачев Д. С.* Величие древней литературы.— Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978, с. 9.

[8] Принято считать, что это вымысел,— вполне очевидно, что ладья не может двигаться на колесах под парусом. Но этот аргумент, столь реальный, легко оборачивается против самого себя: и Летописец, и его читатель прекрасно понимали, что такое движение по суше невозможно, и рассказ, очевидно, не должен был попасть в летопись. Мы с достаточной долей вероятности можем предположить, что суда Олега двигались по суше так, как их передвигали по волокам «пути из Варяг в Греки», несли на себе, катили на катках. Паруса же у стен Царьграда лишь помогали движению. У Олега могли быть все основания избегать встречи с сильным византийским флотом. К тому же речь шла о легких челнах, на которых и совершала русь свои морские походы, об однодревках, моноксилах, как называли их греки.

[9] Православная церковь приносит «бескровную жертву», пресуществляя в таинстве в тело Христово просфору — хлебец из кислого теста; католики используют для этого облатку — гостию, приготовляемую из пресного теста — опресноков.

[10] См.: *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983, с. 42.

[11] *Никольский Н. М.* История Русской церкви, с. 21.

[12] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в десяти томах. Л., 1978, с. 44.

[13] *Белинский В. Г.* Собр. соч. в 9-ти томах. М., 1981, т. 7, с. 368.

[14] См.: Владимирский сборник. В память девятисотлетия крещения России. Киев, 1888, с. 2.

[15] См.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 215.

[16] См.: *Лихачев Д. С.* Текстология. М.— Л., 1962, с. 45.

[17] В современной литературе можно встретить мысль о том, что Киева во времена Андрея не существовало и незачем было апостолу подниматься вверх по Днепру. Киева, конечно, не существовало, но и здесь летопись точна, она говорит о горах киевских, населения же и города не фиксирует. Такая «критика» летописной легенды вообще значения не имеет: археологами вскрыты на территории Киева поселения вполне подходящего времени. Это так называемая зарубинецкая археологическая культура I—II вв. Население тут было — не было Андрея. В современной науке на основе большого корпуса разнообразных, прежде всего археологических, данных утвердилась мысль об основании Киева в V—VII вв. (Б. Д. Греков и Б. А. Рыбаков). Это время, о котором говорит и Нестор.

[18] См.: *Панченко А. М., Понырко Н. В.* Апокрифы об Андрее Первозванном.— В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987, вып. 1, с. 53.

[19] См.: Литературная газета, 1987, 20 мая.

[20] См.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь..., с. 232.

[21] Полное собрание русских летописей. М., 1965, т. 9, с. 13.

[22] См.: *Творогов О. В.* Принятие христианства на Руси и древнерусская литература.— В кн.: Введение христианства на Руси. М., 1987, с. 139—143.

[23] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь..., с. 168.

[24] *Лазарев В. Н.* Предисловие к книге «Искусство Византии в собраниях Советского Союза». Л., 1975, с. 4.

[25] См.: *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. Спб., 1883, с. 223—224.

[26] Б. А. Рыбаков, опираясь на то, что рассказ о сборе Игорем дани с древлян в «Повести» следует непосредственно после рассказа о процедуре подписания в Киеве договора с Византией, полагает, что Игорь мог быть убит древлянами не в 945, а в 944 г. При византийском счислении сентябрьского года события осени с октября — ноября (время «полюдья») оказывались уже в следующем, 946 г. Тогда поход Ольги на древлян — это зима — весна 944/45 г. Ольга на севере — установление погостов и т. д. при этом расчете ложатся на осень — зиму 945/946 г. Весной 946 г. Ольга, оставив сани в Пскове, возвращается в Киев. Далее идет предположение Б. А. Рыбакова: «...крещение Ольги в Киеве или (что более вероятно) в Корсуни в день тезоименитства императора Константина и его матери Елены — 21 мая. Ольга при крещении приняла имя Елены». С летним караваном 946 г. Ольга во главе посольства отправляется в Константинополь (*Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987, с. 377). Таким образом, удается разместить все эти события в хронологическую канву «Повести» в пределах 944—946 гг., не прибегая к версии второй поездки княгини в Константинополь.

[27] Официальная канонизация и Ольги, и Владимира произошла в XIII в., причем достоверная дата события остается неустановленной. Почитание же («местночтимость») Ольги существовала уже в конце X — начале XI в., то есть фактически сразу после крещения Руси. Отметим, что праздники памяти Ольги и Владимира, даже после причисления их к общерусскому пантеону святых, никогда не считались значительными (подробнее см.: *Хорошев А. С.* Политическая история канонизации русских святых. М., 1986).

[28] *Marx K., Engels F.* Collected Works. M., 1986, vol. 15, p. 75—76.

[29] См.: *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.

[30] См.: Владимирский сборник, с. 201.

[31] См. статью А. Поппэ в настоящем сборнике, с. 240.

[32] См.: Вопросы истории, 1984, № 6, с. 34 и след.

[33] См.: Вопросы научного атеизма. М., 1980, вып. 25, с. 14—15.

[34] См.: *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца, с. 200—201.

[35] См.: *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром. Византийский временник. М., 1986, т. 47, с. 39 и след.

[36] Русская православная церковь. Изд. Московской патриархии, 1980, с. 9.

[37] Вопросы славянского языкознания. М., 1963, вып. 7, с. 43.

[38] Б. А. Рыбаков весьма интересно интерпретирует подсчет «Похвалы...». Отметив, что он внешне не согласуется с датой крещения — 946 год, ученый доказывает, что Святослав вступил в открытый конфликт с киевским христианством, когда закончилось регентство Ольги — 959 год. Княгиня «стала, очевидно, наполовину тайной христианкой, исповедуя, но не демонстрируя свое православие. При таком понимании событий мы не должны будем упрекать Иакова Мниха в использовании неточной даты крещения Ольги (955 г.) — он добросовестно сказал о том, что княгиня пятнадцать лет после крещения угождала богу добрыми делами. Об отречении от христианства или о запрете обрядов оратор XI в., естественно, умолчал» (*Рыбаков Б. А.* Язычество в Древней Руси, с. 376).

[39] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь, с. 50—53.

[40] *Татищев В. Н.* История Российская. М.— Л., 1962, т. 1, с. 50—53.

[41] Сведения об Иоакимовской летописи взяты из статьи О. В. Творогова в кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси, с. 204—206. Здесь же основная литература по данному вопросу.

[42] См. статью Б. В. Раушенбаха в данном сборнике.

[43] Русская православная церковь, с. 9.

[44] Там же, с. 68.

[45] *Лихачев Д. С.* «Чем «несостоятельнее» любая культура, тем она самостоятельнее».— Вопросы литературы, 1986, № 12, с. 144.

Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля *

...Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где ныне земли Венгерская и Болгарская. И от тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, которая впадает в Двину и именуется Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера входит в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в него же впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса вытекает, и течет на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса вытекает Волга на восток и впадает семьюдесятью протоками в море Хвалисское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и дальше на восток достичь удела Сима, а по Двине — до Варягов, от Варягов до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским,— по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и приплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И наутро встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет город великий, и воздвигнет бог многие церкви». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы той, где после возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И направился к Варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал:

---

* Печатается по: Библиотека всемирной литературы. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси под редакцией Д. С. Лихачева). М., 1969. В литературе летопись известна как «Повесть временных лет» (ПВЛ).— *Прим. ред.*

«Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья гибкие, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва слезут, еле живые, обольются водою студеною, и тогда только оживут. И творят так всякий день, никем не мучимые, но сами себя мучат, и этим совершают омовенье себе, а не мученье». Те, услышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили тогда отдельно от других и управлялись своими родами; ибо и до этих братьев, о которых речь пойдет в дальнейшем, были поляне, и жили они родами и на своих местах, и каждый род управлялся сам собой. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком, был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил к царю,— не знаем только, к какому царю он ходил, но знаем, что великие почести воздал ему, говорят, тот царь, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие. Так и доныне называют дунайцы городище то — Киевец. Кий же вернулся в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались...

Вслед за тем, по смерти братьев этих, стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хозары сидящими на горах этих в лесах и сказали хозары: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хозары к своему князю и к своим старейшинам и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хозарские: «Не добра дань та, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны,— саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению. Так вот было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этот унизит когда-нибудь Египет». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хозарами и по нынешний день.

В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хозары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы,— вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собою всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус,— на Бело-озере, а третий, Трувор,— в Изборске. И от тех

варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах — находники, а первые поселенцы в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, а теми всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние же жители ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде.

В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу — родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В год 6388 (880).

В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варяг, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем к грекам и от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли: Аскольда — на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дань славянам, и кривичам, и мери, положил и для варяг давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варяг, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцов, известных как толмачи: этих всех называли греки Великая Скифь. И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много греков убил в окрестностях города, и разбил множество палат, и церкви пожег. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей...

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили присягать друг другу; сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные!» И было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, но разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстинные паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6420 (912)... И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего мне умереть?» И сказал ему один кудесник: «Князь! Коня любишь и ездишь на нем,— от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олега, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока на греков ходил. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года,— на пятый год помянул он коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не правду говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его». И, приехав на то место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и, посмеявшись, сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица. Есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три...

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад,— поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода — Свенельд, отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава,— возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали в ладье под Боричевым подъемом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор уставщика позади церкви Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала

их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли»; и ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому,— Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша,— мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье». И вознесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на козах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Пришедшим древлянам приказала Ольга приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну». Они же, услышав это, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян.

Начало княжения Святослава, сына Игорева. В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, метнул Святослав копье в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко боролись из города, ибо знали, что уготовили себе, убив князя. И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голоду». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз, когда устроила тризну по всем муже. Больше уже не хочу мстить,—

хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас такой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись — где голубятни, где клети, где сараи и где сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как загорелись все дворы сразу. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжелую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И сохранились места ее стоянок и ловищ до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и пробыла здесь год.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани. Ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви.

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях внуков твоих». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью...

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог пробраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу,— сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я пройду»,— и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди с того берега». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы припугнуть печенегов. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас едва не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня,— отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди. И понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу...

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец (на Дунае).

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», но прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не знают позора. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями!» Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же, взяв, стал хвалить царя, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И послал послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань,— того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова, собрав множество воинов, пойдем из Руси на Царьград». И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать...

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у

порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову. И тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать и восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом. И постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати власть его».

В год 6485 (977). Пошел Ярополк походом на Олега, брата своего, в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, спихивали друг друга в ров. И столкнули Олега с моста вниз. Много людей падало туда с конями, причем кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата. И искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакав над ним, и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!» И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней. В свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6488 (980). Вернулся Владимир в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери Рогволода, князя полоцкого. Владимир же собрал много воинов — варягов, словен, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир в Киев с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом. И стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе». О, злая ложь человеческая! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь».

Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж кровожадный и коварный не доживет и до половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие. Безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь; потому и виновен он в крови той. Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, так как, опасаясь горожан, просто его убить он не мог. Сам же Блуд не мог никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, передадим-де тебе Ярополка». Беги из города». И послушался его Ярополк, сбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был в Родне жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: «Беда, как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим». Так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка: приготовься убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И говорил Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Ярополк пошел, а Варяжко говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов». И не послушал его Ярополк. И пришел ко Владимиру: когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и часто воевал с ними затем против Владимира. И едва-едва склонил его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата — гречанкой, а была она уже беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира...

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищанце и победил их. Оттого и дразнят русские радимичей: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Эти дани нам не дадут — пойдем поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех. Та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том». И другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так

как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть!» Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой». И обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; «если кто пьет или ест, то все это во славу божию»,— как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир иноземцам: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хозарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезываться, не есть свинины и зайчатины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны; если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру. Вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых обрушил господь горящий камень, и затопил их, и потонули. Так вот и этих ожидает день погибели, когда придет бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую...» Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, преломляемое за вас...», так же, и из чаши вкушая, говорил: «Сие есть кровь моя нового завета». Те же, что не свершают этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того. Их же пророки предсказывали, что родится бог, а другие, что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества эти, когда сошел он на землю, был он распят, воскрес и поднялся на небеса. Ожидал бог покаяния от них сорок шесть лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так...

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о том свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит,

но хвалит. Если хочешь доподлинно разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, узнай, какая у них служба и кто как служит богу». И понравилась речь их князю и всем людям: избрали мужей славных и умных числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав рассказ, царь обрадовался и в тот же день воздал им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу. Приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил как положено праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили хоры и пение. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили службу. И призвали их цари Василий и Константин и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними»,— обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили к болгарам, смотрели, как они молятся в храме, именуемом мечетью, стоят там распоясанные; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшая из всех людей». И ответил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. Когда насыпали они,— корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это,— крещусь!» И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир сошел в город с дружиною своей и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари. И послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя».

Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любы мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари и послали сестру свою, сановников и священников. Она же не хотела идти, говоря: «Иду как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же, что в Корсуни». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел он. Ощутив свое внезапное исцеление, Владимир прославил бога: «Теперь узнал я бога истинного». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так:

«Верую во единого бога отца, вседержителя, творца неба и земли» — и до конца этот символ веры»...

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуне на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе,— чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья Отмель, как и до сих пор зовется. Затем послал Владимир по всему городу со словами: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый или бедный, или нищий, или раб — да будет мне враг». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы это князь и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи,

другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, господи, познать тебя, истинного бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по божьему устроению и по милости своей помиловал их бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым...

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. И на следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытай меня: нет ли быка большого и сильного?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; прижгли его раскаленным железом и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил он быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у

брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6505 (997). Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов,— так как была в это время беспрерывная великая война,— узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и начался в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — сдадимся печенегам — кого пусть в живых оставят, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Один старец, который не был на том вече, спросил: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят они сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, из чего кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадку и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадку, и велел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадку в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка, и почерпнули ведром и вылили в лотки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а белгородских отпустив, поднялись и пошли от города восвояси.

В год 6579 (1071). ...Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что-де мы знаем, кто запасы держит. И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Бело-озеро, и было с ними людей триста. В это же время случилось Яню, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жен по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи смерды, и узнав, что они смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне обоих волхвов, потому что оба они смерды мои и моего князя». Они же его не послушали. Янь же пошел сам без оружия, хотя говорили ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же исполчились против него. И вот, когда Янь шел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли

к Яню, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть,— не ходи». Янь же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них замахнулся на Яня топором, но промахнулся. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И сказал им: «Чего ради погубили столько людей?» Те же сказали, что «они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине ложь это: сотворил бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только бог ведает». Они же сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он же спросил: «Как?» Они же ответили: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек — в землю идет тело, а душа к богу». Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихристу!» Он же сказал им: «Где же он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это бог, коли сидит в бездне?» Это бес, а бог на небесах, восседает на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из них был свергнут — тот, кого вы называете антихристом. Низвергнут был он с небес за высокомерие свое и теперь в бездне, как вы и говорите. Ожидает он, когда сойдет с неба бог. Этого антихриста бог свяжет узами и посадит в бездну, схватив его вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а по смерти — там». Те же сказали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!» Он же сказал им: «Лгут вам боги». Они же ответили: «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь сотворить ничего». Янь же повелел бить их и выдергивать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят боги?» Они же ответили: «Стать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить рубли в уста им и привязать их к мачте лодки и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь боги молвят?» Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это-то они вам правду поведали». Волхвы же ответили: «Но если нас пустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много печали примешь и зла». Он же сказал им: «Если вас пущу, то плохо мне будет от бога, если же вас погублю, то будет мне награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?» Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе: так отмщение получили они от бога по правде! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь забрался, изгрыз их и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место это, где им предстояло быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время, когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайны его не зная. Бог один ведает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом...

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались на совет в Любече для установления мира и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теребовль».

И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады все люди, но только дьявол огорчен был их согласием. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они умышлять на Василька. А Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся к обозу своему. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе даже здесь, под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет города твои — Туров, и Пинск, и все прочие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил отрок его и предупредил: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор. И вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел, как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман держал в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька,— 5 ноября,— и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою. Если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от бога и отвечает перед богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подговаривать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего

нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к богу с плачем великим и со стенаньями. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко и не смогли его повалить. Тут вошли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по обе стороны Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, подняв нож, и намеревался ударить в глаз, но промахнулся и порезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз и исторг глаз, и потом — в другой глаз и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него рубашку, всю окровавленную и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья, как мертвого. И услышал он плач и спросил: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему. И испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал рубашку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той рубашке кровавой смерть принял и предстал бы перед богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — груднь, то есть ноябрь. И пришли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих — Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще такого на Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо брошен в нас нож. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши, половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так; а теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Говорил мне Давыд Игоревич: «Как Василько брата твоего убил, Ярополка, так и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, чтобы сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире. А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру и молили его и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюдали землю Русскую, а мы хотим погубить»...

Часть вторая

Б. В. Раушенбах

Андрей Поппэ

Иоахим Херрман

Г. Г. Литаврин

З. В. Удальцова

Б. А. Рыбаков

Ю. В. Крянев, Т. П. Павлова

Б. В. РАУШЕНБАХ

Сквозь глубь веков *

Тысяча лет назад, в 988 году, в «сонме» европейских христианских государств появилась Киевская Русь. Понятен интерес, проявляемый к этому событию и у нас в стране, и далеко за ее пределами.

Знакомясь с историческими памятниками нашего Отечества, мне не однажды доводилось слушать объяснения, которые давали экскурсоводы обступившим их туристам. Всякий раз, когда дело доходило до описания событий, связанных с введением на Руси христианства, я с удивлением замечал, что экскурсоводы старательно подчеркивают религиозную сторону происходившего и лишь попутно сообщают о социально-экономической и политической стороне этого процесса, прежде всего о приобщении Руси к европейской культуре. Между тем, по моим представлениям, почерпнутым из трудов советских историков, дело обстояло совсем не так. Суть событий тысячелетней давности заключалась в государственном развитии Киевской Руси, религиозной была лишь форма этого процесса.

Чтобы заново осмыслить, что и как происходило в те далекие века в Киевской Руси, полезно вспомнить слова Фридриха Энгельса, сказанные, правда, по поводу более поздней эпохи — Возрождения: «Это было время, которое французы правильно назвали Ренессансом, протестантская же Европа односторонне и ограниченно — Реформацией» [1].

Из высказывания Энгельса видно, что судить о событиях такого масштаба, принимая во внимание один только религиозный компонент,— значит судить «односторонне и ограниченно». К сожалению, некоторые представители научного атеизма занимают позицию, противоречащую глубокой мысли Энгельса. Выискивая лишь «темные стороны» происшедшего 10 веков назад события, невозможно в полной мере оценить его сложность и противоречивость, его объективный смысл и значение.

Всячески подчеркивают, например, насильственный характер крещения. История распространения христианской религии в самом деле дает для этого определенные поводы. Взять хотя бы так называ-

---

* Статья академика АН СССР Б. Раушенбаха опубликована в журнале «Коммунист» (1987, № 12). Печатается с дополнениями для данного издания.

емое крещение языческих племен Прибалтики крестоносцами. Здесь действовали просто: выступало рыцарское войско, разбивало отряды сопротивлявшихся, захватывало земли, возводило на них свои замки, превращало свободное население в крепостных и придавало этому разбою «приличный» вид, крестив оставшихся в живых. Однако очевидно, что дело здесь было вовсе не в крещении, а в захвате земель. Аналогично крестили аборигенов испанцы в Америке. Но ничего подобного не было на Руси, где события развивались иначе и в противоположном, если можно так выразиться, направлении (об этом ниже).

То, что произошло в конце X века в Древней Руси, было выдающимся событием в истории нашей Родины. Великий князь Владимир осуществил смелую государственную реформу, имевшую далеко идущие последствия. Я бы сравнил ее с реформой Петра I. Как и во времена Петра, тогда нужен был рывок в развитии страны, усвоение высших достижений передовых стран той эпохи. Владимир преследовал цель встать вровень с развитыми феодальными монархиями. Для этого надо было решиться на энергичное проведение феодальной реформы и связанные с ней глубокие преобразования. Именно эту реформу «односторонне и ограниченно» называют нередко крещением Руси.

(Во избежание недоразумений в самом начале подчеркну, что о феодальном характере реформ, государства, древнерусского общества в целом я говорю, пользуясь современными понятиями и отнюдь не желая представить Владимира кем-то вроде сознательного «теоретика феодализма». Он выражал объективные потребности общественного развития, которые обусловили его естественное стремление создать государство, ни в чем не уступающее известным ему монархиям, и в том числе Византии.)

Чтобы лучше понять процессы, определявшие жизнь наших предков в те далекие века, необходимо хотя бы вкратце вспомнить события предшествовавшего столетия. Первоначально разрозненные славянские племена временами объединялись и вели военные действия с соседями; тревожа иногда и окраины Византийской империи. В середине IX века состоялся первый большой поход на Византию, связываемый летописью с именем киевского князя Аскольда. Это был период, когда шло разложение патриархального общинного строя, зарождались феодальные отношения. Они имели тогда примитивную форму — осенью и зимой дружина с князем ходила по своей территории, собирала дань; феодального землевладения еще не существовало. Весной избытки собранного (меха, воск и т. п.) отправляли по Днепру в Византию и даже в более отдаленные страны Востока. Оттуда привозили изделия, которых на Руси не

производили. Аскольд осадил Константинополь, взял большой выкуп и заключил с Византией договор, вероятно содержавший какие-то выгоды для русской знати. Византия впервые столкнулась с нарождавшимся государством. Это были уже не просто «варвары», грабившие пограничные провинции, а нечто более серьезное.

В конце IX века пришедший из Новгорода Олег захватил Киев и объединил северную и южную Русь (Новгород и Киев). Возникли контуры будущего древнерусского государства. Еще непрочное объединение Руси в одно целое поддерживалось постоянными боевыми действиями против непокорных племен. Новый удачный поход на Византию завершился заключением выгодного русским договора и обеспечением ежегодной дани (платы за ненападение).

Со смертью Олега (начало X века) сразу выявилась непрочность объединения славянских племен — их союз распался. Восстанавливать его силою оружия пришлось Игорю. Он был убит в одном из походов на древлян за повторной данью. Последовала жестокая месть древлянам со стороны его жены Ольги, ставшей правительницей при малолетнем сыне Святославе. Печальный опыт заставил Ольгу упорядочить получаемые от союзных племен дань и их повинности. Это был новый шаг к регламентированному законами феодальному государству.

Придя к власти, Святослав направил свою энергию против внешних врагов нарождавшегося государства. Разгромив Хазарский каганат, войско Святослава дошло до Северного Кавказа. Победами (хотя и не всегда) сопровождался и его поход против Византии. Возвращаясь обратно, Святослав погиб в сражении с печенегами, которых византийцы предупредили о маршруте его дружины. Но потенциальные враги русских на востоке и на западе были нейтрализованы.

Междоусобная борьба братьев после смерти Святослава привела в 980 году к власти его сына Владимира. Каково было наследство, доставшееся Владимиру от его предшественников? Коротко говоря, он оказался во главе непрочного объединения славянских племен, стабильность которого требовала постоянного применения (или по крайней мере постоянной угрозы применения) военной силы. Чтобы укрепить это объединение, молодой князь принял два важных решения. Во-первых, он обосновался в Киеве, чтобы не оставлять управления своею державой на многие месяцы или годы (такова была длительность военных экспедиций его предшественников). Во-вторых, он постарался, выражаясь сегодняшним языком, идейно объединить союзные славянские племена с помощью общей для всех религии.

Переход к оседлой жизни в столице был серьезным шагом в направлении феодализации государства: в современных Владимиру королевствах монархи в основном управляли своими странами из

столиц. Эту сторону деятельности Владимира счел нужным особенно выделить К. Маркс. Он писал, что до Владимира страной правили князья-завоеватели, которые смотрели на Россию лишь как на стоянку, от которой надо было двигаться дальше [2]. Например, Святослав собирался перенести столицу на Дунай, приблизив ее к местам боевых действий собственной дружины. Об этом же повествуют и летописи: до Владимира князья думали «о ратех», а он — «о строи землянем... и о уставе землянем». Это не значит, конечно, что Владимир не совершал военных походов. Но он никогда не оставался на завоеванных землях, а всегда возвращался в Киев. Его походы не были самоцелью, они обусловливались нуждами государства.

Обосновавшись в Киеве, Владимир приступил к строительству оборонительных сооружений на востоке от него, подтверждая этим, что он собирается пребывать в столице постоянно и защищать ее от кочевников. Спокойная и уверенная жизнь в городе тоже была важной предпосылкой успеха глубоких государственных реформ.

Вторую проблему — объединение союзных племен — он поначалу пытался решить путем «уравнивания в правах» всех основных племенных богов (а значит, и влиятельных жреческих групп). Любой приехавший издалека мог видеть, что в столице почитаются не только свои, киевские, боги, но и бог его племени. Так в Киеве возник пантеон шести языческих богов, остатки которого уже в наше время обнаружили археологи. Согласно другой точке зрения, в пантеоне были представлены боги, символизировавшие основные элементы древней картины мира славян — небо, землю, солнце и т. п. Возглавлял эту группу великокняжеский бог Перун. Но и в таком случае пантеон имел общеславянский, объединяющий характер.

Хотя мы и не располагаем сегодня прямыми доказательствами, однако не подлежит сомнению, что эти меры князя Владимира укрепили древнерусское государство. Но вскоре выяснилось, что дорога, по которой он столь успешно двинулся вперед, на самом деле вела в тупик. Тому были две серьезные причины. Во-первых, языческая религия и после нововведений Владимира предполагала все же старый образ жизни. Она была уместна для патриархального строя, но серьезно тормозила формирование новых производственных отношений зарождавшегося феодализма. Нужны были новое право, новые обычаи, новое общественное сознание, новые оценки событий. Старое язычество этого дать не могло. А «это» лежало, по существу, готовым в Византии.

Вторая причина заключалась в том, что Киевская Русь не могла стать в один ряд с передовыми странами Европы и Востока, не могла выйти, говоря нынешним языком, «на уровень мировых стандартов», не заимствовав у них ремесел, строительной техники, науки, культуры и многого другого. (Так, позднее Петру понадобился

опыт Западной Европы.) Все это тоже можно было взять в Византии.

Почему Византия? Решая, какую (или какие) из существовавших тогда стран принять за образец, Владимир мог ориентироваться также на мусульманский Восток и католический Запад. Но предпочтение было им отдано православной Византии. (Формальное разделение некогда единой церкви на православную и католическую произошло лишь в 1054 году, фактически же они стали независимыми намного раньше. Это и позволяет нам пользоваться принятой здесь терминологией.) В немалой мере выбор Владимира был обусловлен исторически, но в такой же — его государственной мудростью. С Византией уже сложились достаточно тесные экономические отношения: она была близко расположена (родственная Руси Болгария приняла христианство примерно за 100 лет до Киевской Руси). Этому в большой степени способствовала деятельность Кирилла и Мефодия, создавших славянскую письменность и проповедовавших христианство на славянском языке. В наши дни славянские народы справедливо чествуют их как выдающихся просветителей (в Болгарии посвященный их памяти день отмечается как всенародный праздник просвещения). Таким образом, на решение Владимира могло повлиять и то, что в православной церкви в отличие от католической богослужение можно было вести на понятном языке. Нелишне заметить, что в ту эпоху Византия была еще в расцвете; там не умерла античная традиция — в ее школах изучали Гомера и других классиков древности, в философских диспутах продолжали жить Платон и Аристотель... Византийский вариант христианства отвечал нуждам феодального общества и поэтому вполне соответствовал замыслам Владимира. Одновременно решалась и задача единого культа для всех племен Древней Руси.

Ни Русь, ни Византия не расценивали предстоящее крещение как чисто религиозный акт. Если ограничиться несколько упрощенной и предельно краткой характеристикой, то точка зрения Византии сводилась к следующему: поскольку Русь обращалась в православную веру, а православную церковь возглавляли византийский патриарх и император, то Русь автоматически становилась вассалом Византии. Однако растущее и уже довольно мощное древнерусское государство, неоднократно успешно воевавшее с Византией, отнюдь не желало для себя подобной роли. Точка зрения Владимира и его окружения была иной. Крещение и связанное с этим заимствование византийской культуры и техники вовсе не должно было лишить Русь ее самостоятельности. По мысли князя, Русь превращалась бы в дружественное Византии, но вполне суверенное государство. Как друг Византии, оно оказывало бы ей, если необходимо, военную помощь. При столь существенном расхождении во взглядах на последствия крещения оно было по меньшей мере сильно затруднено.

Но судьба оказалась благосклонной к замыслам Владимира. В 986 году византийский император Василий II потерпел жестокое поражение в войне и едва спасся, а в 987 году к Константинополю подошел с войском взбунтовавшийся византийский военачальник Варда Фока и объявил себя императором. В этом безвыходном положении Василий II просит помощи у киевского князя Владимира. Тот согласен предоставить военную помощь и тем самым сохранить трон Василия II, но выдвигает жесткие условия:

крещение Руси происходит, образно говоря, «по киевскому сценарию»;

Владимир получает в жены сестру императора и тем самым становится «своим» среди верховных правителей Европы.

Император вынужден согласиться. То была большая дипломатическая победа Владимира. Княжеское войско (6 тысяч воинов) помогло разбить Фоку, и Василий II остается на престоле.

Наступает 988 год, а с ним начинается и крещение Руси, однако Василий II нарушает данное им слово — приезд его сестры Анны в Киев задерживается. Владимир действует решительно: осаждает Корсунь (современный Херсонес в Крыму) — важный опорный пункт Византии на Черном море.

Корсунь капитулирует, Владимир грозится перенести военные действия на территорию Византии. Теперь вынужден капитулировать и Василий II. Судьбу Анны оплакивают в Константинополе целую неделю, и нетрудно вообразить, с какими мыслями отправляется она после этого к Владимиру.

Любители порассуждать о «насильственном крещении» могут на этом примере убедиться, что насилие действительно имело место. Сохраняя интонацию А. К. Толстого, можно иронически сказать, что древнерусское войско, разбив византийцев, заставило их окрестить себя.

Прежде чем обратиться к феодальной реформе, рассмотрим религиозную сторону вопроса. На первый взгляд может показаться, что социальная роль любой религии всегда одинакова, коль скоро все они признают существование некой мистической силы, которая управляет происходящим в мире. В действительности дело конечно же обстоит сложнее, религии имеют свою непростую историю, и, в частности, переход Киевской Руси от язычества к христианству следует оценивать положительно, как прогрессивный процесс, переход к «цивилизованной» религии. Например, обязательным элементом языческого культа многих населявших Европу племен были человеческие жертвоприношения. Они совершались по разным поводам, включая некоторые праздники годового цикла. При похоронах женатого человека убивали его жену, а если он был достаточно состоятельным, то и рабыню, иногда даже нескольких рабынь и рабов. Бывало, что перед сражением в жертву приносили одного

из воинов. Известны и жертвоприношения, связанные с благодарственными богослужениями.

Естествен вопрос: как шло распространение христианства? Не встречал ли этот процесс сопротивления? Подчеркнем еще раз, что он был внутренним делом Киевской Руси. Преобразования осуществлялись по указанию великого князя и его ближайшего окружения, как бы «правительства». Внешнего, насильственного напора страна не испытывала. Кроме того, население было знакомо с христианством: уже многие годы в древнерусских городах существовали маленькие христианские общины, появившиеся еще во время княжения Ольги, бабушки Владимира, которая первой из верховных правителей Киевской Руси приняла христианство (если не считать легендарных сведений о крещении Аскольда). Это тоже способствовало утверждению новой религии.

Как и при всяком кардинальном преобразовании, новое, прогрессивное наталкивалось на сопротивление старого, отжившего. Поэтому полезно обсудить, кому это новое было выгодно, а кому нет.

Князь только выигрывал — если раньше он просто был главой племенного союза, то теперь его власть была освящена, «дарована богом». Ближайшее окружение Владимира не несло никакого имущественного или иного ущерба. То же можно сказать и о дружине. Перед теми, кто занимался торговлей с Византией, реформа открывала новые возможности. Если прежде на торговых площадях заморских стран они были «варварами», «скифами», то отныне в Византии и Европе — уважаемыми единоверцами, а на мусульманском Востоке — представителями одной из мировых религий. Рядовые общинники, пока процесс феодализации еще не набрал силу, тоже особенно не страдали. Рабам христианство обещало свободу. Как известно, в Древней Руси рабство было домашним, рабов не использовали в производстве, но они составляли заметный слой общества. Однако широко распространена была работорговля. Даже сегодня в английском, немецком и французском языках понятие «раб» обозначается словом «славянин», поскольку рабы-славяне очень ценились на невольничьих рынках. Рабство не свойственно феодализму, и церковь резко выступала против него, особенно против работорговли, когда своих соплеменников продавали «в поганые».

Кто терял все, так это языческие жрецы. Влиятельное жреческое сословие вдруг становилось никому не нужным. В этих условиях языческое жречество прибегло к двум принципиально разным тактическим приемам: во-первых, «уходу в подполье», когда на окраинах и в других местах, где это было возможно, продолжалось служение идолам, совершение магических обрядов и т. п.; во-вторых, открытому (даже вооруженному) сопротивлению всей системе реформ Владимира.

Реакция Владимира на эти две тактики была различной. На «подпольных» языческих жрецов почти не обращали внимания, им не мешали, ведь они не представляли опасности для главного — феодальной реформы. В этом один из корней так называемого двоеверия. Владимир считал, что в результате деятельности христианского духовенства эти элементы язычества постепенно отомрут. При столь масштабных реформах неразумно требовать, чтобы сразу все изменилось. (Ведь и Петр не требовал, чтобы крепостных крестьян одели в голландские костюмы.)

Иной была реакция на сопротивление системе феодальных реформ. Здесь Владимир проявлял твердость, безжалостность и при необходимости применял военную силу. Однако для нас важно, что «огнем и мечом» не просто вводилась новая религия, а создавалось централизованное феодальное государство. (И здесь уместна аналогия с Петром. Он тоже был тверд и безжалостен, когда мешали его реформам. Достаточно вспомнить, что он не пощадил собственного сына — царевича Алексея.)

Процесс христианизации протекал постепенно и, по современным оценкам, в основном занял приблизительно 100 лет. С учетом размеров страны это очень малый срок: крестившимся почти одновременно с Русью Швеции и Норвегии потребовалось на это соответственно 250 и 150 лет.

Государственная реформа Владимира как бы высвободила постепенно накапливавшийся в древнерусском обществе потенциал — началось бурное, стремительное развитие страны, и это показывает, сколь своевременна была реформа.

Приглашенные из Византии мастера строят каменные здания и храмы, расписывают их, украшают фресками, мозаикой, иконами, а рядом с ними работают русские, которые учатся неизвестному ранее мастерству. Уже следующее поколение будет возводить сложные сооружения в русских городах, почти не прибегая к помощи иностранцев. Изменяется и сельское хозяйство — на Руси появляется огородничество.

Прибывшее духовенство не только служит в новых храмах, но и готовит «национальные кадры» для церкви, и, как следствие, распространяются знания и грамотность. Организуются школы, в которые Владимир под плач матерей собирает детей высшего сословия (потом этим методом будет пользоваться и Петр), молодых людей посылает на учебу за рубежи родной страны. Вводится летописание. Как всякое развитое государство, Киевская Русь начинает чеканить золотую монету.

Древняя Русь постепенно становится государством новой, высокой культуры. Не следует, однако, думать, что в языческие времена она не обладала по-своему совершенной культурой. Эта народная языческая культура будет еще долго жить и придаст древнерусскому

искусству своеобразные и неповторимые черты. Говоря о новом, я имею в виду главным образом ту массу знаний (от сочинений Аристотеля до способов кладки каменной арки), которая уже тогда стала достоянием мировой культуры.

Странным образом, но летописи почти ничего не сообщают о Владимире после его крещения. Вероятно, их писали приехавшие византийцы, которые, безусловно, хотели видеть иные результаты крещения страны. Владимир не был послушен своим духовным отцам, когда их советы были полезны только Константинополю и расходились с нуждами Киева. Не пришлое духовенство «командовало» Владимиром, а наоборот.

Но если о Владимире молчат летописи, то его восторженно воспевает фольклор, а это высшая оценка, которую мог получить тогда политический деятель. Владимир Красное Солнышко навечно остался в народной памяти. И это не случайно. Во все времена человек хотел, чтобы сегодня было лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня. Чем выше темп непрерывного улучшения жизни, тем счастливее человек. В период реформ Владимира темп обновления всех сторон жизни древнерусского общества был поистине ошеломляющим. Еще вчера киевлянин с удивлением взирал на чудеса Константинополя, а назавтра видел нечто близкое в Киеве. Это вселяло в его душу гордость за родную страну и уверенность в ее великом будущем.

По меткому определению профессора В. В. Мавродина, в этот период «все окутано дымкой оптимизма, того оптимизма, который был присущ раннему христианству Киевской Руси». Первоначальное христианство на Руси было радостным, не отрицавшим земных страстей, чуждым монашеского аскетизма. Во времена Владимира на Руси не было своих монахов, не существовало монастырей. Все это довольно естественно. Чтобы кто-либо ощутил потребность идти в монастырь, он должен был сжиться, лучше всего с детства, с христианскими представлениями и идеалами. А на это нужно время. Кроме того, русские христиане первого поколения считали сам факт крещения столь большим подвигом личного благочестия, что дополнять его подвигами монашеской жизни было необязательно. Из проповедуемых христианством добродетелей наиболее ценилась любовь к ближнему, которая проявлялась, в частности, в практике пиров и милостыни бедным.

Княжеские пиры знало и язычество. Владимир сохранил этот обычай, придав ему новое содержание. Здесь между представителями дружинной и племенной знати свободно обсуждалась «текущая политика», и это служило сплочению класса феодалов. Что касается милостыни бедным, то на княжеском дворе киевлянин мог бесплатно поесть. По распоряжению Владимира пищу для глубоких стариков и больных развозили по домам. Одним из видов

милостыни был и выкуп пленных (рабов) с предоставлением им свободы.

Со временем, когда феодализм достигнет достаточно полного развития, церковь будет помогать господствующему классу держать угнетенное крестьянство в повиновении. Более того, она сама станет крупнейшим феодалом. Но это все — в будущем, а пока правит Киевской Русью «ласковый князь» — Владимир Красное Солнышко.

Продуманная и энергичная политика Владимира ввела Русь в систему европейских христианских государств. Ее международное положение укрепилось. Русь становилась «ведома и слышима... всеми концы земли». Карл Маркс назвал эпоху Владимира «кульминационным пунктом готической (то есть раннесредневековой.— *Б. Р.*) России» [3].

Быстрый темп преобразований эпохи Владимира все же не смог обеспечить завершения феодальной реформы при его жизни. Для этого требовалось больше времени, и его дело завершил сын — Ярослав Мудрый. Как сказано в летописи, Владимир вспахал, Ярослав засеял, а мы (то есть следующее поколение) пожинаем плоды. В чем же заключался «посев» Ярослава?

Заняв после тяжелой междоусобной борьбы киевский стол, Ярослав стал не менее энергично, чем его отец, продолжать начатую реформу. Как и отец, он строит укрепления для защиты своих земель, теперь, правда, преимущественно на западе. Так же как и отец, следит за тем, чтобы феодальным преобразованиям ничто не мешало. В этой связи полезно вспомнить так называемое «восстание волхвов».

В голодном 1024 году на далекой тогда окраине Киевской Руси, в Суздале, вспыхнуло восстание. Казалось, язычники выступили против христиан. Но дело было сложнее — как пишет летописец, восставшие направили свой удар против «старой чади». Это раскрывает нам суть происходившего. В описываемое время шел процесс расслоения некогда свободной родовой общины. Племенная верхушка — «старая чадь» — занималась экспроприацией общинных земель, постепенно феодализируясь; она собирала дань для князя, конечно не забывая и себя. В голодные годы эти нарождавшиеся феодалы припрятывали съестные припасы, одновременно обогащаясь и закабаляя своих соплеменников. Следовательно, восстание 1024 года — типичное выступление порабощенных против угнетателей, это — прообраз будущих крестьянских восстаний в истории нашей страны.

В этой обстановке из «подполья» вышли волхвы и попытались использовать восстание в своих целях — для восстановления язычества. Восстание было Ярославом подавлено. Интересно отметить, что, пока суздальские волхвы творили свои языческие обряды, Ярослав их не трогал. Он выступил тогда, когда разразилось

антикняжеское (лишь по форме антихристианское) восстание. Ему, как и Владимиру, важно было закрепить феодальные реформы.

Ярослав продолжает интенсивную строительную деятельность, явно стремясь сделать Киев не хуже Константинополя. Если Константинополь знаменит своим собором Софии, то величественный Софийский собор возводится и в Киеве; и тут и там городские укрепления украшают Золотые ворота и т. п. Много сил отдает Ярослав и развитию торговли: при нем начали чеканить не только золотые, но и серебряные монеты.

Однако главной заботой Ярослава стало создание собственной, русской интеллигенции (при всей условности применения данного понятия к той эпохе). Эту задачу Владимир не мог решить за недостатком времени. Требовалась не просто грамотность, надо было сделать так, чтобы Киевская Русь не нуждалась в «импорте» греческого духовенства, чтобы она имела собственных ученых, писателей, философов, чтобы она могла при необходимости вести идейную борьбу, в частности против имперской идеологии Византии.

В средние века единственным местом, где человека обеспечивали всем необходимым и давали возможность заниматься науками, были монастыри. Они играли роль не только религиозных центров, но и своего рода академии наук и университетов. Здесь писались трактаты на самые различные темы и воспитывалось новое поколение образованных людей. Князья и цари ездили в монастыри не только для молитвы, но и для совета — ведь нередко тут были самые знающие соотечественники. Неудивительно, что при Ярославе возникает русское монашество, появляются русские монастыри.

Описи XV—XVII веков (более ранние погибли) показывают, что большинство книг монастырских библиотек носило не богослужебный, а светский характер. Здесь хранились летописи, хронографы, различные «хождения» (то есть географические сочинения), философские и военные трактаты, такие классические труды, как «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, и т. п. Ученый монах должен был быть всесторонне образованным. Об этом свидетельствует, например, начало «Повести о Стефане Пермском», в котором автор — Епифаний Премудрый, монах Троице-Сергиева монастыря (XV век),— принижает, по обычаю того времени, свои таланты: «Не бывал ведь я в Афинах в юности и не научился у философов ни их хитросплетениям, ни мудрым словам, ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед не осилил...» Из этих слов виден идеал монаха-ученого.

В монастырях велось летописание (Нестор), писали сочинения полемического характера (часто с четким политическим подтекстом), переписывали книги (этим монашеским скрипториям мы обязаны тем, что можем читать древние летописи, что до нас дошло «Слово о полку Игореве»), писали иконы (Алипий). Мона-

стырские врачи бескорыстно оказывали медицинскую помощь мирянам. Немаловажно и то, что отсюда выходили собственные русские священнослужители и иерархи, заменявшие приезжих византийцев.

Отношения с Византией то улучшались, то ухудшались. В 1037 году, воспользовавшись тяжелым положением Ярослава в борьбе с печенегами, Византия вынудила князя учредить русскую митрополию во главе с греком. Русская церковь стала формально подчиняться Константинополю. Византия по-прежнему хотела видеть Киевскую Русь своим вассалом. Когда несколько позже между Киевом и Константинополем возник военный конфликт, то византийский историк Михаил Пселл назвал его «восстанием русских». Не нападением, а восстанием! Он явно не хотел смириться с мыслью о самостоятельности Киевской Руси.

В 1051 году, после смерти митрополита-грека, произошло неслыханное: Ярослав сам (без императора и константинопольского патриарха), «собрав епископы», впервые ставит митрополитом Илариона — русского священника княжеского села Берестово. Русская церковь вновь укрепляет свою независимость.

Митрополит Иларион был, безусловно, высокоталантливым человеком. Его перу принадлежит замечательный образец древнерусской литературы — «Слово о законе и благодати». Если судить по заглавию, то можно подумать, будто это классический богословский трактат. Ведь еще апостол Павел в своем «Послании к евреям» ставил вопрос о соотношении Ветхого завета (закона, данного Моисеем) с Новым заветом (благодатью, данной человечеству Христом). Естественно, проблема эта решалась в пользу благодати. Однако в своем произведении Иларион дал новый, политически злободневный поворот классической теме.

Поскольку благодать выше закона, значит, новое нередко выше старого. Но тогда и народы, крестившиеся позже, вовсе не хуже тех, кто принял крещение давно, и притязания Византии на старшинство по отношению к Руси не имеют оснований. Суживая тему и говоря о крещении Руси, Иларион особо подчеркивает, что это не заслуга Византии. Крещение произошло по собственному желанию русских, это лишь первый шаг, и русский народ ожидает великое будущее. Еще более суживая тему, Иларион переходит к похвале князю Владимиру — крестителю Руси — и его политике. При этом он поднимает вопрос о причислении Владимира к лику святых как «нового Константина». Император Константин, сделавший много столетий назад христианство государственной религией Римской империи, вводил христианство в стране, где оно фактически уже было распространено. Владимир же — в языческой стране, что много труднее. Поэтому заслуги Владимира выше заслуг Константина. Далее Иларион описывает и хвалит не только «милостыню» Владимира, но

и его государственную деятельность, воздает должное его предкам — Святославу и Игорю, то есть хвалит язычников!

Фактически сочинение Илариона было острым идейным оружием в борьбе за независимость Киевской Руси. Это не осталось незамеченным в Византии, и в канонизации Владимира тогда было отказано.

При Ярославе продолжалось распространение грамотности и строительство школ (не только в Киеве). Сохранилось свидетельство об открытии в 1030 году школы на 300 детей в Новгороде, где их «учили книгам». Учили не только мальчиков, возникали и школы для девушек. Грамотой постепенно овладевали все сословия — об этом говорят находки древних берестяных грамот. Сам Ярослав «книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне», а также «собра писце многы, и прекладаше от грек на словеньское писмо, и списаша книги многы...». «Велика бо бывает полза от ученья книжного». Происходил быстрый культурный рост населения Древней Руси.

Цивилизованные государства не могут существовать без писаных законов, и Ярослав создает «Русскую Правду», а также ряд других письменных уставов. Короче говоря, Ярослав, завершитель реформы Владимира, сделал Киевскую Русь свободно развивающимся феодальным государством, ни в чем не уступавшим другим. Гордость за свою страну, желание независимости от Византии и равенства с нею были близки не только княжескому окружению, но и всему народу. Спустя несколько десятилетий после смерти Ярослава это докажет игумен Даниил, совершивший путешествие в Палестину и описавший его в своем «Хождении». Увидя, что в храме Гроба Господня висит много кандил (светильников) от разных стран, в том числе и от Византии, но нет от Руси, он обратился к королю Балдуину (Палестина была тогда в руках крестоносцев) с просьбой разрешить ему повесить кандило «от всей Русской земли». Русь нигде не должна была стоять ниже Византии.

Каковы же итоги княжества Владимира и Ярослава? Во-первых, Русь объединилась в единое феодальное государство. Оно было объединено новой, передовой по тому времени культурой, писаными законами, религией. Исчезло старое деление по племенным признакам. Получила окончательное государственное оформление единая древнерусская народность, из которой позже вышли русские, украинцы, белорусы.

Во-вторых, в результате реформ Русь окончательно встала вровень со всем цивилизованным миром. Она не уступала другим странам ни в смысле общественно-экономической формации (феодализм, который продолжал свое развитие), ни в смысле культуры, ремесла, военного дела. Введение христианства, ставшего идеологической основой единой феодальной государственности Древней Руси, сыграло в период раннего средневековья прогрессивную роль.

Стремительный расцвет древнерусского государства произвел огромное впечатление в мире. Западный летописец (Адам из Бремена) называет Киев «украшением Востока» и «соперником Константинополя». Но, может быть, наиболее наглядно международный авторитет Киевской Руси просматривается в династических браках. Если Владимир добыл себе «достойную жену» силой оружия, то в период княжения Ярослава наблюдается совершенно иная картина. Сам он женат на дочери короля Швеции, его сестра — королева Польши, три дочери — соответственно королевы Венгрии, Норвегии и Франции, сын женат на сестре короля Польши, внук — на дочери короля Англии, внучка — жена германского короля и императора Священной Римской империи Генриха IV. Это ли не признак международного авторитета древнерусского государства как передовой и мощной державы? Она возникла из конгломерата «варварских» племен на глазах изумленной Европы за время жизни двух поколений. Вот как Владимир «вспахал», а Ярослав «засеял»!

Сегодня мы имеем все основания гордиться сделанным нашими великими предками и с благодарностью вспомнить их самоотверженный труд. То, что произошло тысячу лет назад (как и всякая дата подобного рода, она, конечно, условна), было значительным шагом вперед на длинном пути истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 508

[2] См.: Marx K., Engels F. Collected Works. Moskow, Progress Publishers, 1986, vol. 15, p. 76.

[3] Ibidem.

Андрей ПОППЭ

Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986—989 годах) *

Как подчеркнул крупнейший византинист Федор Иванович Успенский в речи «Русь и Византия в X веке», произнесенной по случаю девятисотлетия принятия христианства на Руси, «на событиях 988—989 годов все еще лежит печать тайны, которую едва ли в состоянии раскрыть историки при настоящих научных средствах» [1]. И хотя с тех пор эти средства не претерпели сколько-нибудь существенного усовершенствования, тем не менее предпринимались неоднократные попытки обрисовать важные события того исторического времени.

Современная историография об обращении Руси в христианство

Я попытаюсь дать краткое и немного упрощенное объяснение пониманию современными исследователями истории введения Руси в семью христианских народов, рассматриваемую как один из эпизодов в русско-византийских отношениях. Вот как в общем и целом излагается эта история. В сентябре 987 года восставший командующий восточной византийской армией Варда Фока объявил себя императором. Узурпатор, двигавшийся по направлению к Константинополю, был признан всей Малой Азией. Законному императору Василию II грозила катастрофа, и он обратился за помощью к русскому князю Владимиру, послав к нему посольство, которое прибыло в Киев зимой 987/88 года. Поскольку Владимир уже и ранее выказывал интерес к христианству, послы Василия были готовы обсудить с ним дела церковные и государственные. Достигнутое между ними соглашение обеспечивало Василию военную поддержку, в свою очередь Владимир получал руку сестры императора Анны, но при условии, что он и его народ примут христианство.

Весной или летом 988 года шеститысячная армия русов прибыла в Константинополь. В битве при Хрисополисе, а также в битве при Абидосе 13 апреля 989 года она решила исход дела, и трон Василия был спасен. Русские воины остались на службе в Византии,

---

* Перевод фрагмента из книги польского исследователя А. В. Поппэ «The Rise of Christian Russia» (L., 1982) публикуется в авторской редакции.

а Владимир и жители Киева очень скоро были крещены. Однако после победы при Абидосе император не спешил выполнять данные Владимиру обязательства. Сложившаяся традиция запрещала отпрыскам императорской семьи вступать в брак с варварами, и багрянородная невеста не желала отправляться в Киев.

Возмущенный этим греческим двуличием, Владимир решил добиться цели, применив военную силу. Он ударил по византийским владениям в Крыму и овладел Херсонесом (Корсунью) где-то между апрелем и июлем 989 года.

Потеряв Херсонес, вынужденный принять меры к подавлению вспыхнувшего мятежа, возглавляемого Вардой Склиром, постоянно тревожимый вражескими действиями болгар, император Василий решил пожертвовать сестрой ради политической выгоды. Анна отправилась в Херсонес, где и состоялось ее бракосочетание с Владимиром. Город был возвращен императору в качестве вено (выкуп за невесту). Владимир и его багрянородная жена отбыли в Киев в сопровождении группы лиц духовного звания для учреждения русской церкви.

Я изложил общий взгляд, разделяемый большинством историков. Однако в их мнениях существует ряд отличий, о которых следует упомянуть.

Некоторые ученые полагают, что одним из условий соглашения между императором и Владимиром было требование последнего, чтобы созданная в Киеве церковь обладала особым статусом. Недоверие к императору лишь укрепило Владимира в желании, чтобы новоучрежденная русская церковь была независимой от константинопольского патриарха. Многие предположения о первоначальной организации древнерусской церкви имеют своим источником именно этот тезис.

Другие, пытаясь как-то примирить противоречивые данные о месте и времени крещения Владимира, предполагают, что принятие им христианства происходило в два этапа: первый — подготовительный (оглашение, p r i m a s i g n a t i o) — состоялся во время пребывания византийского посольства в Киеве и второй — само таинство крещения — в Херсонесе после взятия города Владимиром. Такая интерпретация была продиктована нежеланием игнорировать одно из противоречий в существующих свидетельствах.

Рядом ученых отмечалось, что захват Херсонеса был связан главным образом с открытием для Руси днепровского выхода к Черному морю. Доведенная до крайности, эта гипотеза предполагает, что главной причиной разорения Херсонеса было уменьшение политического и экономического значения этого города как византийского оплота на черноморском побережье и, таким образом, укрепление позиций Тмутаракани — русской сторожевой заставы у выхода из Азовского в Черное море.

Другие ученые высказывали сомнения относительно даты взятия Херсонеса Владимиром до 27 июля 989 года. Слабость их точки зрения связана с использованием ненадежной и противоречивой хронологии событий, имеющейся в древнерусских источниках, а также с предположением, что император не заключил бы мира с Вардой Склиром в октябре 989 года, если бы он враждовал с Владимиром, в результате чего не мог рассчитывать на поддержку со стороны русов. Сила же их аргументации заключается в предположении, что вражда между императором и Владимиром из-за нежелания Василия отдать Анну замуж могла начаться только после битвы при Абидосе (13 апреля 989 г.), из чего они заключают, что осада Херсонеса началась в июле 989 года, а падение города произошло после октября 989 года, вероятнее всего, в начале 990 года. Иные исследователи, принимая во внимание, что Херсонес был взят до 27 июля 989 года, предполагают, что Владимир лично командовал русским войском в битве при Абидосе 13 апреля этого года. Они, далее, полагают, что Владимир, обманутый обещанием отдать ему багрянородную невесту, взял Херсонес на обратном пути, возвращаясь домой. Как бы ни была привлекательна эта гипотеза, она, однако, упускает из виду тот факт, что русское войско осталось в Византии.

Ряд историков принимает как доказанный факт визит папских послов к Владимиру в Херсонес после его взятия. Но это посольство было выдумкой московского летописца XVI столетия [2], который, подчеркивая, что решение Владимира о принятии крещения по греческому обряду было добровольным, подводил историческую основу под провозглашение Москвы Третьим Римом.

Некоторые исследователи, пытаясь установить повод предпринятого Владимиром похода на Херсонес, выдвигают в качестве такового политические, государственные соображения: Владимир желал войти в содружество христианских народов и вести как равный переговоры с византийским императором, но был слишком горд, чтобы просить Византию о крещении Руси. При этом, желая породниться с императорским домом, Владимир имел в виду международный престиж своего государства. Другие предпочитают говорить о неукротимой чувственности Владимира: он так легко согласился принять христианство и завоевал Херсонес лишь для того, чтобы заполучить принцессу, «рожденную в багрянице», то есть в багряной палате императорского дворца. Есть и такие историки, которые полагают, что независимость русской церкви от Византии была столь важна для Владимира, что он завоевал Херсонес для того, чтобы корсунские священники совершили евангелизацию его страны (с архиепископом херсонесским в качестве надзирающего новоучрежденную русскую церковь).

Этот небольшой обзор показывает, что корсунский вопрос остается ключевым для понимания русско-византийских отношений во времена принятия христианства на Руси.

Несколько замечаний по поводу источников

Прежде чем заняться рассмотрением источников, может быть, стоит попытаться сначала ответить на вопрос, который не дает ученым покоя: почему как современные, так и более поздние византийские авторы проявляют столь странное молчание по поводу такого важного события, как обращение Руси в христианскую веру? Зная склад ума византийцев, можно было бы допустить, что они были столь увлечены своими собственными делами и так презирали варваров, что этот факт был либо не замечен ими, либо не был признан важным.

На мой взгляд, однако, ответ находится не там, где его ищут. Согласно византийскому официальному мнению, отраженному в ее историографии, обращение Руси в христианство состоялось гораздо раньше — приблизительно в 867 году, как сообщает Фотий в окружном послании к восточным патриархам. Эта же дата названа и императором Константином Багрянородным восемьюдесятью годами позже, как следует из его сочинения — жизнеописания Василия I Македонского, составленного около 950 года. Конечно, эта официальная точка зрения была полезной из соображений внутренних, так сказать, домашних дел; было бы как-то неловко допустить, что в битве при Абидосе, говоря словами Пселла, «в тот день, который решил будущее империи», выдающийся христианский правитель был принужден искать помощи у языческой Руси.

Таким образом, похоже, что во время восстания Варды Фоки светские и церковные власти обращались к Руси как христианской, а имевшие место события рассматривали не более как личное крещение Владимира и вместе с ним тех русов, которые раньше не были крещены.

Сведения, сообщаемые византийскими историками о событиях 987—989 годов, содержатся в следующих источниках: а) в упоминании Пселла о прибытии русского войска и его сражении с армией Варды Фоки; б) в почти идентичной информации Скилицы, который также сообщает о женитьбе Владимира на сестре императора, и в) в кратком отступлении, содержащемся в рассказе Льва Диакона о захвате русами Херсонеса. Первые два свидетельства относятся ко второй половине XI столетия и могут рассматриваться как вторичные источники. Лев Диакон сообщает, что огненные столбы (то есть северное сияние) появились на небе как предзнаменование

захвата Херсонеса Русью, и дальше замечает, что появившаяся после этого комета предвестила новое бедствие: землетрясение в Константинополе. Это свидетельство современника особенно важно, поскольку названные небесные явления точно датированы христианским арабским историком Яхьей Антиохийским, а также отчасти другим современником — армянским историком Степаном Таронитом, прозванным Асохик. В. Г. Василевский и В. Р. Розен первыми установили, в 1876 и в 1883 году соответственно, путем сравнения этих данных, что Херсонес был взят между 7 апреля, когда были видны огненные столбы, и 27 июля 989 года, то есть тем днем, начиная с которого комету можно было наблюдать в течение двадцати дней. Высказываемые поэтому ранее критические замечания в адрес их хронологических соображений следует признать несостоятельными.

Степан Таронит (Асохик) сообщает более ценные сведения, касающиеся русско-византийских отношений, хотя его свидетельство об обращении Руси в христианство посвящено другому событию. В нем речь идет о передаче владений умершего иверийского правителя Верхнего Тайка Давида Куропалата Василию II, происходившей в 1000 году. Среди прочих событий он упоминает о стычке у Хавачича (близ Эрзурума) между византийской и грузинской армиями. Стычка началась с драки между русским и грузинским воинами из-за охапки сена. Когда русский был убит, рассказывает Асохик, «поднялись все русы,— а их было 6000,— которых император Василий получил от русского князя, когда отдал свою сестру ему в жены, а это было тогда, когда этот народ принял веру в Христа». Это все, что сообщает Асохик о русских воинах, при этом очень подробно описывая восстание Варды Фоки и сражения при Хрисополисе и Абидосе: для него интерес представлял не столько инструмент (русские воины), сколько зодчий победы (император Василий). Приписав ответственность за это кровопролитие высокомерной грузинской знати, Асохик по необходимости должен был объяснить, почему русские воины участвовали в походе Василия в «восточные страны».

Я попытаюсь использовать для объяснения русско-византийских отношений другое место из Асохика — повествование о несчастиях анонимного митрополита Севастии — столицы византийской провинции, фема Армениак [3]. Асохик рассказывает, что этот митрополит подверг гонению армянских священников в 435 году (25 марта 986 г.— 24 марта 987 г.), а вскоре, в том же году, сам был послан императором к болгарам для переговоров о мире. Болгары попросили императора отдать его сестру в жены их царю. Император же с помощью митрополита обманул их и отправил к ним вместо обещанной принцессы другую женщину, за что митрополит и поплатился самым печальным образом: он был сожжен болгарами как обманщик.

Уже не раз отмечалось, что в изложении этим армянским историком болгарских событий чрезвычайно много ошибок. И тем не менее, хотя Асохик и выдумывает рассказ о заслуженном наказании того, кто издевался над армянскими священниками, все-таки не все в его рассказе вымысел. Митрополит севастийский вполне мог быть послан с подобным поручением, только, возможно, не в Болгарию. Во всяком случае, из того, что известно о болгарско-византийских отношениях около 986 года, представляется неправдоподобным, чтобы такие переговоры могли иметь место. Вряд ли события, описанные Асохиком, могли произойти до поражения Византии 16—17 августа 986 года: в течение нескольких месяцев, между 25 марта и временем его миссии в Болгарию, митрополит севастийский должен был бы не только преследовать армянских священников и успеть затем отправиться в Болгарию, но и, вступив в спор с католикосом Хатчиком, обменяться с ним несколькими письмами.

Историческую основу событий, рассказанных Асохиком, можно обнаружить в фактах русско-византийских отношений в этот период. Большая армянская религиозная община в Севастии и соседних с ней областях, действительно, испытывала постоянное беспокойство со стороны византийской церковной администрации, а потому вовсе не случайно, что армянское население этих частей империи оказало поддержку восставшему Варде Склиру. Этот митрополит севастийский, скорее всего, был принужден покинуть свои края в феврале — марте 987 года, когда армянские провинции, принадлежавшие Византии, подпали под власть сначала Склира, а затем Фоки [4]. Со стороны митрополита было совершенно естественно в таких условиях искать убежища у императора.

Еще один источник наводит на размышления о личности и перипетиях этого анонима. Византийский трактат «О перемещении», известный в различных вариантах, свидетельствует, что в царствование Василия II (976—1025 гг.) Феофилакт, митрополит севастийский, был послан на Русь. Полагая, что это сообщение было заимствовано из «Истории» Феодора севастийского, который, как известно, был митрополитом этого города в 997 году, Е. Хонигманн делает вывод, что этот Феофилакт был предшественником Феодора и первым митрополитом Руси. Однако В. Грумель усомнился в правильности допущения, что «История» Феодора могла служить надежным источником информации, отмечая, что 997 год никак не может рассматриваться как предельный срок; единственное, что можно утверждать, это только то, что Феофилакт был послан на Русь до 1025 года. Итак, Феофилакт остается первым известным митрополитом Руси, о котором упоминается с достаточной степенью достоверности. Впрочем, пытаясь отождествить этого Феофилакта с тем анонимным митрополитом севастийским, о котором говорит

Асохик, легко можно представить, вслед за Хонигманном, что Феофилакт севастийский, с начала 987 года митрополит без епархии, мог быть послан императором в Киев просить о помощи и после заключения соглашения мог быть назначен первым русским митрополитом.

Смысл рассказа Яхьи Антиохийского об обращении Руси в христианство близок тому, о чем говорил Асохик. Сведения, сообщаемые в хронике этого историка (ок. 980—1066 гг.), о гражданской войне в Византии хотя и из вторых рук, тем не менее неоднократно подтверждались как точные. Яхья вводит рассказ о событиях, связанных с восстанием Варды Склира и Варды Фоки, в свою хронику после 1015 года, когда он поселился в Антиохии, где воспользовался местными источниками. Антиохия поддерживала узурпатора Варду Фоку, правившего ею в 986—987 годах, и внимательно следила за ходом событий. Кроме того, Антиохия видела и тех русских воинов, которые участвовали в сирийской кампании императора Василия в 990-х годах [5]. В хронике Яхьи содержится наиболее обширное описание событий, которые привели в конечном итоге к крещению Владимира, хотя ни сам историк, ни использованные им источники не имели в виду именно это событие. Он в основном описывал события, связанные с действиями императора Василия против тех, кто угрожал его власти, а также то, как его вчерашние враги становились его друзьями. Исходя из высказывания Яхьи о том, что «Василий отправил посольство к властелину Руси, хотя они были врагами», некоторые ученые предположили, что армия Владимира поддерживала болгар в битве у ущелья Трояновы врата (близ Сардики, нынешней Софии) 17 августа 986 года, в которой Василий потерпел сокрушительное поражение. Но источники не дают оснований для подобных соображений; сама же мысль об этом была подсказана записью в «Повести временных лет» под 985 годом о том, что «Володимер... победи болгари» и «створи мир с ними». Но здесь речь идет о волжских болгарах, а не о балканских. Описание Яхьей Руси в качестве врага Византии связано, по-видимому, с его предыдущим объяснением балканской войны со Святославом и было сделано им в данном случае просто для того, чтобы подчеркнуть безнадежность положения Василия II.

Рассказ Яхьи о принятии Русью христианства звучит следующим образом: две стороны договорились о взаимоотношениях через соглашение о заключении брака. Владимир брал в жены сестру императора в ответ на требование последнего принять крещение вместе со всем его народом. И когда договор о бракосочетании был заключен, русские войска прибыли в Византию и приняли участие в сражении против Фоки... [6]

Нет необходимости воспроизводить рассказ Яхьи целиком, поскольку существующие три перевода его легкодоступны. Следует

только отметить, что этот текст, содержащий большое количество дат, придерживается не хронологической последовательности событий, а выстраивает их в причинно обусловленный ряд. При этом все приводимые Яхьей даты весьма важны для правильной исторической реконструкции событий.

Поскольку другие арабские источники, сообщающие о крещении Руси, в сущности своей являются производными, мы не будем обращаться к ним, за исключением одного — свидетельства Абу Шуджи Рудраверского, визиря халифа Аббасида, продолжавшего хронику Ибн Мискавейха. До сих пор это свидетельство не получило должной оценки в качестве источника для изучения русско-византийских отношений. Абу Шуджа, писавший приблизительно между 1072 и 1092 годами, воспроизводил события 979—998 годов. Его труд является, в сущности, сокращенным вариантом утраченной хроники Хилала ас-Саби (970—1056 гг.), современника Яхьи. «Истощив свои силы,— говорит Абу Шуджа,— оба императора послали за помощью к царю русов. На это он предложил им отдать ему в жены их сестру, но та отказалась по той причине, что жених разнится с нею верою; переговоры закончились тем, что царь русов принял христианство. Союз был заключен, и принцесса отдана ему. Царь же русов отправил часть крестившихся с ним воинов, людей сильных и мужественных, на помощь им [императорам]. Когда это подкрепление прибыло в Константинополь, ему пришлось на лодках перебираться через пролив, чтобы встретиться с Вардой [Фокой]... Не успели они ступить на берег, как завязалась битва, в которой русы показали свое превосходство и в которой погиб сам Варда».

Схема этого рассказа в основе своей та же самая, что и у Яхьи, за исключением некоторых деталей — более сильного акцента у Абу Шуджи на роли русских войск и того факта, что Яхья говорит лишь о действительном императоре Василии, в то время как Абу Шуджа фиксирует формальную ситуацию (Василий и Константин были соправителями).

Теперь мы должны рассмотреть, насколько удовлетворяют нашим целям сохранившиеся древнерусские данные. Обстоятельства крещения Руси запечатлены в двух источниках: 1) в летописи, составленной во втором десятилетии XII столетия, именуемой по первой строке текста «Повестью временных лет», и 2) в Житии святого Владимира — агиографическом жизнеописании, известном в нескольких вариантах и редакциях, самым древним из которых является «Память» и похвала князю Владимиру».

Итак, в «Повести временных лет» история принятия христианства изложена следующим образом. В 986 году в Киев прибыли миссионеры из разных стран и разных вероисповеданий в надежде склонить на свою сторону русского князя. Испытав каждого из них, Владимир отверг их. Последним из испытуемых был греческий

философ, который, казалось, почти убедил Владимира в том, что «греческая вера» истинная. Все-таки Владимир решил «подождать еще немножко». В 987 году он отправил своих послов за границу разузнать побольше о разных религиях. Вернувшись в Киев, они посоветовали Владимиру принять греческое христианство, на что Владимир дал согласие и осведомился о месте крещения. Год спустя, как свидетельствует летопись, в 988 году, Владимир со своей дружиной напал на Херсонес, и осажденный греческий город принужден был сдаться. Затем Владимир потребовал в жены сестру Василия и Константина и предупредил, что, если ему откажут, он поступит с Константинополем так же, как поступил с Херсонесом. Испуганные императоры ответили, что, если Владимир примет крещение, он сможет жениться на Анне. Владимир же ответил, что он уже знаком с их религией и что хотел бы принять крещение. Императоры отправили в Херсонес свою горюющую сестру против ее воли в сопровождении священников и церковных и светских сановников. По промыслу божьему, Владимир со времени появления Анны ослеп, но, приняв, по ее совету, крещение, чудесным образом прозрел. Рассказ заканчивается тем, что Владимир вернул грекам Херсонес и вернулся с Анной и духовенством в Киев, где произошло массовое крещение его жителей.

Хотя уже давно известно, что в летописи содержится немало чисто литературных эпизодов, этот рассказ тем не менее все еще рассматривается в качестве «основного источника наших знаний о событиях крещения Руси». Однако такое отношение к летописи как к первоисточнику, в который позже были внесены описания всяких чудес, неприемлемо. Рассказ о принятии христианства не составлялся во времена Владимира: он представляет собой историческую концепцию принятия христианства Русью в соответствии с духом того времени, когда он был составлен. Он отражает русскую духовную жизнь и образ мышления спустя 100—120 лет после крещения.

Некоторые историки выказывают своего рода раздражение неспособностью летописца изложить какие-либо правдоподобные причины похода Владимира на Херсонес. Рассказ о походе на Корсунь, по их мнению, изложен без всякой логической связи, более того, прямо противоречит результатам успешного богословского назидания — речи греческого философа,— обращенного к Владимиру. И тем не менее этот рассказ имеет свою логику — логику провиденциализма. Автор попытался представить христианизацию страны как акт не политического, а религиозного значения. Драматической кульминацией событий стала потеря зрения Владимиром, так что после чудодейственного исцеления посредством крещения русский князь мог сказать: «Впервые я познал истинного бога». Таким образом, история крещения, о которой повествуется

в летописи, являет собой прекрасный памятник древнерусского (уже христианского) исторического сознания, а также литературной и религиозной жизни и обычаев начала XII столетия.

Несмотря на наличие вымыслов, в летописи содержатся и фрагменты безусловно достоверного характера, например свидетельство о взятии Херсонеса. События были скрыты от летописца пеленой времени, а в ходу было несколько преданий, касающихся места и, по-видимому, других подробностей крещения Руси. Летописец, утверждая, что Владимир принял крещение в Херсонесе, замечает, что «не знающие же истины говорят, что Владимир крестился в Киеве, иные же говорят: в Васильеве, а другие по-иному сказывают».

Учеными отмечено, что летописный рассказ представляет собой компиляцию двух различных вариантов предания о крещении. Первый вариант, «Испытание вер», заканчивающийся изложением греческим философом восточной византийской православной доктрины, был заимствован из древнецерковнославянских переводных сочинений. Полемика с римско-католической церковью, включающая, помимо прочего, и спор об опресноках, позволяет нам датировать его не ранее второй половины XI столетия, ближе к тому времени, когда летописец сам, возможно, собирал материал и составлял свой рассказ. Второй вариант, история крещения Владимира в Херсонесе (так называемая Корсунская легенда), был записан в самом Печерском монастыре в Киеве либо в филиале этого монастыря на Таманском полуострове близ Тмутаракани в 70—80-е годы XI столетия. Все распространенные варианты Корсунской легенды должны, в противоположность существующему мнению, так или иначе восходить к этому варианту, содержащемуся в «Повести временных лет». Наличествующий в этой легенде корсунский колорит представляет великолепную информацию о топографии Херсонеса X—XI веков. Некоторые слова и выражения, по-видимому, отражают греческие заимствования, но объединение вымысла с реальными историческими данными порождает ряд проблем, таких, например, как неясность причин предпринятого Владимиром похода на Херсонес, а также вопрос о действительной роли этого города в принятии Русью христианства.

В литературе на эту тему выдвигается несколько гипотез, содержащих попытку реконструкции текста Жития святого Владимира, который позволил бы уточнить данные, содержащиеся в «Повести временных лет». Анализ различных вариантов Жития святого Владимира (кроме одного), написанных и переписанных в XIV—XVI столетиях, не позволяет нам принять столь оптимистичные предположения. Исключением является «Память и похвала князю Владимиру» — триптих, составленный из собственно Похвалы, Жития святой Ольги, бабки Владимира, и Жития Владимира,

целиком приписываемый монаху Иакову Мниху и относящийся ко второй половине XI столетия. Однако время составления «Памяти» следовало бы связать с причислением крестителя Руси к лику святых, что произошло гораздо позже, на исходе XIII столетия. В то время как ни один из элементов этого триптиха не может быть точно отнесен по времени к XI столетию, третья его часть (древнейший вариант Жития Владимира) могла опираться на более ранние источники, хронология которых расходится с хронологией в «Повести временных лет». Этот источник мог представлять собой существовавшую самостоятельно запись, включенную в состав «Памяти и похвалы» в процессе ее компиляции. Согласно этой записи, Владимир жил двадцать восемь лет после принятия крещения, а Херсонес взял спустя три года после его крещения. Поскольку Владимир умер 15 июля 1015 года, принятие Русью христианства должно было бы произойти в 987 году, а взятие Херсонеса — в 989 году, тогда как «Повесть временных лет» датирует оба события 988 годом. «Сказание о святых Борисе и Глебе», написанное около 1072 года, также приводит 987 год как год крещения, сообщая, что Владимир умер через двадцать восемь лет после его крещения. Таким образом, возможность общего источника для этих житийных произведений вовсе не исключается. Если же на исходе XI столетия существовали разные мнения по поводу места крещения Владимира, то могли называться и разные даты этого события.

Это историографическое наследие не представляет особой пользы для нашего исследования, так как материал первоисточников весьма скуден, а дополнительные сведения должны извлекаться из легенд и преданий с соблюдением источниковедческих принципов.

Опыт нового осмысления: доказательства

Ни Лев Диакон, ни автор Корсунской легенды не обращались к объяснению причин предпринятого Владимиром похода на Херсонес, хотя последний и имел в виду под таковой причиной особую роль провидения. Но каковы все-таки были действительные, так сказать, преходящие причины похода на Херсонес?

В противоположность тому, что пишется в литературе на эту тему, можно утверждать, что поход Владимира на Херсонес был направлен не против Византийской империи, а, напротив, имел целью поддержать законного византийского императора, шурина Владимира, и был направлен на подавление мятежа. Аргумент в эту пользу — хронология событий. Русское войско, посланное в Константинополь

приблизительно в 988 году, помогло императору Василию подавить восстание Варды Фоки 13 апреля 989 года. Оно продолжало служить Василию в 989-м и в 990 году, подавляя продолжающийся мятеж в Малой Азии, особенно восстание иверийцев; участвуя в Болгарской кампании в начале 991 года, а с 995 года на восточных границах [7].

Согласно Льву Диакону, «огненный столп, появившийся в северной стороне глубокой ночью... был знаком взятия Херсонеса тавроскифами, что и случилось, и захвата Веррои мизийцами, то есть болгарами». «Небо наподобие огненного столпа» было видно в Каире 7 апреля, и до 12 апреля 989 года солнце меняло свою яркость [8]. Появившаяся комета, которая была видна через определенные промежутки времени, вызвала тревожные предчувствия как плохое предзнаменование, которое и подтвердилось, говорит Лев, разрушительным землетрясением, случившимся накануне дня святого Димитрия. В результате этого землетрясения был разрушен величественный свод храма Софии. Существуют хорошо датированные подтверждения свидетельства Льва, поскольку, согласно Яхье, комета была видна в Каире в течение двадцати дней — с 27 июля по 15 августа. Последняя дата, когда была видна комета, приводится и у Асохика, который прямо связывает ее появление с землетрясением, которое вскоре произошло «в стране греков» и в самом Константинополе. Яхья относит дату землетрясения к четырнадцатому году правления Василия по армянскому летосчислению — 379 году (11 апреля 989 г.— 30 марта 990 г.), а в синаксарии константинопольской церкви записано под 26 октября: «В дни правления Василия и Константина, в 6498 году (то есть с 1 сентября 989 г. по 31 августа 990 г.), из-за многих грехов в этот день случилось землетрясение, ночью, в три часа, когда рухнул свод великой церкви господней, а вместе с ним было разрушено много и других стен и зданий». Здесь землетрясение отмечается ночью 25 октября и утром 26 октября, в день святого Димитрия, когда ощущались легкие подземные толчки, но свидетельство Льва, согласно которому землетрясение началось накануне дня святого Димитрия, следует признать более точным, если учесть дату землетрясения в Италии 25 октября, отмеченную в хрониках Монте-Кассино, Ромуальда Салернского и анналах монастыря Святой Софии в Беневенте.

Таким образом, следуя хронологии небесных явлений, приводимой Львом Диаконом в связи с имевшими место событиями, можно заключить не только, что взятие Херсонеса произошло после 7 апреля, но и что оно произошло, несмотря на сомнения ряда ученых, до 27 июля 989 года. В свете этих фактов трудно согласиться с ситуацией, в которой войско Владимира сражалось за Василия и одновременно Владимир организовывал поход против этого императора

и предпринимал осаду Херсонеса, чтобы обеспечить себе право на руку сестры императора. Отсюда можно было бы заключить, что русский князь действовал не против города, лояльного по отношению к императору Василию, а против мятежного. Крым, как и другие византийские владения на Черном море, признал власть узурпаторов, и Владимир, действуя как союзник Василия, помогая своему шурину, стремился установить там порядок. Необходимо рассмотреть аргументы за и против этого предположения.

Казалось бы, одно замечание Льва Диакона свидетельствует против этого тезиса. После утверждения, что победа при Абидосе прекратила хаос гражданской войны, он описывает как «последующие бедствия» взятие Херсонеса росами и захват Веррои болгарами. Эти слова — «взятие», «захват» — применены Львом, возможно, как стилистический прием, хотя следует отметить, что оба они в точности отражали действительное положение дел: в первом случае — военные действия, во втором — овладение городом. Война болгар против империи ясна по своему характеру. В том же плане Лев Диакон рассматривал действия русского войска в Крыму как тяжелый урон, нанесенный его стране. Прежде чем отвергать его взгляд, стоит постараться понять его точку зрения.

Лев Диакон не был ни официальным историографом, ни апологетом Василия II. Несмотря на то что благо империи он принимал очень близко к сердцу, не все действия Василия он одобрял. Он, например, возлагал вину на императора за поражение в войне с болгарами. Его умышленное умолчание о фактах бракосочетания багрянородной Анны и участия росов в сражениях при Хрисополисе и Абидосе можно объяснить его неодобрительным отношением к средствам, с помощью которых Василий старался спасти свою власть. С другой стороны, «История» Льва Диакона пестрит разного рода восхвалениями в адрес императора Никифора II Фоки (963—969 гг.): в конце истории правления Василия он рисует мрачную картину, противопоставляя ее картине благосостояния империи при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии (969—976 гг.). Значительное место в его изложении занимает русско-византийская война в Болгарии. Сообщая множество подробностей о разного рода эксцессах во время кампании 969—971 годов, он изображает Русь в качестве злого и опасного врага. Не без умысла он обращает внимание на то, что Святослав, приглашенный участвовать в военных действиях против болгар в 968 году, кончил тем, что выступил против своего византийского союзника и потребовал ни много ни мало как того, чтобы он вообще покинул пределы Европы. Поэтому обращение Византии к своему прежнему врагу с просьбой о помощи, и к тому же во время гражданской войны, то есть ее сугубо внутреннего дела, было для Льва чем-то немыслимым, шокирующим. Он был особенно потрясен тем, что Херсонес, бывший для него

прежде всего греческим городом и частью византийского государства, стал добычей варваров, чья жестокость запечатлелась в его памяти. Падение Херсонеса лишь усугубило пессимизм Льва в отношении будущего империи.

В своих оценках Лев был не одинок. Иоанн Геометр (Кириот) в поэме, написанной им в 980-х годах, идеализированному образу Никифора Фоки противопоставляет расшатанное, готовое рухнуть священное здание империи при Василии. Тревога за судьбу своей родины сквозит в патриотических стихах Иоанна Геометра, описывающего события, имевшие место в 986—990 годах. Его подавленное настроение еще более усугубляется зрелищем братоубийственной войны («О, горько так смотреть, как брат заносит топор над братом»), тогда как «благороднейшие города позорно попираются ногами чужестранцев». Помимо сдержанных критических упоминаний о Василии II в поэме Иоанна Геометра не исключено, что его парафраза церковного песнопения «трусливый император и тиран» тоже относится к Василию. Мрачное умонастроение поэта целиком и полностью отражено в стихах «Об отступничестве» и «Об изгнании», написанных после случившегося 25 октября 989 года землетрясения, следовательно, после победы Василия при Абидосе в апреле и заключения мира со Склиром 11 октября. Он не замечает никаких успехов и удач Василия, а видит только бедствия, испытываемые страной, грабежи, засухи, землетрясения, восклицая, что «Восток истекает кровью, Меч железный родных разделяет», что его отчизна «разрушена и безжизненна». Прослеживающиеся в стихах Иоанна Геометра антирусские акценты, видимо, связаны с появлением в Босфоре дружин с севера в новой роли союзников.

Что же думал поэт о тех, к чьей помощи обратились, дабы спасти трон и империю? Ответ, пожалуй, содержится в стихах

О болгарах

До сей поры, фракийцы, вы друзей своих
желали против скифов направить,
А теперь желаете, чтоб скифы как друзья
напали бы на них.
Так что же, славные болгары, пляшите,
хлопайте на радостях в ладоши,
держите крепче скипетр и державу,
порфиру царскую и алые одежды...
(строка пропущена)
...но он сорвет с вас и одежды эти
и головы не пожалеет ваши,
к позорному столбу вас пригвоздив,
и многих он изрубит на кусочки.
Так бросьте вы между собою распри
и мужеством вы лучше запаситесь,
чтоб в мире жить и с гордостью и с честью,
как истинно достойные мужи.

Фракийцы — это, безусловно, византийцы. Так как болгары названы здесь своим собственным именем, то имя «скифы», обычно употребляемое для болгар, может здесь обозначать только русов, отсюда ясно, что поэт стремился создать их образ, аналогичный образу болгар. Геометр, говоря о «друзьях, направленных против скифов», имеет в виду войну 969—971 годов, когда Фракии угрожал Святослав, а армяне («друзья») сражались против русов. Φίλοι, «друзья»[9], в данном случае совершенно точно обозначают «всю родню», что в точности соответствует по смыслу обозначению восставших народов, а именно греков, армян и иверийцев. Ситуация, в которой к русам обратились за помощью, чтобы прекратить братоубийственную резню в «семье» фракийцев, могла удовлетворить только болгар, которые могли приобрести имперские регалии. Затем, после пропущенной строки, поэт, обращаясь к фракийцам, предупреждает их о мрачном будущем и призывает закончить наконец ссориться (византийцам) «между собой», то есть между фракийцами и их «друзьями-родней» (Φίλοι). Мы можем только гадать о том, кто такой «он»: болгарский ли правитель, угрожавший Фракии вторжением; русский ли, который, подобно Святославу, превратится из друга во врага; сам ли Василий, чья политика мезальянса с Русью могла угрожать фракийцам порабощением.

В содержании стихов сквозит явная озабоченность и беспокойство, и при этом Иоанн Геометр очень едок в отношении фракийцев. Если принять изложенное выше толкование, то можно допустить, что поэма была написана приблизительно в 987—988 годах, возможно, в связи с переговорами о заключении союза между Василием и Владимиром. Содержание этого стиха, как я его понимаю, полностью соответствует неодобрительному отношению поэта к событиям его времени, которые ему представлялись отрицанием блеска и великолепия, присущих времени Никифора Фоки. Распространилась ли приверженность поэта к умершему императору на его племянника Варду?

Другая поэма, возможно написанная Иоанном Геометром, могла бы пролить некоторый свет на отношение Византии к Руси, если бы можно было точно определить время ее написания. Это поэма о Никифоре Фоке, которая включена Скилицей в его хронику в качестве эпитафии и приписывается Иоанну, митрополиту Мелитены, который обоснованно отождествляется с Геометром. До сего времени считалось, что эта поэма была написана вскоре после смерти Никифора Фоки (11 декабря 969 г.) и была связана с походом Святослава на Византию в 970 году. По смыслу эта поэма представляет собой обращение к убитому императору с просьбой восстать из праха и защитить город (Константинополь) от русов. Мы приводим наиболее интересный для нас отрывок:

Армия русов грозит нам,
племя скифское жаждет убийства,
чужеземцы грабят твой город,
чужеземцы, которых раньше
лишь одна твоя статуя только
пред вратами града Византия
трепетать заставляла от страха.

Вряд ли достаточна ссылка на поэтическую вольность для объяснения присутствия русов в самом царственном городе. Верно, что Святослав для византийцев являлся достаточной причиной для беспокойства и страхов. Он обещал, если верить Льву Диакону, что «вскоре разобьет свой лагерь под стенами Константинополя»; но русские войска находились лишь в ста милях от столицы, где были остановлены под Аркадиополем весной 970 года. Одна из первых мер, предпринятых Иоанном Цимисхием как императором,— расположение в Мезии на зимние квартиры армии, которой командовал Склир; таким образом, с самого начала столица была хорошо защищена. Слова поэта, будто только Никифор мог спасти империю, не согласовывались, следовательно, с действиями, предпринимаемыми Цимисхием против русов. Мрачное воображение поэта можно было бы объяснить его чрезвычайно сильной антипатией, испытываемой им к новому императору и его любовнице Феофано (вдове Никифора и матери Василия II), но ложные обвинения русов в разграблении города только бы снижали политическую направленность поэмы. Ф. Шейдвейлер, находя, что подобные литературные опыты могут быть весьма опасны, предположил, что Иоанн Геометр мог скрывать эпитафию Никифору при жизни Цимисхия и, по-видимому, открыл ее, лишь став митрополитом мелитенским. Упрощая дело, можно предположить, что эта поэма была написана приблизительно лет через двадцать после смерти Никифора Фоки. Каковы же аргументы в пользу этого тезиса?

В первую очередь это приводимое в поэме утверждение, что армия русов находилась в столице, что в действительности случилось лишь начиная с 988 года в результате заключенного между Василием и Владимиром соглашения. Что же делала там эта армия, согласно поэту? Она «грабит город», хотя «жаждет убивать». Это соответствует той ситуации, когда прибывший русский отряд квартировал в Константинополе перед сражением при Хрисополисе и Абидосе. Поведение союзнических войск всегда беспокойно для хозяев, и русы в этом случае не были исключением. Поэт же преувеличивает действительное положение вещей, сгущает краски, то ли отражая распространявшиеся слухи, то ли следуя своим собственным предубеждениям, что, разумеется, тоже не исключено.

Наконец, вся Малая Азия кишела слухами, враждебными Василию, его политике и его союзникам, а узурпатор Варда Фока и его сторонники были жизненно заинтересованы в их распростра-

нении. Истории, подобные рассказанной Львом, о том, что русы в 970 году в Филиппополе умертвили 20 тысяч жителей, сажая их на кол, неизбежно воскресали, будоража воображение византийцев. Если даже поэт и не был непосредственно втянут в борьбу между Василием и Вардой Фокой, то, без сомнения, был дружественно настроен к племяннику своего героя, то есть к Никифору Фоке.

Подобный призыв к герою мог быть выражен в стихах в любое время после его смерти, политическая же поэзия, адресованная современникам и ищущая общественного резонанса, изображает действительность такой, какой она выступает в результате осмысления ее поэтом. Во время правления Цимисхия обстоятельства для подобного обращения-призыва были неблагоприятными, однако вполне подходящими во время правления Василия, и особенно после поражения 986 года. В своих стихах «О комитопулах» Иоанн Геометр взывает к Никифору «встать из могилы хоть бы не надолго», чтоб проучить болгар. Недавно было убедительно показано, что время написания этих стихов относится приблизительно к 986—987 годам. Далее, в стихах Иоанна Геометра, где речь идет о поражении византийцев 16—17 августа 986 года, содержится несомненное указание на личность Никифора Фоки. Даже если Иоанн Геометр и не сочинял эпитафию Никифору, это обстоятельство может лишь усилить убеждение, что в то время, то есть в течение двух последних десятилетий X века, Иоанн Геометр и Лев Диакон были не одиноки в своей ностальгии по временам Никифора, ставшего символом процветания империи.

Имеется еще одно подтверждение существовавшего во времена правления Василия II предубеждения против русов, которое отражает скорее общенародное настроение, чем личные чувства историка и придворного диакона, поэта и митрополита. Внимание историков привлекло одно упоминание о русах в топографическом путеводителе по достопримечательностям Константинополя, в так называемой «Родословной Константинополя». Среди описаний различных памятников столицы названа скульптура на площади Тавра, в свое время доставленная из Антиохии. На ее постаменте находились, согласно «Родословной», барельефы, изображающие «последние дни Города перед разрушением его росами». Предсказание о разрушении Константинополя русами свидетельствует о страхе перед ними, который разжигал воображение народа даже больше, чем страх перед арабами или болгарами. Этот необычайно устойчивый, почти суеверный страх, вероятно, имел свое основание в совершенно неожиданном нападении русов на Константинополь в 860 году. Нам важно, что это убеждение существовало, когда составлялась после 989 года, приблизительно в 995 году, упомянутая «Родословная Константинополя» [10]. Таким образом, несмотря на то что после битвы при Абидосе и в результате продолжавшегося участия отборного русско-

го войска в битвах с болгарами и сирийцами между Василием и Владимиром сложились новые, дружественные отношения, общее настроение народного духа по отношению к русам оставалось неизменным. По-видимому, присутствие русских союзнических войск в столице в 988—989 годах было столь беспокойным для населения, что утвердило в нем давний апокалипсический взгляд на близящийся конец существования города, одной из разрушительных сил которого и будут русские войска.

Безусловно, эта навязчивая идея о «конце города и конце истории» была связана с суеверным оживлением в ожидании близящегося тысячелетия от Рождества Христова, но здесь важен факт, что жителями столицы империи будущее разрушение их города связывалось именно с русами, которые выступали как предвестники конца света. Нет сомнений, что новая политика Василия в отношении Киева была встречена многими с чувством опасения и тревоги за будущее империи, а среди простого народа этот страх перерос в эсхатологические пророчества.

Второй аргумент против выдвинутого здесь тезиса опирается на матримониальную традицию византийского императорского двора.

Запрет вступать в брак с варварами, то есть с иноземцами и язычниками, оговаривался неоднократно, хотя, исходя из разного рода политических соображений, византийские василевсы порою входили в подобные мезальянсы. Константин Багрянородный весьма твердо придерживался строгих предписаний, запрещающих членам царской семьи родниться с инородцами, особенно «с этими хитрыми и бесчестными северными племенами», и предупреждал, что «тот, кто осмелится нарушить запрет, будет осужден как чуждый христианской общине и предан анафеме как нарушитель отеческих постановлений и царских законов». Когда Лютпранд, епископ кремонский, прибыл в Константинополь послом от Оттона I в 968 году для переговоров о женитьбе сына (Оттона II) германского императора, то ему было сказано: «Неслыханнейшее дело, чтобы багрянородная дочь багрянородного императора могла быть выдана за иноземца».

Таким образом, в историографии сложилось убеждение, как будто для этого были непосредственные основания, что Владимир не мог быть удостоен подобной чести, не окажи он давления со своей стороны путем захвата Херсонеса. Однако тот факт, что двадцатью годами раньше в этой чести было отказано немецкому императору, который далеко превосходил русского князя и по международному статусу и влиянию, свидетельствует лишь, что византийский император Никифор Фока не был в столь отчаянно стесненных обстоятельствах, как Василий II. Эта резкая несхожесть их политического положения бросалась в глаза уже современникам обоих императоров.

И потому в расчет следует принимать не официальные государственные доктрины, а политическую действительность.

Положение царствующего дома было критическим. В 987 году Василий оказался императором без империи. Все провинции, расположенные в Азии, подчинились мятежному Варде Фоке, а в большинстве европейских провинций хозяйничали болгары. Самым важным было то, что армяне и иверийцы (грузины) поддерживали Фоку; а ведь их отборные части, особенно иверийские, были основой военной мощи империи [11]. Василий не мог полагаться и на греков. Михаил Пселл писал: «Большая часть армии изменила Василию и присоединилась к Варде Фоке, который склонил на свою сторону наиболее сильные и знатные семейства...» Император осознавал неверность ромеев. То что Варда Фока облачился в царские одежды, надел царский венец и другие царские знаки отличия, это было уже не сном, а реальностью [12]. Для спасения своей короны Василий предпринял радикальные действия.

4 апреля 988 года Василий окончательно отменил закон, введенный Никифором Фокой в 964 году, против монастырских и церковных владений. Некоторые ученые высказывают сомнения в том, что хрисовул * Василия подлинный, потому что этот указ был уже отменен Цимисхием. Кроме того, промонастырский акцент этого документа противоречит последующему указу от 996 года, в котором Василий старался ограничить размеры церковной собственности, явно игнорируя свое собственное решение от 988 года. Но поскольку существующая традиция изучения текстов документов свидетельствует в пользу надежности указа 988 года, противоречие, по-видимому, кроется не в документах, а в обстоятельствах времени. В 988 году Василий нуждался в поддержке церкви. Даже если указ Никифора был отменен или признан утратившим силу после 969 года, отмежевание Василия от него было сделано вовремя; он написал в своем хрисовуле: «...закон, который был несправедлив и даже оскорбителен не только для церкви и других церковных организаций, но для самого бога, явился причиной и источником настоящих зол и всеобщих перемен и беспорядков...» Эта весьма ясная и четкая декларация его церковной политики покончила со слухами, распространяемыми его врагами [13]. К 996 году кризис был преодолен, и Василий мог принять некоторые меры против светских и церковных крупных феодалов. Но он избежал какого-либо упоминания о более радикальном указе Никифора Фоки.

В области международной политики Василий в период между сентябрем 987 года и апрелем 988 года вел переговоры о соглашении

---

* Хрисовул (буквально — золотая печать) — тип византийских императорских грамот. Подписывались собственноручно императорами и скреплялись золотой печатью на шелковом шнуре. В форме хрисовул публиковались законы, договоры с иностранными державами, важнейшие жалованные грамоты.

с Египетским Халифатом Фатимидов. Вовсе не случайно, что в то время, когда восточные части империи находились под властью Фоки, Василий отправил посольство в Каир и согласился, как свидетельствуют арабские историки, на «унизительные условия»[14]. Это был, так сказать, дипломатический удар по узурпатору, но для военных действий против него необходима была сильная армия. Такой силой располагала Русь. Византийские императоры пользовались их помощью и раньше. Но в создавшемся положении, когда Василий лишился своих армянских и иверийских отрядов, он нуждался в надежной силе. Но мог ли Василий до конца полагаться на помощь Руси? В свое время русский князь Святослав преподал Византии горький урок: хотя Святославу щедро заплатили чистым золотом за обуздание болгар, русский князь проявил неожиданно свои собственные честолюбивые политические замыслы. Правда, в русско-византийском договоре, заключенном в июле 971 года, Святослав заявлял: «Если какой-нибудь враг вздумает напасть на Вашу византийскую страну, то я буду против него и буду сражаться с ним». Но обещание русского князя, убитого печенегами по подстрекательству Византии, вряд ли могло иметь большой вес для его сына.

Мысль об обращении к Руси за помощью должна была бы вселить в императора и его окружение некоторые опасения, но у Василия не было другого выбора. Он понимал, что, ища помощи на Руси, он должен обезопасить себя от неожиданностей и полагаться на постоянную военную поддержку. Наилучшим из возможных решением было установление родственных связей между обоими правящими домами. Поскольку с некоторых пор Киев был готов и желал принять христианство, этот союз мог быть основан и на религиозной общности.

Разумеется, для Владимира этот родственный союз был исключительной честью, Василий же был жизненно заинтересован в нем. Незадолго до этого дед Василия Константин Багрянородный с нескрываемым отвращением замечал, что его тесть Роман Лекапин отдал свою внучку за болгарского царя. Но Роман был, пояснял он, «простым, безграмотным человеком... и пренебрегал чтимыми с древних времен обычаями ромеев...». Та же критика, без сомнения, была направлена и против Василия, но вскоре стало ясно, что он действовал исходя из интересов державы ромеев. Итак, действительным инициатором брака Владимира и Анны был сам император Василий. Корсунская же легенда в «Повести временных лет» обнаруживает лучшее знание имперской матримониальной доктрины, чем исторической действительности.

Проведенный выше анализ возможных контраргументов не доказывает и не опровергает выдвинутый выше тезис, хотя и восстанавливает тот исторический контекст, который делает это

положение более убедительным. Какие же данные могут служить поддержкой в пользу того, что Херсонес примкнул к мятежу против Василия?

История Херсонеса показывает, что этот однажды ставший автономным греческий город никогда более не отказывался от своих сепаратистских стремлений, даже на протяжении X и XI веков. Эти стремления привели в конце концов к компромиссу: наличию двоевластия — имперского военного губернатора и прота — главы херсонесского муниципалитета. Ситуация была столь необычна и столь важна для империи, что Константин Багрянородный уделил большое внимание истории, а также государственной политике в отношении этого города в своем сочинении «Об управлении империей». Рекомендуя не доверять местным властям, он повторял совет, данный императору Теофилу: «Если ты желаешь полной власти и владычества над самим Херсонесом и всеми прилегающими к нему местами и хочешь, чтобы он не выскользнул из твоих рук, назначь своего собственного стратига и не доверяй его проту и знати». Самыми поучительными являются указания, в которых говорится о срочных и острых репрессиях, направленных против херсонесских жителей и их имущества в случае мятежа. В этом случае император приказал, чтобы все херсонесские суда с грузом, плавающие вдоль побережья византийских провинций Армениака, Пафлагонии и Букелария, непременно конфисковывались. Затем «государственные чиновники должны запретить пафлагонийским и букеларийским купеческим и береговым суднам Понта доставлять в Херсонес зерно или вино или какие-либо другие товары». Заключительная часть императорского решения также заслуживает того, чтобы привести ее здесь: «Если бы херсонесцы не отправлялись в Ромею (то есть в Византию) продавать кожи и воск, которые они выменивают у печенегов, то они не могли бы выжить. Если бы хлеб не был поставлен из Амисоса, Пафлагонии и из провинций Букелария и Армениака, херсонесцы не могли бы жить». Таким образом, сам византийский император с предельной ясностью указывает нам экономический базис политической ориентации Херсонеса, то есть кто владеет вышеназванными провинциями на побережье Черного моря, тот располагает ключами к Херсонесу. С 987 года им был узурпатор Варда Фока, который, согласно Льву Диакону, занял все порты и прибрежные города в Малой Азии, за исключением только Абидоса. Поэтому одних только экономических причин было достаточно, чтобы Херсонес признал над собой власть фактического правителя Малой Азии.

Однако думается, что наряду с экономическими существовали также и политические причины поддержки Херсонесом Варды Фоки, с помощью которого город мог рассчитывать впредь на большую автономию. Отголоски напряженных политических отношений

между Византией и Херсонесом отдавались в конце 60-х годов, когда Херсонес играл важную роль в русско-византийских отношениях. Калокир, сын херсонесского прота (похоже, что и он сам был главой городского совета), которого Никифор Фока сделал патрицием, нанял Святослава для похода против болгар, а затем, согласно Льву Диакону, с помощью русского князя стал сам претендовать на царский венец. Мы не знаем, что в конце концов произошло с Калокиром, поскольку об истории Херсонеса в то время, к сожалению, мало что известно. Запутанность экономических и политических отношений между Византией, хазарами, русами и, наконец, печенегами в Крыму была весьма выгодной для Херсонеса, позволяя городу, по-видимому, сохранять определенную автономию.

Накануне 989 года, во время гражданской войны, политическое положение Херсонеса должно было внушать больше беспокойства, раз даже в относительно спокойные времена при Константине Багрянородном в Константинополе считались с возможностью неповиновения и даже мятежа в городе. Это беспокойство выступает ясно не только в высказываниях самого императора, но и в русско-византийском договоре 944 года. Возврат города, разграбленного и частично разрушенного, под власть империи в 989 году не покончил с этими брожениями, которые позже вылились в открытый мятеж, подавленный, согласно Скилице, военным флотом Василия и с помощью Руси в 1016 году.

Возвращаясь к так называемой Корсунской легенде, теперь легко понять, почему она не дает объяснения похода Владимира на Корсунь. Поскольку жители Херсонеса не желали вспоминать об их неверности по отношению к законной императорской власти, постольку они хотели связать события в Херсонесе с обращением русов в христианскую веру и старались всячески подчеркнуть полезную роль их города для имперской политики на севере. Наиболее точна легенда в той части, где сообщается о захвате в Херсонесе различной церковной утвари и других (иконы, мощи святых и т. д.) ценностей в качестве добычи для новых церквей в Киеве. В легенде имеются подробности, касающиеся осады города, причем указание на то, что город подвергся морской блокаде, позволяет нам сделать вывод, что осада началась до зимы 988 года. Достоверны также данные о тайной информации, полученной Владимиром от корсунянина по имени Анастас, позволившей отрезать снабжение города водой и принудить таким образом его капитулировать. Анастас-корсунянин — это не выдуманная личность, но человек, сыгравший определенную роль в событиях 1018 г. в Киеве. В результате представляется возможным установить причину падения Херсонеса вскоре после 13 апреля. Когда весть о победе Василия при Абидосе достигла Херсонеса, сторонники императора воспрянули духом. Они хоть и не обладали достаточной силой, чтобы изме-

нить политику города, который мог рассчитывать на новое восстание Варды Склира, но были в состоянии помочь императору, способствуя капитуляции города перед Владимиром.

Византия и Русь в 986—989 годах: попытка восстановить ход событий

Опираясь на проделанный выше анализ, мы можем теперь попытаться реконструировать события, которые, с одной стороны, вывели византийскую империю из смут гражданской войны, а с другой — ввели Киевскую Русь в семью христианских народов. Существенными для реконструкции хронологии событий являются дата заключения соглашения между Василием II и Владимиром I и дата выполнения его обеими сторонами.

Тяжелое военное поражение и еще более болезненная потеря престижа в битве с болгарами 17 августа 986 года побудили Василия II пересмотреть политику Византии по отношению к болгарам, принципы которой были определены еще Цимисхием. К тому времени молодой император уже, по-видимому, понял, что поражение Византии в битве у Трояновых ворот произошло не только в результате успешных действий болгарских войск, но и в результате интриг высшей военной аристократии, обеспокоенной умалением своего влияния и положения и полагавшей, что молодому императору, слишком самостоятельному, недоверчивому и неопытному в военных делах, пригодится такой урок [15]. Император, жаждавший отмщения, но не ценой уступки этой аристократии, подозрение по отношению к которой оказалось оправданным, был принужден искать такого союзника, который был бы способен подавить непослушных болгар. Покорение болгар Святославом подсказало мысль о возобновлении соглашений по договорам 944 и 971 годов, в соответствии с которыми Византия обеспечивала себе помощь русской военной силы в борьбе со своими врагами. Имея в виду это последнее обстоятельство, представляется наиболее вероятным, что контакты с Киевом были установлены вскоре после отступления из Болгарии [16]. А спустя несколько месяцев, когда византийская аристократия, подстрекаемая неудачами императора, открыто выступила против Македонской династии, у Василия не было иного выхода, кроме как в корне пресечь ее политические амбиции.

Весть о тяжелом, сокрушительном поражении армий Василия болгарами вызвала новый мятеж Варды Склира в декабре 986 года. Поддержанный в Багдаде эмиром Буидом Самсамом ад-даула Марзубаном, он достиг Митилены в начале февраля 987 года и там

объявил себя императором. С помощью войск, набранных из арабских кочевников и курдов, и особенно опираясь на поддержку армян в восточных провинциях Византийской империи, Склиру удалось в течение месяца распространить свою власть вплоть до Севастии. Митрополит севастийский Феофилакт, боясь расправы со стороны местного армянского населения, бежал в столицу [17]. Василий II рассчитывал на помощь талантливого полководца и честолюбивого политика Варды Фоки, хотя он и подозревал его в участии в заговоре паракимонена в 985 году, но и помнил, что в 979 году Фока разбил в одном из сражений Склира. И хотя Василий с самого начала не доверял Фоке, у него не было другого выбора, и он, по-видимому, рассчитывал в этом случае на враждебность, сохранившуюся между двумя давними соперниками. В апреле 987 года он вернул Варде Фоке титул доместика Востока и назначил его командующим армией, состоявшей из греческих и иверийских частей, которая должна была выступить против Склира. Хотя Варда Фока присягнул на верность императору, он не сдержал своей клятвы. Не откладывая в долгий ящик, вероятно в апреле или мае, он начал переговоры через Константина, своего зятя и брата Варды Склира, с самим Склиром. После того как они договорились о разделе империи, оба претендента на трон встречались дважды. Первая встреча произошла на реке Джейхан (Пирам), на полпути между Антиохией и Митиленой, не позже чем в начале июля, но возможно уже в июне. Переговоры и соглашение, осуществлявшиеся через посредство Константина Склира, происходили в апреле и мае, во всяком случае не позже чем в июне. Приблизительно в это время Василий II узнал об измене Варды Фоки. Он получил достоверную информацию о секретном соглашении между двумя узурпаторами от Романа, сына Склира, который не доверял Фоке и который, подозревая о возможном заговоре против его отца, бежал в Константинополь.

Во время второй встречи Варде Фоке удалось путем хитрой уловки взять Варду Склира под стражу, и он открыто объявил себя императором; согласно Скилице, это произошло 15 августа. Царский же венец — по более достоверному показанию Яхьи — Фока возложил на себя 14 сентября 987 года.

Отборные войска византийской армии — армянские части, поддерживавшие Склира, и иверийские, поддерживавшие Фоку,— находились теперь в числе противников Василия II. Осознавая враждебное отношение военной и земельной аристократии, оппозиционные настроения в самой церкви, враждебность народов империи, Василий понимал, что в таких условиях союз двух Вардов против него означал начало конца его правления. Он пытался предотвратить слияние этих двух сил, но для спасения трона ему было необходимо противопоставить армиям узурпаторов превосходящие военные силы. Похоже, что Василий начал переговоры с русским

князем еще до нового восстания. После же того как Василий узнал о сговоре между двумя Вардами, его контакты с Киевом приобрели особую важность. Он отправил в Киев послов, наделенных всеми полномочиями, чтобы обеспечить успех в деле приобретения военной помощи и склонить Владимира к защите Македонской династии. Эта миссия могла быть отправлена, самое позднее, после того, как император узнал об измене Варды Фоки, то есть в мае либо июне 987 года. В это время, наиболее благоприятное для плавания по Черному морю, это путешествие заняло бы не больше чем четыре или шесть дней со средней скоростью четыре или пять узлов, чтобы покрыть расстояние приблизительно в 500 морских миль. 900-километровый путь вверх по Днепру к Киеву, если двигаться со скоростью около двадцати пяти километров в день, мог быть преодолен приблизительно за 40 дней. Учитывая возможные перерывы в пути, все путешествие могло продолжаться пятьдесят дней или меньше, если русы, узнав о приближении посольства, выслали бы встречный отряд на днепровские пороги, в пятистах километрах ниже Киева, чтобы обеспечить охрану от печенегов. Оставшуюся часть пути члены посольства могли проделать верхом на лошадях, что сократило бы их путешествие по меньшей мере дней на десять. Таким образом, византийские послы, по-видимому, добирались из Константинополя в Киев не менее тридцати, но и не более пятидесяти дней, прибыв в Киев в июле или в августе. Прибытие посольства в Киев в августе возможно, но упомянутые ниже данные позволяют считать, что послы, заключившие договор о союзнической помощи, прибыли в Киев в течение летних месяцев 987 года. Как бы то ни было, нельзя согласиться с распространенным взглядом, основанным на буквальном прочтении хронологической последовательности событий у Яхьи, что якобы послы были направлены в Киев после того, как армия Варды Фоки достигла вод, разделяющих Азию и Европу.

Если ранее предпринимались попытки заручиться военной поддержкой со стороны Руси в действиях против Болгарии для обеспечения тыла в Европе во время военных действий против Склира, то, посылая посольство летом 987 года, от Руси ожидали гораздо бо́льшего и предлагали гораздо бо́льшее. Ранг посольства должен был соответствовать значимости порученного дела. Феофилакт, митрополит севастийский, известный уже по вышеупомянутому конфликту с армянским духовенством, по-видимому, возглавлял это посольство. Весной 987 года, после восстания Склира, Феофилакт нашел убежище в столице и тем самым связал свою судьбу с судьбой Македонской династии. Утверждение Асохика, что митрополит севастийский выступил в качестве посла на матримониальных переговорах относительно сестры Василия, если дополнить его рядом фактов — событиями 987 и 988 годов, основанием русской митрополии в период между 970—997 годами и перемещением митропо-

лита Феофилакта из Севастии в митрополию Руси во время правления Василия Багрянородного,— показывает, что этот церковный сановник, преданный императору, в высшей степени удовлетворял требованиям как дипломатической, так и миссионерской деятельности. Достигнутый им успех позволил ему стать первым послом империи при дворе киевского князя, а также первым главой древнерусской церкви.

Во время переговоров между Василием и Владимиром обсуждались три проблемы: принятие христианства Русью и ее правителем, его брак с багрянородной Анной и военная помощь империи; в результате обе стороны пришли к следующим решениям:

1. Владимир объявил от своего имени и от имени своих подданных, «бояр и людей земли русской», о своем желании принять крещение. Для распространения и укрепления христианской веры было решено создать отдельную русскую епархию, подчиненную патриарху Константинополя. Византийская сторона взялась организовать ее, а русский правитель гарантировал ее охрану и обещал создать и обеспечивать условия, необходимые для ее деятельности.

2. Оба императора, Василий и его брат Константин, выразили готовность породниться с русским князем, отдав ему в жены их сестру Анну, как только он примет христианскую веру.

3. Владимир взял на себя обязательство оказать военную помощь в борьбе против врагов империи и отправить, по возможности скорее, в распоряжение императора Василия несколько тысяч воинов для борьбы с узурпаторами. Было также решено, что затем русы предпримут военные действия в Крыму против Херсонеса, признавшего власть узурпаторов.

Чрезвычайно важно точно установить даты выполнения достигнутых соглашений. Скорейшее прибытие в Константинополь сильного отборного войска русов было для Византии весьма существенным. Если предположить, что союз заключен в сентябре, то тогда вполне возможно было отправить отряд в несколько сот воинов осенью до прекращения навигации, но, чтобы подготовить и отправить целую армию в несколько тысяч воинов, понадобилось бы несколько месяцев. И именно таковой должна была быть численность войска Владимира, разбросанного по громадной территории Киевской Руси. Заботясь о безопасности собственной страны, Владимир не мог отправить в Византию всех до единого своих воинов. Он должен был набрать дополнительные силы, собирая их по всему государству, нанимая и варягов из Скандинавии. Требовалось немалое количество времени, для того чтобы снарядить такую экспедицию, сплавить лес для постройки кораблей, построить и снарядить от 120 до 150 сорокаместных или шестидесятиместных кораблей для речного и морского плавания. Соглашение, вероятно, было достигнуто не позже чем в сентябре, что давало Владимиру доста-

точно времени набрать корпус для отправки на юг, как только для этого будут благоприятные условия, а именно в конце апреля или в мае, когда благодаря высокому уровню воды будет возможным относительно легкое продвижение тяжело груженных военных кораблей. Движение вниз по Днепру заняло бы от двадцати до тридцати дней, каботаж по Черному морю — шесть дней. Быстроходная военная флотилия могла, таким образом, пройти расстояние от Киева до Константинополя за двадцать шесть — тридцать дней и даже при меньшей скорости войти в Босфор в июне. Поэтому имеются основания для мнения, выраженного в литературе, что русское войско прибыло в Константинополь летом (не весной) 988 года, однако предположение, что войско добиралось сухопутным путем через Болгарию, неправдоподобно. Прежде всего такой поход потребовал бы дополнительного времени; далее, не было никакого смысла истощать силы войска, принуждая его прокладывать себе путь через горы и ущелья Болгарии, в то время как Василий в отчаянии ожидал их помощи на подступах к столице.

Выбор даты крещения Владимира и его подданных, бояр, дружины и других жителей Киева, не представлял особого труда. Необходимо напомнить, что немалое число людей из высшего класса, а также из купцов и дружины уже были христианами. Некоторые византийские послы остались в Киеве, чтобы подготовить оглашенных и совершить обряд крещения в подходящее время до прибытия в Киев багрянородной Анны. Самое раннее, это могло произойти летом 988 года.

Выдача багрянородной невесты замуж менее чем через год после соглашения может показаться неправдоподобной, если сравнить этот факт с подобной же попыткой Оттонов: в течение трех лет Оттон I продолжал безуспешные переговоры с Никифором Фокой о выдаче багрянородной невесты за его сына, а переговоры о выдаче багрянородной царевны за Оттона III продолжались более шести лет (995—1001 гг.). Когда же почин принадлежал самому императору, дело шло куда быстрее. Бракосочетание Оттона II с Феофано совершилось за полтора года, хотя невеста была не багрянородной, а лишь родственницей Иоанна I Цимисхия. Столкнувшись с необходимостью сосредоточить всю свою военную мощь против Святослава в Болгарии, император счел нецелесообразным продолжать военные действия против западной империи в Италии. В сентябре 970 года он начал переговоры с Оттоном I, и византийским послам, наделенным всей полнотой полномочий, удалось не только договориться о перемирии, но и заключить брачный контракт. В конце 971 года Феофано отбыла на Запад, а 14 апреля 972 года она бракосочеталась с Оттоном II в Риме.

Временные трудности, переживаемые Цимисхием, которые побудили его изменить политику его предшественника в отношении

Оттонов, были ничтожны по сравнению с плачевным положением Василия II. Сознавая опасность своего положения, а также опасность положения Македонской династии, Василий решил нарушить традицию и выдать законнорожденную в багряной палате дочь императора и свою сестру замуж за иноземного правителя. Договорившись о заключении брачного контракта между Анной и Владимиром, он был жизненно заинтересован в его выполнении безотлагательно: имея сестру в Киеве, он мог быть уверен в помощи своего зятя и мог рассчитывать на русское войско в подавлении восстания.

Для Владимира также было чрезвычайно важно, чтобы бракосочетание состоялось как можно скорее. Этот языческий князь, честолюбивый зодчий обширного и динамично растущего государства, но для наследников Римской империи все еще остававшийся варваром, добился такого брачного союза, о котором многие христианские правители не могли и мечтать. Киевский двор имел контакты с другими странами, и ему были известны как попытки Оттонов, так и их полууспех с небагрянородной Феофано, которая была принята без восторга многими из высших чинов оттоновского государства. Периодические известия об обращении некоторых славянских и скандинавских династий в христианство рождали чувство изоляции и способствовали формированию устойчивого желания, поддерживаемого теми из окружения киевского князя, кто уже принял христианство, включить Русь в семью христианских народов. Решение о принятии новой веры в свете ожидаемых отношений с византийским императором было особенно заманчивым. Русский князь, став христианином, не только становился членом европейской семьи правителей, но сразу же благодаря рожденной в багряной палате царственной супруге занимал почетное место в этой иерархии. Родственный союз домов Македонского и Рюриковичей, воспринятый современниками как весьма важное событие, способствовал осуществлению исторического поворота в деле христианизации Руси.

Поскольку обе стороны были кровно заинтересованы заключить соглашение, не откладывая, русское свадебное посольство должно было отбыть в Константинополь той же осенью. Договор должен был быть утвержден самим императором в присутствии русских послов. Часть византийского посольства, большинство из которого были лицами духовного звания, осталась в Киеве для подготовки (оглашения) и крещения русского князя и его подданных-язычников. Остальные вместе с русским посольством и, возможно, как упоминалось выше, с небольшим отрядом в несколько сот воинов отплыли в Константинополь, поскольку еще возможна была навигация. То, что они прибыли в столицу империи в октябре или самое позднее в начале ноября, может быть определено по тому факту, что

весть об успешности матримониальных переговоров Владимира достигла дворов Западной Европы в январе 988 года.

Некоторый свет на хронологию русско-византийских переговоров может пролить тот факт, что французский король Гуго Капет отказался от попытки заполучить багрянородную невесту для своего сына Роберта. В письме византийским императорам Василию II и Константину, написанном сразу же после коронации Роберта в день Рождества 987 года, французский король предлагал дружбу, союз и просил руки «дочери священной империи» для своего сына. Датировка этого письма, сохранившегося в собрании писем Герберта Орийяка, доверенного секретаря архиепископа Реймского, также указывает на конец 987 года либо на самое начало 988 года. Поскольку вскоре после этого, возможно даже до 1 апреля 988 года, Роберт женился на Сусанне, вдове Арнольда II, графа Фландрского, постольку некоторые исследователи полагают, что письмо не было отправлено в Константинополь, что оно было написано Гербертом самостоятельно и что король о нем ничего не знал; но этот факт не подтверждается каким-либо из остальных восьмидесяти политических писем, написанных Гербертом по просьбе других лиц, среди которых был и Гуго Капет. Ряд исследователей полагает, что письмо не было отправлено из-за изменившейся политической ситуации. А. А. Васильев, посвятивший специальное исследование содержанию письма, пришел к выводу, что, «если авторы письма были хорошо осведомлены о политической ситуации в византийской империи в 988 г., они могли заметить, что это был год, мало подходящий для матримониальных переговоров, и потому оставить свои планы»[18].

Гуго Капет, вступивший на престол 3 июля 987 года, понимал, что королевский титул вновь основанной династии требует дополнительного утверждения. Его желание облагородить семейное древо Капетингов возникло, должно быть, в последние месяцы 987 года, во время подготовки к коронации его сына. Гуго питал надежду, что законные императоры Василий и его брат Константин находятся в достаточно безнадежном положении и согласятся отдать багрянородную сестру в обмен на гарантию безопасности византийских владений в южной Италии. Формулировка «дочь священной империи» вышла из-под пера непревзойденного дипломата — Герберта (будущего папы Сильвестра II). Хотя, следуя обычаю, он не называл имени невесты, ясно, что он имел в виду Анну, которая приходилась родной сестрой обоим императорам и была единственной в то время невестой, которая родилась в порфире (13 марта 963 г.). Гуго не мог иметь в виду помолвку его сына с одной из дочерей Константина, Евдокией или Зоей, рожденными приблизительно в 978—979 годах.

Поскольку известие о предполагаемой женитьбе не могло выйти за узкий круг тех, кто имел непосредственное к этому отношение,

и поскольку предпринимались попытки сразу же женить Роберта на вдове Арнольда II, чтобы упрочить союз между фландрским и франкским королевствами, новость о помолвке Анны с русским князем должна была долететь до Франции вскоре после того, как письмо было написано, то есть в начале или в течение января 988 года. Для того чтобы достичь Реймса к тому времени, сообщение должно было покинуть пределы Константинополя не позже октября или начала ноября, поскольку курьеру, движущемуся со средней скоростью около пятидесяти километров в день, потребовалось бы пятьдесят пять — шестьдесят дней или чуть больше, чтобы преодолеть расстояние около 2650 километров. Если считать, что план французов был оставлен в результате полученных известий, то это могло бы служить еще одним свидетельством в пользу того, что русско-византийская договоренность в Киеве была достигнута не позже чем в октябре, так как русскому свадебному посольству на дорогу в Константинополь требовалось тридцать — тридцать пять дней.

Выше была уже речь о времени, необходимом для подготовки экспедиционного войска в Киеве, и указано, что оно не могло прибыть в Византию раньше июня 988 года. Дата сражения при Хрисополисе летом 988 года, в котором русские войска приняли участие, была принята в качестве срока, до которого они прибыли в Византию, но установление точной даты сражения все еще остается под вопросом. Исследуя этот вопрос, надо отметить, что существует другая возможность установления приблизительного времени прибытия русского войска в столицу.

После того как Варда Фока объявил себя императором в Каппадокии в сентябре 987 года, его армии оккупировали всю Малую Азию и достигли пролива, отграничивающего ее от Европы. Оккупация обширных азиатских провинций империи должна была бы занять несколько месяцев, особенно поскольку ему предстояло склонить на свою сторону приверженцев взятого под стражу Варды Склира или, по меньшей мере, нейтрализовать их. Поэтому представляется, что большая часть сил Фоки должна была добраться до пролива летом 988 года и разделиться на две группы. Одна группа разбила лагерь прямо против столицы, на холмах, окружавших Хрисополис, а другая предприняла осаду Абидоса на Геллеспонте — единственном плацдарме Василия II в Азии. Как только войска Фоки прибыли под стены Константинополя, Василий послал одного из немногих преданных ему военачальников, магистра Григория Таронита, морем в Трапезунд, где он пополнил свой отряд и выступил в направлении Евфрата, то есть через территории, густо населенные армянами. Это был отвлекающий маневр с целью поднять восстание на территории, занимаемой Фокой. Тот факт, что он выбрал для этой цели Григория Таронита, аристократа армянского происхож-

дения, и отправил его через территории с большим армянским населением, свидетельствует о том, что Василий II стремился выиграть в глазах армян, недовольных и не доверяющих Фоке, после того как последний взял под стражу Склира. Фока послал своего сына Никифора во главе иверийского войска, чтобы он ликвидировал отряд Григория Таронита. С помощью иверийского правителя Тайка Давида, друга Фоки, отряд Григория Таронита был разбит. Вскоре после этого иверийские войска, все еще находящиеся на полях сражения, получили известие о победе Василия под Хрисополисом. Маневры и операция Григория должны были продолжаться несколько месяцев, если учитывать время, необходимое Фоке для организации контрудара, завершенного приблизительно в одно время с первым успехом Василия на подступах к Константинополю.

Итак, когда состоялась битва при Хрисополисе? Асохик называет 437 год по армянскому циклу, то есть между 24 марта 988 года и 23 марта 989 года. Из его объяснения следует, что сражение произошло в конце 437 года, а в начале следующего года (после 23 марта 989 г.— 13 апреля 989 г.) произошла решающая битва против Фоки при Абидосе. Выходит, если следовать Льву Диакону, а также менее ясному описанию Скилицы, что между двумя сражениями прошло очень мало времени. Толкование текста обоих историков полностью подтверждается письмом Варды Фоки его сыну Льву, правившему Антиохией, которое приводит Яхья. Фока просит сына вывести патриарха Агапета из города, чтобы положить конец его интригам. В субботу 2 марта 989 года Льву удалось выманить патриарха с большой группой церковных служителей из города и воспрепятствовать их возвращению. Для вручения письма адресату специальным курьером потребовалось от пятнадцати до восемнадцати дней, чтобы преодолеть 900 километров, а также Льву потребовалось несколько дней, чтобы подготовить соответствующие условия для выполнения задуманного. Поэтому Фока должен был отправить письмо в Антиохию в начале февраля, вскоре после получения известий о поражении его армии при Хрисополисе и после того, как ему стало известно о новом положении и переменах в общественном мнении. Таким образом, можно предположить, что сражение при Хрисополисе произошло во второй половине января или в самом начале февраля 989 года.

В это время или самое большее спустя две недели был разбит Григорий Таронит. Но он выполнил свою задачу, уведя часть иверийского войска с западного фронта, лишив тем самым Фоку его поддержки в решающем сражении при Абидосе. Отправление Григория Таронита из Константинополя стало возможным после прибытия туда нескольких тысяч русских воинов. Тем самым император получил возможность начать наступательные действия. Ведь только после прибытия русского флота, прорвавшегося через блокирован-

ный проход Босфорского пролива к Черному морю, стало возможным послать Григория Таронита с небольшим отрядом морем в Трапезунд. И это могло быть только тогда, когда император мог обойтись без этого отряда, не ослабив при этом защиты столицы. Так как его кампания должна была продолжаться по меньшей мере несколько месяцев, но не больше чем шесть или семь, то можно считать, что Григорий Таронит выступил по приказу императора летом 988 года после прибытия русского войска.

С этого времени до сражения при Хрисополисе прошло приблизительно полгода; это доказывает, что Василий II был неплохим военачальником, хорошо усвоившим урок, преподанный болгарами. Пселл отметил усилия, затраченные Василием на подготовку русского войска и других отрядов для наступления. Вновь прибывшие русы были не сразу вовлечены в действия на полях сражений, но получили время, чтобы привыкнуть к новым условиям и, соединившись с оставшимися войсками императора, сформировать одну ударную силу. Отдельные отряды тренировались в условиях, близких к боевым, в группах проводились маневры, причем уделялось должное внимание взаимосогласованности действий различных подразделений. Из данного Асохиком описания битвы при Хрисополисе ясно, что вся эта операция была хорошо подготовлена и ее успех обеспечен тем, что враг оказался захваченным врасплох. Ночью под прикрытием темноты значительный отряд пересек Босфор. Воспользовавшись преимуществами холмистой местности и тем, что он не был замечен, он приблизился к тылам укрепленного вражеского лагеря на рассвете, чтобы атаковать его, когда армия узурпатора была введена в заблуждение ложной атакой боевых кораблей с огнеметами.

Необычный для Византии выбор зимнего времени для сражения свидетельствует, что Василий сумел учесть и использовать природную выносливость и привычку к холодам своих северных союзников (в январе температура в Константинополе чаще всего близка 0° С, резко спадая до —3—5° С).

Небольшие быстроходные и бесшумные военные суда русов были по сравнению с византийскими кораблями самыми подходящими для внезапного нападения — отсюда и родилась идея тайной высадки на неприятельский берег. Подготавливаясь к этой операции, Василий хорошо понимал, какое значение для настроения будет иметь первый успех. Получив весть об исходе сражения при Хрисополисе, союзники Фоки начали отходить от него [19].

Поскольку обеим сторонам необходимо было время, чтобы подтянуть свои силы к Геллеспонту, постольку битва 13 апреля произошла спустя десять или двенадцать недель после битвы при Хрисополисе. Василий намеревался уничтожить концентрацию вражеских сил и открыть водный путь для торговых судов. После этого он

намеревался помериться силой с самим Фокой. Последний же, понимая, что после поражения его армии при Хрисополисе время стало работать против него, быстро повел свои войска сушей и морем к Абидосу. Внезапная атака с моря и поджог флота узурпатора, стоявшего на якорях, также были предприняты с помощью русских судов. Смерть до тех пор непобедимого полководца Фоки на поле боя закрепила победу Василия.

В то время как силы империи истощались гражданской войной, на севере происходили разные по важности события: обращение Руси в христианство, бракосочетание Владимира и Анны и осада и захват Херсонеса русами. Сомнения в правдоподобности так называемой Корсунской легенды в качестве исторического источника о крещении Руси касаются и вопроса о месте и времени рассматриваемых событий. Корсунская легенда упускает из виду действительные причины действий Руси против Херсонеса и представляет этот город как то избранное место, в котором совершались все важные церемонии. Но зато, реконструируя историю тех лет, легенда записывает подробности осады и захвата города, которые все еще были свежи в памяти в XI столетии, а также повествует о роли этого города в христианизации Руси. Трофеи — священные реликвии, предметы церковного обихода, иконы — все это срочно требуемое для возводимых на Руси храмов было вывезено на север, как, впрочем, и значительное число херсонесских священников, отправившихся туда, вероятнее всего, не по своей воле.

При этом из всех описываемых событий только дата захвата Херсонеса, между 7 апреля и 27 июля 989 (6497) года, удовлетворяется источниками. Падение защиты города произошло, по-видимому, из-за вести о поражении и смерти Фоки при Абидосе 13 апреля 989 года. Поскольку русы подошли к городу со стороны моря, постольку можно сделать вывод, что осада города началась не позже осени 988 года. Военные действия русов против Херсонеса опирались на соглашение 987 года, возможно подтвержденное летом 988 года, которое отражало сущность одной из статей договора 944 года, ставящей условием, что если Херсонес попытается отделиться от Византийского государства, то русский князь может пойти на него войной и при этом рассчитывать на поддержку со стороны Византии. Эта статья договора вполне соответствовала общей политике империи в отношении мятежного города. Новая измена города сделала эту статью договора вновь актуальной, и Василий II решил покончить с притязаниями Херсонеса. Чтобы наказать город как можно суровее, он позволил разграбить и разрушить его, а также лишил права чеканить собственную монету. По археологически установленным следам разрушений и пожаров можно заключить, что город был разрушен и сожжен завоевателями уже после того, как херсонесцы сдались и открыли его ворота. Хотя город и не был разрушен

полностью, ему все-таки не удалось восстановить ни свой прежний блеск, ни свое экономическое значение, ни прежнюю численность населения.

Реконструируя последовательность событий, связанных с обращением Руси в христианство, невозможно не заметить некоторых совпадений этой реконструкции с данными «Памяти и похвалы Владимиру», в которой сказано: «После же святого крещения блаженный князь Владимир прожил двадцать восемь лет. На второй год после крещения он ходил к днепровским порогам, а на третий — взял град Корсунь...» Отличия в последовательности и хронологии событий в сравнении с «Повестью временных лет» позволяют судить, что составленная в XIII веке «Память и похвала» восходит к другой традиции. Эта традиция была еще жива в Киеве во второй половине XI столетия, как свидетельствуют оба житийные произведения о святых Борисе и Глебе. Если эти двадцать восемь лет отнять от даты смерти Владимира в 6523 (1015) году, то датой его обращения в христианство будет 6495 год (март 987 г.— февраль 988 г.). Этот же самый год следует и из записи о том, что Херсонес был взят на третий год после крещения Владимира. Считая от 6495 года, это должен был быть 6497 год, то есть год падения города согласуется точно со свидетельством Льва Диакона и дополняющих его источников. Существует и другая запись в «Памяти и похвале», также указывающая на 6495 год как время принятия Владимиром христианства: «Крестился же князь Владимир в десятый год после убиения брата его Ярополка». Смерть последнего, согласно этому источнику, следует отнести к 6486 (978) году.

6495 год, как год крещения Владимира, оказывается, таким образом, надежно обоснованным. Послы, оставшиеся в Киеве после заключения соглашения в сентябре 6495 (987) года, имели достаточно времени, чтобы подготовить русского князя к принятию христианства. Свершением таинства крещения мог руководить только епископ, поэтому естественно предположить, что во главе посольства должен был находиться по крайней мере один архиерей. Днем, избранным для свершения самого обряда крещения, похоже, был праздник богоявления, день, наиболее подходящий для крещения властелина. Оглашение Владимира заняло период рождественского поста, а на рождество могли начаться подготовительные церемонии, как, например, принятие символа веры новообращаемым. Владимиру было дано новое, христианское имя — Василий — имя императора Византии, его шурина и старшего брата из семьи владычествующих. Византийский император покровительствовал церемонии обращения русского князя и был, по всей вероятности, его крестным отцом (его представлял уполномоченный для этого сановник). День ангела обоих правителей, день святого Василия Великого, который приходился на 1 января 988 года, воскресный день, и праздник обрезания

господня, хорошо подходил для принятия Владимиром крестильного имени в честь его крестного отца.

Остается выяснить смысл загадочного сообщения о путешествии Владимира к днепровским порогам, которое произошло между двумя важными событиями в его жизни, крещением в 6495 году и взятием Херсонеса в 6497 году. Краткая запись, сохраненная в «Памяти и похвале Владимиру», не называет причины, но эта лаконичность свидетельствует в пользу древности заметки, когда повод похода князя к порогам был очевиден.

Что могло заставить Владимира предпринять этот поход, который определенно состоялся в первой половине 6496 года, в период навигации на Днепре, то есть с весны до осени 988 года? Были высказаны предположения, что он предпринял его, чтобы обеспечить отряду, идущему на помощь Василию, переправу через пороги под прикрытием, учитывая возможность нападения печенегов. Нельзя отвергать этого предположения решительно, хотя думается, что военный отряд в несколько тысяч человек едва ли нуждается в подобном прикрытии. Но могла существовать другая причина: русский князь мог выступить навстречу своей невесте и обеспечить безопасную переправу через опасные днепровские пороги ей и ее сопровождению. Для подобного толкования существуют некоторые основания: в середине XII столетия было принято, чтобы русские князья выходили к порогам или даже устью Днепра навстречу невесте и ее свите [20]. Пока Владимир ожидал на охраняемых его дружиной порогах прибытия Анны, небольшая флотилия отплыла ниже по Днепру, ближе к его устью, чтобы там взять на одну из ладей багрянородную невесту и ее свиту. Интерпретация записи в «Памяти и похвале» о том, что Анна прибыла в следующем после крещения Владимира году, то есть летом 988 года, полностью согласуется с аргументом, доказывающим твердое стремление обоих владык выполнить свои взаимные обязательства. Не в интересах Македонской династии было препятствовать родству, которое должно было скрепить союз Византии и Руси.

Чтобы выполнить свое обязательство — креститься еще до прибытия Анны и бракосочетания с нею,— Владимиру мог быть подсказан один из двух церковных праздников: пасха либо пятидесятница. В 988 году эти праздники выпадали соответственно на 8 апреля и 27 мая. Такая возможность не исключается, но допущение ее противоречит датировке, взятой из «Памяти и похвалы», которая, как было показано, включила достоверный первоисточник. Было бы также затруднительно объяснить длительность оглашения и отсрочку самого крещения Владимира, пропуск такого дня, как богоявление, который был исключительно подходящ в силу его символического смысла для крещения властелина. Если все аргументы говорят в пользу 6495 года, как года его крещения, то 6 января 988 года оказывается

наиболее вероятным днем, когда было совершено это таинство. Зато массовое крещение киевлян в водах Днепра происходило, по всей вероятности, на пятидесятницу 6495 (988) года.

Возникает вопрос, почему Корсунская легенда, в которой говорится об этих событиях, была занесена в летопись под 6496 годом (март 988 г.— февраль 989 г.). В самой легенде нет упоминания о каких-либо датах. Летописец воспринимал корсунскую версию как самую надежную, так как она излагала наиболее провиденциальную картину крещения Руси. Но, как признавался сам составитель ПВЛ, ему были известны и другие версии, которые были, вероятно, так же кратки и прозаичны, как и упомянутые выше записи в «Памяти и похвале». Летописец, должно быть, располагал точной датой по крайней мере одного из этих событий и, опираясь на нее, ввел Корсунскую легенду в хронологический ряд его летописи. Этой датой может быть год прибытия Анны или, возможно, начало похода на Корсунь, но более вероятно, что это был год крещения киевлян. Еще приблизительно в 1060 году в Киеве жили люди, которые «помнили крещение земли Русской» (ПСРЛ, I, 189). Этот день 6495 года оставался в памяти последующих двух-трех поколений. В тот день на берегах Днепра «собралось народу великое множество, вошли в воду и стояли там: некоторые по шею в воде, другие по грудь, дети ближе к берегу, а другие — взрослые — держали на руках младенцев, стоя на броду, пока священники им читали молитвы» (ПСРЛ, 117—118).

* * *

Историография, изобилующая противоречиями, побудила к опирающемуся на источники пересмотру существующих в данном вопросе традиционных воззрений. Если эта попытка выдержит критическую проверку, то не исключено, что на русско-византийские отношения и различные аспекты истории обоих государств в конце X столетия прольется новый свет. Хотя собственно проблема христианизации не является предметом этой работы, ее необходимо затронуть, чтобы анализ политических обстоятельств крещения Руси не был истолкован как поддержка широко распространенного, но, на мой взгляд, ошибочного мнения, будто обращение Руси в христианство было делом византийцев. Принятие христианства не было делом случая и не было навязано византийским императором. Дата и обстоятельства крещения князя Руси и его дружины явились результатом конкретной политической обстановки. Но самому приобщению Киевского государства к миру христианских ценностей предшествовало длительное, восходящее к IX веку проникновение христианства на территорию Среднего Приднепровья и его растущее влияние при киевском дворе, особенно после крещения бабки Владимира — Ольги.

В основе дипломатических инициатив Василия II лежали политические и военные причины, возникшие в результате его борьбы с узурпаторами. В 986—989 годах император был далек от мысли о действительном обращении Руси в христианство. Македонская династия, двор императора, несомненно, более всего желали оправдать нарушение матримониальной традиции. И для такого оправдания было бы вполне достаточным, чтобы, по меньшей мере, новый родственник и союзник хотя бы формально не был язычником. Но если бы идея обращения Руси в христианство родилась в связи с этим на берегах Босфора, возвращение к язычеству было бы неизбежным: так было после скороспелого почина Фотия в 867 году, а также во времена правления Ольги и ее сына Святослава, когда уже ощущалась необходимость перемен, но опасение порвать с традиционным мироощущением было еще все-таки велико. Эти опасения уменьшились в последующие десятилетия. Отказ от старых представлений вызревал, а условия, созданные Василием II, чрезвычайно облегчили Владимиру вписать свои решения о крещении в контекст межгосударственных политических и династических реалий Европы того времени. Господствующий класс Киевского государства политически и духовно уже созрел к принятию христианства, так что прочность княжеского решения и устойчивость принятого христианства на этот раз были обеспечены.

Крещение Руси не вызвало ожидаемого отклика в византийском обществе. Напротив, Русь в качестве союзника Василия воспринималась как апокалипсическая сила, грозящая империи и ее столице уничтожением. Византийские историки проявляют удивительную сдержанность, описывая одержанную императором с помощью русов победу. Пселл в своей «Истории», написанной в середине XI века, относится к тавроскифам как к варварам, так, будто Русь все еще оставалась языческой. В XI столетии в византийском политическом мышлении Русь оставалась вне пределов идеальной христианской Вселенной ромеев [21].

Инициатива христианизации зародилась у правящих классов Киевской Руси. Новая религиозная идеология обязана своим дальнейшим упрочением и распространением высшему классу древнерусского общества. Таким образом, крещение Руси явилось не проявлением деятельных сил византийской цивилизации, но результатом активного стремления правящих слоев древнерусского общества найти в византийских пределах христианского мировосприятия те ценности, которые помогут находить ответ на волнующие их вопросы. Совпадение назревших условий и правильных решений придало событиям 987 — 988 годов характер эпохального поворота.

Перевела *Е. А. Жукова*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Успенский Ф. И.* Русь и Византия в X в. Одесса, 1888. С. 35.

[2] Патриаршая, или Никоновская летопись // ПСРЛ, IX. СПб., 1862. Стб. 57 и др. Эта обширная историографическая компиляция, составленная в первой половине шестнадцатого столетия и содержащая множество изменений в первоначальном тексте «Повести временных лет», рядом современных историков расценивается как главный источник, несмотря на тот факт, что ее автор, официальный историограф, писал свой текст в духе идеологических и политических требований московских правителей. Нелишне упомянуть здесь замечание М. Н. Тихомирова, что правление Ивана III может объяснить особый интерес к Риму и римской церкви в старой части Никоновской летописи. См.: *Зимин А. А.* Русские летописи и хронография конца XV—XVI вв. Москва, 1960. С. 20—21; *Кузьмин А. Г.* К вопросу о времени создания и редакции Никоновской летописи / Арх. еж. 1962 (1963). С. 114.

[3] Отдельные области Армении, которые исторически претерпели неоднократные деления, входили в состав Византийской империи. При Юстиниане (482(3)—565) в связи с политико-правовыми реформами Армения претерпела еще одно деление, в результате которого образовались Армения I со столицей в Визане-Леонтополе, Армения II со столицей в Севастии, Армения III со столицей в Мелитене, Армения IV со столицей в Мартирополе. Кроме Армении существовал фем (административно-территориальная единица) Армениак.

[4] Согласно Яхье, Варда Склир пересек пределы Византии и овладел Мелитеной в феврале 987 г. Находящаяся поблизости Севастия, по-видимому, сразу же признала власть узурпатора; Склир нигде не встретил сопротивления. В Севастии десятого — одиннадцатого веков было значительное и весьма влиятельное армянское население.

[5] См.: *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. В прилож. к 44 т. «Зап. Акад. Наук», № 1 (СПб., 1883). С. 32—33, 40—41, прим. 272. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Из-за случайно сгоревшей церкви в Хомсе (Эмисе) стало известно об участии русов в сирийской кампании Василия II осенью 999 г. Отряды императора расположились в Антиохии и Киликии, откуда ранним летом 1000 г. выступили на захват владений Давида — правителя Тайка. И здесь тоже упоминаются воины-русы в стычке при Хавачиче. Поскольку Василий II сам был в Сирии в 995 г., можно предположить, что он и привел с собой русское войско, чтобы сражаться против Фатимида. Как бы то ни было, но в то время было привычным не только слышать о воинах-русах, но и видеть их на улицах Антиохии. Они напоминали летописцу об участии русов в событиях 988/89 гг. Таким образом, возможно, что запись Яхьи об этих событиях была сделана около 999/1000 г. Это, по-видимому, могло бы объяснить последовательность событий, представленную в тексте Яхьи.

[6] *Яхья* в: Patrologia orientalis. Vol. 23, pp. 422—24; см. также: *В. Р. Розен.* Император. С. 23—24.

[7] Точная дата сражения при Абидосе дается только Яхьей.

[8] *Яхья* в: PO, 23, pp. 432—33; *В. Р. Розен.* Император. С. 28—29.

[9] Помимо приведенного существует и другой смысл этого слова. Историки отмечают, что представления об идеальной «семье», объединяющей правителей и их народы, весьма характерно для всего средневековья. Эта «семья» являлась реальным политическим институтом с четкой иерархической организацией межгосударственных политических связей двойного типа: император — его иноземный контрагент. Император — духовный «отец» «семьи». С членами этой «семьи» отношения строились следующим образом: на высшей ступени находились «братья» императора, затем его сыновья и на низшей ступени его «друзья». При этом важно, что духовные сыновья императора не становились его духовными братьями, а «друзья» императора могли оказаться между собою врагами.

[10] Preger Th. Beiträge zur Textgeschichte der Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως (Munich, 1895), 4—6. Насколько мне известно, эта дата никогда не оспаривалась, но ученые в целом все-таки предпочитают употреблять менее точные описания, вроде «с конца десятого века» или «на исходе десятого столетия».

[11] Армяне, поддерживавшие Варду Склира, присоединились к восстанию с самого начала, тогда как иверийцы составляли существенную часть византийской армии, возглавляемой Вардой Фокой. Когда последний тоже восстал, он нашел поддержку у правителя Верхнего Тао Давида. См.: *Асохик*, III, § 24, 25; *Яхья* в: *В. Р. Розен*. Император. С. 22, 24, 26, 27; Иверийцы подавили мятеж Варды Склира в 979 г. См.: *Н. Ломоури*. К истории восстания Варды Склира // Труды Тбилисского гос. ун-та, 67 (1954). С. 29—46.

[12] *Psellus*. Chronographya. I, § 10, 13.

[13] Чаранис (Charanis), доказывая подлинность указа от апреля 988 г., полагает, что указ Фоки против монастырей не был отменен до правления Василия II. Однако предположение, что он не мог быть отменен дважды, приемлемо лишь с юридической точки зрения. В декабре 969 г. новый император Иоанн Цимисхий, вероятно, отменил указ Никифора Фоки, хотя никакого письменного решения не было представлено на рассмотрение церкви до 988 г. Дата этого указа 4 апреля 988 г. рассматривается как дата, после которой войска русов прибыли в столицу, свидетельством чему служит, как принято считать, пессимистический характер этого указа. Но такой вывод проистекает из, во-первых, чрезмерно упрощенного взгляда, будто помощь Василию со стороны русов была решающей мерой, и, во-вторых, неспособности видеть другие аспекты деятельности Василия.

[14] *В. Р. Розен*. Император. С. 202—205. Абул Макасин и ал-Айни посольство датируют по армянскому циклу 377 (3 мая 987—20 апреля 988); необходимость его возникла в связи с изменой Варды Фоки (14 сентября 987 г.).

Однако неверно думать, что «Василий II был принужден подписать этот договор», ибо присутствие армии Фатимида на юго-восточных границах империи, то есть территории, подчиненной в то время Варде Фоке, отвечало целям Василия. Возможно, он просто хотел предотвратить соглашение между Фокой и Египтом. Не исключено, что и «император» Варда Фока тоже имел переговоры с Фатимидом Халифом: дело в том, что сведения, сообщаемые обоими арабскими историками, жившими в четырнадцатом столетии, имеют слишком общий характер и не сообщают имени императора.

[15] Лев Диакон говорит о некомпетентности военачальников. Запись Иоанна Скилицы передает дух подозрительности и обвинений в измене, которые были, по-видимому, несправедливы по отношению к ним, но несомненно то, что высокопоставленные военачальники не питали особой приязни к императору.

[16] Замечание Абу Шуджи Рудраверского об обмене корреспонденцией между соправителями и русским князем свидетельствует, что переговоры происходили осенью 986 г., если допустить, что союз был заключен поздним летом или ранней осенью 987 г.

[17] *Асохик*, III, § 20, 22 датирует конфликт Феофилакта с армянскими священниками и отправку его императором в Болгарию с дипломатическим поручением 435 годом по армянскому циклу; следовательно, Феофилакт должен был покинуть Севастию до 24 марта 987 г. Действительной же причиной этому было не поручение императора, а восстание Варды Склира. Севастия, населенная в основном армянами и находящаяся всего в 120 милях от Мелитены, могла признать власть узурпатора через несколько дней после захвата Мелитены.

[18] *Васильев А. А*. Гуго Капет. С. 245, прим. 114.

[19] Давид — правитель Тайка и два сына Баграта, армяне по происхождению, подчинившие себе фем Халдию, ушли, уведя с собою 2 тысячи всадников под предлогом, что они выполнили свою задачу, разбив Григория Таронита.

[20] См. Лаврентьевскую летопись под 1153 и 1154 гг. в ПСРЛ, I, 340, 341. Предполагалось, что эта запись из «Памяти и похвалы» свидетельствует, что Владимир на порогах ожидал прибытия Анны, но что «она не появилась», и, «пришедший в ярость от греческой двуличности», Владимир напал на Херсонес. См.: *Левченко М. В*. Очерки по истории русско-византийских отношений. Л., 1956. С. 359—360.

[21] После 988 г. вхождение Киевской Руси в состав византийской христианской ойкумены стало фактом, но в качестве полноправного члена она еще долго не признавалась высшими классами Византийской империи, что свидетельствует о непопулярности тесных отношений императора Василия с «варварским миром».

Йоахим ХЕРРМАН

Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона *

Походы викингов

...В Балтийском бассейне в это же время (в начале IX в.— *Ред.*) скандинавы («русы» в арабских источниках и «варяги» в русской «Повести временных лет»)[1] начинают продвигаться далее в глубь материка. Судя по археологическим данным, а именно следам непосредственного оседания или особо сильного влияния норманнов, их привлекали крупные, пересекавшие всю страну реки, по которым викинги, или варяги, попадали на юг. «Въездными воротами» в эти земли служили на северо-востоке Балтийского моря Ладожское озеро и Волхов. По речным системам из Ладожского озера можно было достигнуть Белоозера, центра финского племени весь (современные вепсы), где с X века наряду с воздействием восточнославянской и волжско-булгарской культур ощущается влияние балтийской торговли. Из Ладожского озера по Волхову попадали к озеру Ильмень в Новгород. По речным системам бассейнов Ладожского озера и Ильменя можно было добраться до бассейна Верхней Волги, а по Волге достичь державы булгар с ее столицей Великий Булгар. Согласно данным арабских авторов, чуть ли не в VII веке русы (в ранних источниках под этим именем нередко выступают варяги) сражались с арабами, состоя на службе у хазар, держава которых сложилась в низовьях Волги. Сведения о путях сообщения между областью озера Меларен на Скандинавском полуострове и Средним Поволжьем появились, по-видимому, в Средней Швеции еще в эпоху бронзы (к этому времени относятся первые археологические свидетельства о существовании таких связей) и затем передавались из поколения в поколение. В IX—X веках наиболее значительные комплексы находок, содержавшие скандинавский материал или запечатлевшие значительное скандинавское влияние, обнаружены на археологических памятниках близ Старой Ладоги, а также в поселениях и могильниках у деревень Тимерево, Михайловское и Петровское под Ярославлем на Волге[2]. Волжский путь через Каспийское море вел в арабские страны Средней и Передней Азии, а по Нижнему Дону — в Черное море и Византию. Эти связи были настолько интенсивными, что у некоторых арабских географов

* Фрагменты из исследования доктора Йоахима Херрмана (ГДР) в кн.: Славяне и скандинавы. М., 1986 (перевод с немецкого).

сформировалось представление, будто Балтийское и Черное моря непосредственно соединены морским проливом. Согласно одному хазаро-персидскому известию, дошедшему до нас через «Древнейшую историю тюрок» от эпохи, предшествующей IX веку, русы приходили Волжским путем с севера, с некоего острова, расположенного дальше волжских булгар и «сакалиба» (что здесь обозначает финские племена). Ибн Фадлан, который в 922 году собирал в Булгаре сведения о русах, по мнению некоторых исследователей, наблюдал на Волге русов, приходивших со скандинавской Балтики; независимо от арабского автора, о «руси» — варягах из «заморья» (то есть Балтийского моря), сообщает «Повесть временных лет». С Волжским путем на Ладожском озере или позднее на Ильмене пересекался другой водный путь. Через бассейн Ильменя, прежде всего по Ловати, можно было добраться до Западной Двины, в том числе до ее южных притоков, таких, как Каспля. Через Касплю, Касплянское озеро и систему волоков достигали Днепра в районе Смоленска (точнее, у Гнездова, западнее Смоленска) [3]. Такие же волоки между Двиной и Днепром использовали и путешественники, продвигавшиеся из Рижского залива по Западной Двине в глубь страны. В Гнездове переоснащали суда и проводили здесь некоторое время перед дальнейшим движением. Поэтому в Гнездове не позднее рубежа IX—X веков возникло обширное поселение, в котором жили представители местных, верхнеднепровских балтских племен, славяне и скандинавы. Ремесленники, торговцы, воины, крестьяне имели, видимо, свои обособленные кварталы в пределах обширного ареала расселения, раскинувшегося между речками Свинец и Ольша, впадавшими в Днепр. В Гнездове представлены также многочисленные находки западнославянского происхождения (как керамика, так и украшения); вполне возможно, что здесь осела и группа торговцев или ремесленников, прибывшая с Нижнего Одера. Точное определение этнического состава населения, однако, станет возможно только тогда, когда материалы Гнездова будут систематично опубликованы. По-видимому, существовало даже корабельное сообщение между речными системами Днепра, Вислы и Одера с помощью волоков. Так, в 1041 году киевский князь Ярослав совершил поход на ладьях из Киева по Днепру и Бугу против мазовшан на Нижнюю Вислу. Система волоков связывала между собой и Одер, Варту, Нотец, Вислу.

По Днепру достигали в конце концов Черного моря, а морем — Византии. Несомненно, на всех этих путях имелись опорные пункты, такие, как Киев, Чернигов, Гнездово, Ярославль, Ладога [4]. «Повесть временных лет» в начале XII века очень подробно описывает круговорот торговых путей на Валдайской возвышенности: «Когда же поляне шли отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до

Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и дальше на восток пройти в удел Сима (то есть Приуралье.— *Й. Х.*), а по Двине — в землю Варягов...»[5] Этот путь на юг через Восточную Европу был уже известен до IX века[6], в IX—X веках значение его резко возросло в результате как процессов внутреннего развития этих областей, так и деятельности скандинавских пришельцев, подъема северной торговли. По сравнению с путем «из варяг в греки» Волжский путь был более древним и в силу этого более важным, особенно на раннем этапе развития балтийской торговли. Но по мере освоения переходов из верховий Западной Двины в верховья Днепра, создания системы ладейных волоков Двинско-Днепровский путь не позднее рубежа IX — X веков приобретает большое значение[7].

Сравнительно слабыми оказались следы скандинавской оседлости в глубинных районах восточной части Центральной Европы, на территории Польши и ГДР. Немногочисленные находки указывают на более или менее эпизодическое использование водных путей вдоль Вислы и Одера. По ним попадали на Средний и Нижний Дунай и на Балканы, то есть непосредственно на территорию Византии. Древний «Янтарный путь», в предшествующие столетия связывавший римский Карнунтум, в устье Моравы, через Моравские ворота с устьем Вислы, в эту эпоху не играл значительной роли в сообщениях между Севером и Югом.

Область между Одером и Эльбой в IX—XI веках подвергалась многочисленным локальным вторжениям викингов, пути которых проходили по рекам Пене, Варнов, Траве, также по разветвленным внутренним водоемам, заливам и озерным системам. Подобная же ситуация складывается на южном побережье Северного моря, между устьями Эльбы и Сены.

В Западной Европе Франкская держава успешно оборонялась против викингов. Вслед за первым вторжением данов во Фрисландию с 810 года по инициативе Карла Великого началось строительство кораблей. В устьях крупных рек были сооружены опорные пункты для военных флотилий и размещена береговая охрана. В 820 году эта береговая стража отразила крупнейшую попытку вторжения норманнов во Фландрию; провалилась и их попытка прорваться в Сену. Затем викингам удалось добиться успеха: порт

Руан был разграблен. Однако норманны были отброшены франкской береговой обороной; они стали нападать на Британские острова. После свержения в 833 году Людовика Благочестивого борьба за престол во Франкской державе и всеобщий упадок империи привели к пренебрежению береговой обороной. Результат не замедлил сказаться: уже в 834—838 годах викинги подвергли Фрисландию ужасающему опустошению, которым открывается длительный, занявший более трех четвертей века период вторжения норманнов в охваченную раздорами Францию.

Крупные торговые центры побережья, такие, как Дорестад и Вальхерен, раз за разом разрушались до основания; под угрозой находился Кёльн. 14 мая 841 года норманны вновь захватили Руан, он был выжжен дотла. Земли в устье Рейна оказались во власти викингов. В 842 году они разгромили крупнейшую из гаваней — Квентовик (будущий Кале). Годом позже пал Нант, в 845 году — Гамбург. В пасхальное воскресенье 845 года был захвачен и разрушен Париж, а в 848 году пал Бордо. Нападения продолжались в последующие десятилетия одновременно с образованием постоянных владений норманнов. На уничтожение были обречены значительные производительные силы и культурные ценности, прежде всего в прибрежных районах и в устьях крупных рек. Господствующий класс центрально- и западноевропейских государств не смог организовать эффективную оборону. В землях между Сеной и Луарой, по сообщению Пруденция, крестьяне в конце концов поднялись против своего недееспособного дворянства, чтобы самим организовать сопротивление вторжениям викингов; дворян они при этом беспощадно уничтожали.

Разбойничьи набеги викингов распространялись все далее. Около 860 года флот под водительством Хастинга вторгся в Средиземное море с целью разграбить Рим. Норманны, мало знакомые с географией Италии, вместо Рима обрушились на североитальянский город Луна. Сообщение хрониста живо воспроизводит методичность действий викингов: «Когда норманны опустошили всю Францию, предложил Хастинг двинуться на Рим и этот город, как ранее всю Францию, подчинить норманнскому господству. Предложение пришлось всем по нраву, флот поднял паруса и покинул побережье Франции. После многочисленных рейдов и высадок норманны, стремившиеся достичь собственно Рима, взяли курс на город Лункс, именуемый также Луна. Правители этого города, хотя и напуганные неожиданным, повергающим в ужас нападением, быстро вооружили горожан, и Хастинг увидел, что город нельзя взять силой оружия. Тогда пустился он на хитрость, а именно: он направил посланника к бургграфу и епископу города; представ перед высокопоставленными лицами, тот сообщил следующее: «Хастинг, князь датский, и все его люди, с ним вместе судьбой изгнанные из Дании,

шлют Вам свой привет. Небезызвестно Вам, что мы, судьбой изгнанные из Дании, блуждая по бурному морю, прибыли наконец во Франкскую державу. Судьба предоставила нам эту страну, вторглись мы и во множестве битв с народом франков все земли державы подчинили нашему князю. После ее полного покорения захотели мы вновь вернуться в свою отчизну; и сперва несло нас прямо на север, но потом измотали нас противные западные и южные ветры, и так не по своей воле, а в жестокой нужде оказались мы на Вашем берегу. Мы просим, дайте нам мир, чтобы мы могли закупить продовольствие. Вождь наш болен, терзаемый страданиями, желает он от Вас принять крещение и стать христианином; и буде свершит он это в своей телесной слабости перед смертью, то молит он Ваше милосердие и благочестие о погребении в городе». На что ответили епископ и граф: «Мы заключаем с вами вечный мир и крестим вождя вашего в веру Христову. Мы дозволяем вам также, по свободному соглашению между нами и вами, покупать, что вы захотите!» Посланник, однако, произносил лживые слова, и все, что он, полный коварства, выведал, то передал он господину своему злодею Хастингу.

Итак, заключили мирный договор и началась добрая торговля и общение между христианами и бесчестными язычниками.

Меж тем епископ приготовил купель, освятил воду, велел зажечь свечи. Мошенник Хастинг туда явился, в воду погрузился и воспринял крещение на погибель своей души. Поднятый из святой купели епископом и графом, он словно тяжелобольной вновь был отнесен на корабль. Там он тотчас созвал своих негодяев и открыл там омерзительный тайный замысел, им измышленный: «В следующую ночь сообщите вы епископу и графу, что я умер, и молите со слезами, что хотели бы меня, новокрещенного, похоронить в их городе; мои мечи и украшения и все, что мне принадлежало, обещайте им подарить». Сказано — сделано. Рыдая, спешат норманны к господам города и говорят: «Наш господин, Ваш сын, ах! умер. Мы умоляем Вас, дозвольте похоронить его в Вашем монастыре и примите богатые дары, которые он перед смертью велел Вам передать». Обманутые этими лицемерными словами и ослепленные великолепием подарков, разрешили те предать тело земле в монастыре по-христиански. И посланники вернулись к себе и сообщили об успехе их хитрости. Хастинг тотчас велел, полный радости, собрать предводителей различных племен (tribus) и сказал им: «Теперь быстро сделайте мне погребальные носилки, уложите меня на них, словно мертвое тело, но при оружии, и станьте вокруг, словно носильщики кругом катафалка. Остальные должны поднять горький плач и крик на улицах, в лагере и на кораблях. Украшения, доспехи, отделанные золотом и драгоценными камнями топоры и мечи несите для всеобщего обозрения перед катафалком».

За этим приказом следовало точное его исполнение. Плач и крик норманнов разносился далеко, в то время как колокольный звон звал народ в церковь. Духовенство прибывало в праздничном облачении, старейшины градские, обреченные на мученичество, женщины, предназначенные обрести рабство. Впереди выступал хор мальчиков со свечами и крестами, а вслед за ними — носилки с нечестивым Хастингом; христиане и норманны несли его от городских ворот до монастыря, где была приготовлена могила. И вот начал служить епископ торжественную мессу, и благоговейно внимал народ пению хора.

Между тем язычники растеклись повсюду, да так, что христиане не почуяли обмана. Наконец закончилась месса, и епископ приказал опустить тело в могилу. Тут бросились внезапно норманны к носилкам, яростно взывая друг к другу, что не может он быть похоронен! Как громом пораженные, стояли христиане. И вдруг спрыгнул Хастинг с носилок, выхватил сверкающий меч из ножен, бросился на несчастного епископа, сжимавшего в руках богослужебную книгу, и поверг его, также и графа! Норманны быстро перегородили церковные ворота, и тут началось ужасающее избиение и истребление безоружных христиан. Затем бросились они по улицам, повергая каждого, кто пытался защититься. И войско от кораблей также устремилось через широко открытые ворота и вмешалось в бушующую резню. Наконец завершена была кровавая работа, полностью истреблен крещеный люд. Кто остался в живых, в цепях повлачился на корабли. Тут похвалялся Хастинг со своими и думал, что разграбил он Рим, столицу мира. Хвастался он, что теперь всем миром обладает, взяв город, который он считал Римом, властелином народов. Однако, когда он узнал, что это не Рим, пришел он в ярость и воскликнул: «Так разграбьте всю провинцию и сожгите город; тащите добычу и пленных на корабли! Люди здесь должны почувствовать, что мы побывали в их стране!» Так вся провинция была разгромлена и лютыми врагами огнем и мечом опустошена. После этого нагрузили язычники корабли добычей и пленными и вновь поворотили носы своих судов к державе франков».

В славянских землях южной Балтики, как и на франкском побережье, осуществлялись различные оборонительные мероприятия против нападений викингов и других морских разбойников; порой эти меры оказывались успешными, чаще же — недостаточными. Племенная аристократия, так же как князья возникающих государств, начинает строительство крепостей, которые служили бы защитой от нападения с моря. Такие крепости сосредоточиваются в нижнем течении Варнова, на Рюгене, в низовьях Пене — устье Одера, возле Колобжега, на курляндском побережье, в Латвии, в Рижском заливе, в Эстонии и в области восточнославянской

колонизации вокруг Пскова и Новгорода. В Скандинавии также стремились защититься от нападений викингов с помощью системы берегового оповещения, как мы узнаем из одной упландской надписи, и путем строительства укреплений. Именно в это время было возведено, видимо, крупнейшее из круговых городищ Швеции — Граборг на Эланде, а также Экеторп на Эланде, планировку которого мы представляем благодаря раскопкам М. Стенбергера. Роль таких крепостей и укреплений в борьбе против нападений викингов достаточно хорошо известна для франкских областей и, по довольно скудным письменным данным,— для Балтийского региона. Нередко местным племенам удавалось успешно обороняться от нападений и выдерживать осады.

Неоднократно, однако, укрепления бывали взяты приступом, люди захвачены, обложены данью, проданы или обращены в рабство.

«Житие святого Ансгария» сообщает об одном датском нападении в 40-е годы IX века: «Выпал им жребий отправиться в отдаленную крепость земли славян... Совершенно нежданными обрушились они там на мирных беззаботных туземцев, одержали верх силой оружия и вернулись, обогащенные награбленной добычей и многими сокровищами, на родину...»

Подобным же образом даны нападали на куршские племена. В 852 году они «собрали флот и отправились на разбой и грабежи в Курляндию. Было в этой стране пять знатных крепостей, в которых собиралось население при известии о вторжении, чтобы в мужественной обороне защитить свое добро. И на этот раз они добились победы: половина датского войска была перебита, равно как половина их кораблей уничтожена; золото, серебро и богатая добыча достались им (куршам)». Далее сообщается о новом нападении свеев под водительством конунга Олава. Себорг в Курляндии был разграблен шведами, другая крепость, в глубине страны, продолжала сопротивляться. Затем было заключено мирное соглашение, шведы с богатым выкупом и обещаниями дани удалились восвояси.

Итак, для викингов такие нападения часто завершались большими потерями. Если в походах погибали люди из знатных родов, на родине в их честь устанавливали поминальные камни с руническими надписями. Таким образом до нас дошли некоторые сообщения о местах пребывания викингов — воинов и купцов. Они умирали на Балканах, в Византии, на Руси и в других краях. Некоторые примеры позволяют составить представление об этом источнике по раннесредневековой истории Скандинавии:

«Эйрик, и Хакон, и Ингвар, и Рагнхильд, они... Он умер в Греции...» — сообщается на камне из Хусбю-Люхундра в Упланде (R 142; M 88).

«Тьяги, и Гаутдьярв, и Суннват, и Торольв, они велели установить этот камень по Токи, своему отцу. Он погиб в Греции...» (Ангарн, Упланд, R 116; M 98) [8].

«Торгерд и Свейн, они велели установить камень по Орму и Ормульву и Фрейгейру. Он умер isilu на севере, а они умерли в Греции...» (Вестра Ледингe, Упланд, R 130; M 65).

«Руна велела сделать (этот) памятник по Спьяльбуду, и по Свейну, и по Андветту, и по Рагнару, сыновьям своим и Хельги; и Сигрид по Спьяльбуду, своему супругу. Он умер в Хьмгарде (Новгороде.— *Й. Х.*) в церкви (святого) Олава. Эпир вырезал руны» (Шюста, Упланд, R 131; M 89)...

Нередко путешественники возвращались домой с богатством. «Торстейн сделал памятник по Эринмунду, своему сыну, и приобрел этот хутор и нажил богатство на востоке в Гардах» (то есть на Руси.— *Й. Х.*),— повествует, к примеру, надпись на камне из Веда в Упланде (R 136; M 63).

Некоторые скандинавы оседали на чужбине. «Хертруд воздвигла этот камень по своему сыну Смиду, доброму воину. Его брат Халльвинд, он живет в Гардах...» — сообщается на камне из Гордбю на Эланде (R 190; M 92).

В Упланде насчитывается 53 рунических камня, упоминающих о викингских походах: 11 из них сообщают о плаваниях на Запад; 42 — на Восток и Юг; в трех из них говорится о Гардах, то есть Руси; в 18 — о Византии. Готландские рунические камни демонстрируют особенно широкий географический диапазон поездок: Исландия, Дания, Финляндия, Курляндия, Новгород, южная Россия, Валахия, Византия, Иерусалим...

Купец и воин в балтийской торговле

Распространение арабских монет и монетных кладов позволяет представить широту влияния торговой деятельности арабов, хотя из распространения монет ни в коем случае не следует делать вывод о непосредственных путешествиях арабских торговцев на Балтику. Последние относительно редко сами попадали в эти земли. Немногочисленные известия указывают на пребывание еврейско-арабских купцов в Праге, Магдебурге, Мекленбурге и Хедебю. Как правило, купцы из арабских халифатов достигали лишь перевалочных пунктов в Рейнланде, реже — в Подунавье, сравнительно чаще — в Киевской Руси или Волжской Булгарии. В самом Киеве, видимо, бывали арабы или, во всяком случае, мусульмане...

Адам Бременский (ок. 1070 г.) рассказывает о поездке самландских (прусских) купцов в Бирку. Вероятнее всего, Адам передает здесь старые сведения, потому что Бирка во второй половине XI века уже потеряла свое значение. Адам сообщает о Бирке: «В это место, так как оно самое безопасное на побережье Швеции, имели обыкновение постоянно заходить корабли данов и норманнов (норвежцев), так же как и славян, самландцев и других племен северной части Балтийского моря, чтобы мирно и празднично совершить здесь свои разнообразные торговые сделки».

О маршруте вдоль южного побережья Балтики Адам рассказывает, что «от Гамбурга и Эльбы по суше можно за семь дней достичь города Юмны [Волина]. Для морского путешествия необходимо в Слиазвиге [Хедебю] или Ольденбурге сесть на корабль, чтобы добраться до Юмны. От этого города за 14 дней под парусом приходят в Новгород на Руси. Столица последней — Киев, который соперничает с царствующим градом Константинополем».

Арабы, как уже отмечалось, встречались с воинами-купцами из балтийских земель прежде всего на южных торговых путях и в перевалочных центрах. Ибн Фадлан в 922 году имел возможность наблюдать группу купцов в Булгаре при дворе булгарского царя. Он внимательно отметил некоторые бытовые привычки и обычаи этих людей: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль. И я не видел людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису [плащ], которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее. У каждого из них имеется секира, меч и нож, и он никогда не расстается с тем, о чем мы упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские.

И от края ногтей кого-либо из них до его шеи имеется собрание деревьев и изображение вещей, людей и тому подобного *. А что касается каждой женщины из их числа, то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или из меди, или золота, в соответствии с денежными средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца — коробочка (скорлупообразная фибула.— *Перев.*), у которой нож, также прикрепленный к груди. На шеях у них несколько рядов монистов из золота и серебра, так как если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и, таким образом, каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде одного мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много рядов монистов. Самое лучшее из украшений у них

* Татуировка.— *Прим. перев.*

(русов) — это зеленые бусы из той керамики, которая находится на кораблях. Они заключают торговые контракты относительно них, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают, как ожерелья, для своих жен... Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается их в одном таком доме десять или двадцать, меньше или больше, и у каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ними девушки — восторг для купцов. И вот один из них сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении один против других, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и, таким образом, застает его сочетающимся с нею, и он не оставляет ее, или же удовлетворит отчасти свою потребность... И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и несет с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид *, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой имеется лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее — маленькие изображения, а позади этих изображений стоят высокие деревяшки, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: «О мой господин, я приехал из отдаленной страны и со мною девушек — столько-то и столько-то голов, и соболей — столько-то и столько-то шкур», пока не сообщит всего, что привез с собою из своих товаров; «и я пришел к тебе с этим даром»; потом он оставляет то, что было с ним, перед этой деревяшкой: «Вот, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами и чтобы он купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу». Потом он уходит. И вот, если для него продажа его бывает затруднительна и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, а если все же оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет к каждому изображению из числа этих маленьких изображений по подарку, и просит их о ходатайстве, и говорит: «Это жены нашего господина, и дочери его, и сыновья его». И он не перестает обращаться к одному изображению за другим, прося их и моля у них о ходатайстве и униженно кланяясь перед ними. Иногда же продажа бывает для него легка, так что он продаст. Тогда он говорит: «Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и мне следует вознаградить его». И вот, он берет известное число овец или рогатого скота и убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и бросает перед этой большой деревяшкой и маленькими, которые вокруг нее, и вешает головы рогатого скота или овец на эти деревяшки, воткнутые в землю. Когда же наступает ночь, приходят собаки и съедают

---

* Хмельной напиток.— *Прим. перев.*

все это. И говорит тот, кто это сделал: «Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар».

И если кто-нибудь из них заболеет, то они забивают для него шалаш в стороне от себя и бросают его в нем, и помещают с ним некоторое количество хлеба и воды, и не приближаются к нему, и не говорят с ним... особенно если он неимущий или невольник. Если же он выздоровеет и встанет, он возвращается к ним, а если умрет, то они сжигают его. Если же он был невольником, они оставляют его в его положении, так что его съедают собаки и хищные птицы. И если они поймают вора или грабителя, то они ведут его к толстому дереву, привязывают ему на шею крепкую веревку и подвешивают его на нем навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей.

И еще прежде говорили, что они делают со своими главарями при их смерти такие дела, из которых самое меньшее — это сожжение, так что мне очень хотелось присутствовать при этом, пока наконец не дошло до меня известие о смерти одного выдающегося мужа из их числа. И вот они положили его в его могиле и покрыли ее крышей над ним на десять дней, пока не закончили кройки его одежд и их сшивания. А это бывает так, что для бедного человека из их числа делают маленький корабль, кладут мертвого в него и сжигают корабль, а для богатого поступают так: собирают его деньги и делят их на три трети — одна треть остается для его семьи, одну треть употребляют на то, чтобы для него на нее скроить одежды, и одну треть, чтобы приготовить на нее набид, который они будут пить в день, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набиду, пьют его ночью и днем, так что иногда кто-либо из них умирает, держа чашу в своей руке. И если умирает главарь, то говорит его семья его девушкам и его отрокам: «Кто из вас умрет вместе с ним?» Говорит кто-либо из них: «Я». И если он сказал это, то это уже обязательно, так что ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. И большинство из тех, кто поступает так,— это девушки...

...Когда же пришел день, в который будет сожжен он и девушка, я прибыл к реке, на которой находился его корабль,— и вот, вижу, что он уже вытащен на берег и для него поставлены четыре подпорки из дерева хаданга (белого тополя.— *Перев.*) и другого дерева, и поставлено также вокруг него нечто вроде больших помостов из дерева. Потом корабль был протащен дальше, пока не был помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходить, и говорили речью, которой я не понимаю. А мертвый был далеко в своей могиле, они еще не вынимали его. Потом они принесли скамью, и поместили ее на корабле, и покрывали ее стегаными матрацами и парчой византийской; и пришла

старуха женщина, которую называют «ангел смерти», и разостлала на скамье подстилки, о которых мы упомянули. И она руководит обшиванием его и приготовлением его, и она убивает девушек. И я увидел, что она ведьма большая и толстая, мрачная. Когда же они прибыли к его могиле, они удалили в сторону это дерево и извлекли мертвого в плаще, в котором он умер, и вот, я увидел, что он уже почернел от холода этой страны. А они еще прежде поместили с ним в его могиле набид, и некий плод, и тунбур (музыкальный инструмент, вроде домбры.— *Перев.*). Итак, вынули они все это, и вот он не завонял, и не изменилось у него ничего, кроме его цвета. Итак, они надели на него шаровары, и гетры, и сапоги, и куртку, и кафтан парчовый с пуговицами из золота, и надели ему на голову шапку из парчи и соболя. И они понесли его, пока не внесли в ту палатку, которая на корабле, и посадили его на матрац, и подперли его подушками, и принесли набид, и плод, и благовонное растение, и положили его вместе с ним. И принесли хлеба, и мяса, и луку, и бросили его перед ним; и принесли собаку, и разрезали ее на две части, и бросили в корабле. Потом принесли все его оружие и положили его к его боку. Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока обе не вспотели. Потом разрезали их обеих мечом и бросили их мясо в корабле, потом привели двух коров, и разрезали их обеих также, и бросили их обеих в нем. Потом доставили петуха и курицу, и убили их, и бросили их обоих в нем. А девушка, которая хотела быть убитой, уходя и приходя, входит в одну за другой из юрт, причем с ней соединяется хозяин юрты и говорит ей: «Скажи своему господину: «Право же, я сделала это из любви к тебе»...

...И вот, действительно, не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в мельчайший пепел. Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму, и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга, написали на ней имя этого мужа и имя царя русов и удалились» [9]...

Арабский географ Ибн Хаукаль, рассказывая о Булгаре и хазарской торговле, приводит показательное сообщение о характере связей между Скандинавией и Средней Азией: «Вывозимые из их (хазар) страны в исламские страны мед, свечи и пушные товары ими ввозятся только из местностей руси и булгар. Также обстоит дело и с вывозимыми по всему миру бобровыми мехами. Они (бобры) водятся только в этих северных реках в местностях булгар, руси и Krbanah. Те бобровые меха, что имеются в Андалусии (Испании), составляют лишь часть (находящихся) в реках земли Сакалиба. Они (меха) в вышеописанном морском заливе (Балтийском море), лежащем в земле Сакалиба, грузятся на корабли... Большая часть этих мехов, да почти все, добыты в стране

русов, некоторые из этих мехов, наивысшего качества, попадают из местности Гога и Магога (североскандинавских племен) на Русь, потому что она соседствует с этими Гогом и Магогом и ведет с ними торговлю; затем они (русы) перепродают их (меха) булгарам. Так оно было до 358 года хиджры (965 г.), потому что в тот год Русь разрушила города Булгара и Хазарана. И порою вывозились эти бобровые меха и другие пушные товары в Хорезм, потому что хорезмийцы часто приходят в страну булгар и Сакалиба, и потому что они также ведут священную войну против них, грабят и обращают в рабство. Склад для торговли Руси — всегда Хазаран. Здесь товары, привозимые ими, облагаются десятинной податью, (взимаемой хазарами)». Связи, о которых идет речь, отчасти восходят ко временам исламизации булгар, то есть к VIII или началу IX века. По этому пути, Волгой и Балтийским морем, хорезмийские купцы проникали также до страны «Йаджудж и Маджудж» (библ. Гог и Магог), то есть до Скандинавии, как следует из другого сообщения Ибн Хаукаля.

Между Булгаром и Хорезмом передвигались крупные караваны. Впервые определенное представление об этом дает Ибн Фадлан в своем сообщении 921—922 годов: «3000 лошадей и 5000 человек, помимо ослов и верблюдов, составили караван для путешествия из Хорезма по Амударье через Джурджан в Булгар. Путешествие из Джурджана в Булгар длилось с 3 марта по 12 мая 922 г.; с небольшими остановками караван преодолел расстояние протяженностью около 2000 км за два с лишним месяца». Арабские, булгарские, хазарские или русские купцы, конечно, тоже путешествовали по великим сухопутным торговым путям с Востока на Запад, из Средней Азии в Киев и Прагу, Эрфурт, Майнц и Кордову в Испании.

Так сформировалась грандиозная сеть торговых путей, по которым передвигались караваны купцов и воинов, миссионеры, искатели приключений, ремесленники. Узлами этой сети были раннегородские опорные пункты и сезонные стоянки, возникавшие либо как центры плотно заселенной и богатой округи, либо расположенные на важном участке речного, морского или сухопутного пути. В этих опорных пунктах имелись рынки, складские помещения, ночлежные дома, услуги, развлечения...

Люди, сходившиеся в таких приморских торговых местах, были различного этнического происхождения; национальности, упоминающиеся в письменных источниках, были уже названы выше. В зависимости от значения торговых сообщений между различными центрами и областями путешественники прилагали большие или меньшие усилия для устройства постоянных поселений в чужой стране. Авторитетным свидетелем оказывается Адам Бременский, который пишет, правда, об отношениях в одном из наиболее

развитых из этих центров, Юмне-Волине в устье Одера-Дзивны: «Это действительно величайший из всех городов, которыми располагает Европа; в нем живут славяне и другие племена, эллины и варвары. Также и пришельцы из саксов получили здесь равное право поселения [...], если только они во время своего пребывания могут не проявлять публично своего христианства [...]. Так как город наполнен товарами всех народов Севера, нельзя не найти здесь чего бы то ни было желательного или нужного...»

В источниках разного времени имеются указания на полиэтническое постоянное население ранних городов и приморских торговых мест. Доминирующим, однако, был распространенный в округе этнос: Волин был и оставался поморянско-славянским, Бирка — шведской, Трусо — прусским, Ладога — финско-славянской, Новгород — славянским, Хедебю — датским приморским торговым центром. Новгород был племенной столицей словен, или ильменских славян, племенного союза, состоявшего не менее чем из пяти небольших общностей (не случайно, видимо, Новгород со времени своего становления делился на пять городских концов). Верхушка племенного союза была главным организатором борьбы с варягами, о которой рассказывает «Повесть временных лет».

Рабы

Рабы из стран на Балтийском море были одной из важнейших, если не самой значительной, статьей экспорта. В балтийской экономической системе работорговля процветала с VIII по XI век. Основными покупателями рабов, несомненно, были арабские халифаты Испании, Северной Африки, Передней и Средней Азии. Но и в средневековой Византии также имелись крупные рынки рабов. Киевские князья периодически заключали с византийскими императорами договоры о работорговле. Первые сообщения о рабах из балтийских земель при дворе арабских халифов в Кордове, преимущественно славянах, балтах и финнах — «сакалиба» (этим собирательным именем северные народы обозначались в арабских источниках), относятся ко времени Омайяда ал-Хакима I (796—822 гг.); «сакалиба» выступают как члены военных элитарных частей придворной гвардии. Евнухи-«сакалиба» наполняли дворы эмиров, а женщины-«сакалиба» служили украшением гаремов арабских владык. Военные рабы-«сакалиба» достигали правительственных постов в Каире или высоких командных должностей. Количество рабов из балтийских земель, продававшихся в арабские страны и Византию, исчислялось

десятками тысяч [10]. Каналами поступления в Аравию служили как балтийская и североморская торговля, так и сухопутные пути Средней и Восточной Европы. Хедебю и Бирка были сборными пунктами и крупными рынками работорговли.

Римберт, преемник Ансгария на посту архиепископа гамбургско-бременского, рассказывает около 870 года:

«Когда прибыл он сперва в землю данов, увидел он в одном месте, где для ранее возникшей христианской общины построил он церковь,— место то зовется Слиазвих — множество пленных христиан, влачившихся в оковах. Среди них находилась некая монахиня, которая, заметив его издали, преклонив колени, многократно склоняла перед ним свою голову, чтобы тем выразить свое благоговение перед ним и умолить его явить сострадание к ее жребию. И начала она, чтобы он мог увидеть, что она христианка, громким голосом распевать псалмы. Епископ, охваченный жалостью, с плачем взмолился к господу о помощи для нее. И вследствие его молитвы распались тотчас оковы на ее шее, которыми она была скована. Но так как она не бежала тут же, схватили ее с легкостью сторожившие их язычники. Тогда святой епископ, движимый страхом и любовью к ней, стал предлагать стерегшим ее язычникам различные вещи как выкуп за нее; но они не хотели согласиться ни на что, если только он не уступит им своего коня, на котором он ехал верхом. Этому он не противился, но спрыгнул тотчас с седла и отдал коня со всей сбруей за пленницу, подарив последней сразу же, после того как выкупил ее, свободу, и разрешил идти ей, куда она хотела».

Рабы-христиане, добытые во время нападений викингов на Западную Европу, наряду с рабами-«сакалиба» продавались или использовались в домашнем хозяйстве жителей раннегородских торговых центров. В Бирке уже около 830 года, как сообщает Римберт, жили довольно многочисленные рабы-христиане.

Захват рабов и работорговля были характерной чертой и относились к числу важнейших целей военных походов и набегов викингов. Несмотря на запреты церковных соборов, этим занимались и христиане. Обратимся снова к сообщению Римберта о наблюдениях Ансгария: «Некоторые бедные, захваченные в христианских странах и угнанные в варварские земли пленные были весьма измучены; в надежде на избавление бежали они к христианам Северной Эльбы, ближе других живущим к язычникам; но те схватили и вновь ввергли в оковы пришельцев без всякого сострадания. Некоторых они вновь продали язычникам, других оставили служить у себя или продали также христианам». И сами христианские епископы поступали так же.

Ансгарий покупал скандинавских и славянских мальчиков, чтобы воспитать из них помощников миссии. Точно так же как

армии античных рабовладельческих государств везли в своих обозах работорговцев, так и к раннесредневековым войскам присоединялись скупщики «живого товара». Когда шведы в середине IX века напали на Курляндию, с ними были работорговцы. Возле куршской крепости Апуоле, которую шведы не смогли разграбить, между осаждающими и осажденными состоялись переговоры, которые проливают свет на вопросы работорговли. Осажденные курши предложили осаждающим шведам: «Далее, мы даем за каждого человека в крепости полфунта серебра... Однако юные свеи продолжали битву и кричали, что они хотят силой оружия захватить крепость и все добро куршей, их же самих обратить в рабство...» Когда ободриты в XII веке были завоеваны Генрихом Львом и «подчинены, толпами бежали они к поморянам и данам... которые их безжалостно продавали полякам, сорбам и чехам». На рынке в Мекленбурге в 1168 году после победоносного похода ободритов были выставлены на продажу 700 датчан. На протяжении полутысячелетия из Центральной, Восточной и Северной Европы поступают известия об охоте на рабов, захвате рабов и работорговле. Образовались крупные рынки. Марсель в VI—VIII веках был важнейшим перевалочным пунктом по продаже рабов из Англии в страны Средиземноморья, Верден — крупным рынком рабов для продажи пленников из Северо-Восточной и Восточной Европы. Магдебург, как показал в специальном исследовании Ф. Реринг, был центром работорговли непосредственно на славянской границе, так же как Хедебю на севере или Мекленбург (Рерик) в земле ободритов. Работорговля процветала и в Праге около 965 года: «К нему [городу Праге] прибывают из... Кракова русы и славяне с товарами, а к ним прибывают из тюркских земель магометане, евреи и тюрки, также с товарами и ходовой монетой и вывозят от них рабов, олово и разнообразные меха» [11].

Ибрагим ибн Якуб, видимо, был одним из таких работорговцев. Он объехал весьма удаленные от его испанской родины рынки в Праге, Магдебурге, Мекленбурге и Хедебю. В Булгаре располагался большой сборный пункт рабов для торговли по Волжскому пути. В Византии своих рабов продавала «русь». Соглашение между киевским князем Олегом и византийским императором Львом VI в 911 году предусматривало выплату возмещения русам, если их рабы сбегут или будут украдены на византийской территории. Упоминаются походы варягов по Волжскому пути, они везли на юг порабощенных девушек, но при случае могли продать их и по дороге [12]. Особенно впечатляюще рассказывает о ходе такой работорговли в X веке исландская «Сага о людях из Лаксдаля». Дело происходит на съезде конунгов в устье реки Гётаэльв в Западной Швеции. Один из «могучих бондов», владевший усадьбами в Исландии и Норвегии, является на острова Бреннейяр, куда каждые три

года собирались конунги соседних земель, чтобы «провозгласить мир... как это требовалось по закону каждое третье лето». В саге отмечается, что «здесь собирались также и на торг».

«Однажды, когда Хаскульд вышел развлечься с некоторыми людьми, он увидел великолепный шатер в стороне от других палаток. Хаскульд вошел в шатер и увидел, что перед ним сидит человек в одеянии из великолепной ткани и с русской шапкой на голове. Хаскульд спросил, как его зовут. Тот назвал себя Гилли.

— Однако,— сказал он,— многим больше говорит мое прозвище: меня зовут Гилли Русский *.

Хаскульд сказал, что часто о нем слышал. Его называли самым богатым из торговых людей.

Тут Хаскульд сказал:

— Ты, видно, сможешь продать нам вещи, которые мы бы охотно купили.

Гилли спросил, что бы он и его спутники желали купить. Хаскульд сказал, что он хотел бы купить рабыню.

— Если у тебя есть рабыня на продажу.

Гилли ответил:

— Вы думаете поставить меня в затруднительное положение, спрашивая вещи, которой, как вы полагаете, у меня нет в продаже. Однако дело обстоит не так, как вам кажется.

Хаскульд заметил, что шатер был разделен надвое пологом. Тут Гилли приподнял этот полог, и Хаскульд увидел, что там сидело двенадцать женщин. Тогда Гилли сказал, что Хаскульд может пройти туда и присмотреться, не купит ли он какую-нибудь из этих женщин. Хаскульд так и сделал. Все они сидели поперек шатра. Хаскульд стал пристально рассматривать этих женщин. Он увидел, что одна из женщин сидела недалеко от стены, она была бедно одета. Хаскульд обратил внимание на то, что она красива, насколько это можно было разглядеть. Тут Хаскульд сказал:

— Сколько будет стоить эта женщина, если я ее куплю?

Гилли отвечал:

— Ты должен заплатить за нее три марки серебра.

— Мне кажется,— сказал Хаскульд,— что ты ценишь эту рабыню довольно дорого, ведь это цена трех рабынь.

Гилли отвечал:

— В этом ты прав, что я прошу за нее дороже, чем за других. Выбери себе любую из одиннадцати остальных и заплати за нее одну марку серебра, а эта пусть останется моей собственностью.

Хаскульд сказал:

— Сначала я должен узнать, сколько серебра в кошельке, который у меня на поясе.

---

* *Дословно: «из Гардов».— Прим. перев.*

Он попросил Гилли принести весы и взялся за свой кошелек. Тогда Гилли сказал:

— Эта сделка должна совершиться без обмана с моей стороны. У женщины есть большой недостаток. Я хочу, Хаскульд, чтобы ты знал о нем, прежде чем мы покончим торг.

Хаскульд спросил, что это за недостаток. Гилли отвечал:

— Эта женщина немая. Многими способами пытался я заговорить с ней, но не услышал от нее ни одного слова. И теперь я убежден, что эта женщина не может говорить.

Тут Хаскульд сказал:

— Принеси весы для денег, и посмотрим, сколько весит мой кошелек.

Гилли сделал так. Они взвесили серебро, и оно было три марки весом. Тут Хаскульд сказал:

— Дело обстоит так, что наша сделка должна совершиться. Возьми серебро, а я возьму эту женщину. Я признаю, что ты в этой сделке вел себя, как следует мужу, потому что, очевидно, ты не хотел меня обмануть.

После этого Хаскульд вернулся в свою палатку. В тот же вечер Хаскульд разделил с ней ложе»[13].

Итак, в период с VIII по XI век области Центральной, Восточной и Северной Европы, так же как подвергавшиеся набегам викингов земли западноевропейских государств, были важным источником рабов. Зарождение феодального общества и государства, связанное с тяжелыми общественными и военными конфликтами, было основной причиной того, что эта жестокая форма отчуждения производителей, превращения их в товар, могла принять столь значительные масштабы. С образованием феодального общества и феодальных государств период захвата рабов и работорговли заканчивается. Отныне непосредственные производители не отчуждаются от своей земли, но используются в сельском хозяйстве феодальных вотчин или облагаются повинностями как феодально-зависимое крестьянство. Однако именно работорговля, экспорт людей в IX—XI веках во многом обеспечили материальную основу для расцвета культуры и искусства народов стран Балтики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 (83) ПВЛ, ч. 1, с. 18 и сл. *

2 (86) *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970, с. 220—252; *Добровольский И. Г., Дубов И. В.* Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево

* Цифры в скобках — порядковый номер примечания в оригинале.

под Ярославлем.— Вестник ЛГУ, 1975, № 2, с. 65—70; *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1973.

3 (89) *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 11—17; *Авдусин Д. А.* Гнездово и Днепровский путь.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 159—166.

4 (92) Подробнее см.: *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966, с. 78.

5 (93) Повесть..., с. 3.

6 (94) О пути Днепр — Двина в IV в. н. э., пути пушной торговли из устья Дона в Прикамье, и пр. см.: Haussig H.-W. Byzantinische Geschichte. Stuttgart, 1969, S. 45.

7 (95) *Гуревич А. Я.* Походы викингов, с. 80—92.

8 (102) Ruprecht A. Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften. Göttingen, 1958, S. 55; см. также: *Свердлов М. Б.* Известия рунических надписей о скандинавах на Руси и Византии.— Археографический ежегодник, 1972. М., 1974, с. 102—109.

9 (153) Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии А. П. Ковалевского. М.— Л., 1939, с. 78—83.

10 (244) Б. Брентьес не исключает, что «сакалиба» в арабских источниках обозначает рабов не только славянского, но также и финно-угорского, и германского происхождения (см.: *Brentjes.* Die slawische Militärsklaven (Sakaliba) in Spanien als Forschungsaufgabe.— In: Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archeologie. Berlin, 1973. Bd. 2, S. 262—274).

11 (253) Ибрагим ибн Якуб, см.: *Jacob G.* Arabische Berichte von Gesandten an germanische Fürstenhofe aus dem 9. und 10. Jh. Berlin/Leipzig, 1927, S. 12.

12 (255) Путешествие Ибн Фадлана, с. 78—79.

13 (256) Сага о людях из Лаксдаля.— В кн.: Исландские саги. М., 1956, с. 268—270.

Г. Г. ЛИТАВРИН

Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) *

Принятие христианства. Политический и культурный подъем

Принятие христианства в качестве официальной религии совершалось у европейских народов на той стадии общественного развития, на которой эксплуатация подавляющего большинства производительного населения со стороны социально и политически господствующего меньшинства приобрела регулярный характер. Активный процесс христианизации происходил, как правило, в условиях усиления центральной власти, при ее прямом участии. Болгария не являлась исключением из этого правила.

Некоторое суждение о социально-экономической структуре и политической организации Болгарии во второй половине IX века можно составить по ранним памятникам славянской письменности (конец IX — начало X в.), фиксирующим явления, возникшие в славянском обществе в результате предшествующего развития. Среди этих памятников назовем прежде всего «Закон судный людем». Важны также сведения, содержавшиеся в «Ответах папы Николая I на вопросы болгар» (866 г.).

«Закон» свидетельствует о значительной имущественной дифференциации — о нищих, бедняках, простых людях, наемных работниках, богатых [1]; много внимания уделено рабам как объекту купли и продажи, обстоятельствам обращения в рабство свободных за преступления против религии, собственности, нравственности, упомянуто о передаче свободных в рабство потерпевшему (за ущерб) или церкви (за отречение от христианства), об отпуске на волю за выкуп или отработку «своей цены» (ЗСЛ, с. 403); в «Законе» сказано о защите частной собственности на землю, угодья, урожай, посевы, виноградники, дома, огороды, скот и т. п., о наказаниях лиц, умышленно причинивших ущерб собственности другого (ЗСЛ, с. 396); особо важно указание на наличие целых сел в собственности одного лица («господина») (если жители села и его господин совер-

* Отрывки из главы «Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.)» члена-корреспондента АН СССР Г. Г. Литаврина печатаются по: Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М., 1985.

шают языческие обряды, то поселяне со всем имуществом становятся собственностью церкви, господин же продается в рабство, а цена за него идет нищим) (ЗСЛ, с. 163). Существенны данные «Закона» о развитии товарно-денежных отношений, об обращении византийской монеты, которой уплачивались и судебные штрафы (ЗСЛ, с. 204, 453). Данные об имущественной дифференциации: о рабах, богатых, бедных, знатных — имеются и в «Ответах папы Николая I» (ЛИБИ, т. 2, с. 68, 76, 79, 81 и др.).

«Закон» предусматривал функционирование контролируемого из центра и основанного на писаном законе судопроизводства; помимо судей в нем участвовали свидетели с обеих сторон; определенными правами пользовалась церковь, князь являлся высшей апелляционной инстанцией; особые права в военное время имел жупан-воевода; во главе провинции стояли ответственные за соблюдение законности «владыки земли той» (то есть княжеские наместники). О суровых воинских законах, действовавших в канун принятия христианства, свидетельствуют «Ответы папы Николая I»: воин, явившийся на сбор с плохим оружием и негодным конем, подвергался казни, как и страж границы, не задержавший бежавшего из страны раба или свободного (с. 84, 91) [2].

О степени развития крупного землевладения источники судить не позволяют, хотя, несомненно, феодальные поместья в этот период складывались. Основной формой эксплуатации оставались государственные налоги и повинности. Константин Преславский призывал болгарскую паству и божественную службу совершать, «и властельскую работу исполнить» (Хр., 1, с. 139), то есть установленные налоги и отработки в пользу центральной власти, ответственными за которые, по-видимому, со времен Омуртага были представители государственного аппарата уже на всей территории Болгарии, включая Славинии.

Об уплате одной частью славян Македонии «дани» властям Фессалоники, а другой частью — «скифам», живущим поблизости, то есть представителям болгарской власти, пишет Иоанн Камениата. Хотя внутри Болгарии еще преобладал натуральный обмен (Хр., 1, с. 149 — Масуди) (своей монеты государство не имело, и налоги взимались в натуре), внешнеторговые связи имели, видимо, чрезвычайно большое значение для казначейства и господствующего класса в целом. Фиксирующая традиционные порядки на константинопольском рынке «Книга эпарха» упоминает «болгар», торгующих льном и медом, причем они иногда предпочитали сразу же обменять свой товар на желательный для них (Кн. Эп., с. 82—83, 198—199). Торговали болгары также рабами-пленниками. Заинтересованность в льготной торговле с Константинополем была так велика, что, когда в середине 90-х годов IX века вместо византийской столицы болгарам было предложено торговать в Фессалонике (и, видимо,

платить пошлины), Симеон счел этот акт достаточным поводом для начала войны (ГИБИ, т. 5, с. 121—122). Вела Болгария торговлю также и с другими странами, в частности с Древней Русью [3].

Итак, в Болгарии к середине IX века сложилась общественная система, обеспечивающая экономическое, социальное и политическое господство узкого слоя сливающейся воедино славяно-протоболгарской знати. Ощущалась острая потребность в освящении существующего строя божественным авторитетом, когда неповиновение властям воспринималось бы не только как нарушение закона, но и как поступок, противоречащий нравственным нормам жизни общества. Принятие христианства сулило утверждение единства идеологии, учреждение организованной (через церковь) системы контроля над умами подданных, усиление власти князя — «помазанника божия» и, безусловно, повышение авторитета Болгарии среди христианских стран Европы.

Христианизации предшествовало, несомненно, укрепление единства в высшем слое славянской и протоболгарской аристократии, смягчение этнокультурных и политических противоречий. В провинциях Борис (852—889) должен был рассчитывать на своих наместников, уже в это время, по-видимому, именовавшихся «комитетами». Они соединяли в своих руках военные и гражданские полномочия. Провинции назывались «комитетами» [4]. Их границы, сознательно перекроенные, уже не совпадали со Славиниями и территориями, занятыми когда-то протоболгарскими вежами: судя по тому, что против Бориса после крещения поднялись 10 комитетов, их общее число было по крайней мере вдвое больше (Борис быстро справился с мятежниками) (ГИБИ, т. 2, с. 287).

Решение о принятии христианства было принято Борисом в осложнившейся международной обстановке: Византия не могла смириться с потерей земель, захваченных у нее Пресианом, Восточно-Франкское (Германское) королевство усиливало давление на Среднее Подунавье; сталкивались также интересы Болгарии и Великой Моравии. В войнах с Византией в 855—856 годах Болгария потерпела поражение. Участие Бориса в союзе с Людовиком Немецким в действиях против Великой Моравии привело к вторжению войск союзной Ростиславу Моравскому Византии в 863 году в Болгарию, страдавшую от неурожая и землетрясений. Князь был вынужден заключить мир, отказаться от союза с Людовиком Немецким, обещая принять крещение от империи, смириться с потерей земель близ Эгейского побережья и, сохранив Загору, вернуть империи города Анхиал, Месемврию и Девельт.

Крещение началось в 864 году [5] прибывшими для организации церкви в Болгарию византийскими священнослужителями. Борис и его окружение сознавали опасность со стороны оппозиционных сил. Акт крещения князя и приближенных к нему сановников был

совершен втайне от подданных. Князь принял имя Михаил, в честь императора Михаила III, «духовным сыном» которого по византийским церемониально-дипломатическим нормам он должен был отныне признаваться. Обстановка неуверенности в широких массах усугублялась тем, что в страну хлынули проповедники самого разного толка (не только православные ромеи-ревнители, но и монофизиты-армяне, еретики, мусульмане-арабы). В 865 году, в ходе крещения населения, вспыхнул мятеж знати (видимо, прежде всего — протоболгарской), которая, играя на антивизантийских настроениях в народе, стремилась свергнуть Бориса. Мятеж был подавлен, 52 семьи боляр-мятежников были уничтожены. Власти силой утверждали христианство, упорствующих лишали имущества и свободы.

Позиция болгарского двора, однако, резко изменилась, едва встал вопрос о статусе болгарской церкви: задача состояла в том, чтобы добиться возможно большей независимости от византийского патриарха, так как официальная доктрина империи не отделяла церковную зависимость от политической. В письме к Борису патриарх Фотий и трактовал вопрос в этом духе (ГИБИ, т. 4, с. 104—105). Используя противоречия между Византией и папством, в 866—870 годах, князь добивался предоставления болгарской церкви статуса либо патриархии, либо автокефальной (решающей внутренние вопросы самостоятельно) архиепископии. Папство не пошло на эту уступку. На Восьмом вселенском соборе в Константинополе в 870 году была санкционирована принадлежность болгарской церкви к восточнохристианскому миру; право поставления архиепископа Болгарии получал константинопольский патриарх, а избирался кандидат в архиепископы собором епископов Болгарии; Вселенский собор 879—880 годов утвердил и автокефальность (автономию) болгарского архиепископа: болгарский диоцез был исключен из списков епархий Константинопольской патриархии (ИБ, 2, с. 230).

Организация церкви была осуществлена, при незначительных отступлениях, по византийскому образцу. Как и в империи, церковь оказалась в подчинении у высшей светской власти. Потребности организации культа обусловили повсеместное строительство храмов и монастырей и их материальное обеспечение со стороны центральной власти и состоятельных неофитов. Помимо многочисленных епископий, как и в Византии, небольших по размерам, было учреждено семь подчиненных архиепископу митрополий. Резиденция архиепископа располагалась вместе с главным (соборным) храмом в столице, сначала в Плиске, а с 893 года — в Преславе [6]. Церковные посты были заняты византийскими священнослужителями. Литургия совершалась на греческом языке. Желая видеть на церковных постах своих соотечественников-подданных, Борис отправил

на учебу в Константинополь большую группу знатных болгар, в том числе своего сына Симеона, готовившегося к принятию монашеского сана.

Следующим шагом в утверждении самостоятельности болгарской церкви, а вместе с тем и собственных путей культурного развития был переход в церковнослужении с греческого языка на славянский. В 886 году преследуемые немецким духовенством и сменившими ориентацию властями Великой Моравии ученики первых просветителей славянства — Константина (Кирилла) и Мефодия — нашли прием при дворе Бориса. Благодаря их энергичной учительской деятельности были подготовлены многочисленные кадры обученного славянской письменности духовенства. В 893 году наиболее видный из учеников солунских братьев, Климент Охридский, стал первым епископом-славянином в области Драгувития; с его именем связывают создание славянского алфавита — кириллицы. Началась замена византийского клира болгарским — процесс, который должен был занять, конечно, несколько лет [7].

Христианство содействовало ликвидации этнокультурных отличий между славянами и остатками протоболгар, обеспечению единства идейно-политических представлений, нравственно-этических и бытовых норм. Введение литургии на родном языке, распространение славянской письменности и возникновение славяноязычной литературы способствовали ускорению темпов культурного развития и оформлению самосознания болгарской народности [8].

Организованная по иерархическому принципу и централизованная церковь стала интегральной частью монархической системы, выполняя важнейшую идеологическую и социальную функцию — укрепление власти государя и существующего строя в целом. Даже остро обличавший беззакония властей и корыстолюбие иерархов Козма Пресвитер гневно внушал пастве, что «цари и боляре богом суть учинены» [9].

В связи с принятием христианства Болгарией вызывают интерес еще два обстоятельства: во-первых, кажущаяся легкость, с которой империя согласилась учредить в Болгарии автокефальную архиепископию, и, во-вторых, введение в новообращенной стране литургии на греческом языке в то время, когда уже были созданы славянские церковнослужебные книги, к чему византийский двор был непосредственно причастен. Борьба с папством за церковно-политическое влияние в Болгарии была весьма острой. Империя была в этот период достаточно сильна. Однако теперь, в отличие от 863 года, она отказалась от военного давления на Болгарию. Видимо, решающее значение имели два фактора: крупной победой считалось уже то, что Болгария оказалась в лоне восточнохристианской церкви; кроме того, военное вторжение в условиях незавершенного крещения и языческой оппозиции грозило отречением от христианства

нетвердых в вере неофитов и подъемом антивизантийского движения в Болгарском государстве под лозунгом восстановления язычества.

Что касается греческой литургии, то здесь курс имперских политиков резко отличался от их позиции в отношении к отдаленной Великой Моравии. Болгария была соседкой империи, о возвращении власти над этой территорией в Константинополе не переставали помышлять; греческая литургия предполагала назначение в Болгарию византийских иерархов и поэтому обещала облегчить контроль Византии над болгарской церковью. Исторический опыт христианизации Великой Моравии и Болгарии был учтен на Руси, где славянская литургия была введена практически одновременно с христианизацией.

Несмотря на то что в рассматриваемый период завершался процесс оформления болгарской народности, господствовавшая при болгарском дворе, как и в других раннефеодальных государствах, политическая доктрина не содержала идеи ограничения границ государства пределами расселения своей народности. Принятие христианства, хотя и повлияло на характер межгосударственных отношений Болгарии, в указанной связи не повлекло заметных перемен сравнительно с эпохой язычества. Курс на расширение пределов Болгарии за счет земель соседних стран и народов ярко выразился во внешней политике Симеона.

В 893 году состоялось последнее известное «народное собрание». Ушедший в монастырь (в 889 г.) Борис-Михаил временно вернулся в царский дворец, сверг своего сына Владимира, когда тот попытался восстановить язычество в 893 году, повелел ослепить его и бросить в тюрьму. «Созвав все свое царство», Борис объявил о воцарении Симеона (893—927 гг.), о нерушимости христианского вероисповедания, законности наследования престола «от брата к брату» и перенесении столицы из Плиски, связанной с традициями язычества, в Преслав (ИБ, 2, с. 238). Это был последний известный в истории Болгарии конвент. Вскоре после смерти Борис (907 г.) был канонизирован — его имя открыло список святых болгарской церкви.

О внутриполитических переменах в правление Бориса и Симеона известно мало: источники говорят в основном о внешнеполитической и церковно-культурной деятельности этих царей, особенно Симеона. При нем значительно упрочилась княжеская власть. Совершенствовались органы центрального управления; появлялись новые должности. Уже с конца 860-х годов известен сан «сампсиса» (этимология неизвестна), выполнявшего дипломатическую миссию в Византию, а вместе с ним в посольстве участвовали «славнейшие судьи» (gloriossimi judices) (их титулы искажены в источнике и поэтому не совсем уяснены) (ЛИБИ, т. 2, с. 208) [10]. Возможно,

крупные военачальники помимо дипломатических выполняли также функции центральных судей. Высоким сановником был и «великий жупан» — серебряная чаша с надписью некоего Сивина, носившего этот чин, найдена при раскопках в Преславе.

Делопроизводство в центральных канцеляриях в силу почти 200-летней традиции велось до 90-х годов IX века на греческом языке. Если до принятия христианства византийское влияние в административно-государственном строе ограничивалось принятием ряда имперских титулов и формальным усвоением атрибутов власти, то после крещения воздействие Византии значительно возросло [11]. Распространялись нормы византийского права. Получил официальное признание византийский сборник церковно-канонического права «Намоканон» («Кормчая книга»). Особенно заметным византийское влияние было в культурно-идеологической сфере: культура Болгарии после крещения развивалась в целом в ареале восточнохристианской цивилизации.

Симеон получил образование в Византии, где пробыл с конца 70-х годов до середины 80-х годов IX века, приобретая знания в знаменитой Магнаврской школе. Он достиг таких успехов в учебе, что его называли «полугреком» (semigrecus) (ЛИБИ, т. 2, с. 323). Характеристика эта касалась не только византийской образованности болгарского князя, но и самой его оригинальной идейно-политической позиции в отношении империи.

В 894 году в ответ на запрет льготной торговли болгарским купцам в Константинополе (вести торг отныне они могли в Фессалонике, вероятнее всего уплачивая пошлины) Симеон начал первую войну с Византией, составившую начало первого этапа борьбы царя за гегемонию на Балканах [12]. В 897 году он разбил византийцев под Булгарофигом во Фракии. Расширял он границы государства и в юго-западном направлении. В 904 году он пытался занять разграбленную арабами Фессалонику [13]. Убедившись в высокой боеспособности своих войск и в поддержке высшей знати и пользуясь нестабильностью власти в Константинополе, Симеон начал в 913 году вторую войну с империей, которую вел до самой смерти.

В начале своего правления князь удовлетворялся титулом, которым пользовались еще Пресиан и Борис («от бога архонт»). От тюркского титула «хан юбиги» отказался уже Пресиан [14]. Симеон, усвоивший византийскую политическую доктрину, согласно которой император являлся высшим сюзереном всей христианской ойкумены, и прекрасно осведомленный о том, что эту власть — в соответствии и с церковными канонами, и со светскими законами — неоднократно захватывали военачальники провинций (Египет, Крым, Армения), имевшие разное этническое происхождение (фракиец Юстин I, сириец Лев III, армянин Лев V), не видел препятствий к овладению троном и созданию греко-болгарской империи

под сенью своего скипетра. Болгария к тому же составляла некогда часть империи, которая с самого основания была полиэтничной и в которой подданство и вера обусловливали гражданское равенство любой этнической группы. «Ойкуменизм» императорской доктрины обернулся против самой империи, речь шла, таким образом, лишь о воссоединении империи, с одним принципиальным новшеством — воцарением болгарской династии [15]. Прекрасно владевший греческим языком, по-византийски образованный, Симеон чувствовал себя вполне готовым к управлению империей.

По соглашению 913 года за Симеоном было признано право на титул «василевса» (императора, разумелось — только Болгарии) и давалось согласие на династический брак малолетнего Константина VII с дочерью Симеона (такие браки тогда — в форме обручения, имевшего, однако, юридическую силу брачного союза,— заключались и между детьми в возрасте пяти — восьми лет). Договор открывал путь к «мирному» утверждению власти Симеона в Константинополе: как тесть малолетнего императора болгарский царь надеялся получить титул «василеопатора», то есть «отца императора», стать регентом его и соправителем.

Но план царя рухнул с возвращением к власти императрицы Зои, матери Константина VII. Зоя отвергла договор с Симеоном. Симеон возобновил войну. В августе 917 года он нанес сокрушительное поражение византийской армии под Ахелоем, затем подчинил Сербию. В 918 году его войска вторглись в Элладу.

Между тем в Константинополе произошли события, нанесшие еще более тяжкий удар по замыслам Симеона,— такой же, как и разработанный им, план осуществил начальник военного флота Роман Лакапин: в 919 году он взял власть в столице, обручил свою дочь с Константином VII, стал василеопатором, а в 920 году был коронован как соимператор (920—944 гг.). Симеон в ответ принял титул «василевса ромеев», вызвав взрыв негодования в Константинополе. Его войска контролировали Фракию. Роман I тщетно предлагал мир. В 924 году в ответ на неповиновение своего ставленника в Сербии Симеон присоединил ее территорию к Болгарии. Хорватия вступила в союз с Византией против Симеона. Первым сигналом неблагополучия было бегство масс населения из Болгарии, уставшего от бесконечных войн (ГИБИ, т. 4, с. 299). В 927 году войско Симеона потерпело поражение в Хорватии, и царь скоропостижно скончался в мае этого года.

Симеон существенно расширил границы государства на юге, юго-западе и западе. Авторитет Болгарии на международной арене был выше, чем когда бы то ни было. Однако усилия царя претворить в жизнь свои честолюбивые планы стоили народу Болгарии слишком много материальных средств и человеческих жертв [16].

Яркую страницу в истории правления Симеона составляет его деятельность, направленная на развитие культуры. В историографии утвердилось обозначение этого периода как «золотого века» средневековой культуры страны. Эта деятельность, неотделимая от честолюбивых помыслов царя, сыграла объективно благоприятную роль для дальнейшего развития болгарской средневековой культуры. Со всем великолепием, возможным в ту эпоху, был украшен Преслав. Поясом мощных каменных укреплений был опоясан не только внутренний, как в Плиске, но и внешний город. Ничто, кроме первоначальной планировки, уже не напоминало «аула». Преслав был в пять раз меньше Плиски по площади: здесь уже не было места для юрт кочевников — это была столица европейского государства, не уступавшая по архитектурному облику и благоустройству многим крупным городам Византии. Величию власти Симеона соответствовали выстроенная им Тронная палата и знаменитый памятник монументальной архитектуры — дворцовая Круглая (Золотая) церковь, ротонда, украшенная мраморными колоннадами в два этажа, многоцветными мозаиками и керамическими плитками. Превращая столицу в средоточие «христианского благочестия» и центр официальной культуры, Симеон основал также несколько монастырей, из которых как архитектурный ансамбль и культурный центр выделялся монастырь в пригороде Преслава — Патлейне.

Однако наиболее тесно имя Симеона связано с расцветом староболгарской литературы: уже через 10—15 лет после введения богослужения на славянском языке и славянской письменности в качестве официального языка церкви и государственного делопроизводства были не только переведены с греческого важнейшие памятники канонической и вероучительной литературы, но и созданы оригинальные литературные произведения, и прозаические и поэтические. Возможным это оказалось потому, что талантливая плеяда первых болгарских книжников опиралась на достижения кирилло-мефодиевского кружка и пользовалась щедрой поддержкой главы государства (ИБ, 2, с. 278—323).

Всемерное содействие Симеона развитию отечественной литературы было частью его общего политического курса, направленного внутри страны на утверждение христианства как безраздельно господствующего мировоззрения, на ликвидацию остатков этнокультурного дуализма, упрочение сложившегося общественного строя и усиление авторитета царской власти, а вовне — на повышение престижа Болгарии, расширение ее границ, затем и на создание славяно-греческой империи. Эпохой Симеона датируется завершение процесса оформления новой этнокультурной общности — болгарской феодальной народности, славянской по своему облику [17]. Идейно-политическая доктрина болгарского христианского царства не отвергла политической преемственности со

славяно-протоболгарской державой ханов-язычников. Государство не только сохранило свое наименование — окончательно утвердился и древний тюркский этноним «болгары» в его новом значении, отражавшем безраздельно господствующее самоназвание населения страны, его представление и о своей этнической общности, и о государственной принадлежности. Именно при Симеоне «Именник болгарских ханов» был переведен с греческого на староболгарский как официальный памятник государственной истории, хотя реликты протоболгарского быта уже утратили серьезное значение в жизни общества [18].

Внутренний кризис и политический упадок во второй половине X века

...В 963 году умер император Роман II; к власти в Константинополе (под опекой матери) пришли его сыновья Василий (II) и Константин (VIII). В подобных случаях международные договоры требовали подтверждения, и действие договора 927 года было, видимо, продлено. В Константинополе оказались в качестве заложников сыновья Петра * — Борис и Роман. Следовательно, Петр продолжал уступать: имперский двор овладел наследниками болгарского царя как гарантами мира и выгодного для империи курса Болгарии. Правительство Петра теряло авторитет на международной арене и социальную опору внутри [19].

С приходом к власти Никифора Фоки (август 963—969 гг.) империя стала готовиться к окончательному удару по Болгарии. В 967 году Никифор отказался выплачивать дань Болгарии и потребовал от Петра разорвать мир с венграми (ИБ, 2, с. 390). Петр не мог согласиться с этим. Не завершивший еще войны с арабами Никифор решил нанести удар Болгарии силами русского князя Святослава, опираясь на старый договор с Киевом [20]. В 968 году Святослав, разбив болгар, занял города по Дунаю. Никифор II, поняв свою ошибку, спешил урегулировать конфликт с Петром — летом 968 года болгарский посол был с почетом принят в Константинополе. Святослав, вынужденный вернуться на несколько месяцев в Киев, снова появился в Болгарии (969 г.), заявив о намерении обосноваться на Дунае, в Преславце.

Именно к этому времени относят в литературе отделение от Болгарии западных районов государства, находившихся под управ-

* Годы царствования 927—970.

лением четырех братьев-комитопулов, то есть сыновей комита (Николы, бывшего наместником провинции — комитета с центром в Средце). Петр, тяжело заболев, ушел в монастырь уже в 969 году, а его наследники Борис и Роман были отпущены из Константинополя в надежде, что они организуют отпор враждебным империи комитопулам и Святославу, заняв освобожденный Петром престол. Об отношениях Святослава с комитопулами неизвестно, но и русский князь с 969 года, и комитопулы проводили враждебную империи политику, тогда как Петр (он умер в январе 970 г.) и Борис II искали у Византии защиты (ИБ, 2, с. 397).

Раскол в лагере болгарской знати стал еще более глубоким. Святослав, взяв во второй половине 969 года Преслав, поставил в нем гарнизон, державший в почетном плену царскую семью. Борису были оставлены регалии власти, казна сохранялась нетронутой. Остались на своих постах, по-видимому, и некоторые наместники болгарских провинций, и начальники крепостей, в частности на левом берегу Дуная. Причины столь необычного поведения победителя кроются, возможно, в условиях его соглашения с частью болгарской знати, поставившей свои силы под общее командование Святослава. Обстоятельства борьбы комитопулов с Василием II показывают, что даже среди оппозиционной Петру и Борису II знати не ставился вопрос о смене династии. Как и на Руси, в Болгарии соблюдался принцип сохранения власти за представителями одной династии, что, вероятно, было связано с особой ролью правящей династии в основании и упрочении государства, в принятии христианства и внешнеполитических успехах. Верность этой династии культивировалась с помощью государственной пропаганды и церковной проповеди как один из факторов оформлявшегося самосознания феодальной народности.

В пользу гипотезы о договоре комитопулов со Святославом говорит и тот факт, что русский князь не стремился к власти над всей Болгарией, оставив нетронутыми ее западные и юго-западные провинции. Репрессии Святослава касались только той части знати, которая тяготела к союзу с Византией, даже во время этих репрессий в составе его войск оставались болгарские части [21].

Совершенно иной была позиция византийского императора Иоанна I Цимисхия (969—976 гг.), едва он вторгся в Болгарию весной 971 года. Он захватил царскую казну и переименовал столицу Болгарии в Иоаннуполь. После ухода Святослава Северо-Восточная, Восточная и часть Центральной Болгарии (район Средца) была аннексирована Византией, Борис II и Роман были уведены в Константинополь, где публично во время триумфа Борис II был лишен царских регалий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗСЛ — *Ганев В.* Закон судный людъмь. София, 1959.
ЛИБИ — Латински извори за българската история. София, 1958, т. 1; 1960, т. 2; 1965, т. 3.
Хр., 1 — *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия по истории на България. София, 1978, т. 1.
Кн. Эп. — Византийская книга Эпарха/Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962.
ГИБИ — Гръцки извори за българската история. София, 1958, т. 2; 1960, т. 3; 1961, т. 4; 1964, т. 5.
ИБ, 2 — История на България. София, 1981, т. 2. Първа Българска държава.
ВВ — Византийский временник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1(55) *Ганев В.* Закон судный людъмь (в тексте — ЗСЛ). С., 1959, с. 163, 343, 486 и др.

2(56) *Вартоломеев О.* «Отговорите на папа Николай I по допитванията на българите» — важен извор за международното право през IX в.— В кн.: Първи международен конгресс по българистика: Доклади. Симпозиум «Славяни и прабългари». С., 1982, с. 239—251.

3(57) *Литаврин Г. Г.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв.— В кн.: IX Международный съезд славитов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983, с. 62—76.

4(58) О значении термина см.: *Андреев М., Ангелов Д.* История на Българската феодална държава и право. С., 1972, с. 109.

5(59) Дату 866 год предпочитает В. Гюзелев (*Гюзелев В.* Българската средновековна държава (VII—XIV вв.).— ИП, 1981, № 3/4, с. 200.

6(60) *Георгиев П.* За първоначалното седалище на българската архиепископия.— В кн.: Средновековна България и Черноморието. С., 1982, с. 67—78.

7(61) *Гюзелев В.* Княз Борис Първи. С., 1969, гл. 2, 3.

8(62) *Ангелов Д.* Образуване на Българската държава. С., 1981, с. 242 и след.

9(63) *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. С., 1973, с. 342.

10(64) Moravcsik Gy. Bizantinoturcica. B. 1958, Bd. 2, S. 355.

11(65) *Гюзелев В.* Българската средновековна държава (VII—XIV вв.), с. 180.

12(66) Bažilov J. A propos des rapports burgaro-byzantins sous le tzar Symeon (893—927).— In: Byzantinobulgarica. S., 1980, p. 80.

13(67) *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С., 1979, с. 171.

14(68) *Бешевлиев В.* Първобългарите. Бит и култура. С., 1981, с. 43.

15(69) *Гюзелев В.* Българската средновековна държава..., с. 180.

16(70) *Божилов Ив.* Цар Симеон Велики (893—927): Златният век на Средновековна България. С., 1983, с. 128 и след.

17(71) Ср.. *Гюзелев В.* Българската средновековна държава..., с. 191 (автор считает, что Первое Болгарское царство до его падения оставалось протоболгарским, в котором славянское влияние было незначительным).

18(72) *Ангелов Д.* Образуване..., с. 305 и след.

19(85) *Коледаров П.* Цар Петър I.— Военноисторически сборник. С., 1982, № 4, с. 192—207; ср.: *Иванов С. А.* Византийско-болгарские отношения в 966—969 гг.— ВВ, 1981, т. 42, с. 88.

20(86) См.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982, с. 151—169.

21(87) *Иванов С. А.* Koiranos tōn Bulgarōn (Иоанн Цимисхий и Борис II в 911 г.).— В кн.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982, с. 47.

З. В. УДАЛЬЦОВА

Киев и Константинополь — культурные связи до XIII века *

Основной задачей данной статьи является рассмотрение культурных связей Киева и Константинополя как одной из граней сложной и еще не разрешенной проблемы влияния византийской цивилизации на культурное развитие Древней Руси. Хронологические рамки исследования (X — начало XIII в.) диктуются самой историей: в 1204 году Константинополь был захвачен крестоносцами, а в 1237 году Киев подпал под власть монголо-татар, и, разумеется, их культурные связи после этого ослабли. Время же X—XIII веков было периодом наивысшего расцвета взаимоотношений Киева и Константинополя во всех сферах общественной жизни — в экономике, политике, культуре. Для понимания же характера и особенностей культурных связей Киева и Константинополя немаловажное значение имеет принятие христианства на Руси из Византии.

Средневековая Европа длительное время была не только свидетельницей, но и участницей борьбы в сфере политики, религии, идеологии и культуры двух мировых центров Запада и Востока — Рима и Константинополя. В сферу этой борьбы было втянуто и самое крупное и могущественное государство Восточной Европы — Киевская Русь. Если Запад был повернут лицом к Риму, то Русь и Балканы были обращены ко «второму Риму» — Константинополю. Взаимоотношения между Киевом и Константинополем прошли долгий и сложный путь. Исконные торговые связи соединяли древнерусское государство со столицей Византийской империи. Все торговые пути из Руси в Средиземноморье в конечном итоге сходились в городе на Босфоре. Перефразируя известное изречение древних, М. Н. Тихомиров писал, что «для русских путешественников все дороги вели в «новый Рим» [1]. Царьград всегда привлекал русских дипломатов, купцов, паломников, художников, книжных людей, монахов.

Принятие христианства Древней Русью было результатом не только внутренних причин, но и общеевропейских событий, происходивших на международной арене [2]. Рим и Константинополь как два конкурирующих центра христианства жили своей, порою обособленной жизнью. Социально-экономическое и политическое раз-

---

* Статья члена-корреспондента АН СССР З. В. Удальцовой печатается (с сокращениями) по: Вопросы истории, 1987, № 4.

витие Византии и Запада часто шло разными путями. Существенные различия наметились между восточной (православной) и западной (католической) церквами. Номинальное церковное единство признавалось и Римом и Константинополем, но фактически в течение столетий между папским престолом и Константинопольской патриархией шла никогда не затухавшая то подспудная, то открытая борьба за религиозное и политическое главенство. Эта борьба изобиловала драматическими коллизиями, страстной догматической полемикой между различными направлениями богословско-философской мысли. Между восточной и западной церквами возникли значительные расхождения как социально-политического, так и догматического и обрядового характера. Эти расхождения, разумеется, во многом отражали различия в общественной структуре и идейной жизни Византии и Запада. Православная церковь в Византии, существовавшая в условиях централизованного государства, не являлась носительницей универсалистских тенденций, подобно папству на Западе, а, наоборот, проповедовала единение церкви и государства.

Рим и Константинополь постоянно спорили из-за первенства в христианском мире. Рим считал сферой своего влияния Западную Европу, Константинополь — Восточную Европу и Балканы. Борьба между двумя столицами мира, начавшись в IX веке, привела в XI веке к разделению церквей. Борьба между ними за сферы влияния решалась реальным соотношением сил. Сохранив за собой Балканы, Константинополь пытался удержать территорию западных славян и Венгрию. Однако в этих странах Рим оказался сильнее. Константинополь попал в трудное положение, увязнув на Востоке, откуда ему постоянно грозила опасность, сначала со стороны арабов, потом — тюркских народов. В Моравии Кирилл и Мефодий добились было известных успехов, но затем, как известно, православие потерпело там поражение. Таким же исход борьбы был в Польше и Венгрии. Константинополь отступал [3].

Оставалась самая крупная славянская страна — Киевская Русь. Она была последним рубежом, где скрестились духовные мечи Рима и Константинополя. Княжеская власть в Киеве пыталась лавировать между ними. Христианство стало распространяться в Киевской Руси задолго до крещения. Влияние католической религии также проникало сюда. Отзвуком этого служат, в частности, жития, переведенные с латинского и имевшие хождение в русской литературе,— Бенедикта Нурсийского, Анастасии Римлянки, популярного на Западе святого Витта и др. Пример княгини Ольги, ведшей переговоры о принятии христианства как с Константинополем, так и с Римом и обратившейся за присылкой католического духовенства к германскому королю Оттону I (936—973 гг.), показывает, что до Киева дотягивались руки как «первого», так и «второго Рима». Одной из

причин, заставивших княгиню Ольгу обратиться к католическому Западу, была неудача переговоров с византийским императором Константином VII Багрянородным во время ее поездки в Константинополь в 957 году. Вряд ли следует сомневаться в том, что эта миссия была предпринята княгиней-язычницей, еще до принятия Ольгой христианства [4].

Но, в отличие от полабских и западных славян, в Киеве чаша весов склонилась в пользу православия. Борьба Рима и Константинополя в Киевской Руси протекала в иных условиях, чем в других славянских землях. На Западе Рим нашел союзника в лице германских феодалов и местной знати. Киевская Русь к моменту принятия христианства была уже могущественным государством, с большим числом городов, развитыми ремеслами и торговлей. Иностранные купцы и дипломаты называли ее «страной городов», а летописи упоминали для XI—XII веков более 220 городских центров, среди которых крупнейшими были Киев, Чернигов, Переяславль, Владимир-Волынский, Галич, Туров, Смоленск, Полоцк, Новгород, Владимир-Суздальский, Суздаль, Рязань и многие другие [5]. Внушительными были и военные силы киевских правителей.

Один из древнейших и красивейших городов Европы — стольный град Киев занимал выдающееся место среди других городских центров древнерусского государства, да и всей Восточной Европы. Киев оправдывал свое летописное название «матери городов русских». Это был экономический и политический центр Древней Руси. Немецкий хронист Адам Бременский (XI в.) называл его «жемчужиной Востока» и «вторым Константинополем» [6]. Исключительно благоприятное географическое и военно-стратегическое положение Киева, расположенного на высоких днепровских кручах, обеспечивало ему господство на водных путях, соединявших север и юг, и открывало доступ к Черному и Азовскому морям и таким богатым странам, как Византия, Дунайская Болгария, Крым и Хазария.

...Последствия принятия христианства на Руси из Византии были разнообразны и порою противоречивы. На международной арене Русь выиграла от союза с Византией, заняв равноправное положение среди других влиятельных христианских государств средневековой Европы. Вместе с тем Руси и в дальнейшем приходилось оказывать постоянное сопротивление политическим и церковным притязаниям ромейской державы, стремившейся после христианизации подчинить Русь своему верховенству. Принятие православия временно осложнило отношения с Западом, особенно с папским престолом. Но самым важным последствием принятия христианства явилось, пожалуй, то, что оно послужило стимулом для ознакомления Руси с византийской культурой. Через Византию в Древнюю Русь начало проникать наследие античного мира и Ближнего Востока [7].

С принятием на Руси христианства и установлением более тесных церковных и политических отношений между древнерусским государством и Византией стали значительно более интенсивными и русско-византийские связи. Проникновение на Русь византийской образованности, восприятие здесь в XI—XIII веках элементов византийской цивилизации способствовали дальнейшему прогрессивному развитию русского феодального общества, отвечало его внутренним потребностям, обогащало его культуру. Установление тесных культурных связей Руси с Византией не было простой случайностью, это был вполне осознанный с обеих сторон процесс, происходивший по обоюдному согласию.

Со стороны правящего класса Древней Руси это было обращение к культуре самой передовой страны в Европе того времени, обращение к самым высоким, наиболее сложным и изысканным образцам. И «эта культура была по росту русскому народу и отвечала высоким запросам его развития» [8]. Со стороны Византии распространение культурного влияния на Русь носило активный, целенаправленный характер и составлял одно из звеньев ее общей политики в сопредельных странах. Ставя перед собой далеко идущие задачи подчинения древнерусского государства своему политическому влиянию и церковной гегемонии, Византия стремилась воспользоваться испытанным оружием идейного и культурного воздействия на Русь. Поэтому византийское культурное влияние на Руси, как, впрочем, и в других странах, отнюдь не было стихийным или пассивным, а, наоборот, искусно направлялось твердой рукой политиков, церковных деятелей и дипломатов. Однако силу и масштабы воздействия византийской цивилизации не следует преувеличивать или преуменьшать.

В оценке характера, масштабов и значения византийского влияния на культуру Древней Руси в науке существуют диаметрально противоположные точки зрения. Одни ученые считают византийскую цивилизацию чуть ли не единственным источником культуры Древней Руси, а древнерусское художественное творчество — провинциальной ветвью рафинированного искусства Константинополя. Другие отстаивают полную самостоятельность древнерусской культуры и исключают какие-либо внешние влияния. Думается, что истина, как это часто бывает, лежит где-то посредине.

За последние годы благодаря исследованиям советских ученых, комплексному изучению разных видов культуры, новым открытиям исторических памятников, произведений искусства и художественного ремесла, разысканиям археологов, нумизматов, сфрагистов, применению новых исследовательских методов необычайно расширились наши знания о культуре Древней Руси. Вместе с тем значительные успехи достигнуты советскими учеными и в изучении византийской цивилизации. Все яснее делаются типологические особенности

византийской культуры, динамика ее развития, место Византии в процессе становления духовных ценностей средневекового общества. Ушла в прошлое теория о застойности, неподвижности византийской культуры и ее мнимой отсталости по сравнению с античной цивилизацией. Стало достаточно ясно, что византийская культура — закономерный и важный этап в развитии мировой культуры.

Эти два потока исследований, сливаясь, помогли современной науке освободиться от некоторых предвзятых суждений и ошибочных точек зрения на сложную проблему византийского влияния на культуру Древней Руси. Отброшена негативная оценка византийской культуры как носительницы только лишь канонизированной церковности и консерватизма, выявлены ее прогрессивные черты. Отпала и другая предвзятая оценка византийской культуры — в первую очередь как хранительницы античных традиций, передаваемых другим народам; показано своеобразие философско-этических и эстетических воззрений византийского общества, оказавших влияние на духовную жизнь Древней Руси.

Изучая проблему византийского влияния на Русь, не следует забывать, что официальная имперская доктрина подчинения Руси политической и церковной власти Византии, по существу, оказалась несостоятельной. И в сфере культуры ромейская держава далеко не достигла того, на что она рассчитывала. Благодаря творческому восприятию на Руси византийской цивилизации уже очень скоро византийские образцы подверглись активной переработке, глубокому переосмыслению в соответствии с социальными условиями жизни и духовными запросами русского общества. Более того, нередко византийское влияние, когда оно становилось помехой дальнейшему прогрессивному развитию самобытной русской культуры, наталкивалось на серьезное сопротивление.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но Византия как бы сама создала себе в лице Руси соперника не только в сфере политики, но в сфере культуры. Попытки Византии духовно подчинить Русь привели к росту национального самосознания в русском обществе, что, как известно, получило наиболее яркое выражение в знаменитом «Слове о законе и благодати» Илариона, в создании, вопреки Константинопольской патриархии, пантеона русских святых (канонизация Бориса и Глеба), в роскошном княжеском и городском строительстве в Киеве и других городах. При Ярославе Мудром в Киеве, как бы споря с прославленными постройками Царьграда, создавались свои, русские Золотые ворота (сейчас полностью восстановленные), свой великолепный Софийский собор.

В культуре Древней Руси XI—XIII веков сталкивались, иногда противоборствуя друг другу, влияния, шедшие из Византии, от южных и западных славян, из Скандинавии, из далеких стран Востока и, наконец, из Западной Европы. Особенно большое значе-

ние для Руси имели культурные связи с южными славянами, через посредство которых в древнерусское государство, кстати сказать, проникали и памятники самой византийской культуры. Центрами культурного общения славян (как южных, так и восточных) и византийцев долгое время были Константинополь, Солунь, Афон, Иерусалим, вифинский Олимп, позднее Тырново. В XI—XII веках византийцы вступали в общение с русскими и в Тмутаракани.

Весьма симптоматично, что византийское влияние в различных сферах материальной и духовной культуры Древней Руси проявлялось с неодинаковой степенью интенсивности. Порою это влияние было более действенным, быстро амальгамировалось с местной русской культурой, в других же сферах оно было более поверхностным, как бы наложенным тонким слоем на самобытную русскую культуру. Как правило, степень интенсивности проникновения византийского влияния зависела не только от активности самого византийского государства и церкви, но в первую очередь от уровня развития дохристианской народной культуры в той или иной сфере знания к моменту начала проникновения на Русь византийского влияния. Чем выше был уровень развития самобытной местной культуры, чем более прочно сохранялись в ней традиции языческого народного творчества, тем ограниченнее было воздействие византийской культуры. Причем в некоторых сферах культуры получили хотя бы временное преобладание византийские элементы, в других же явный перевес имели русские самобытные черты. Само собой разумеется, что важнейшую роль при этом играла степень соответствия или несоответствия культурных ценностей, получаемых из Византии, жизненным потребностям русского общества.

Новейшие исследования советских ученых показали, что блестящая византийская цивилизация, поражавшая современников своей одухотворенностью, внутренним благородством, изяществом форм и высотой технических достижений, в конечном счете послужила одной из основ, на которых Древняя Русь и другие страны Юго-Восточной и Восточной Европы воздвигали здание своей самобытной, национальной культуры. Однако перенесенные на чужеземную почву, духовные ценности, созданные Византией, ее спиритуалистическая церковная догматика и философия, идеология, этика и эстетика подвергались глубокой трансформации, начинали как бы новую жизнь, приобретали совсем иные черты под воздействием национальных творческих начал [9]. Наиболее ярко это проявилось в сфере изобразительного и прикладного искусства Древней Руси.

Хотя Византия и сыграла важную роль в развитии древнерусской художественной культуры, но византийское влияние и здесь не было ни всеобъемлющим, ни стабильным. Сила воздействия византийской цивилизации и масштабы византийского влияния на художественное творчество Древней Руси изменялись в пространст-

ве и времени. Наиболее плодотворными и интенсивными контакты с Византией были в южных и юго-западных областях Руси, слабее — в северных и северо-восточных. Воздействие культуры Византии, разумеется, было значительно более интенсивным на высшие слои общества различных стран — князья и феодалы государств Юго-Восточной и Восточной Европы перенимали византийский придворный этикет, черты быта и нравов Константинополя. В широкие же слои народа византийское влияние просачивалось в несравненно меньшей степени.

На разных этапах развития древнерусской культуры степень воздействия византийской цивилизации то возрастала, то шла на убыль. Были периоды сближения и отдаления, временного затухания культурных связей и интенсивного их возобновления. Далеко не одинаковый отклик художественное творчество византийских мастеров находило в отдельных видах искусства. Временем наиболее активных контактов Руси и Византии в сфере художественного творчества был конец X—XII век [10].

Центром культурных контактов Византии и Руси в это время стал Киев. Он был непосредственно связан со столицей Византийской империи Константинополем. Именно в стольный град на Днепре из Царьграда приезжали дипломатические миссии с богатыми дарами от византийских императоров, греческое духовенство — с поручениями от константинопольского патриарха, сюда стекались караваны греческих купцов, привозивших изысканные предметы роскоши и произведения византийского прикладного искусства. Киевские князья первыми стали приглашать из Византии греческих мастеров: зодчих, живописцев, резчиков по камню, мозаичистов и ювелиров. Именно в Киеве с помощью греческих зодчих началось широкое культовое и дворцовое строительство.

Византийское влияние наиболее ярко проявилось прежде всего в архитектуре Древней Руси [11]. В конце X—XI веке здесь было воспринято византийское каменное зодчество, с его сложным типом крестово-купольного храма, совершенной системой перекрытий, высочайшей для того времени строительной техникой. В отличие от романского Запада, где в это время лишь в отдельных регионах происходил медленный и трудный процесс перехода от деревянных конструкций к каменным сводам, Киевская Русь очень рано получила от Византии, по существу, в готовом виде изощренную систему сводчатых и купольных перекрытий, здания тонкой и изысканной пространственной конфигурации и большой высоты.

Первый каменный храм на Руси — храм Успения Богородицы (так называемая Десятинная церковь) в Киеве (989—996 гг.) был сооружен, по данным летописи, греческими мастерами. Спустя несколько десятилетий, в 1031—1036 годах, в Чернигове был воздвигнут греческими же зодчими собор Спаса Преображения —

самый «византийский», по мнению специалистов, храм Древней Руси. Строгость архитектурных форм, элегантная простота композиционных решений, изысканность внешнего декора, чисто византийская техника кладки сближают храм с лучшими образцами византийского столичного зодчества XI века [12].

Собор святой Софии в Киеве (1037—1054 гг.), вершина южнорусского зодчества XI века, призван был возродить на Киевской земле традиции главной святыни православного мира — Софии Константинопольской. Как София Константинопольская символизировала победу христианства во всей цивилизованной ойкумене и могущество византийских императоров, так и София Киевская утверждала православие в Древней Руси и силу великокняжеской власти. Но художественное воплощение этой идеологической концепции в Константинополе и Киеве было различным. София Киевская — любимое детище князя Ярослава Мудрого, огромный пятинефный храм, с просторными хорами, охватывающими и боковые нефы, созданный совместно греческими и русскими мастерами,— не имеет прямых аналогий среди памятников церковного зодчества Византии. При сохранении византийской основы крестово-купольного храма София Киевская знаменовала постепенный отход древнерусского зодчества от византийских образцов. Ступенчатая композиция наружного объема, обилие куполов, массивные крестчатые столбы, делающие более тесным внутреннее пространство,— все это придавало главному храму Киевской Руси особое своеобразие. София Киевская сочетала в себе монументальную мощь и праздничную торжественность с красочной нарядностью, столь гармонировавшей с приветливой южнорусской природой [13].

Еще дальше отходит от византийских образцов зодчество Великого Новгорода, что особенно хорошо прослеживается при сравнении архитектуры храмов святой Софии в Константинополе, Киеве и Новгороде. София Новгородская (1045—1050 гг.) при общей близости по идейному замыслу и архитектурному плану к Софии Киевской дает совершенно новые художественные решения, неизвестные южнорусскому и византийскому зодчеству. Местные традиции проявили себя здесь с такой силой, что они существенно видоизменили стиль новгородского храма. Не исключено, однако, влияние на новгородских зодчих западноевропейской романской архитектуры. В Новгороде киевский план пятинефного крестово-купольного храма подвергся столь значительной переделке, что стал почти неузнаваемым. Внешний вид Софии Новгородской напоминал огромный куб, устойчивый и монолитный. Могучие стены собора, сложенные из дикого камня, с малым числом оконных проемов увенчивались шестью величественными куполами. На смену многоступенчатой пирамидальности силуэта Софии Киевской пришла монументальная замкнутость объемов Софии Новгородской.

Нарядная щеголеватость внешнего декора южнорусского храма уступила место благородной простоте внешнего убранства ее северного собрата. Единственным украшением стен Новгородской Софии были мощные лопатки и тонкие полуколонки на гранях центральной апсиды да аркатурные пояски на барабанах. Весь облик этого храма был отмечен печатью сурового величия, одухотворенной созерцательности и эпического спокойствия, как бы навеянных привольным и задумчивым пейзажем русского Севера.

В XI — первой половине XII века византийские традиции достаточно прочно сохранялись в древнерусском зодчестве. Со второй половины XII века, однако, намечается явное ослабление византийского влияния, что ознаменовалось появлением в древнерусской архитектуре храмов башнеобразной формы, неведомой византийскому зодчеству. Древнерусское зодчество не знало в своем развитии таких резких скачков, как переход от романского стиля к готике или от готики к Ренессансу в Западной Европе. Процесс складывания национальных черт в древнерусской архитектуре был более медленным и плавным, и окончательное свое завершение он нашел позднее в зодчестве Московской Руси. Новейшие исследования советских ученых показали, что зодчие Древней Руси обладали высокими математическими и техническими знаниями. Каждая постройка была воплощением строгой математической системы и сложных инженерных расчетов [14].

Более длительным и устойчивым, чем в архитектуре, было византийское влияние в живописи Древней Руси. Да это и вполне понятно, если вспомнить, что Византия не только познакомила русских художников с техникой мозаики, фрески, темперной живописи, но и дала им иконографический канон, неизменность которого строго оберегалась православной церковью. Артели художников, в которые входили греческие и русские мастера, работали, обычно следуя византийским образцам, так называемым подлинникам. Это были завезенные из Византии свитки или переплетенные тетради контурных рисунков на пергамене, они сохранялись на Руси в течение многих лет, и их трансформация шла очень медленно. Господство иконографического канона и работа по образцам в известной степени сковывали самобытное художественное творчество мастеров Древней Руси.

XI—XII века были периодом расцвета византийской живописи, окончательного оформления торжественного и возвышенного византийского стиля и византийской эстетики [15]. Наряду с великолепными произведениями столичного искусства, такими, как мозаики южной галереи Софии Константинопольской и монастыря Дафни близ Афин, в это время крепнут и обретают свой художественный язык провинциальные школы живописи, создавшие такие памятники, как мозаики Хосиос Лукас в Фокиде и Неа Мони на острове

Хиос. Византийское влияние в это время проникало на Русь различными путями: непосредственно из Константинополя, из западных областей Византии, через Солунь и Афон.

На Руси XI—XII веков существовало две традиции в украшении храмов росписями. Одна, более строгая и торжественная, находит свои истоки в монументальной живописи Византии, другая, более свободная, живописная, сложилась уже на русской почве. Классическим памятником, воплотившим первую традицию, является София Киевская, где полностью выдержан византийский иконографический канон. Мозаики и фрески Софийского собора в Киеве создавались длительное время (1037—1067 гг.) совместно византийскими и древнерусскими мастерами. Декоративное убранство огромного храма поражает монументальностью и разнообразием.

В мозаиках храма, по мнению специалистов, ощущаются две струи византийского художественного творчества. Первое направление исходит от константинопольской школы живописи и отличается высоким уровнем исполнения и изысканностью художественных форм. Второе отражает воздействие провинциального, более архаичного искусства, воплощенного в мозаиках монастыря Хосиос Лукас в Фокиде [16]. В куполе парит Пантократор, а в конце апсиды стоит одинокая фигура Богоматери в позе Оранты. В Киеве она почиталась как защитница и покровительница города и именовалась Богородица «Нерушимая стена». Образ ее исполнен достоинства и величавого покоя, колорит яркий, с преобладанием интенсивного синего цвета, желто-золотистого и белого, золотой фон придает изображению торжественность и парадность. Лучшими среди мозаик апсиды считаются изображения святителей, так называемый святительский фриз. Фигуры святителей расположены в строгих фронтальных позах, отличаются монументальностью, лица их наделены индивидуальными чертами, даже психологизмом, отражают традиции эллинистической портретной живописи.

Необычайно богато представлена в храме фресковая живопись. В настоящее время эти фрески достаточно изучены, хотя и поныне остается немало спорных вопросов их идентификации. В центральной части Софии Киевской был развернут обширный фресковый евангельский цикл, с большим числом многофигурных композиций. Некоторые фрески, к сожалению, пострадали от времени. По стилю и иконографии они близки фрескам монастыря Хосиос Лукас в Фокиде и Неа Мони на Хиосе. Фрески этого цикла Софии Киевской отличаются монументальностью, торжественной симметрией, наличием крупных, несколько тяжеловесных фигур, расположенных в неподвижных фронтальных позах. Все это придает композиции эпическое спокойствие и величавость. Колористическая гамма привлекает своей яркостью, обилием светлых — белых, серых, розово-лиловых, зеленых и фиолетовых — тонов. Как правило, многофигурные

сцены располагаются на синем фоне. Особенностью фресок Софии Киевской является обилие большого числа изображений одиночных фигур святых, мужчин и женщин, зачастую наделенных портретными чертами. Их лица суровы без аскетизма, одухотворены без фанатической экзальтации. На них, как и на других фресках, лежит печать эпического спокойствия и сосредоточенной самоуглубленности. По числу индивидуальных изображений святых София Киевская не знает себе равных среди памятников XI века.

Особый интерес ученых, как искусствоведов, так и историков, привлекают фрески Софии Киевской, на которых изображен групповой портрет семейства князя Ярослава. Их точная идентификация и осмысление всей композиции затруднены плохой сохранностью и позднейшими реставрациями. Новейшие открытия, однако, позволяют установить, что этот групповой портрет состоял из 13, а не из 11 фигур, как думали раньше. В центре на западной стене находился сидящий на троне Христос, фланкировали его фигуру князь Ярослав со старшим сыном с одной стороны и княгиня Ирина со старшей дочерью — с другой. Князь подносил Христу, своему покровителю, модель храма. На южной стене помещались фигуры четырех дочерей, а на северной — четырех сыновей княжеской четы, которые направляются к центру композиции. Князь и княгиня были изображены в роскошных великокняжеских одеждах, с похожими на царские венцами на головах. Вся ктиторская сцена, по замыслу Ярослава, должна была знаменовать могущество и независимость Киевской Руси, силу и богатство ее великого князя.

Из группового портрета семейства Ярослава лучше всего сохранились фигуры четырех дочерей князя. Княжны в красивых, богато украшенных драгоценными камнями одеждах шествуют вправо к центру композиции, две из них несут свечи, что придает всей процессии торжественно-ритуальный характер. Существует гипотеза, правда спорная, что здесь изображены дочери Ярослава Елизавета, Анна и Анастасия, будущие королевы Норвегии (затем Дании), Франции и Венгрии, и младшая княжна-подросток, имя которой неизвестно. Княжны предстают на фреске юными девушками, лица их, хотя и изображены в средневековой условной манере, привлекательны и имеют отдельные портретные черты. Особенно миловидно и женственно лицо третьей дочери, которое дышит нежной прелестью и спокойным достоинством. От портретов княжичей на северной стене, к сожалению, сохранились лишь фрагменты[17].

Ктиторская композиция в Софии Киевской аналогична сцене, изображенной на мозаике в южной галерее храма Софии в Константинополе. На этой мозаике, как известно, император Константин Мономах и императрица Зоя подносят в дар сидящему на троне Христу мешочек с золотом и пергаменный свиток с перечислением императорских пожертвований главному собору столицы Византийской империи.

Ктиторская композиция в Софии Киевской была, видимо, выполнена около 1045 года, когда еще ни одна из дочерей Ярослава не стала королевой. Этим было завершено дело жизни великого князя, предпринятое для прославления величия его державы. Ярослав Мудрый похоронен в Софии Киевской в мраморном саркофаге. Любопытно, что этот саркофаг, по словам Б. А. Рыбакова, представляет своеобразную «книгу посетителей» собора: на его плитах расписывались многие сотни людей — от киевлян XII века до поляков XVII века. Софийский кафедральный собор Б. А. Рыбаков называет музеем древнерусской эпиграфики, где имеется много надписей-граффити на стенах нефа, галерей, на хорах и даже в алтаре.

Среди этих граффити самого разнообразного характера большой интерес имеет запись о смерти Ярослава Мудрого. Исследования советских ученых доказали, что в надписи говорилось о смерти Ярослава Мудрого 20 февраля 6562 года (1054 г.). Эта дата точно совпадала с данными Ипатьевской летописи. Особенно важно для понимания характера власти киевского великого князя то, что он именуется в этой записи «царем», подобно тому как в других источниках он назывался восточным титулом «хакан». Все это свидетельствует о независимости Киевской Руси и о стремлении киевского князя приравнять свою власть к царской. Во всяком случае, в сознании современника, начертавшего эту надпись, он был царем. Все сказанное лишний раз подтверждает бездоказательность гипотезы о вассальной зависимости Древней Руси от Византии в XI веке.

В XII веке в Киеве были созданы великолепные мозаики Михайловского монастыря (1108 г.). Им есть аналоги в византийских мозаиках классического стиля, в частности в мозаиках Никеи и монастыря Дафии близ Афин. Строгий иконографический канон, общая композиция мозаик, высокий художественный уровень исполнения, надписи на греческом и славянском языках — все это указывает на прямые связи этих произведений с константинопольской школой живописи. К сожалению, от мозаичного ансамбля сохранились лишь сцена евхаристии с апостолами и святыми по сторонам в апсиде и некоторые другие фрагменты в алтаре. Сцена евхаристии здесь во многом превосходит мозаику на аналогичный сюжет в Софии Киевской. В отличие от статичных, фронтально расположенных фигур апостолов в Софийском соборе в Михайловском монастыре изображения апостолов полны динамики, они расположены в свободных позах, обращены друг к другу, они как будто ведут какой-то разговор, в их облике много чувства, экспрессии, одежды спускаются пышными, асимметричными складками.

Лица выразительны, наделены острохарактерными чертами, отражают внутреннее психологическое состояние того или иного апостола. Голова ангела по художественному воплощению близка

к ангелам церкви Успения в Никее. Устремленные ввысь, легкие, вытянутые фигуры апостолов поражают правильностью пропорций и соразмерностью. Движения фигур подчинены единому декоративному ритму. Привлекателен глубокий, теплый колорит мозаик, преобладают светлые тона — белый, серо-жемчужный, изумрудный и фиолетовый цвета в сочетании с серебром и золотом.

Мозаики Михайловского монастыря, бесспорно, принадлежат к шедеврам византийской живописи на русской почве и могут сравниться лишь с такими прекрасными творениями византийского классического стиля, как мозаики церкви Успения в Никее и монастыря Дафни близ Афин. В других областях древнерусского государства византийское влияние сказывалось в меньшей степени, чем в Киеве.

В культуре Византии, Древней Руси и других стран средневековой Европы никогда не иссякал живой источник светского художественного творчества. Родство вкусов и эстетических идеалов феодальной знати Древней Руси и Византии объясняет близость жанров и тематики светской живописи, скульптуры и прикладного искусства этих стран. В Византии светское направление в культуре было связано с культом императора и прославлением державы ромеев; портреты василевсов и высшей знати, их военные триумфы и дворцовые увеселения, прославление подвигов героев древности — вот излюбленные сюжеты византийского светского искусства. Эти мотивы светской живописи и прикладного искусства Константинополя находили глубокий отклик в феодальной среде Древней Руси и охотно использовались для возвеличивания княжеской власти. Светские тенденции в искусстве Византии особенно усилились в XII веке. Рыцарственный уклад жизни двора Комнинов способствовал возрастанию интереса к светским жанрам культуры. Аналогичные явления мы наблюдаем и в Древней Руси той эпохи.

К сожалению, памятников светской живописи и скульптуры как Константинополя, так и городских центров Древней Руси сохранилось очень мало. Гибель императорских дворцов Константинополя не позволяет судить о светском искусстве столицы Комнинов. Некоторое представление о нем дают лишь прославленные мозаики дворца норманнских королей в Палермо (1140 г.) («комната короля Роджера II» и «Башня Пизанцев») — редкий образец дворцового светского искусства, вдохновленного Константинополем. Дополнительные сведения о светском искусстве Византии содержат сообщения византийских авторов, миниатюры лицевых рукописей и произведения художественного ремесла.

В Древней Руси сохранились уникальные памятники светской живописи домонгольского времени. Первое место среди них по праву принадлежит стенным росписям лестниц двух башен Софии Киевской. Они поражают разнообразием сюжетов, восходящих преимущественно к византийским образцам и в какой-то мере отражавших

быт и нравы киевской великокняжеской среды. Ряд фресок с полной очевидностью восходит к византийскому дворцовому искусству. В их числе сцены конских ристаний на ипподроме в присутствии императора и его свиты, игры скоморохов, гигант с шестом, на котором показывает свое искусство мальчик-акробат, схватки с дикими зверями, единоборство атлета с человеком в маске волка, изображения охоты, театральные представления с участием актеров и паяцев. Несколько особняком стоят жанровые картинки. На одной из них изображена неоседланная лошадь, за которой гонятся всадники, а на другой — верблюд с поводырем. Для понимания местных элементов в этих стенных росписях интересны две фрески: триумфальный въезд всадника в короне, с нимбом вокруг головы, в котором исследователи видят либо изображение византийского императора, либо — киевского великого князя; вторая фреска — изображение молодого музыканта со смычковым музыкальным инструментом, в лице которого просматриваются южнорусские черты. Фрески созданы в придворно-увеселительном жанре [18].

Светские мотивы проникают и в книжную миниатюру Киевской Руси. Замечательным образцом светского искусства может служить изображение князя Святослава с семьей, украшающее «Изборник Святослава», датируемый 1073 годом. Портрет самого князя далек от абстрактной идеализации и наделен характерными, почти портретными чертами [19].

Особенно последовательно светские мотивы прослеживаются в памятниках византийского прикладного искусства, обнаруженных на территории Древней Руси в составе кладов. В их числе утварь из серебра и бронзы, перегородчатые эмали на золоте, резные изделия из кости и камня. При трудности и дороговизне дальних перевозок торговля этими предметами роскоши считалась особенно выгодной. Иноземные «злато» и «сребро», «паволоки и сосуды различные» попадали на Русь в числе посольских даров, в качестве торговой пошлины и военной добычи, их привозили эмигранты. Эти произведения средневековых мастеров ярко и достоверно повествуют о своей эпохе и ее мировоззрении, проливают свет на некоторые малоизвестные стороны идеологии и быта византийцев, в частности на светскую культуру императорского двора и феодальной знати. Целостная группа серебряных чаш XII века с богатым декором и сюжетными сценами вводит нас в мир византийской эпической поэзии, за которым проглядывает реальный исторический фон. Это своеобразный комментарий к эпосу о Дигенисе Акрите. Единство живописного и растительного царства с человеком-героем в декоре сосудов характерно для жанра лирико-героической поэмы [20].

В памятниках светского искусства, менее зависимого от канонов официальной религии, явственно выступают самобытные течения

народной культуры. В народную среду стран, находившихся под влиянием Византии, чаще всего проникали элементы искусства местных школ империи, которые сохраняли более демократические земные черты. Древнерусских мастеров справедливо считают мудрыми и бережливыми наследниками лучших традиций византийского искусства. Они не только сохранили высочайшие для своего времени духовные ценности, созданные Византией, но и приумножили эти богатства, внеся в художественное творчество оптимизм, проникновенную мягкость, жизнеутверждающее видение мира.

Длительное время культура Древней Руси развивалась в постоянном общении с крупнейшими центрами древних цивилизаций как Запада, так и Востока. Она обогащалась знакомством с лучшими достижениями Византии, Западной Европы [21] и мусульманского мира [22]. Но на этой сложной и многообразной основе создавалась и крепла самобытная русская культура. Уже к концу XI века культура Древней Руси достигла уровня передовых стран средневековой Европы, а в XII веке продолжалось ее поступательное развитие, временно прерванное нашествием монголо-татар. Русская культура домонгольского времени отличалась глубоким гуманизмом, терпимостью ко всем иноязычным и иноверным народам, была проникнута глубоким патриотизмом, верой в красоту своей земли и силу духа ее народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 31.

[2] Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

[3] *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XII—XVII вв.). М., 1973, с. 110—128.

[4] *Оболенский Д.* К вопросу о путешествии русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г.— В сб.: Проблемы изучения культурного наследия.

[5] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.— Л., 1948; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956.

[6] Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgiensis Ecclesiae Pontificum. Hannover — Leipzig, 1917.

[7] *Лихачева В. Д., Лихачев Д. С.* Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971; *Литаврин Г. Г.* Культурные связи Древней Руси и Византии в X—XII вв. М., 1974, с. 1—21.

[8] История культуры Древней Руси. М.— Л., 1951, т. 1, с. 5—14.

[9] *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978; *Лихачева В. Д.* Искусство Византии IV—XV веков. М., 1981; *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси. М., 1984, с. 4—16; Культура Византии. М., 1984, т. 1, с. 5—13.

[10] См.: Библиография трудов В. Н. Лазарева.— Византийский временник (ВВ), 1968, т. 29, с. 3—31; Византия, южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973, с. 5—30.

[11] *Брунов Н. И.* Архитектура Константинополя IX—XII вв.— ВВ, 1949, т. 2; *Его же.* Архитектура Византии.— В кн.: Всеобщая история архитектуры. Л.— М., 1966 т. 3.

[12] Б. А. Рыбаков подчеркивает высокий уровень деревянного зодчества в Древней Руси — наличие трех-четырехэтажных зданий и прекрасных деревянных храмов в городах Киевского государства. Многие формы деревянной архитектуры — башни, двускатное покрытие и др.— повлияли впоследствии на каменное зодчество (*Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси, с. 14).

[13] *Лихачев Д. С.* Принцип ансамбля в древнерусской эстетике.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, т. 2, с. 118 и след.; *Айналов Д., Редин Е.* Киево-Софийский собор. Спб., 1889.

[14] *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси, с. 15; *Его же.* Архитектурная математика древнерусских зодчих.— Там же; *Его же.* Мерило новгородского зодчего XIII в.— Там же.

[15] *Бычков В. В.* Византийская эстетика. М., 1977; Mathew G. Byzantine Aesthetic. L., 1963.

[16] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. 2-е изд. М., 1986, с. 76—79; *Его же.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960; *Левицкая В. И.* О некоторых вопросах производства набора мозаик Софии Киевской.— ВВ, 1959, т. 15.

[17] *Лазарев В. Н.* Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семейства Ярослава.— ВВ, т. 15.

[18] *Вагнер Г. К.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974, с. 141—156; *Грабар А. Н.* Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве».— ТОДРЛ, 1962, т. 18.

[19] *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965; О византийских миниатюрах см.: *Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры X—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977.

[20] *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX—XII вв. М., 1978; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975; *Его же.* Аргонавты средневековья. М., 1976, с. 136—138; *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство. Л., 1971.

[21] *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X—XIV вв. М., 1966, с. 52—61.

[22] *Удальцова З. В., Щапов Я. Н., Гутнова Е. В., Новосельцев А. П.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций.— Вопросы истории, 1980, № 7; *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 384—386; *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 157; *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985.

Б. А. РЫБАКОВ

Культура средневекового Новгорода *

Область расселения восточнославянских племен не достигала непосредственно побережья Балтийского моря; здесь обитали летто-литовские и финские племена. Однако великие водные пути, такие, как Западная Двина, Чудское озеро с рекой Нарвой, так же как система Волхов — Ладога — Нева, связывали крупнейшие центры Руси с Балтикой, со всеми народами этого великого моря: финнами, эстами, или «колбягами», шведами, или «варягами», «готами» — на Готланде, пруссами, поляками и поморянами; эти связи достигали славянских земель между Нижним Одером и Нижней Эльбой, немецких и датских земель.

В Полоцке и Пскове, Новгороде и Ладоге начиная с VIII—IX веков все чаще приставали суда из всех частей Балтики, и оттуда отправлялись торговые флотилии ко всем побережьям этого моря, игравшего в жизни народов Северной Европы столь же важную роль, что и Средиземное море в жизни народов Юга.

К важнейшим центрам этой эпохи относятся Новгород, Псков и Полоцк. Средневековая жизнь Новгорода и Пскова довольно точно отображена в летописях, которые велись с XI века; летописание Полоцка, наоборот, сохранилось, к сожалению, лишь отрывочно. Но мы располагаем также многочисленными памятниками архитектуры и живописи, являющими свидетельства культуры этих городов с XI по XIV век; в сокровищницах старинных соборов сосредоточивались и произведения мастеров художественного ремесла.

Однако важнейшие материалы для реконструкции средневековой жизни предоставляют нам археологические раскопки. Они были проведены в Пскове, Полоцке, Смоленске, Старой Ладоге и некоторых менее значительных древнерусских городах, связанных с прибалтийскими областями. Самыми значительными по масштабам и по обилию находок являются раскопки Великого Новгорода.

Известный художник Н. К. Рерих еще перед первой мировой войной предпринял в Новгороде небольшие раскопки. С 1929 года и до наших дней исследования в различных местах города ведет экспедиция, ранее возглавлявшаяся А. В. Арциховским, а затем — В. Л. Яниным.

---

* Исследование академика АН СССР Б. А. Рыбакова печатается по: Славяне и скандинавы.

Мощный, толщиной от 6 до 10 метров, культурный слой содержит отложения многих столетий. В слоях с X по XV век хорошо сохраняются дерево, кость, ткани, береста и другие органические материалы. Эта особенность превратила культурный слой Новгорода в единственный в своем роде источник знаний о жизни Древней Руси.

Для хронологического расчленения этого формировавшегося на протяжении столетий культурного слоя новгородская экспедиция пользуется «ярусами уличных мостовых». Деревянные мостовые в Новгороде появляются с середины X века. К началу XIII века появился даже специальный «Устав о мостах», в котором регулировалось участие отдельных групп населения в строительстве этих мостовых. По мере износа бревенчатого настила поверх старых плах, не разбирая их, укладывали новые. И таким образом в культурном слое Новгорода с середины X по середину XV века образовалось 28 ярусов уличных настилов, перекрывающих друг друга. Подсчеты показывают, что средняя продолжительность существования одного яруса мостовых составляла около двадцати лет. Археологи стремятся связать все постройки и одиночные находки в слое поблизости от мостовых настилов, а также по сторонам улиц в дворовые и усадебные комплексы. Так как культурные остатки на замощенных улицах и по сторонам от них, то есть внутри дворов, в постройках, находились в различных условиях, не следует абсолютизировать полученные этим «ярусным методом» датировки. После дискуссии о методах определения археологической хронологии в Новгороде Б. А. Колчин разработал датировки по дендрохронологическому методу, основанному на измерении годичных колец бревен из новгородских раскопок. Дендрологические датировки старых деревянных конструкций из новгородских церквей, время строительства которых отмечено в летописях, позволили Б. А. Колчину разработать новую, очень точную шкалу для древностей Новгорода, по которой определяется как время сооружения настилов мостовых, так и строительство каждой из построек внутри усадеб.

Структурной единицей средневекового Новгорода была огороженная усадьба, по крайней мере одной стороной примыкавшая к улице. Эта единица обозначается древнерусским словом «двор». Город состоял из многих сотен таких постоянных и наследственных дворовых владений.

Каждый двор представлял собою маленький самостоятельный феодальный мирок со своим господином, челядью, слугами, господским домом, хозяйственными постройками и мастерскими.

В некоторых случаях известно, что владельцем какого-либо из дворов был боярин, порою это даже названная в летописях историческая личность.

Просторные деревянные дома сооружались из больших бревен и состояли из многих комнат. Почти все они были двухэтажными. Большие срубные постройки отапливались «русской печью».

Замечательная сохранность дерева позволяет составить ясное представление об облике жилых построек Новгорода. Дома были обстроены пристройками и балконами-галереями с резными деревянными ограждениями. Резные наличники и кокошники украшали фасады; может быть, устраивались даже небольшие эркеры. Весьма показательны две массивные деревянные колонны XI века, покрытые орнаментальной резьбой. На одной из них — пояс с растительным орнаментом, другая сплошь покрыта резной плетенкой; в нее включены сказочные существа, кентавры и грифоны, обрамленные кругами. Как подтверждает основанная на стратиграфии датировка, эта колонна на целое столетие старше каменной резьбы Чернигова и городов Владимиро-Суздальской земли. Орнаментальная резьба, несомненно, первоначально выполнялась в дереве и лишь позднее перешла в каменное зодчество и «плетеную орнаментацию» книжных миниатюр.

Историческая топография Новгорода хорошо прослеживается лишь с X века, городская структура в предшествующий период — период становления города, напротив, еще недостаточно выяснена. Археология еще не разрешила загадки происхождения Новгорода, поскольку чрезвычайно трудно уловить следы первых, небольших поселений. Основываясь на изучении особенностей местности и некоторых других преданий, можно построить следующую гипотезу: древнейшее поселение новгородских словен возникло на правом берегу Волхова, на так называемом Словенском холме, поблизости от того места, где река вытекает из озера Ильмень. То обстоятельство, что позднее здесь была воздвигнута церковь святого Ильи, по аналогии с другими городами позволяет заключить, что на Словенском холме в языческие времена находилось святилище Перуна, языческого предшественника Ильи Громовника. В IX веке киевские князья ввиду возрастающей угрозы нападения варяжских отрядов решили укрепить свой форпост на Ильменском озере, у истоков Волхова.

Маленькая крепость, судя по всему занимавшая лишь южную половину позднейшей цитадели, не имела собственного имени, ее называли просто «новый город» (Новгород). Никто не предполагал, что это название с расцветом города обретет общеевропейское звучание. Такое развитие между тем отразилось и в имени: из «нового города», или Новгорода, вырос Новгород Великий, Господин Великий Новгород.

К югу от маленькой крепости стоял, судя по названию улицы, храм другого старославянского бога — Волоса, или Велеса, владыки богатства. Когда киевский князь Владимир принял решение провести

языческую религиозную реформу и превратить бога-громовника Перуна в верховного бога Руси, он послал своего дядю, Добрыню, в Новгород. Место почитания Перуна было устроено тогда в роще Перыни, немного южнее от идола Велеса. В. В. Седов раскопал там очень интересное святилище Перуна: восемь жертвенных огней во рву в форме цветка, окружавшего статую божества.

В последующие времена город разрастался на север. Структура его развивалась следующим образом: обширное кольцо внешних укреплений «Окольного города» охватывало примерно одинаковое пространство по обоим берегам Волхова. Широкая река с множеством причалов пересекала город с юга на север. В центре западной, левобережной, части Софийской стороны располагался хорошо укрепленный Кремль, городская цитадель. В 1044 году он был обнесен каменной стеной. Здесь стоял большой кафедральный собор Софии Премудрости Божьей, двор епископа и многие другие постройки, среди которых — церковь Бориса и Глеба, поставленная гостем Садко Сытиничем. В этом храмоздавце мы можем видеть прообраз гусляра и купца Садко, героя новгородских былин. На Софийской стороне находились три городских подразделения Новгорода: Людин, Загородский, а также Неревский конец. Правобережная, или Торговая, сторона состояла из двух концов: Словенского и Плотницкого.

На правом берегу, напротив городской цитадели, располагался княжеский двор и вместительная торговая площадь с гильдейскими храмами Ивана на Опоках, а также Пятницы на Торгу. Здесь, на Торгу, происходило вече, собрание новгородцев. Поблизости от Торга располагались дворы иноземных купцов, Готский двор с варяжской церковью, Немецкий двор. Кремль и Торг были связаны Великим мостом, который играл в истории Новгорода весьма важную роль. Улицы каждой из сторон, Софийской или Торговой, вели к ее центру, Кремлю или Торгу.

Облик средневекового Новгорода, с его узкими улицами и переулками, высокими, порою причудливо расположенными зданиями, множеством резного либо же раскрашенного дерева построек, кораблями и челнами у пристаней широкого Волхова, садами внутри усадеб, был довольно импозантен. Мощные укрепления из дубовых бревен, охваченные серебристой лентой наполненных водою рвов, окружали город. Многочисленные замкнутые монастырские комплексы, поселения «огнеопасных ремесленников» — кузнецов и гончаров с их пылающими и дымящимися горнами — были разбросаны по открытой прилегающей местности.

Каменные боярские палаты и церкви были светлыми цветовыми пятнами в темной гамме городского образа деревянного Новгорода. В то время как у русских на юге страны, в Киеве и Чернигове, где основная масса жилых домов обмазывалась глиной и белилась,

цветовые пятна городской палитры создавались сочетанием красной кирпичной плинфы и розоватых известняковых кладок церковных стен, на севере прибегали и к побелке церковных зданий. Так возникли два совершенно различных типа русского средневекового города: на юге среди домов с белыми стенами высились розоватые дворцовые и храмовые здания, на севере жилые кварталы с их темными деревянными стенами контрастировали с нежно-синими белеными стенами церковных построек.

Новгородские строители создали выдающийся, замечательный городской ансамбль с двумя живописными группами зданий в центре. Раскопки последнего времени выявили еще одну архитектурную достопримечательность Новгорода: въезд в город по реке, со стороны озера Ильмень, откуда прибывали князья, купцы из Киева и Византии (по пути «из варяг в греки»), был торжественно фланкирован двумя массивными зданиями. Плывшие в Новгород с юга видели справа церковь Благовещения на Городище (в княжеской резиденции), которая была воздвигнута в 1103 году Мстиславом Великим, сыном Владимира Мономаха; ее фундаменты были открыты раскопками М. К. Каргера. Слева возвышался Юрьев монастырь; великолепное здание Георгиевского собора, построенного зодчим Петром в 1119 году по заказу сына Мстислава, князя Всеволода; он и ныне красуется у въезда в Новгород.

Северными воротами, встречавшими гостей, прибывающих на кораблях с Балтики, служили, очевидно, монастырь Антония Римлянина на восточном берегу Волхова и Зверин монастырь.

Находки, свидетельствующие о быте городских кварталов, чрезвычайно многочисленны и разнообразны. В результате работ Новгородской экспедиции, продолжающихся уже шестое десятилетие, новгородские древности являются сейчас своеобразной шкалой датировок для всей Восточной Европы. Необычайно благоприятные условия сохранности различных органических материалов, которые в других почвенных условиях обычно исчезают, делают возможным единственное в своем роде проникновение в различные области материальной культуры. Богато представлены в культурных слоях Новгорода также изделия из железа и стали. Ученые, прежде всего Б. А. Колчин, исследовали два различных способа соединения закаленного стального лезвия с мягкой основой из незакаленного железа. Помимо разнообразнейших предметов, обычных в городском употреблении, и многочисленных ремесленных орудий раскопки дали также и сельскохозяйственные орудия, такие, как топоры, серпы, косы, плужные лемеха. Много найдено охотничьих и рыбацких снастей, детали конской сбруи и упряжи. О водном транспорте свидетельствуют остатки кораблей, лодок, челнов: части бортовой обшивки, уключины, весла и пр.

Сухопутные транспортные средства представлены различными видами саней, реже — колесными повозками. Возможно, это объясняется и природными особенностями Новгородской земли, с многочисленными болотами, которые легче преодолевать на полозных транспортных средствах, так называемых волокушах; могла иметь значение и специфика городской застройки с узкими улочками шириною от 3 до 4 метров, на которых трудно было бы разъехаться широким колесным повозкам. Летом по городу разъезжали главным образом верхом или плавали в челнах, зимою — в узких, с украшенными задниками санях, в которые запрягали лошадь. Это транспортное средство довольно точно описано С. Герберштейном, который останавливался в Новгороде в 1617 году.

Хорошая сохранность дерева впервые позволила на примере Новгорода составить представление о внутреннем убранстве древнерусского дома. Обнаружены многочисленные остатки мебели, ларей, веретен, прялок, одежных вешалок, а также необозримое множество резной и точеной деревянной утвари, всех видов бочек, ушатов, кадок. Посуда была довольно богато украшена. Особенно выделяются расписные деревянные ложки с многоцветными украшениями, а часто даже и с именем владельца. Встречаются также шкатулки из бересты или лозы. Во многих новгородских домах имелись шахматные доски. Любовь к шахматам отразилась и в былине о Ставре: жена Ставра Годиновича прибывает в Киев и обыгрывает великого князя Владимира в шахматы и таким образом добивается освобождения своего супруга.

Ювелирное ремесло в культурных слоях Новгорода представлено в меньшей степени, нежели в южных городах Руси. Это, однако, объясняется не тем, что в городе не работали ювелиры, а лишь отсутствием такой категории находок, как клады. Во многих городах восточной и южной Руси украшения княгинь и боярынь скрыты были в земле во время монгольского нашествия Батыя 1240 года. Вследствие трагической участи их владелиц они на столетия остались в земле. Однако Новгород не пережил монгольского нашествия. Здесь не было такой катастрофы, как вторжение войск Батыя, и потому новгородцы не зарывали в земле сокровищ и драгоценностей. Ювелирные изделия рядовых городских ремесленников представлены обычными украшениями, подобными находкам из древнерусских курганов. Примечательно, что украшения из северо-западной части Новгорода, обращенной к Водской пятине, свидетельствуют о том, что здесь жило довольно много женщин финно-угорского происхождения.

Керамика, обычно самый ходовой археологический материал в Новгороде, из-за обилия других категорий находок оказалась на втором плане исследовательских интересов. Она, к сожалению, до сих пор изучена лишь в незначительной степени. Новгородская

экспедиция составила богатые собрания изделий из кости, кожи, а также различных тканей.

Раскопки дали важные сведения и потому сделали возможным суждение о торговле. Это не только монеты, денежные слитки, весы и гирьки, но и различные предметы, поступившие в Новгород из Западной Европы, Киева и Византии.

Неоднократно в Новгороде были найдены деревянные «локти» для измерения тканей. Из юридических источников нам известно, что купеческая гильдия Ивана на Опорках обладала эталоном такого «локтя». Счастливый случай сохранил этот эталон до времени раскопок экспедиции. Локоть разломан; сохранилась часть с надписью, которую можно реконструировать следующим образом: «Еванского съта». Полная длина локтя — 44 сантиметра, что составляет четверть «мерной сажени».

При раскопках последних лет на Торговой стороне был открыт «Готский двор», торгово-дипломатическая контора готландских купцов в Новгороде.

Примером новгородских изделий, распространявшихся далеко на запад, может быть «гильдесгеймский крест», изготовленный в XII веке по заказу новгородца Ильи с Людогощей улицы и хранившийся в соборной сокровищнице Гильдесгейма.

Особо важную часть новгородских древностей составляют крепившиеся к документам печати, подробно исследованные В. Л. Яниным.

Раскопки в Новгороде позволили проникнуть в таинственную и загадочную область языческих представлений, уходящую в глубь веков. Мы уже видели, что в самом начале строительства города или предшествовавших городу славянских поселений в том месте, где Волхов вытекает из озера Ильмень, можно предположить существование языческого святилища обоих славянских богов, которые названы в древнейшем из договоров Руси с Византией (911 г.). Речь идет о Перуне и Велесе, которыми клялись русские воины-язычники. На месте храма Велеса стоит археологически еще не изученная церковь святого Власия, а в урочище Перыни располагалось под открытым небом особое святилище, круглое в плане, с жертвенным местом и идолом в центре. В обособленных углублениях пылали вокруг него восемь больших костров. Адам Олеарий, который побывал в Новгороде в 1635 году, описывает предания о вечном огне из дубовых дров вокруг идола Перуна. Легендарное русское сказание XVII века о начале Новгорода указывает, что в Перыни был погребен древний священный ящер («крокодил»), божество реки Волхов. То же сочетание культа воды и огня мы находим в святилище Перуна в урочище Перынь, которое располагалось в роще у реки. У новгородских словен, живших по берегам Волхова и огромного, казавшегося безбрежным озера, культ воды, матери пропитания,

и различных водных божеств должен был стать первенствующим делом веры. Недаром герой ранней новгородской былины гусляр Садко своим благополучием обязан помощи царя подводного царства. Верования в предания о драконе подтверждаются множеством изображений дракона-ящера с символами струящейся воды на различных новгородских вещах. Рукояти деревянных ковшей, то есть отчасти ритуальных сосудов, которые были составной частью «братчины», крестьянского народного праздника, украшены мордами драконов-ящеров. Спинки кресел, сидений тогдашних глав семейств, покрывались орнаментальными поясами из переплетенных драконов. Иногда драконьи морды свешивались с крыш, при этом во время дождя они воплощали водную стихию. Даже весла новгородских судов оформлялись головками ящеров. Почитание ящера в русском и белорусском фольклоре прослеживается вплоть до рубежа XIX—XX веков: существует обрядовая хороводная игра, при которой парень-ящер выбирает девушку («сидит Ящер (-Яша) в золотом кресле под ореховым кустом»).

Из самого нижнего слоя Неревского раскопа происходит интересная находка: здесь полукругом лежали девять деревянных ковшей. Можно опознать на этом месте жертвоприношение первых поселенцев.

С домашним культом семейных предков связаны маленькие деревянные фигуры бородатых людей. В них можно с равным основанием видеть изображения домовых, предков или праотцев. Фигуры домовых чаще встречаются в X—XI веках, однако они есть и в слоях XII—XIII веков.

Особого внимания заслуживают различные жезлы и посохи, происходящие из древнейших слоев, с X до конца XIV века. Иногда их относят также к изображениям домовых, но дело здесь обстоит, по-видимому, намного сложнее. Прежде всего, следует вспомнить слова летописцев о том, что идол Перуна изображен был с жезлом. Во-вторых, мы можем наблюдать развитие формы: древнейшие жезлы языческой эпохи завершались человеческой головой. С введением христианства жезлы не исчезли, но на месте человеческих голов в XI и XII веках примерно на половине находок появляются головы орлов, лебедей, уток, собак и лосей. На рубеже XII—XIII веков происходит окончательное изменение формы и количество находок сокращается. Жезлы завершаются лишь крупным шаром с геометрической нарезкой. А в XIV веке, одновременно с сектой стригольников, вновь появляются, как в X веке, бородатые человеческие головы. Возможно, жезлы с фигурно оформленными завершениями были составной частью языческой игры «русалий», во время которой участники ритуального танца, называемые «русальцами», прыгали как можно выше, чтобы при этом своими священными посохами размахнуться как можно дальше. Прыжок ввысь

в этнографической символике обозначает полет в небо. Если так, то в древнейших жезлах с человеческой головой мы можем видеть изображения небесного бога (Перун, Род?), а множество птичьих голов на жезлах XI—XII веков могло означать замещение всеобъемлющего языческого символа под влиянием церкви другими, менее преследуемыми, но выражавшими ту же веру в обращение к небесным силам.

Анализ новгородских жезлов, которыми в прежние времена снаряжались все участники русалий, подкрепляется указанием на многозначительное хронологическое совпадение: к эпохе распространения нового типа жезлов, в конце XII— начале XIII века, относится важная берестяная грамота, в которой упомянут языческий бог Велес. Она расшифровывается следующим образом: слуга напоминает своему господину о том, что для празднества Велеса необходимо позаботиться о «мехах» (емкостях для вина) (грамота № 225, 1224—1238 гг.). К жезлам нового типа этих же лет (1224—1238 гг.) относится совершенно первобытный экземпляр с продолговатой человеческой головой, в котором вновь оживают древнейшие формы 972—989 годов. К тем же годам, когда жители Неревского конца пользовались жезлом старого языческого типа, относится также важное для нас указание новгородских летописцев: «В то же лето (1227 г.) были на Ярославовом дворище сожжены четыре волхва (языческих жреца), говорят, что занимались волшбою, но то ведомо лишь единому богу!» Горожанин, составлявший эту летопись, как будто в своем окончательном суждении склонялся к тому, чтобы взять языческих жрецов под защиту. Одновременно с сообщением об «аутодафе» летописец сообщает о том, что архиепископ надолго покидал кафедру и что новгородский люд вскоре после этого созвал народное собрание, вече, изгнал епископа по совершенно языческим мотивам: по вине его произошел неурожай (1228 г.). После бурного народного мятежа новгородцы обратились к князю с просьбой о прекращении «забожничей», судя по всему репрессий, за бесчинства против церкви.

Так археология, летописи и берестяные грамоты сообща позволяют установить столь интересное явление, как возрождение языческих реликтов во время неурожая в начале XIII века в Новгороде и Новгородской земле.

В XIV веке, когда обострилось определенно отрицательное отношение городского населения Новгорода к феодальной церкви, мы можем наблюдать многие проявления антиклерикальных воззрений и даже возврата к старым языческим представлениям. Страницы церковных книг городские художники украшают теперь инициалами, которые не связаны с текстом; они вносят в благочестивые, предназначенные для богослужения книги образы из повседневного быта новгородцев: глашатай с трубой, охотник с собакой, горожанин,

греющий руки над огнем, подвыпивший новгородец с кубком, два рыбака, бранящиеся непристойными словами. Резчик по дереву Яков Федосов в 1359 году изготовил огромный крест с надписью секты стригольников и драконьими головками в орнаменте. Одновременно вновь появляются старые символы плодородия — ромбы с усиками — и возрождается языческая форма применявшихся при русалиях жезлов, увенчанных человеческой головой.

Многообразие архаических представлений выявляется и в мотивах некоторых дешевых металлических украшений, подвесок с грубыми крючками. Небрежное изготовление исключает их использование как принадлежностей одежды или головного убора. Подобные блестящие подвески могли вешать, например, на срубленные березки, с которыми толпы русальцев бродили по улицам во время празднования Иванова дня. Мы знаем подвески в форме четырехугольных звезд; некоторые воплощали языческого Симаргла, бога плодородия, в образе крылатого пса.

Среди новгородских находок часто встречаются деревянные гусли, «гудки», «свирели» — музыкальные инструменты, относящиеся к языческим, преследуемым церковью народным игрищам. Известны также кожаные маски-личины: они свидетельствуют о том, что новгородцы рядились во время новогодних карнавалов, святочных игр.

Археологический материал доказывает устойчивость старых языческих представлений у новгородского населения в XII—XIII веках и даже определенные реликты язычества в XIV веке, возрождающиеся по мере антицерковного народного движения.

Культура средневекового Новгорода предстала перед нами совершенно в новом виде после того, как А. В. Арциховским были обнаружены и опубликованы знаменитые так называемые берестяные грамоты.

Многочисленные надписи на деревянных предметах, ювелирных изделиях и на стенах церквей подтверждают, что жители этого большого торгового города владели грамотой. Найдены ушаты и бадьи с именами владельцев: «Смена» («Семенова»), «Фомы Ивановича» или с обозначением содержимого: «мень» (рыба налим), «олу» (эль, пиво). Даже сапожники подписывали свои колодки.

Для письма применяли деревянные дощечки, покрытые воском. Такие «дщицы» для повседневного пользования легко обновлялись, так что вновь можно было писать по заглаженному воску. На них часто записывались долги за беднейшими горожанами, и во время народных восстаний народ при разгроме боярских усадеб сжигал эти ненавистные «дщицы». Сохранилась богато украшенная дощечка конца XI века, которая, судя по характеру орнаментальной символики, была свадебным даром невесты.

Берестяные грамоты существенно расширили наши представления о грамотности городского населения средневековой Руси. Свыше шестисот писем на бересте, обнаруженных при раскопках, принадлежали мужчинам и женщинам, боярам и рядовым жителям, профессиональным писцам, купцам и воинам, ремесленникам и др. Имеются даже берестяные тетради школьников. Один из них, 10—12-летний мальчик по имени Онфим, выполнял свои упражнения около 1263 года. Ребенок написал алфавит, слоги («ба, ва, га..., бе, ве, ге...» и т. д.), он знал молитвы и занимался торговой перепиской. На свободных местах Онфим рисовал различных человечков, зверей и всадников. Из школьных учебных пособий известна доска с русским алфавитом.

Практичные новгородцы упростили изысканный, употреблявшийся в книгах алфавит, кириллицу, а некоторые греческие буквы, не использующиеся в русском, попросту изъяли — «ипсилон», «пси» и «хи».

Древнейшая сохранившаяся берестяная грамота относится к XI веку; бронзовое писало для письма по бересте найдено в самом раннем слое, датирующемся серединой X века.

Содержание берестяных грамот богато и многообразно, столь же многообразно, как и жизнь этого богатого феодального города с его повседневными заботами и важными событиями. Многие заметки на бересте содержат точные указания о ведении хозяйства, сохранились просьбы о деньгах или о возврате старого долга. Имеются брачные контракты, духовные завещания, извещения о смерти, избирательные бюллетени с именами кандидатов, шуточные обрывки. Мы знаем прошения крестьян, жалующихся на свое тяжелое положение, молитвенники и календарные заметки, просьбы о посылке интересных книг, расчеты торговых служащих и налоговых сборщиков. Часто письма направлялись с одной стороны Волхова на другую; имеются также письма, прибывшие с посыльными из других городов. Кроме русских текстов со всеми особенностями новгородского диалекта имеется грамота на карельском языке (пользовались русскими буквами). Существует также текст, написанный по-латыни. В некоторых из этих находок речь идет о запутанных жизненных обстоятельствах.

Вот несколько наугад взятых примеров. В начале XII века Жизномир, воин или боярин, писал своему подчиненному Микуле, который купил украденную у княгини рабыню. Княгиня подала на Жизномира жалобу в суд, но за того поручилась дружина, а теперь необходимо провести расследование, кто перекупил рабыню, нужна лошадь для того, кто это расследование поведет, и новая рабыня, которую нужно будет вернуть княгине...

Середина XII века. «От Гостяты к Василию. Все, что мне передал отец и подарили родственники, при нем, и теперь, когда он взял новую жену, ничего он мне не отдает, отколотил меня, прогнал и привел другую. Будь любезен и приходи». Здесь в лаконической форме

поспешной записи перед нами предстает целая трагедия новгородской женщины.

Середина XIII века. «От Микиты к Ульянице. Возьми меня (в мужья), я хочу тебя, а ты меня. И о том свидетель Игнат...»

XIV—XV века. «От Бориса к Настасье. Как дойдет до тебя эта весточка, пришли ко мне верхового, у меня здесь много дела. Пришли мне рубаху, рубаху я позабыл!» А вскоре после этого Анастасия сообщает родственникам о смерти Бориса.

От XIV века сохранился текст Григория, в котором упоминается мирный договор со шведами (1323 г.?) и содержится перечисление карельских податей.

Особое значение имеют берестяные грамоты из усадьбы новгородского посадника Онцифора Лукича, его сына Юрия Онцифоровича и его внука Варфоломея Юрьевича. Здесь находился каменный боярский дом, несколько деревянных домов и служебных пристроек. Сохранились берестяные документы, связанные со всеми этими посадниками, и автографы Онцифора и Варфоломея.

Весьма важен комплекс текстов, относящихся к новгородскому боярину Феликсу, жившему на Торговой стороне. Имеются известия от самого Феликса, а также послания к нему: «Поклон от Феврония Феликсу со слезами. Побили меня пасынки и прогнали со двора. Прикажешь ли мне приехать в город или сам приедешь? Убита я...» Этот Феликс в договоре Новгорода с немецкими купцами в 1338 году упоминается как новгородский правитель (скорее всего, владыка, архиепископ).

Новгородским берестяным документам посвящена целая исследовательская библиотека на разных языках. В самом деле, это выдающийся источник русской средневековой культуры.

Свидетельства церковной, христианской культуры в Новгороде сохранились лучше, нежели светской. Церковные здания XI—XV веков стоят до сих пор, сохранилась фресковая живопись, в музейных собраниях сберегаются иконы, старые книги и драгоценная утварь. Новгородские древности пережили столетия лучше, нежели подобные же памятники культуры Киева, который в 1240 году был разрушен монголами Батыя. Роль Батыева разорения для Новгорода сыграла война 1941—1945 годов, когда при артиллерийских обстрелах были уничтожены многие здания и фрески XII—XIV веков.

Одна из первых церковных построек, деревянный Софийский собор, была возведена в 989 году «о тринадцати главах». Древнейшее из сохранившихся зданий — каменный Софийский собор (1045 г.) с пятью куполами и массивной башней, в которой хранились документы государственного архива Новгородской республики. От своего нынешнего облика Софийский собор отличался галереями, охватывающими здание до половины высоты. Собор был построен князем Владимиром, сыном Ярослава Мудрого.

Византийские формы каменной архитектуры в Новгороде, городе прирожденных плотников, под воздействием привычных форм деревянного зодчества подверглись бóльшим изменениям, нежели в южнорусских городах.

В течение XI века новгородцы, удовлетворенные просторным и величественным Софийским собором, не строили каменных церквей. Христианство как будто еще не утвердилось в городе достаточно прочно. Новгородские купцы, плававшие через Балтику, знали, что в городах славян на Нижней Эльбе и Одере, у оборитов и лютичей, процветали языческие культы, стояли идолы и храмы старых славянских богов, хотя это отнюдь не препятствовало торговле с этими городами, но вело и к укреплению связей между славянскими народами. В определенном безразличии новгородцев к христианству, шедшему из Киева, можно видеть как проявление новгородского сепаратизма, так и антифеодальную тенденцию. Упоминается, что новгородский архиепископ Стефан в 1068 году был задушен своими слугами, а в 1078 году Новгород распался на два лагеря: на стороне архиепископа оказался князь с дружиной, а на стороне языческих волхвов — весь остальной новгородский люд.

Расцвет христианского церковного зодчества связан с именами двух новгородских князей: Мстислава Великого и его сына Всеволода. Мстислав в 1108 году выстроил церковь Благовещения в расположенной за пределами города княжеской резиденции на Городище, а в 1113 году — шестистолпный храм святого Николы на Ярославовом Дворище, княжеской усадьбе поблизости от Торга (Никола — покровитель мореплавателей). В 1117 году была построена церковь Рождества богородицы в Антониевом монастыре, а в 1119 году Всеволод Мстиславович соорудил Георгиевский собор Юрьева монастыря; затем он в 1127—1135 годах, то есть в конце княжеского периода новгородской истории, разрешил строить церкви, которые были переданы купеческим гильдиям: Ивана на Опоках и Успения на Торгу.

После этого периода интенсивной строительной деятельности наступил некоторый перерыв, и лишь в конце XII — начале XIII века наблюдается новый расцвет церковного зодчества, в котором, однако, уже участвуют бояре, посадники, купцы, уличанские старосты. Меняется форма храмов: они становятся меньше, исчезают хоры и появляются закрытые приделы, посвящаемые небесному патрону заказчика церкви.

Последним проявлением княжеского строительства была церковь Спаса Нередицы, знаменитая своей фресковой живописью 1199 года (разрушена в 1941 г.). Церковь была сооружена князем Ярославом Владимировичем, шурином Всеволода Большое Гнездо, адресата знаменитого памятника письменности «Моление Даниила Заточника». В росписях, выполненных новгородскими художниками,

ощущается влияние живописи Владимиро-Суздальской земли. Это относится, например, к изображению сцены Страшного суда, напоминающей владимирские прообразы, позднее повторенные Андреем Рублевым: художник изобразил ряды строгих судей, обращающихся словно к совести людей.

Фресковая живопись фрагментарно сохранилась также в других церквах, но только в Нередице можно представить всю систему росписи, выражавшую теологически-философское мировоззрение средневековья.

Надписи-граффити на церковных стенах сообщают нам имена художников. Мы узнаем, что Софийский собор был расписан мастером Стефаном.

Третий период истории новгородского строительства начался с начала XIII века. Тогда появились три устремленных ввысь здания. Возможно, в этом проявилось влияние деревянной башенной архитектуры с шатровыми кровлями. Примером нового стиля может служить церковь Пятницы на Торгу, в 1207 году построенная купцами, которые вели заморскую торговлю.

Важнейшей находкой, позволяющей проникнуть в творчество древнерусского зодчего, является обнаруженное на Торговой стороне деревянное «мерило зодческое» начала XIII века. На масштабный стержень нанесено три шкалы, соответствующие трем видам древнерусской «сажени»: мерная сажень (176 см), большая сажень (250 см) и простая сажень (152 см). Одновременное использование этих трех единиц измерения объясняется тем, что они находятся в определенном геометрическом соотношении между собой. Так, мерная сажень относится к большой (великой) сажени как сторона квадрата к его диагонали ($a : a\sqrt{2}$). Самое интересное для нас то, что новгородское «мерило» применялось для построения кривых (апсиды, своды и полукруглые закомары над пилястрами) и для каждого вида сажени устанавливается архимедово значение = 22 : 7.

Татарское нашествие на Русь почти не затронуло Новгород, однако вызвало такое ослабление всех жизненных сил русских земель, что оно проявилось даже в этом, расположенном далеко на севере, городе. Бурный расцвет каменного зодчества внезапно обрывается перед 1240 годом. В течение шестидесяти лет в Новгороде не было построено ни единого каменного здания, и только в XIV веке мы вновь можем наблюдать интенсивную строительную деятельность, на которую еще более воздействуют формы деревянного зодчества с двускатными покрытиями фронтонов здания. Примерами нового стиля могут служить великолепные церкви Федора Стратилата на Ручью (1360 г.) или Спаса на Ильиной улице (1371 г.).

В сокровищницах соборов Новгорода до наших дней сохранились выдающиеся произведения новгородских златокузнецов XII века.

Прежде всего следует назвать два потира, сосуда для причастия, изысканной формы — четырехлистник в сечении с рельефными изображениями святых покровителей и искусными S-образными двойными ручками. Оба сосуда подписаны художниками: первый, старший, изготовил мастер Братило Флор, а второй — мастер Константин. Нам известны также имена заказчиков и их жен. Судя по всему, эти именные сосуды предназначались для домашних церквей выдающихся новгородских бояр.

К середине XII века относится серебряная дарохранительница, «сион», модель Иерусалимского храма, которая использовалась при особо торжественных богослужениях. Во время войн князья захватывали эти шкатулки как ценнейшую часть добычи, о чем вспоминали еще спустя столетия. Так называемая дарохранительница Софийского собора представляет собою шестиколонную ротонду с куполом и крестом наверху. Высота достигает 74 сантиметров. Между колоннами подвешены дверные створки с чеканными фигурами двенадцати апостолов. Апостолы стоят, словно беседуя друг с другом, среди храмовых колонн. На куполе помещены изображения цикла Деисус, дополненные образом Василия Великого, день имени которого приходится на 1 января. Возможно, дарохранительница служила при новогоднем богослужении, которое в византийской церкви особо не выделялось. Однако в русском народном календаре, как и сейчас, на 1 января приходится начало нового года.

Народно-языческое мировоззрение мастера проявилось в его использовании для церковного предмета форм, принадлежащих языческим аграрно-магическим представлениям: с купола, символизирующего верхнее небо, нисходят шесть потоков плетеного узора. Они символизируют воду. Арки среднего яруса, по-видимому, представляют небесный свод со звездами, то есть нижнее, видимое небо, а также наполнены водными потоками, которые, наконец, достигают растений, обвивающихся вокруг колонн. Орнаментация большой дарохранительницы является воплощением моления о небесной воде, о дожде.

К драгоценностям Новгорода относятся также шедевры древнерусского ювелирного ремесла — перегородчатые эмали. Так, знаменитую икону богоматери «Знаменье», которую новгородцы во время нападения суздальцев в феврале 1170 года вынесли на городскую стену, украшали 10 золотых пластин с изображениями деисусного чина. Деисус был здесь дополнен евангелистами — отсутствует только Марк,— а также фигурами Никиты и Димитрия. Возможно, эмалевые пластины принадлежали первоначально переплету Евангелия. Это объясняло бы включение евангелистов. В центре композиции находился Деисус, затем архангелы и по углам евангелисты. Димитрий и Никита, вероятно, имена заказчиков богатого оклада.

Нет уверенности, что описанные эмальерные произведения выполнены в Новгороде. Достоверно с Новгородом связаны перегородчатые эмали на меди (пластинки гипатия). Образец искусства чеканки — оклад большой иконы Петра и Павла. Гравер весьма проникновенно вписал плоскостный растительный узор на гладком фоне в элегантно прорисованные арки, из-под которых поднимаются тщательно выполненные рельефные фигуры святых.

Этот беглый обзор может лишь очертить самым обобщенным образом богатство новгородской культуры. Этот город, который не пережил монгольского нашествия, полнее, чем другие города Руси, сохранил исторические ценности как XI—XII, так и XIII—XIV веков. Новгород археологически изучен лучше других городов Руси и Северной Европы. Это позволяет нам, во-первых, представить культуру средневекового города во всей ее полноте и, во-вторых, совершенно самостоятельно осветить историю Новгорода.

Следует, однако, заметить, что Новгород занимал совершенно особое положение и что подобное культурное богатство вряд ли следует предположить в других древнерусских городах. Это относится как к начальному периоду истории этого города, так и к поздней эпохе, когда Новгород был столицей феодальной республики. Конечно, всюду имелись и общие черты, но если бы Полоцк и Псков, Киев, Владимир и Суздаль, Галич и Чернигов были бы исследованы так же тщательно, как Новгород, то, вероятно, выявились бы и различия в культурной жизни этих городов. Многие новгородские особенности сохранялись и длительное время после присоединения Новгорода к Московскому государству: новгородские меры, вес, монета.

Не будучи типичным русским городом в среднестатистическом смысле, Новгород представляет собою пример высокоразвитого средневекового центра с отчетливыми чертами его изначальной самобытности.

Ю. В. КРЯНЕВ
Т. П. ПАВЛОВА

Двоеверие на Руси *

С далеких дней они звучат досель,
Могучих наших прадедов былины,
Сияет древний Киев — колыбель
России,
Белоруси,
Украины...
Владимир Луговской

Память о прошлом, знание прошлого — это приобщение каждого человека к истории, к делам и подвигам предков, прирастание сердцем к Отечеству. Киевская Русь — государство восточных славян IX—XII веков — стала колыбелью трех братских культур. Обладая своими устойчивыми, веками сложившимися традициями, в X веке Киевская Русь соприкоснулась с богатейшей культурой Византии и Болгарии.

Важным, оживленно дискутируемым является вопрос о месте и роли религии как в Древней Руси, так и в сопредельных с ней странах. Не подлежит сомнению, что религию следует рассматривать как элемент человеческой культуры, причем такой элемент, который в определенных исторических условиях играл в системе духовной культуры существенную, а иногда и доминирующую роль. Очевидно, всякая попытка вывести религию за пределы человеческой культуры, представить ее как своеобразную «антикультуру» несостоятельна методологически, ибо культура — это вся материальная и духовная деятельность людей независимо от того, зиждется эта деятельность на правильном, адекватном отображении действительности или ложном. Однако из этого неправомерно делать вывод, что христианство было главным фактором формирования русской государственности и культуры. Формирование древнерусской народности, государства и русской культуры шло и до крещения Руси. Христианство способствовало лишь ускорению этого процесса и сыграло определенную прогрессивную роль. С другой стороны, особенности становления феодализма в Древней Руси отразились на самом процессе христианизации и темпах его протекания.

Накануне принятия христианства языческая система была еще сильна. Стихийно складывавшаяся на протяжении многих веков, эта система оказывала сопротивление новой идеологии и очень медленно отступала под настойчивым ее натиском.

---

* Авторы статьи — заведующий кафедрой философии МАИ доктор философских наук Ю. В. Крянев и сотрудник кафедры Т. П. Павлова.

Экономическое развитие Древней Руси дохристианской поры, отличавшееся динамизмом и многокачественностью, породило множественность форм и проявлений духовной культуры, достаточно высокой для своего времени. Собранные советскими учеными материалы, которые раскрывают религиозные представления древних славян, частью документально засвидетельствованные, частью пережиточно отложившиеся в народных верованиях, постепенно вымирающих в общественном сознании с развитием светской культуры, достаточно полно характеризуют общий уровень воззрений славянского земледельческого и скотоводческого общества на ранних ступенях развития, начиная приблизительно с VI века вплоть до принятия христианства.

Чтобы понять мировосприятие древнего славянина, следует обратить внимание на особенности его сознания. А особенность эта сводится к специфике мифологического восприятия действительности. И было бы неверно оценивать суть магических действий и возникающих внутри их представлений исключительно с познавательной точки зрения: в этом случае они предстанут как заведомо ложные. На самом деле все гораздо сложнее.

Сознание людей носило еще нерасчлененный, синкретический характер. Миф и важная форма его объективации — первобытный обряд были весьма сложными, многоаспектными и полифункциональными образованиями, в которых причудливо переплетались и органически сливались и элементы магии, и тотемизма, и зачатки художественного творчества, и социальные нормы, регулирующие поведение людей. Язычество Древней Руси не было застывшей формой, оно развивалось и из сферы мифологически-религиозной перешло в сферу народного искусства, поэтому вне связи с древним язычеством нельзя понять русскую народную культуру последующих веков.

Религиозные верования дохристианской Руси полностью соответствовали породившей их эпохе. И пока родоплеменные отношения славян не изжили себя в достаточной мере и не уступили своих позиций феодальным отношениям, древнеславянское язычество оставалось единственно возможной формой религиозности на Руси, легко ассимилируя многие языческие верования и культы соседних народов, приспосабливая их к собственным нуждам. Язычество на Руси, веками создаваемое самим народом, было религией, в которой не освящались элементы классового угнетения, в силу этого оно не могло исчезнуть вдруг даже тогда, когда было введено христианство.

Славяне Восточной Европы в своем историческом развитии соприкасались, находились в культурном взаимодействии с иноплеменным населением. Поэтому формирование культуры, в частности яркого и самобытного искусства Древней Руси, было сложным

процессом, синтезировавшим иранское, прибалтийское и финно-угорское наследие и впитавшим в себя византийские, арабские и норманнские мотивы.

Как показывают находки археологов, европейско-арабская торговля, в том числе торговый обмен со странами Халифата, возникает в конце VIII — начале IX века. В IX веке, судя по топографии монетных кладов, торговое движение осуществлялось по Волге, а на северо-западе — по Волхову, Западной Двине. Начало X века характеризуется значительным увеличением темпа поступлений восточных монет, свидетельствующих о расширении торговли Восточной Европы с Востоком и увеличении потребности в серебре — сырье для производства украшений в славянских странах.

По найденным в кладах украшениям можно судить и о том, что древние ювелиры-язычники не только владели технологией изготовления сложнейших поделок из серебра, золота и бронзы, но и обладали тонким пониманием прекрасного. В составе языческих украшений часто встречаются привески — лунницы, отражающие культ луны. Эти украшения были в основном принадлежностью девичьего убора. Изготавливались они обычно из серебра или сплава олова и серебра. К X веку относятся серебряные лунницы тонкой филигранно-зерненой работы, кроме того, древнерусские мастера в совершенстве освоили технику черни при изготовлении серебряных изделий. В трактате Теофила (X в.) Древняя Русь называется в числе немногих стран, славящихся изготовлением украшений с эмалью и чернью. Их сюжеты и композиционные решения, поражающие эстетическим совершенством, выработаны тысячелетия назад, когда христианства еще не было и в помине.

Русская деревня даже в XI—XII веках была еще языческой. В материалах сельских курганов этого времени очень мало предметов, связанных с христианством. Зато многочисленны украшения, обусловленные языческой символикой.

Особый интерес представляют привески-амулеты. Они связаны с заклинательной магией. В отдельных погребениях встречены целые наборы амулетов, подвешенных на цепочках к общей основе. Так, в составе одного из них имеются две ложки, птица, челюсть хищника и ключ. Ложка — символ сытости, благосостояния и довольства, ключ — символ богатства и сохранности. Привески в виде стилизованных птиц и животных, очевидно, связаны были с их животворными свойствами. Иногда в составе наборов привесок-амулетов имелись еще бубенчики, которые при малейшем движении издавали звон.

Чаще привески-о́береги встречаются не в наборах, а индивидуально. Кроме ложек, ключей, челюстей животных,— обычно привески в виде гребней, топориков и стилизованных изображений зубов и когтей хищников. Иногда привешивались и настоящие зубы. Зубы и

когти хищников служили для ограждения от зла. Амулеты-гребни являлись оберегами от болезней.

Весьма многочисленную группу амулетов образуют зооморфные привески. Кроме упомянутой уже птицы очень часто встречаются амулеты, называемые «коньками». Конь был символом добра и счастья и связывался с культом солнца. Может быть, поэтому почти на всех этих привесках имеются солнечные знаки — кружковый орнамент. Другие зооморфные привески в виде рыбы, зайца и собаки были мало распространены. От финно-угорского мира к славянам перешли полые подвески-уточки с рельефным узором, к которым обычно подвешивали гусиные лапки.

О тонком понимании в древнерусском обществе красоты красноречиво говорит совершенное для своего времени оформление оружия и воинских доспехов, где многие элементы орнаментальной композиции сложились на почве политеистической мифологии.

Подлинным духовным богатством Древней Руси было устное народное творчество во всем многообразии его проявлений: песни на бытовые, обрядовые и исторические темы, пословицы и поговорки, сказания и былины. У древних славян существовали музыкальные инструменты, под аккомпанемент которых пели. И хотя до нас не дошли мелодии того времени, но исследователи обоснованно предполагают, что последующие успехи в развитии песенного творчества и инструментальной музыки были бы невозможны без наличия у этого вида искусства древних традиций. Поэтому их вывод достаточно категоричен: «Древнерусское народное песенное и музыкальное творчество не было примитивным».

Многое из устного народного творчества Древней Руси не сохранилось не только потому, что записывать его стали очень поздно: первый сборник былин издали лишь в XVIII веке, когда многое уже было утеряно. Роковую роль сыграло неприязненное отношение к древнерусскому фольклору и литературе, создавшейся на его основе, со стороны Русской православной церкви, которая стремилась искоренить остатки язычества всеми доступными ей средствами.

В X—XI веках развитое родовое предание настолько сильно, что оно проникло в летопись и сохранилось в современном былинном эпосе. Перед нами своеобразная устная летопись нескольких поколений. Так, древнейшая былина о Волхве в течение веков сохраняла пережитки тотемистической идеологии общинно-родового строя и вместе с ними — отчетливые следы раннефеодальной дружинной идеологии, которые наблюдаются и в других былинах, а также в литературе (особенно в «Слове о полку Игореве»). Герой былины был оборотнем, превращался для охоты в хищного зверя, птицу, рыбу, охотой кормил дружину.

На Руси были распространены в течение длительного времени обрядовые праздники. Многие народные обряды сложились задолго

до того, как возникли современные религии. В обрядах отражались уклад жизни, бытовые нормы или обычаи рода. Обрядами отмечались и все трудовые циклы — пахота, сев, жатва, сбор урожая, охота и т. д. Дохристианские праздники и обряды по сути своей были народными, так как формировались в процессе развития трудовой деятельности, вследствие чего явились первоосновой всех народных праздников и обрядов, существовавших в последующие исторические эпохи. Религиозные, или магические, мотивы в народных обрядах имели определенное назначение — склонить на свою сторону или обезвредить «силы зла».

Внутри дома проводился целый ряд языческих празднеств. Речь идет не только об узкосемейных делах вроде крестин, сватовства, свадьбы, похорон. Почти все общесельские или общеплеменные многолюдные сборы проводились в двух местах: какая-то часть обряда совершалась на площадях, в святилищах и требищах, а другая — каждой семьей в своей хоромине, у своей печи.

Новогодние гадания и заклинания будущего урожая, колядки, маскарады, масленичные разгульные пиры с блинами, обряды, связанные с первым выгоном скота, поминание, празднование урожая и многое другое — все это начиналось в каждой семье, внутри дома, где глава семьи выполнял функции жреца и руководил всем праздничным церемониалом.

Вторым этапом после домашних обрядов было вынесение празднества вовне, в места общего «мирского схода»; дом же оставался тем пунктом, где все начиналось и где кончалось каждое языческое священнодействие, какой бы масштаб оно ни принимало. Недаром словосочетание «домашний очаг» приобрело устойчивый социальный смысл. Средневековые еретики-стригольники, отвергавшие монополию церкви на культовую деятельность, опирались на древнюю и устойчивую славянскую традицию, утверждая, что «дом мой — храм мой».

Этнографы зафиксировали множество магических обрядов и поверий, связанных с жильем средневекового человека. Анимистическая повсеместность рассеянного в природе зла для славянина была столь велика, что он магическим охранительным узором покрывал и дом, и свою одежду. Это прежде всего доброжелательные языческие символы, размещенные на самых «уязвимых» участках жилища и двора: изображение солнца, «громовые знаки», фигура богини на вершине строения, подковы и т. д. Нужно отметить, что и в архитектуре, и в одежде был последовательно проведен один и тот же принцип размещения заклинательного орнамента — орнаментировались все проемы, все отверстия, через которые всевозможные «злыдни» могли проникнуть к человеку. В одежде магическим охранительным узором покрывались: ворот, обшлага рубахи, подол, разрезы. Сама ткань считалась непроницаемой для духов, так как в ее

изготовлении участвовали предметы, изобильно снабженные магическим орнаментом (прялки, ткацкий стан).

То же самое можно наблюдать и в народной архитектуре, даже внутри дома все предметы были покрыты магически-заклинательными знаками.

После завершения постройки устраивался пир. Русальские заклинательные обряды и пляски были начальной стадией языческого празднества, завершавшегося обязательным ритуальным пиром с обязательным употреблением мясной скоромной жертвенной пищи.

В древнеславянской религии, несомненно, существовали священные и жертвенные места, а кое-где и настоящие святилища и храмы с изображением богов и пр. Но известно только об очень немногих: Арконское святилище на острове Рюгене, дохристианское святилище в Киеве.

Для язычества характерно также то, что, различая мир реальный и мир потусторонний, оно не разделяет их, и второй строит по образцу первого. Несмотря на ясно выраженную монотеистическую тенденцию, славяно-русскому язычеству было далеко до монотеизма таких религий, как христианство или ислам. Анализ показывает, что в монотеистических религиях оба мира абсолютно противопоставлены друг другу, и мир обыденного опыта в отличие от мира сверхъестественного имеет начало и конец своего бытия. Данное воззрение в мистической форме утверждало идею исторического развития, изменения, ознаменовавшую качественное преобразование в способе восприятия человечества. Языческая мифология не знает представления о прошлом, каждое поколение повторяет все то, что совершали прежние, сменяются лица, но не события. В этой событийной устойчивости, утверждающей неизменность бытия, и реализуется сущность воззрения язычества. Смерть означала для славянина не исчезновение, а лишь переход в иной мир — подземный, а когда получило распространение трупосожжение, то душа, сохраняя связь с материальным миром, принимала чей-то образ или вселялась в новое тело. Таким образом, весь мир оказывался обиталищем предков, и этим он прежде всего привлекал внимание язычника.

Человек постоянно занимался определением смыслового статуса окружающих его вещей. В набор таких вещей обычно входили обрядовая утварь, пища, ритуальные постройки, церемониальные костюмы, маски и другие предметы, отмеченные в сфере сакрального. Но статус одной и той же вещи может меняться во времени, быть различным для разных этнических объединений и изменяться в зависимости от ситуации. верований, традиций. Изображения и символы подвергались переосмыслению с позиций новых эпох, однако сохранялись как в сфере собственно религиозной, так и впоследствии в сфере народного изобразительного искусства, фольклора и т. п. Именно поэтому фольклор и народное изобразительное искусство

представляют собой важный источник для изучения древних религиозных верований. Все это еще раз свидетельствует о том, что религия на протяжении всей истории, и особенно в первобытную эпоху, не была отделена от иных сфер и проявлений человеческой культуры, нередко происходила трансформация религиозных образов и символов в нерелигиозные, художественные.

Из сказанного можно сделать вывод, что искусство играло важную роль в синкретическом мышлении восточных славян, так как почти все произведения искусства — от орнамента до изображения языческого бога — имели смысл и определенное содержание в системе языческих верований. Одновременно с этим необходимо подчеркнуть, что благодаря язычеству искусство средневековой Руси приобретает в значительной мере светский характер, проникается жизненностью и миролюбием, чуждыми аскетическому умонастроению восточного христианства.

Как только на Руси было принято христианство, сразу появляется церковная символика. Во внешнем облике и интерьере храмов не могло быть ничего случайного, так как каждая деталь несла свою идеологическую нагрузку. Церковь была не только роскошным и великолепным для тех условий сооружением, но и, что очень важно, она была доступной для народных масс.

Церковь объявляла книги, где описывались христианские символы, «внушенными духом святым». Символ явился средством сближения для православной церкви логически несближаемых понятий: реального и нереального, существующего и не существующего в действительности.

Строительство церкви всегда исходило из задачи — распространение христианского учения, влияние на духовную жизнь прихожан. Поэтому уже в Киевской Руси в храмовом зодчестве возникло многоглавие: пятиглавие — символ господа и четырех евангелистов; семиглавие — семь даров «святого духа»; девятиглавие — девять чинов «сил небесных» и девять чинов угодников божьих; 33 главы означают 33 года земной жизни Христа (например, Кижский погост). Церковные храмы венчались куполами на высоком многогранном или круглом постаменте, где верх храма — глава господня, постамент олицетворял апостолов, пазухи — евангелистов. Связующим звеном между миром земным и миром мистическим стал крест. Он завершал купола, использовался во время богослужения, использовался и в храмовой росписи. В нем видели символ «нового завета», символ «победы над смертью», а также «тайны основания вселенной».

С помощью Византии светские и церковные власти Киевской Руси заботились о том, чтобы насытить духовный обиход крещеных магическим инструментарием новой религии. Уже Владимир Святославич, по Ипатьевской летописи, вывез из Корсуни такую

«драгоценность», как мощи святого Климента, епископа римского. В дальнейшем святыни потекли широким потоком из Византии на Русь. Так, в 1134 году была доставлена «доска Гроба господня», далее шли терновые венцы, мощи новозаветных деятелей и т. д.

Новые фетиши оказались более содержательными по своему смыслу и больше давали повода для воображения, чем бесформенные идолы и обереги. Они были и лучше исполнены, что усиливало их эмоциональное воздействие, хотя по своей сущности они ушли недалеко от тех, которые использовались в магической практике славян-язычников.

Народное язычество, таким образом, не только не исчезло с принятием христианства, но, преобразовываясь само, оно также видоизменяло важнейшие обрядовые установления и догматические законоположения принятого христианства. Следует отметить, что основа культурно-исторического процесса всегда национальна: каждый народ, воспринимая чужое, заботится прежде всего о совершенствовании своих собственных традиций. С этой точки зрения заимствование представляет собой включение элементов другой культуры в сложившуюся структуру культуры национальной, и критерием, обусловливающим их отбор, является содержание последней.

Возникшее на Руси двоеверие было системой воззрений, где сочетались разные пласты — народной культуры, уходящей своими корнями в язычество, и утверждавшейся церковно-христианской. Установившийся термин «двоеверие», характеризующий состояние религиозного сознания, в последнее время по-разному трактуется в богословских работах.

Православные идеологи в своих работах опираются в основном на следующие положения:

— православие утвердилось на Руси в своем первозданном виде, полностью одолев язычество;

— полное и безоговорочное принятие православия стало определяющей чертой духовного облика русских, украинцев, белорусов — сущностью «славянской души».

Вывод о принципиальном различии православия и язычества, об отсутствии в православном вероучении и обрядности элементов языческого наследия очень важен для церковно-богословских кругов как момент, усиливающий мистическую значимость самого процесса христианизации Руси.

Между тем архиепископ Макарий (Булгаков), автор многотомной «Истории русской церкви», признавал, что многие из христиан практически оставались язычниками: исполняли внешне обряды святой церкви, но сохраняли обычаи и суеверия своих отцов. Мало что изменилось по части двоеверия в последующие столетия. Характеризуя церковную жизнь XV—XVI веков, тот же автор отмечал,

что, хотя со времени приобщения к новой религии жителей древнего Киева прошли века, язычество все еще не сдавало своих позиций.

Последствия принятия христианства от Византии были разнообразны и порой противоречивы. С одной стороны, этот процесс временно осложнил отношения между Западом и Русью, но, с другой стороны, он послужил мощным стимулом для ознакомления Руси с византийской культурой, наибольшее влияние которой ощущалось в церковной идеологии, каноническом праве, литургии, богослужебной литературе, музыке, культовом изобразительном искусстве. Однако духовные ценности, созданные Византией, ее спиритуалистическая церковная догматика, идеология, философия, перенесенные на Русь, не всегда встречали понимание.

Христианизация Руси потребовала большого количества церковно-богослужебных книг, которые переписывались с болгарского или греческого на формировавшийся древнерусский язык. Древнерусская литература с самого начала пропагандировала и отстаивала национально-государственные идеи политической и религиозной Руси, формировала национальное самосознание древнерусского общества. Как раз наличие письма еще в языческие времена стало впоследствии одной из предпосылок распространения кириллицы на Руси. Нужно отметить одну особенность, на которую обратили внимание советские исследователи Л. Черепнин и В. Янин, что многие берестяные грамоты * имеют светский характер, что в них в основном говорится о землевладении, хозяйстве, всевозможных сделках, судебных спорах и т. д.

Создание славянской азбуки и перевод греческих книг на русский язык дали много, но это отнюдь не начальный момент русской культуры, ведь и до появления письменности и некоторое время после этого живет дописьменная культура.

Важным элементом древнерусской культуры, уходящим своими истоками в дохристианскую эпоху, являются записи народных примет, рецепты врачевания, былины и другие элементы фольклора. В них отразился и закрепился опыт людей в трудовой деятельности, отношениях с природой, самопознании. Конечно, большей частью он осмысливался сквозь призму анимистических, фетишистских и иных примитивных религиозных представлений **.

Вся совокупность этой неофициальной литературы квалифицировалась как «отреченная». Существовавшая как некая независимая от церкви, она преследовалась ею на всем многовековом пути. Неоднократно, начиная с XI века, церковью издавались «индексы книг истинных и ложных», против последних были направлены многие решения церковных соборов. Борьба велась против всего, что выхо-

---

* См. статью Б. А. Рыбакова в настоящем сборнике, с. 343.

** См. приложение, с. 375.

дило за рамки традиционной, освящаемой церковью духовно-идеологической жизни, в частности и против книгопечатания, как «бесовского чародейства».

Христианство в силу своего в целом пессимистического мировосприятия и мироотношения (идея всеобщей греховности, культ страдания, идеализация аскетизма) было направлено против в общем-то оптимистического, ориентированного на реальную жизнь, демократического по духу отношения славян к действительности.

Именно в это время, когда возникает опасный соперник христианскому богу-сыну, русская церковная литература обогащается переводами сказаний о Симоне-волхве (из «Деяний апостола Петра») и специального «Словопрения Петрова с Симоном волхвом» (XIII в.). Волхв Симон был чародеем, оборотнем, обращавшимся в разных зверей и в змея. В Риме Симон сказал апостолу Петру, что он сможет вознестись, как сам Христос, но молитва апостола привела к падению языческого волшебника. Это был прямой ответ церковников на повышенный интерес к теме вознесения на небо.

Такое обновленное теологическое язычество, очистившееся от кровавых жертвоприношений, от убийства жен на могилах и от других первобытных черт, свидетельствовало об интереснейшем соревновании привнесенного православия с развившимся, поднятым на новый уровень прадедовским язычеством. Происходила (частично еще в XII—XIII вв.) некая «секуляризация» языческого искусства, сочетавшаяся с более утонченным теологическим отношением к прадедовскому язычеству как религиозной системе.

В этом плане представляет интерес «Послание», помещенное под 1347 годом в Софийской первой летописи архиепископом новгородским Василием Каликой. Импульсом для написания этой работы послужил богословский спор о том, существует ли на земле тот материальный рай, который, по Библии, был создан для Адама и Евы, или же он погиб и есть только рай «мысленный», идеальный, неземной. Василий Калика уверен в существовании земного рая и старается убедить в этом тверского собрата. С ортодоксально-православной точки зрения это — ересь. Василий Калика ссылается не только на каноническую, но и на апокрифическую традицию. Он ссылается и на «видаков» новгородцев, которые якобы добирались до ада «на дышуцем мори» и до рая на Востоке. В своей работе, скорее всего, он отражал именно новгородскую, притом народную, точку зрения (память об этом сохранилась в насмешливой поговорке: «Новгородский рай нашел») *. Наивно-реалистическая народная вера, для которой характерно пристрастие к земной жизни, адаптировала многие языческие представления, в частности о потустороннем мире. Представления Василия Калики о земном рае и земном

* Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1, с. 95.

же аде сложились под очевидным влиянием языческих представлений, согласно которым на краю света находится «ирий» («вырий»), который «обычно понимается как место, куда змеи и птицы скрываются осенью и откуда они являются весной». Это «Послание» наглядно свидетельствует о том, что «единого православия» на Руси и в XIV веке не существовало, что были его официальные и народные варианты.

Когда мы обращаемся к истории Отечества, к народным традициям, любого из нас волнуют вопросы: каким был человек в те далекие времена? Что его волновало? Что его вдохновляло? Многие летописцы уже тогда отмечали такие черты характера наших предков, как стойкость, гордость, самоотречение ради высокой цели. Нельзя забывать, что именно в рамках дохристианских обычаев, сказаний, мифов возникло раннее русское вольнодумство как одна из форм критического отношения к религии. Сколько существовавших в действительности сильных личностей можно назвать, сделать героями своих произведений в отличие от мифических персонажей христианства! Ведь они, Авраамий Смоленский, стригольники в Новгороде и Пскове, почти все прогрессивные социальные движения, начиная с ересей XIV—XVI веков и кончая выступлениями декабристов и революционных демократов, опирались на антиклерикальные традиции русского народа. Свободомыслие способствовало расширению знаний о мире, утверждению земных ценностей, укреплению реалистического подхода к природе и обществу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Народный природный календарь

Христианство принесло на Русь свою систему праздников. На новой почве она приживалась в длительной и упорной борьбе с древними славянскими обрядами. Древние славяне весь свой жизненный уклад строили на природном календаре, который строго диктовал, когда надо вести сельскохозяйственные работы, заниматься постройкой жилья и даже своей личной жизни. Теперь же, после принятия христианства, на эту роль стала претендовать церковь.

Христианская церковь веками вырабатывала для прихожан жизненные устои и правила. Для того чтобы постоянно держать верующих в поле зрения, диктовать свои принципы, чтобы даже в повседневности постоянно быть незримо рядом, церковь разработала целую систему праздников. Чувства, которые возникают у человека в культовом действии, она умело использует для внедрения в сознание верующих религиозно-этических норм. Православные праздники закрепляли в сознании верующего все то, что было связано прежде всего с именем Иисуса Христа, богоматери, сподвижников Христа (апостолов). Те, кто всей своей жизнью доказал истинную приверженность христианской вере, были причислены к лику святых, и для них также отводился каждому свой праздник. Существует и отдельный праздник — «всех святых, на земле Российской просиявших», правда это позднее.

Святые считались покровителями простых смертных, их заступниками. Полный христианский месяцеслов включает тысячи святых, названных поименно и безымянных. Среди них есть и вымышленные (Илья Пророк, Георгий Победоносец и др.), и реальные лица (Борис и Глеб). Все эти «наставники» и «заступники» должны были дать ответ на вопросы, как жить, чем заниматься, что думать.

В XII веке на Руси появились специальные церковные сборники, содержащие жизнеописания святых в порядке празднования их памяти, куда входили богослужебные песни, поучения, молитвы. Эти сборники назывались Минеи четьи, наиболее популярные из них — составленные Дмитрием Ростовским и свод житий — Великие Минеи четьи, составленные митрополитом Макарием.

Христианство, проповедовавшее смирение, покорность, суровый аскетизм, было чуждо народным массам Киевской Руси, поэтому церковь должна была найти какие-то компромиссные решения. Новая вера утверждалась в массах с большим трудом, и церковь старалась приспособить свой праздничный календарь к языческому, чтобы постепенно вытеснить древние обряды или видоизменить их, придав им христианский характер.

Некоторые церковные праздники удачно совпали с прежними древними (например, рождество — святки). Если ни в церковном календаре, ни в священном писании не находилось подходящего события, день языческого празднества связывали с именами христианского святого или с каким-нибудь «чудом».

Народный уклад, крестьянский быт постепенно вносили коррективы в каноны официальной религии. Вместо отвлеченной церковной догматики в сознании людей закреплялись образы, связанные с повседневной жизнью, с ее реальными потребностями. Чаще всего тот, кто молился, выбирал себе святого, кто был ему ближе. Земледельцу, например, были более близки Егорий и Никола, скотоводу — Юрий и Никита, по поводу домашних дел чаще обращались к Симеону, Борису и Глебу, Параскеве Пятнице.

Среди разнообразных произведений народной поэзии пословицы и поговорки занимают особое место: они живут в разговорной речи как ее органическая часть, концентрируя в художественном образе явления жизни человека и природы. Собранные воедино, пословицы составляют свод особых суждений о жизни того или

иного периода, свод обобщений и наблюдений, точных и острых характеристик. В них отражены разные, а иногда и неверные, ложные толкования мира, которые постепенно накапливались и получили образное выражение. Отсюда видно, что пословицы, вместе взятые, раскрывают сложное и противоречивое мировоззрение наших предков.

Выдающимся собранием пословиц является сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа», составленный и изданный им в середине прошлого века. Огромная его ценность определяется общественно-политическим и художественным значением этих сгустков народной мудрости, которые сумели дойти до нас и донести мировоззренческий взгляд древних славян. В то же время эти народные пословицы дают представление о том, как религиозные мотивы переплетались с обыденным, эмпирическим сознанием человека.

Вниманию читателей предлагается «Месяцеслов», составленный В. И. Далем (текст приводится в сокращении по: «Пословицы русского народа», сб. В. Даля. М., ГИХЛ, 1957).

Месяцеслов

(даты даны по старому стилю)

ЯНВАРЬ — году начало, зиме середка. Перелом зимы.

1. Васильев день. Новый год.
Гадания: варят кашу, обсыпают зерном и пр.
Покровитель свиней. Свиной праздник.
Коли первый день в году веселый, то и год будет таков.
4. Последние святочные гадания. Гоняют черта из деревни.
5. Крещенский вечер.
Крещенский снег собирают для беления холстов; также от разных недугов.
6. В богоявленскую ночь, перед утреней, небо открывается.
Снег хлопьями — к урожаю; ясный день — к неурожаю.
Звездистая ночь на богоявленье — урожай на горох и ягоды.
18. Афанасия ломоноса. Афанасия береги-нос. Афанасьевские морозы.
20. На Ефимия в полдень солнце — ранняя весна.
24. Аксиньи полухлебницы, полузимницы. Ползимы прошло.
Какова Аксинья, такова и весна. Половину сроку осталось до нового хлеба.

ФЕВРАЛЬ — широкие дороги. Бокогрей. Февраль три часа прибавит.

1. На Трифона звездисто — поздняя весна.
2. В сретенье зима с летом встретилась. Солнце на лето, зима на мороз (поворотили). На сретенье капель — урожай на пшеницу.
3. На Симеона — расчинай починки (чинят летнюю сбрую).
Привязывают к лошади кнут, рукавицы (от домового).
3 и 11. Семь крутых утренников: три до Власья, один на три после Власья. Власьевские морозы.
Святой Власий сшиби рог с зимы.
20. На Льва Катанского не глядеть на падающие звезды.
Кто в этот день заболеет, умрет.
25. С Тарасия не спят днем.
29. Касьяна завистливого, недоброжелательного, скупого.
Високосный год тяжелый, на людей и на скотину.

МАРТ. И март на нос садится (т. е. мороз бывает).
В марте курица из лужицы напьется.
Мартовская вода целебная (из мартовского снега). Она же от веснушек и загара.

1. Евдокии — подмочи порог. Свистунья.
Какова Евдокия, таково и лето.

На Евдокии снег — урожай, теплый ветер — мокрое лето, ветер с севера — холодное лето.

Коли курочка в Евдокии напьется, то и овечка на Егорья (23 апреля) наестся.

4. Герасим Грачевник, грачей пригнал.
На Герасима кикимору выживают (заговорами).
Кто на Грачевника в новые лапти обуется, у того весь день будет шея скрыпеть.

9. Сóроки святые — колобаны золотые (булочки). Пекут жаворонки.
На сорок мучеников день с ночью меняется, равняется.
На сорок мучеников сорок птиц прилетают. Сорок пичуг на Русь пробирается.

25. На благовещенье весна зиму поборола. На благовещенье и на пасху грешников в аду не мучат.
Весна до благовещенья — много морозов впереди.
На благовещенье хороший улов рыбы.
В благовещенье на суровую пряжу не глядят.
Девка косы не заплетает.
На благовещенье воры заворовывают, для счастья, на весь год.

26. В день архангела Гавриила выверни оглобли из саней.
Если прясть на Гавриила, работа не впрок.

АПРЕЛЬ. С апреля земля преет.

1. Марьи зажги снега; заиграй овражки. Снег под кустом растаял.
Если разлив на Марию Египетскую, то травы будет много.

3. Коли на Никиту лед не прошел, то лов рыбы будет плохой.
Водяной просыпается от зимней спячки.

5. Святой Федул теплячком подул. На Федула растворяй оконницу.

12. Василий Парийский землю парит.
Медведь встает, выходит из берлоги.

20. На Феодора покойники тоскуют по земле.
Почитанье или окликанье родителей на погосте.

23. День Егория храброго. Егория вешнего.
На егорьевской неделе прилет ласточкам.
На Егорья запахивают пашню.
Святой Юрий запасает (т. е. начинает пасти) коров, Никола коней.
Юрий, праздник пастухов: их дарят и кормят в поле мирскою яичницей. Мóленик (каравай) пастуху, крохи — скоту.
Выгоняют в первый раз скотину в поле вербою с вербного воскресенья.
Юрьева роса от сглаза, от семи недугов.
Катаются (т. е. валяются) по нивам, по росе.

25. На Марка прилет певчих птиц стаями.

28. На Максима больных начинают отпаивать березовым соком.

МАЙ. Майская трава и голодного кормит.

Май холодный — год плодородный. Коли в мае дождь — будет рожь.
В мае родиться — весь век промаяться.
В мае жениться — век маяться. Рад бы жениться, да май не велит.

1. На Еремея, по ранней росе, иди на посев.

2. Святых Бориса и Глеба — барыщдень. Торговцы стараются что-нибудь продать выгодно, чтобы весь год торговать с барышом.
Борис и Глеб сеют хлеб.

3. Мавры — зеленые щи.

5. Ирины рассадницы. Рассаживают рассаду, приговаривая: «Не будь голенаста, будь пузаста; не будь пустая, будь тугая; не будь красна, будь вкусна; не будь мала, будь велика!»

8. На Ивана Богослова посев пшеницы.
Пекут обетные пироги, на угощение странников и нищих.

9. С Николы вешнего сади картофель.
11. Мокия мокрого. В день Мокия мокро, все лето мокрое.
20. Фалалея огуречника.

ИЮНЬ. Конец пролетья, начало лета.
8. Гроза на Федора летнего — плохая уборка сена.
Колодезники опрокидывают сковороды, чтобы узнать, где есть водяная жила, и судят об этом по степени сырости сковороды.
13. Акулины гречушницы. Гречу сеют либо за неделю, либо после.
Мирская каша для нищей братии. Праздник каш.
23. Аграфены купальницы: начало купанья.
Травы в соку; сбор лечебных трав. Накануне (и в ночь) Ивана Купалы собирают лечебные и знахарские коренья и травы.
Моются и парятся в банях; общее купанье с песнями.
24. Ивана Купала, костры; прыгают через купальницкие огни.
Первый покос.
Ведьмы собираются на Лысой горе (Киев): день ведьм, оборотней, колдунов.
На Ивана Купала, кого побьют, пропало.
27. На Самсона дождь — до бабьего лета мокро.
На Самсона дождь — семь недель дождь.

ИЮЛЬ. Июль — макушка лета, сенозорник, страдник. Не топор кормит мужика, а июльская работа.
1. В день Казанской богоматери начало покоса.
16. Притихают пичужки. На Афиногена пташка задумывается.
19. Коли на Макриду мокро, то страда ненастная.
20. Святой Илья. Пророк Илья зажинает жниво. Первый осенний праздник.
На Илью до обеда лето, после обеда осень.
На Ильин день где-нибудь от грозы загорается.
До Ильи мужик купается, а с Ильи с рекой прощается.
22. На Марию Магдалину в поле не работают — гроза убьет.
На Марию вынимают цветочные луковицы.
24. Борис и Глеб — поспел хлеб
25. На Макария Нижегородская ярмарка.

АВГУСТ. В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять.
1. Первый спас. Авдотьи малиновки, поспевает малина.
На первый спас лошадей купают.
6. Второй спас. Пришел спас — всему час: плоды зреют.
До второго спаса не едят никаких плодов, кроме огурцов.
Со второго спаса едят яблоки.
Провожают закат солнца в поле с песнями. Осенины.
15—16. Первый спас — на воде стоят; второй спас — яблоки едят; третий спас — на зеленых горах холсты продают.
Молодое бабье лето с 15 по 19 августа.
29. Ивана Постного. Круглого не едят, щей не варят. На Предтечу не рубят капусты, не срезают мака, не копают картофеля, не рвут яблоки, не берут в руки топора, заступа.
Коли журавли на Киев пошли   ранняя зима.

СЕНТЯБРЬ. Холоден сентябрь, да сыт. С сентября огонь в поле и в избе.
1. Бабье лето. Последний посев ржи.
Начало посиделок.
Бабье лето ненастно — осень сухая.
Переход в новый дом, на новоселье — счастливый.
11. В Федору лето кончается, осень начинается. И бабье лето до Федоры не дотянет.

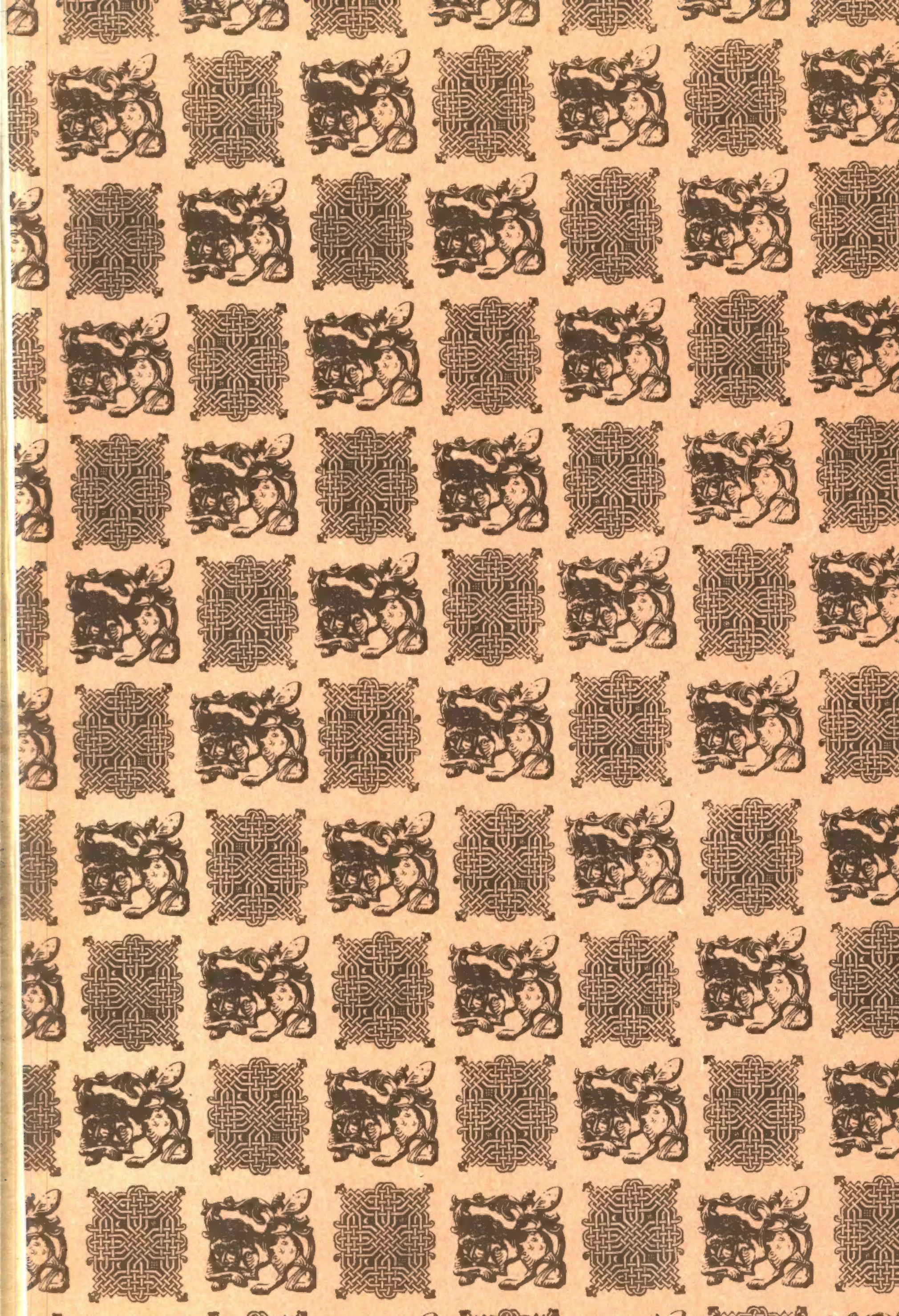
15. Праздник Никиты гусятника. Гуси летят в отлет.
Задабривают водяного, бросая ему гуся без головы, которую относят домой, для счета домового.
25. На Сергия капусту рубят, капустки.

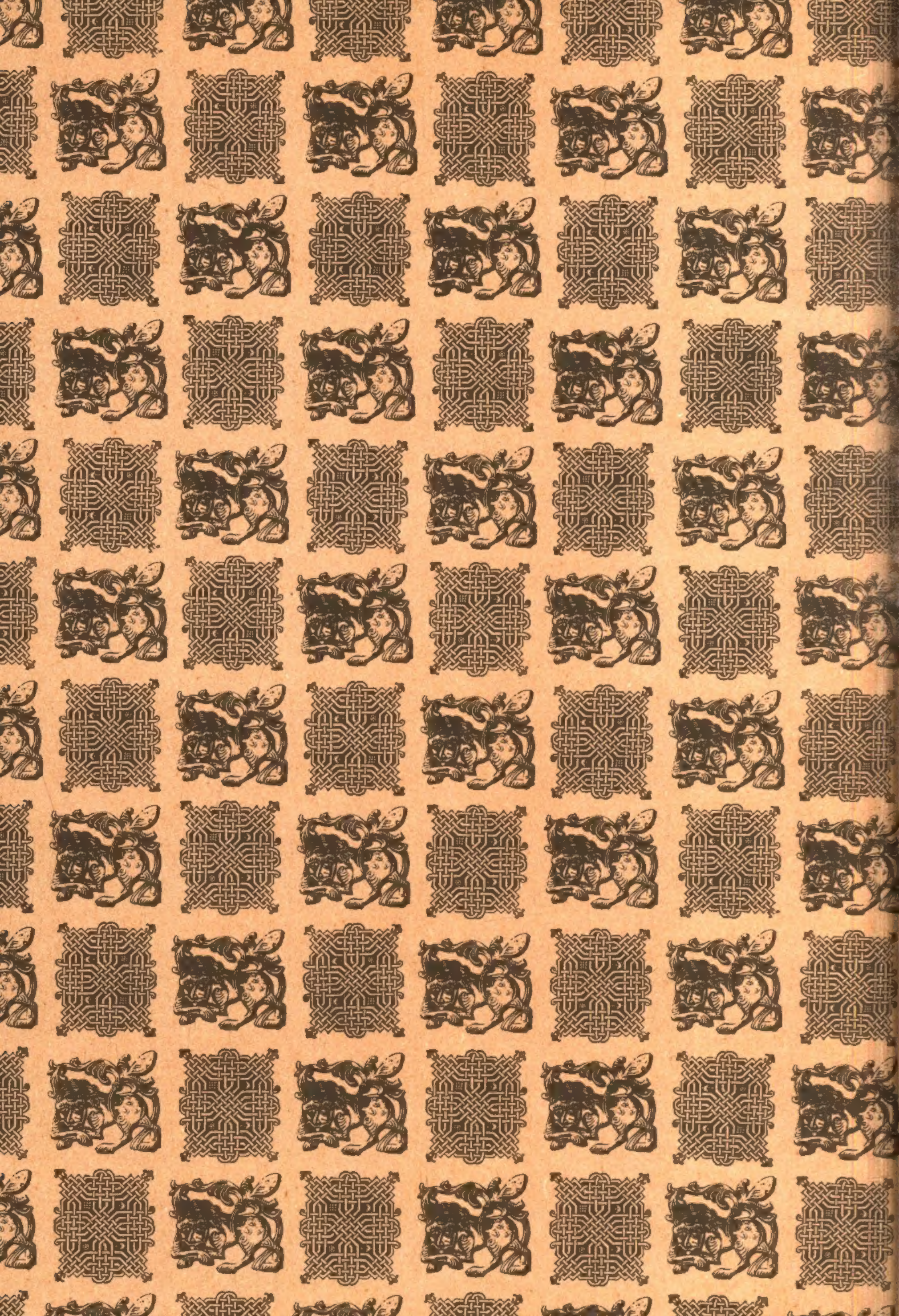
ОКТЯБРЬ. Грязник.
1. Покров. Свадьбы. Срок наймам и сделкам.
На покров ветер с востока — зима холодная.
Бел снег землю прикрывает: не меня ль молоду замуж снаряжает?
Если снег выпадет на покров — счастье молодым.
4. На Ерофея лешие пропадают: они ломают деревья, гоняют зверей.
Крестьяне в лес не ходят, леший бесится.
14. Параскевия Пятница Христовым страстям причастница.
22. Ранняя зима. Кто на казанской женится, счастлив будет.

НОЯБРЬ.
1. Козьма и Демьян. Начало морозов.
На Козьму и Демьяна курячьи именины: неси попу цыпленка.
8. Со дня Михаила архангела зима морозы кует.
11. Феодор Студит землю студит.
21. Введенье ломает леденье. Введенье пришло — зиму привело.
24. Екатерининские гулянья; первое катанье на санях.
30. На Андрея Первозванного наслушивают воду (тихая вода — хорошая зима; шумная вода — морозы, бури, метели).

ДЕКАБРЬ. Студень. Декабрь год кончает, зиму начинает.
4. Варвара мосты мостит.
6. Зимний Никола. Первые морозы. Хвали зиму после Николина дня.
Цены на хлеб строит никольский торг.
Красна никольщина пивом да пирогами (никольщина самый общий храмовый праздник).
На никольщину и друга зови и недруга зови.
16. Коли на Аггея сильный мороз, то он простоит до крещенья.
24. Коляда. Рождественский или первый сочельник; свят вечер не едят до звезды.
Спутывают ноги столу, чтобы скот не бегал.
Не кормят кур, чтобы огородов не копали.
Какова длинна в кутью былинка из-под скатерти, таков лен будет.
Под рождество и под крещенье жгут навоз среди двора, чтоб родители на том свете согревались.
25. Святки: славят Христа, ходят с вертепами, со звездой, гадают.
Пост холодный (рождественский), пост голодный (петровский), пост великий да пост лакомка (успенский).
«Я маленький хлопчик, принес богу снопчик, Христа величаю, а вас с праздником поздравляю».
26. Бабьи каши.
29. Онисьи желудочницы. Варят свиную требуху.
31. Щедрый вечер. Васильев вечер. Гаданья.
Свинку да боровка для Васильева вечерка.
На Васильев вечер ведьмы скрадывают месяц.
Садоводы в полночь встряхивают яблони, для урожая.

Содержание

39343-44/2
yo 30.07
76220619
2-50